

못다 아디올썩. 이런

익성이 니르고져 흥

두 시러

이름

으로 스물

장?노나 사롬바다 히

겨 날로 뿌에 변한리

БАТЬ

Ланьков А.Н.

КОРЕЙЦЫ

Очень короткое предисловие

Как появилась эта книга? Да очень просто! С 1997 года в Сеуле выходит газета "Сеульский вестник". Учитывая скромный размер рынка, само существование этой газеты нельзя не считать маленьким чудом, опровергающим суровые законы экономики. Чудо это стало возможным благодаря энтузиазму владельца-спонсора газеты Сон Бом-сика и её малочисленной редакции, в состав которой, вместе с Татьяной Габрусенко и Евгением Штефаном, вхожу и я. В качестве соредатора мне приходилось писать немалое количество статей и заметок по Корее. Кроме "Сеульского вестника", писал я и для других изданий – журналов "Эксперт", "Компания", "Русский фокус". Наконец, в последние годы многие мои статьи появляются в газете "Российские корейцы". В результате журналистских трудов у меня накопился немалый материал о Корее, её прошлом и настоящем. Некоторые из статей основывались на моих специальных работах по корейской истории и этнографии (как и положено, эти работы сначала печатались в очень толстых и очень малотиражных журналах, а потом некоторые из них вошли в состав монографий), другие – на материалах, которые я готовил для корейского иновещания ("Международное радио Кореи"), третьи – писались непосредственно для газеты, а четвёртые – делались изначально для иных изданий. Кое-что писалось в самой Корее, кое-что – Канберре, где я преподаю корейский язык и историю в Австралийском Национальном Университете, а кое-что – и в России, где я обычно провожу зимы, трудясь в Институте национальной модели экономики.

Однако статьи в "Сеульском вестнике" и "Российских корейцах" доходят лишь до немногих читателей, ведь тираж этих изданий невелик. Посему и возникла идея отобрать часть статей и составить из них этот небольшой сборник. Вошли в него и материалы, которые по разным причинам так и не появились на страницах газет.

Результат получился весьма хаотичным, но – и что с того? Зато эту книгу можно читать с любого места. При отборе заметок предпочтение отдавалось менее злободневным, ведь книга – не газетная статья. Поэтому, например, сюда вошло мало статьи по текущей политике страны. Политика меняется, а обычаи и культура – остаются. А в общем, уважаемые читатели – делайте своё дело, читайте! Не буду Вас слишком долго задерживать... {с.4 – с.5}

Корея официальная {с.5 – с.6}

Сеул – город немаленький

Когда меня спрашивают, что я же могу сказать о Сеуле, я всегда отвечаю: "Сеул – очень большой город. Ну очень большой!" Сеул, действительно огромен. Огромно и его значение в жизни Кореи – страны до предела централизованной.

Начну, наверное, с физических размеров города и его населения. Сейчас оно достигло 10 с половиной миллионов человек (точнее, на июнь 2002 года – 10.310.026 человек). Это означает, что в Сеуле живёт каждый четвёртый кореец. Вдобавок, говоря о населении Сеула, следует принять во внимание и пригороды, которые с административной точки зрения частью Сеула не считаются, но фактически входят в тот же гигантский мегаполис. Сами корейцы часто говорят не столько о Сеуле, сколько о так называемой "столичной зоне", которая включает все многочисленные пригороды и города-спутники корейской столицы. Эту зону можно упрощённо представить в виде огромного круга радиусом около 80 километров, центр которого находится где-то на южной окраине столицы. Вся "столичная зона" буквально

пронизана линиями электрички и метро, и значительная часть её населения работает или учится в Сеуле (или же, наоборот, живёт в Сеуле, а работает в одном из городов-спутников). Население “столичной зоны” сейчас составляет 19 миллионов человек, или, иначе говоря, примерно 40% всего населения страны. Для сравнения, все москвичи – это только 1/15 населения России. В мире вообще мало стран со столь высокой концентрацией населения в столице и её округе. Жители Лондона, например, составляют только 13% населения Англии, {с.7 – с.8} жители Токио – 10% населения Японии, жители Парижа – 4% населения Франции.

Даже по мировым масштабам Сеул довольно заметен, сейчас в этом городе живёт каждый 500-й житель нашей планеты (а если опять говорить о “столичной зоне”, то и вообще – каждый 250-й землянин). Надо сказать, что стремительный рост населения Сеула начался только в нашем веке, вскоре после захвата Кореи Японией. До этого на протяжении почти 5 столетий население корейской столицы оставалось сравнительно постоянным и колебалось на уровне 100-150 тысяч человек. В 1936 г. оно уже составило 727 тысяч, в 1945 г. (первый год корейской независимости) – 901 тысячу, а всего через пару лет перевалило за миллионный рубеж. В 1960 г. в городе было уже полтора миллиона жителей, в 1975 г. – пять с половиной миллионов.

Площадь города равняется сейчас 605,52 квадратным километрам, что чуть больше площади Токио, и заметно больше площади Парижа. Впрочем, площадь – понятие условное: настоящий город куда больше своих формальных границ, не менявшихся уже четверть века. Сеул по плотности населения оставляет далеко позади большинство крупных городов мира, ведь плотность застройки в корейской столице исключительная, дома жмутся друг к другу, оставляя место лишь для узких, извилистых переулков, на которых порой не могут разъехаться и две встречные машины. Не удивительно, что в административном отношении Сеул является сейчас так называемым “специальным городом”, по правам приравненным к провинции (хотя на практике его политическое значение куда больше, чем у любой корейской провинции). В то же время, только 40% населения города является коренными сеульцами, то есть родились в корейской столице. Тех же, у кого в Сеуле родились и отцы, вообще всего лишь 7%. Сеульцы в своём большинстве прекрасно помнят, откуда они сами или их родители пришли в этот город. Поэтому всякие проблемы региональной политики, конфликты между провинциями (а в Корее такие конфликты очень сильны) – всё это отражается и в Сеуле. {с.8 – с.9}

Пусть и с некоторой долей преувеличения, но можно сказать, что Корея является своего рода городом-государством, ибо в Сеуле не только сосредоточена почти половина населения страны, но и протекает почти вся политическая, деловая и культурная жизнь Кореи. Это началось не вчера и даже не полвека назад. Высочайшая централизация всегда была характерна для Кореи. Так, двести лет назад, в конце XVIII века, из двух с половиной тысяч чиновников страны, примерно две тысячи было сосредоточено в Сеуле, и только несколько сотен работали за пределами столицы. Сохраняется эта традиция и в наши дни. Официальный корейский Институт проблем градостроительства лет пять назад опубликовал свои подсчёты удельного веса Сеула в различных областях жизни страны. Как уж они там считали и как получили такие удивительно точные результаты – не знаю, и просто сообщу Вам их цифры. Итак, в соответствии с их подсчётами, в Сеуле сосредоточено 76% всего экономического потенциала страны, 92% внешнеполитического потенциала, 62% всех финансовых возможностей. В Сеуле обучается 26% всех корейских студентов, работает 41% всех корейских врачей.

В Сеуле делаются почти все карьеры, почти все состояния страны. Даже если заводы находятся где-то на периферии, штаб-квартира любой компании обязательно располагается в Сеуле. Биографии большинства генералов корейской индустрии, корейских “олигархов”, очень схожи: родившись обычно где-то в провинции, все они в молодые годы приходили в Сеул делать славу и деньги, и в итоге добивались своего. Понятно, что миллионы других людей тоже приходили в Сеул, мечтая о славе и деньгах, и в итоге оставались ни с чем, но важно, что реализовать свои мечты будущие автомобильные короли и стальные бароны могли только в Сеуле.

Хорошо это или плохо, но Сеул – это Корея, и, скорее всего, такое положение сохранится ещё надолго. {с.9 – с.10}

“Всё устроить из ничего”: корейское экономическое чудо 1961-1987 гг.

Когда заходит речь о корейском экономическом развитии в 1960-1985 гг., одним из самых расхожих штампов являются слова “корейское экономическое чудо”. Возможно, это выражение уже набило оскомину, но нельзя не признать, что возникло оно не на пустом месте: экономическое развитие Кореи в 1960-1985 гг. действительно *было* чудом.

Сейчас, глядя на сияющие небоскрёбы Сеула, на потоки машин, на нарядно одетых людей, на забитые товарами витрины магазинов, трудно даже представить, как выглядела Корея всего лишь 40 лет назад, на памяти очень многих ныне живущих корейцев. Сказать, что Корея 1960 г. была бедной страной – не сказать ничего: она была страной, нищей даже по тогдашним убогим меркам “третьего мира”. По уровню ВВП на душу населения (80\$ в 1960 г.) Корея отставала от Нигерии и Папуа Новой Гвинеи. В стране не было ни одного многоэтажного жилого дома, электричество даже в крупных городах подавалось не круглые сутки, а канализацией в Сеуле была обеспечена лишь четверть всех домов. Корейцы старшего поколения хорошо помнят времена, когда в начальной школе лишь 4-5 из 40-50 учеников в классе могли позволить себе есть рис. По весне трава и отваренная кора деревьев были обычными “блюдами” на крестьянском столе. В общем, ситуация в тогдашней Корее мало отличалась от той, что {с.10 – с.11} существовала где-нибудь в Эфиопии или Сомали – в чем-то она была даже хуже.

Не изменила ситуацию даже и огромная американская помощь – на протяжении 1946-1976 гг. США предоставили Корее помощи на 12,6 млрд. дол. Таким образом, в пересчёте на душу населения, корейцы тогда были третьими в мире получателями американской халявы (на первом месте находились израильтяне, на втором – южные вьетнамцы, которым эта помощь, как известно, не слишком-то помогла). При этом львиная доля американской помощи была предоставлена Корее именно в пятидесятые годы – и не принесла никаких результатов. Большая часть средств была попросту разворована тогдашним президентом Ли Сын-маном и его окружением, а остальные использованы с минимальной эффективностью. К концу 1950-х годов американские дипломаты и экономисты попросту списали Корею со счетов – как бездонную бочку, в которую приходится вкладывать средства без малейшей надежды на отдачу, из одних только геополитических соображений.

Однако прошло всего лишь несколько десятилетий – и Корея превратилась в одну из великих промышленных держав, в то время как Бразилия или Нигерия, в 1950-е годы жившие куда лучше Кореи, и поныне прозябают в нищете. Как же это случилось? И, главное, можем ли мы, россияне, усвоить корейские рецепты и повторить корейский успех?

У “корейского чуда” есть вполне определённая дата рождения – 16 мая 1961 года. В тот день в Корее произошёл переворот: при американской поддержке местные генералы свергли гражданское правительство, которое за год своего существования сумело поставить страну на грань краха. С этого времени и до 1987 г. Южной Кореей управляли военные. Во главе переворота 1961 г. стоял генерал Пак Чжён-хи, которому предстояло превратиться в ключевую фигуру корейской истории XX века. Генерал был выходцем из бедной крестьянской семьи, но смог получить образование, работал учителем, а во время Второй мировой войны, окончив японское офицерское училище, служил в японской императорской армии (до 1945 г. Корея была японской колонией). После 1945 г., подобно многим ко {с.11 – с.12}рейским интеллигентам того времени, Пак Чжён-хи увлёкся левыми идеями и даже одно время был участником подпольной коммунистической организации, но быстро разочаровался в коммунизме и в 1950-1953 гг., во время Корейской войны, стал одним из лучших боевых офицеров армии Юга.

В самом перевороте 1961 г. не было ничего необычного. В те времена подобные выступления правых офицеров при американской поддержке время от времени происходили во всем мире – в тех странах, где возникла реальная угроза усиления коммунистов или иных

антизападных группировок. В особенности подобные режимы были распространены тогда в Латинской Америке. В своём большинстве они отличались пристрастием к шумной риторике на темы “демократии” и “защиты интересов свободного мира” и эпическим казнокрадством (причём под клятвы в верности Вашингтону разворовывалась обычно именно американская помощь – обычно в таких странах больше воровать было нечего). Поэтому южнокорейский военный переворот 1961 г. особого внимания в мире не привлёк: левая печать ограничилась дежурными нападками на “американский империализм” и его “марионеток”, либералы немного поворчали о “попрании демократии”, правые же более или менее активно приветствовали “восстановление порядка” и “удар по подрывным планам прокоммунистических сил”. После этого мир о Корее благополучно забыл.

Однако ни сам Пак Чжён-хи, ни его окружение вовсе не хотели оставаться лишь очередной группой американских марионеток в третьеразрядной развивающейся стране. Не хотели они и следовать примеру своих предшественников из окружения свергнутого Ли Сын-мана – заурядных казнокрадов, паразитировавших на расхищении западных кредитов и американской помощи. Пак Чжён-хи и его соратники хотели видеть Южную Корею сильным и богатым государством – но проблемы, стоявшие тогда перед страной, казались неразрешимыми. Как впоследствии написал сам генерал: “У меня было такое чувство, как будто я принял дела обанкротившейся фирмы”. {с.12 – с.13}

В Корее практически нет полезных ископаемых, так что Пак Чжён-хи не мог следовать примеру арабских стран, которые как раз тогда начинали делать состояния на нефти. Более того, даже сельскохозяйственными продуктами небольшая, но густонаселённая Корея себя не обеспечивала, и физическое выживание населения зависело от американской продовольственной помощи. Единственным наличным ресурсом Кореи были сами корейцы, их высокая трудовая культура, их готовность добросовестно работать за мизерную плату – в самом буквальном смысле слова, за чашку риса. Именно на это и была сделана ставка.

Схема, которую Пак Чжён-хи положил в основу своей экономической стратегии, была проста: брать за границей кредиты и на эти кредиты строить фабрики, которые бы работали на импортируемом сырье и по иностранной технологии. Продукция этих фабрик должна была отправляться на экспорт, а вырученные деньги – использоваться на закупку нового сырья и новых технологий, а также на развитие инфраструктуры и образования. Таким образом, страна превращалась в своего рода огромную супер-фабрику, занятую переработкой импортного сырья.

Однако правительство Пак Чжён-хи столкнулось и с ещё одной проблемой: корейцы 1960-х годов в своём большинстве отличались неприхотливостью и были готовы добросовестно работать за гроши, но при этом они не имели ни образования, ни вообще профессиональной подготовки. Вдобавок, нищета страны делала невозможной сколь-либо масштабные иностранные инвестиции – найти желающих вкладывать заметные суммы в малоизвестную страну “третьего мира” было трудно. Поэтому поначалу, в 1962-1970 гг., ставка была сделана на лёгкую промышленность и иные отрасли, которые отличались немалой трудоёмкостью, но не требовали ни квалифицированной рабочей силы, ни сложных технологий, ни крупных капиталовложений. Пришедшие из деревень крестьянки, работая по 12-14 часов в день, шили по иностранным выкройкам рубашки, делали парики, мягкую игрушку. В те времена корейские плюшевые мишки буквально заволокли {с.13 – с.14} весь западный рынок, а ткани и одежда составляли примерно половину всего корейского экспорта (41% в 1965 г.). Для того, чтобы освоить подобное производство, особого образования не требовалось, главными необходимыми качествами были дисциплина и добросовестность.

Когда в 1962 г. генерал Пак Чжён-хи объявил о принятии первого Пятилетнего плана, который предусматривал экономический рост на уровне 7-8% в год, мир (точнее, те его немногие представители, которые вообще интересовались Кореей) не воспринял эти планы всерьёз. Однако уже в следующем, 1963 г. корейский ВВП вырос на 9,1%. Поначалу многим казалось, что это – всего лишь случайный успех, но на протяжении почти двух десятилетий правления Пак Чжён-хи (1961-1979) годовой рост ВВП составлял 8-10%, изредка поднимаясь до 12-14% и никогда не опускаясь ниже 6%! К всеобщему удивлению, Южная Корея,

положение которой ещё недавно казалось безнадежным, превратилась в одну из самых динамичных экономик планеты и удерживает это положение до сих пор. ВВП страны утраивался каждое десятилетие, а его душевой показатель, который в 1960 г. равнялся 80\$, достиг 1000\$ к 1979 г. и превысил 10.000\$ в середине 1990-х гг.

К началу семидесятых годов накопленный опыт и капитал дали возможность сделать следующий шаг – от лёгкой промышленности, от плюшевых мишек и париков к капиталоемким, но технологически не самым продвинутым отраслям: металлургии, судостроению, химической промышленности. Именно в это время в Корею появляются огромные металлургические комбинаты, которые вскоре превращают страну в одного из крупнейших в мире производителей стали, а также верфи, которые уже к 1980 г. производили около трети всего мирового корабельного тоннажа. За металлургией и судостроением последовала автомобильная промышленность, развертывание которой началось после 1976 г., а за ней – электроника, эпохой развития которой стали уже восьмидесятые годы.

Разумеется, развитие страны при Пак Чжён-хи было капиталистическим. Однако капитализм этот обладал рядом весьма своеобразных черт. Ни о каком “свободном рын {с.14 – с.15}ке” в шестидесятые и семидесятые годы не было и речи, и экономическая политика Кореи была весьма далека от идеалов экономического либерализма. Государство вырабатывало стратегию развития, а частные фирмы послушно выполняли приказы власти. С самого начала ставка была сделана на крупные многопрофильные концерны, которые были бы тесно связаны с правительством, и которыми – уже просто в силу их малочисленности – было проще манипулировать. Строго говоря, по-настоящему крупных фирм в Корею в 1961-1962 гг. не было вообще, так что их пришлось создавать искусственно. Именно так появились нынешние корейские монополии – “чэболь”. По сути, все крупнейшие корейские компании – и “Хёндэ” (у нас её часто неправильно именуют “Хюндай”), и “Самсон” (“Самсунг”), и недавно обанкротившаяся “Тэу” (“Дайву”) достигли своих гигантских размеров потому, что когда-то их основатели были выбраны генералом Пак Чжён-хи на роль корейских “олигархов”. Однако важно, что в Корею не олигархи управляли президентом и его окружением, а, наоборот, президент управлял олигархами. В отличие от своих предшественников и, увы, своих преемников Пак Чжён-хи не брал взяток и не стремился обеспечить свою семью на веки вечные. Ему были нужны не конверты с пачками долларов, а исполнение приказов и экономическая эффективность – причём под эффективностью он понимал не столько прибыльность, сколько способность производить качественный экспортный товар. Большинство фирм имели плановые задания по увеличению объёмов экспортной продукции, за выполнение которых отвечали лично их владельцы. Все знали, что генерал шутить не будет, и что в сейфах Голубого дома лежит достаточно компромата для того, чтобы надолго отправить в тюрьму любого корейского “олигарха”.

К концу семидесятых годов созданные при государственной поддержке корейские монополии – “чэболь” – достигли огромных размеров. В 1981 г. суммарный объём продаж 10 крупнейших концернов Кореи равнялся 48,1% всего валового национального продукта страны (в 1984 г. он уже составил 67,4% ВВП)! Мировая история знает мало {с.15 – с.16} примеров подобной концентрации производства в нескольких сверх-монополиях.

Государство и само активно инвестировало в экономику – в первую очередь, в инфраструктуру, в те отрасли, которые не дают немедленной отдачи, но необходимы для развития экономики в целом. С конца 1960-х годов, когда в Корею ещё практически не было автомобилей, государство начало строить сеть скоростных магистралей, без которых невозможно представить себе сегодняшнюю Южную Корею. Строительство скоростной магистрали Сеул-Пусан в 1968-1971 гг. обошлось в сумму, равную четверти (точнее, 23,6%) всего корейского государственного бюджета за 1967 г. Разумеется, подобные вложения были абсолютно неподъёмны для частных фирм, так что расходы по развитию инфраструктуры неизбежно взяло на себя государство.

Государство вкладывало немалые средства в образование, которое в эти годы пережило настоящий бум. В 1965 г. в корейских вузах обучалось 105 тыс. студентов, а в 1988 – чуть более миллиона. Ещё в 1961 г. правительство национализировало банки и установило

жёсткий контроль над валютными операциями. Кредиты на льготных условиях выдавались в первую очередь крупным фирмам, которые должны были стать основой экономического развития страны, а также тем, кто доказал свою способность производить качественный экспортный товар. В то же самое время, система социального обеспечения в стране фактически отсутствовала – бремя заботы о больных, о безработных, о старых да малых возлагалось на семью, которая, надо признать, была в Корее исключительно прочна. Отсутствие социальных расходов позволяло держать налоги на низком уровне: ставка подоходного налога в Корее даже сейчас составляет 10-20%, в то время как в развитых странах Запада она колеблется между 25% и 50%!

Но не только правильно выбранная экономическая стратегия сделала возможным “корейское экономическое чудо”. Оно бы не состоялось без двух дополнительных, но очень важных условий, о которых нельзя не сказать. {с.16 – с.17}

Первым из этих условий была обильная иностранная помощь – в основном американская, но отчасти и японская. Несмотря на некоторое первоначальное недоверие к планам Пак Чжён-хи, США предоставляли Корее кредиты и безвозмездную помощь – хотя, что немаловажно, объём помощи в шестидесятые и, особенно, семидесятые годы был меньше, чем в пятидесятые. США при этом руководствовались, в первую очередь, своими военно-политическими интересами: Южная Корея всегда была стратегическим плацдармом США в Восточной Азии, так что её политическая стабильность не могла не волновать Вашингтон. Под американским давлением пошли на определённые компромиссы и японцы, которые, вообще-то говоря, традиционно относятся к Корее и к корейцам без особых симпатий (вполне взаимно). Нельзя сказать, что отношения Вашингтона и Сеула были совсем уж безоблачными: Пак Чжён-хи не был “лакеем американского империализма” и часто откровенно использовал своих заокеанских патронов в собственных целях. При необходимости южнокорейская разведка подкупала американских конгрессменов и воровала технологические секреты у дорогого союзника. Тем не менее, в целом союз, направленный против общих врагов – Пхеньяна, Москвы и Пекина – был весьма прочен.

На протяжении 1960-1985 гг. Корея активно брала деньги в долг – и у частных банков, и у правительств, и у международных организаций. В результате размеры внешней задолженности Корее к концу правления военных достигли внушительных размеров: в 1985 г. внешний долг страны составил 46,7 млрд.дол. В тот год по размерам своей задолженности Корея занимала четвёртое место в мире, уступая лишь латиноамериканской тройке – Аргентине, Мексике и Бразилии. Однако давали в долг Корее охотно – в первую очередь потому, что в мире она имела репутацию идеального должника. Вопросы о том, платить или не платить по кредитам, не стояло в принципе – платили всегда, причём в срок, безо всяких громких споров о “реструктурировании” и прочем. В редких случаях банкротства той или иной частной {с.17 – с.18} фирмы правительство брало на себя выплату её задолженности иностранным организациям. В результате этой “непатриотической” политики, этого “низкопоклонства перед иностранным капиталом” Корея имела доступ к льготным кредитам, которым, конечно же, активно пользовалась.

Второе важнейшее условие, без которого “корейское экономическое чудо” было бы невозможным – это диктатура или, скажем мягче, авторитарная власть. Нет сомнений в том, что режим Пак Чжён-хи (1961-1979) и его менее удачливого преемника Чон Ду-хвана (1980-1987) был диктатурой, хотя и относительно мягкой – особенно по сравнению с ультра-сталинистской Северной Кореей. Определённые политические свободы существовали в Корее и при военных режимах, хотя то, что сейчас в России лукаво именуется “административным ресурсом” использовалось на полную катушку и, как правило, обеспечивало угодным правительству кандидатам победу на выборах. В то же самое время режим всё-таки оставался диктатурой, пусть и в “бархатной перчатке”. На первых порах, до начала 1970-х годов, экономические достижения ничего не давали большинству жителей страны, которые, несмотря на тяжёлый труд, по-прежнему оставались нищими. В этих условиях правительство было готово поддерживать политическую стабильность любыми средствами. С особой свирепостью подавлялись попытки создания независимых профсоюзов. Едва ли не важнейшим преимуществом Корее в международной конкурентной борьбе в те

времена была дешёвизна рабочей силы, готовность рабочих трудиться за мизерную зарплату. Даже в конце правления военных, в 1985 г., средний уровень зарплаты в Южной Корее составлял 11% от уровня США. При этом даже официальная продолжительность рабочей недели достигала 54 часов! Правительство считало, что деятельность независимых профсоюзов может в итоге сделать Корею неконкурентоспособной на мировом рынке. Как сейчас ясно, в долгосрочном плане эта политика себя оправдала, хотя в плане краткосрочном она делала существование миллионов людей ещё более тяжёлым. {с.18 – с.19}

Впрочем, социальная стабильность обеспечивалась не только жёстким подавлением всех тех сил, которые не соглашались с логикой капиталистического развития в понимании Пак Чжён-хи. Сам бывший сторонник левых идей, генерал отлично понимал: чтобы там не говорила официальная пропаганда, возникают эти идеи отнюдь не на пустом месте. Страны “третьего мира” всегда характеризовались вопиющим имущественным неравенством – причём богатые в таких странах обычно не только не стесняются своего богатства, но, наоборот, всячески демонстрируют его. Сияющие “Мерседесы”, шкафоподобные телохранители, увешанные золотом миллионерские жёны и содержанки – все эти, теперь хорошо знакомые и россиянам, картины вот уже многие десятилетия являются обычными в странах “третьего мира”. Генерал Пак Чжён-хи последовательно боролся как с самим неравенством (насколько это в принципе возможно при капитализме), так и с демонстративным, престижным потреблением верхушки. Немалую известность получил скандал, который президент устроил нескольким олигархам после того, как их жёны появились на каком-то приёме, увешанные бриллиантами. Корейский олигарх образца 1970 г. должен был жить скромно и своим богатством не кичиться! Впрочем, всё не ограничивалось чисто демонстративными, пропагандистскими акциями. Уровень неравенства, измеряемый так называемым “коэффициентом Джини”, в Корее был куда ниже, чем в большинстве стран “третьего мира”. В 1980-е годы по уровню социального неравенства Корея примерно соответствовала полусоциалистической Швеции. Разумеется, отсутствие острых контрастов немало сглаживало социальные проблемы: рабочие за мизерную зарплату по 10 часов в сутки стояли у станков и сборочных линий, но при этом им не мозолили глаза “Мерседесы” богачей.

Немалую роль в смягчении социальной напряжённости играла и система образования. В годы правления военных произошёл её взрывообразный рост, причём доступ в университеты был открыт любому, кто мог только сдать конкурсные экзамены. Коррупция на экзаменах практически отсутствовала, и правительство делало всё возможное, {с.19 – с.20} чтобы свести к минимуму влияние доходов родителей на качество обучения (отказ от платных и специализированных школ, кампании против репетиторства и т.п.). Все знали, что жёсткая конкуренция за вузовские дипломы идёт честно, и это давало даже самым бедным и социально неудачливым родителям надежду на то, что их дети со временем смогут “выйти в люди”. Университетский диплом служил пропуском в ряды быстро растущего среднего класса, и получить этот пропуск мог любой молодой кореец или кореянка.

Результат политики Пак Чжён-хи у всех перед глазами: мощная индустриальная держава, созданная буквально на пустом месте, из ничего. Этот пример заманчив, и поэтому корейский успех изучали и пытались повторить очень многие. Однако не удалось это никому. Единственное исключение – страны Восточной Азии, пресловутые “тигры”, но и они не столько повторили корейский успех, сколько добились собственного одновременно и параллельно с Кореей. За пределами же Дальнего Востока корейские рецепты пока не сработали ни разу – смею думать, и не сработают. Время от времени высказываемые надежды на то, что, мол, стоит нам, россиянам, только хорошенько изучить корейский опыт – и мы тоже всё сможем, представляются совершенно необоснованными. Корейская политика времён экономического чуда основывалась на культурной специфике Кореи, которая складывалась тысячелетиями.

Традиционно Корея и Дальний Восток в целом был, в первую очередь, цивилизацией риса. По сравнению с другими сельскохозяйственными культурами, рис даёт максимальную отдачу калорий с единицы обрабатываемой площади и, значит, позволяет кормить большое

население, живущее на небольшой территории. Однако рис – растение специфическое и очень трудоёмкое. В отличие от, скажем, пшеничного поля, рисовая плантация представляет из себя сложную гидротехническую систему, состоящую из десятков и сотен небольших полей, разделенных дамбами и соединённых специальными каналами. Сооружение такой системы и поддержание её в рабочем состоянии требовало систематических усилий сотен и тысяч человек. Без этих постоянных и коллективных усилий никакое сельскохозяйственное производство на Дальнем Востоке, а, значит, и физическое существование его населения было бы невозможно. Жизнь в подобных условиях на протяжении десятков поколений сформировала корейское отношение к миру, выработала склонность к систематическому, кропотливому труду. В то же самое время, даже самый упорный труд не мог обеспечить дальневосточным крестьянам высокого уровня жизни. Скучность быта корейского крестьянина, его способность довольствоваться малым и готовность безоговорочно подчиняться властям поражала европейских путешественников даже в те времена, когда жизнь простых людей у них на родине никак нельзя было назвать зажиточной.

Именно на этих национально-культурных особенностях корейцев и основывалась в первую очередь выбранная Пак Чжён-хи экономическая стратегия. Он сделал ставку на способность корейцев работать много и добросовестно, не задавая лишних вопросов, терпеливо перенося лишения и подчиняясь начальству. Принял он в расчёт и воспитанное конфуцианской культурой уважение к образованию, и прочность семейных связей, и многое другое.

Корейская стратегия предназначалась для небольшого государства, лишённого природных ресурсов, населённого неприветливым, исключительно трудолюбивым и дисциплинированным но (первоначально) не слишком образованным народом. Не надо объяснять, что ни нынешняя Россия, ни большинство стран СНГ под это описание никак не попадают. Конечно, опыт Кореи надо изучать и даже отчасти копировать, но рассчитывать на то, что он может быть применим к нашей российской реальности, увы, не приходится... {с.21 – с.22}

Hyundai: величие и крах “Современности”

История “корейского экономического чуда” неотделима от истории корейских семейных холдингов – чэболь. Самым крупным из этих холдингов на протяжении трёх десятилетий была группа “Хёндэ”, созданная в 1947 г. Чён Чжу-ёном (1915-2001). Похоже, правда, что гигантский холдинг ненадолго пережил своего основателя. Впрочем, в любом случае история “Хёндэ”поучительна: в ней как в зеркале отразилась вся новейшая история самого крупного из “азиатских тигров”.

История чэболь интересна для нас и потому, что призывы к изучению – и, как подразумевается, копированию – южнокорейского опыта в последние годы часто раздаются в постсоветской России. Между тем, в самой Южной Корее отношение к чэболь и их основателям далеко не так однозначно. Корейские правые – убеждённые поклонники свободного рынка и певцы частного предпринимательства (а также поклонники жёсткой руки) воспринимают отцов-основателей чэболь как героев корейского капитализма, как воплощение «современного корейского духа». Левые, влияние которых в южнокорейских СМИ и университетских кругах быстро растёт, относятся к основателям чэболь совсем иначе. Для них чэболь – это воплощение «нео-колониальной стратегии развития» Южной Кореи, а корейские олигархи – это, само собой, злодеи-эксплуататоры, успех которых основан исключительно на махинациях и коррумпированных связях с государственной верхушкой. {с.22 – с.23}

Я подозреваю, что спор этот будет длиться многие десятилетия, если не столетия – не только потому, что в идеологизированном споре истина рождается достаточно редко, но и потому что обе стороны по своему правы. Для успеха в бизнесе необходимы разнообразные качества – как положительные, так и не очень...

В своём большинстве биографии южнокорейских олигархов первого поколения подтверждают старую мудрость: «чтобы стать миллиардером, надо родиться в семье миллионера». С миллионерами в колониальной Корее дело обстояло не лучшим образом, так что на практике только немногие из олигархов были рождены в по-настоящему богатых семьях. Однако почти все они происходили из крупных землевладельческих родов. Чён Чжу-ён был исключением: он был выходцем из бедноты.

Будущий магнат родился в 1915 в маленькой деревне Асан, которая после раздела страны оказалась на территории Северной Кореи, в семействе небогатого крестьянина. Он был старшим из семи детей. Семья будущего олигарха была вполне типичной для колониальной Кореи. Однако родители решили отправить мальчика в начальную школу – шаг, достаточно необычный по тем временам для крестьянской семьи.

Тогда Чён Чжу-ён хотел стать школьным учителем. Это была, пожалуй, самая головокружительная карьера, о которой только мог мечтать крестьянский сын в те времена. Однако семья не могла учить даже старшего сына, и подросток решил взять свою судьбу в собственные руки.

Летней ночью 1931 года Чён Чжу-ён (ему было 16 лет), вместе с другом убегает из дома. Друзья устроились на строительстве железной дороги, где требовались землекопы. Приключение продолжалось два месяца. Будущий олигарх орудовал лопатой по 15 часов в день, а полученных им денег хватало только на койку в общежитие и самое скромное питание. В конечном счете Чён Чжу-ён был обнаружен отцом, который силой увёз его домой.

Однако Чён Чжу-ён не был готов смириться с судьбой. Огромное влияние на него оказал рассказ Ли Кван-су, самого известного корейского писателя тех лет. В рассказе {с.23 – с.24} речь шла о бедном крестьянском сыне, который, несмотря на все трудности, получил образование и в конце концов стал известным адвокатом. Чён Чжу-ён не слишком разбирался в тонкостях литературных жанров, и воспринял рассказ как документальный очерк, как рассказ о реальной судьбе – и решил делать жизнь в выдуманного героя рассказа. Под влиянием прочитанного он решил опять бежать из дома. На этот раз Чён Чжу-ён не собирался горбатиться на стройке: его целью был Сеул, где, собственно, только и можно было сделать карьеру и фортуны. Однако, побег 1933 года также окончился неудачей: беглец был перехвачен отцом недалеко от родного Асана.

За вторым побегом последовал третий. Для решения финансовых проблем Чон Чжу-ён «произвёл несанкционированное заимствование из семейного бюджета» – украл 70 вон, которые его отец выручил за проданную корову. По тем временам это были большая сумма, что-то вроде трёх месячных зарплат неквалифицированного рабочего. С такими деньгами в кармане, Чон Чжу-ён мог даже позволить себе поехать в Сеул на поезде!

В Сеуле Чён Чжу-ён поступил в школу бухгалтеров. Однако отец смог найти его и в столице - и опять забрать его домой. При встрече отец даже не упомянул о украденных деньгах. Родители надеялись, что Чён Чжу-ён наконец-то образумится и станет справным сельским хозяином – но он бежал снова, и на сей раз никто не остановил его. В 1935 г. Чон Чжу-ён пришёл в Сеул. Будущему олигарху было 18 лет...

Впрочем, ничего в его судьбе не предвещало будущего взлёта. Столица генерал-губернаторства притягивала молодых провинциалов, и крестьянский сын без особого образования был лишь одним из многих тысяч. Несколько лет он работал грузчиком в порту Инчхона, затем трудился на сторойплощадках и, наконец, нашел работу в магазине, торговавшем рисом. Будущий автомобильный король крутил педали грузового велосипеда, на котором развозили мешки с рисом.

Вскоре Чон Чжу-ён получил повышение и стал управляющим лавки, но в 1939 г. в связи с разворачивающейся {с.24 – с.25} войной в Китае, в стране были введены новые правила торговли рисом, и большинство частных магазинов было закрыто. В 1940 г. на занятые у друзей деньги Чон Чжу-ён открыл маленькую автомастерскую. Кстати сказать, молодой

бизнесмен тогда не имел никакого автомобильного опыта: грузовой велосипед был наиболее сложным транспортным средством, с которым ему до того приходилось иметь дело.

Именно эта мастерская и получила название «Хёндэ» - так читаются по-корейски два китайских иероглифа, которые в языках Восточной Азии означают «современность». Впоследствии Чон Чжу-ён часто вспоминал начало своей автомобильной карьеры – и, кажется, не особо стеснялся, когда рассказывал о том, как продавал подержанные запчасти под видом новых. Разумеется, он всегда добавлял, что делал это исключительно из патриотических соображений, ведь клиентами его были японцы.

Тем не менее, в 1945 г. Чён Чжу-ён был далек от настоящего успеха. В отличие от большинства своих соотечественников, он мог есть досыта – но этим его богатство и ограничивалось. Первый шаг к настоящему успеху был сделан в 1947 г., когда Чён Чжу-ён основал строительную фирму Hyundai Civil Industries (впоследствии – Hyundai Construction).

В момент создания фирма представляла собой, скорее, бригаду шабашников: весь её штат состоял из хозяина и 11 рабочих. Однако вскоре на помощь пришёл младший брат основателя, Чён Ин-ён, который к тому времени окончил языковые курсы в Японии и неплохо говорил по-английски. Это редкое по тем временам обстоятельство оказалось решающим: новая компания не имела себе равных в получении подрядов от американских военных. Платили американцы хорошо, и в смету особо не вникали – ведь, во-первых, расплачивались они казёнными деньгами, а, во-вторых, по американским меркам любые проекты в нищей Корее всё равно стоили копейки. Заказчики были вполне готовы доплачивать за возможность поговорить с «азиатами» на человеческом языке. Чён Чжу-ён мог выставлять завышенные счета – и, разумеется, делал это. {с.25 – с.26} Впрочем, немалую роль в его успехе играли пунктуальность и способность строить в срок – качества, которые в те времена, как утверждают мемуаристы, были в Корее достаточно редкими.

Как многие другие богатые корейцы, у которых были основания бояться коммунистов, Чён Чжу-ён летом 1950 бежал из Сеула и провёл большую часть Корейской войны в Пусане. Семью Чон Чжу-ён оставил в оккупированной столице, но вот с братом не расстался. Секретом успеха компании оставалось сочетание языковых и дипломатических навыков Чён Ин-ёна, который умело добывал американские заказы, и бешеной энергии Чён Чжу-ёна, которые эти заказы осуществлял.

К тому времени «Хёндэ» представляла собой уже не ту бригаду шабашников, которой она являлась в 1947 г. Её поручались и довольно крупные проекты. Например, во время недолгой оккупации Пхеньяна американцами в конце 1950 г., именно Чён Чжу-ён занимался восстановительными работами в на пхеньянском аэродроме. Впрочем, контрнаступление китайской армии сорвало этот проект.

К середине пятидесятых «Хёндэ» уже представляла собой крупную по корейским меркам компанию. Беда была в том, что мерки эти были весьма жалкими: в те времена по уровню ВВП на душу населения (80\$ в 1960 г.) Корея отставала от Нигерии и Папуа Новой Гвинеи.

Следующий шаг к успеху был сделан в конце 1950-х гг. В те времена (как, впрочем, и в последующие – вплоть до начала 1990-х гг.) решающее значение в корейском бизнесе имели связи с властями, и Чён Чжу-ён старался играть по правилам, изо всех сил налаживая контакты с чиновниками. Однако ему, выскочке и крестьянскому сыну, было далеко до, скажем, основателя Samsung Ли Бён-чхуля, дворянина из хорошего рода, на содержании которого в 1950-е годы находилась заметная часть южнокорейских министров и парламентариев. Тем не менее, владельцу «Хёндэ» повезло. По-видимому, решающую роль сыграл сравнительно скромный проект – восстановление разрушенного во время войны моста Индогё в центре Сеула. {с.26 – с.27} Хотя проект принёс фирме убытке, сама способность провести сложные по тому времени работы в срок, а также активный пиар привлекли к фирме благоприятное внимание властей. К 1961 г. «Хёндэ» была крупнейшей строительной фирмой Кореи.

В этой обстановке весной 1961 г. произошёл военный переворот, организованный генералом Пак Чжён-хи, с именем которого и связано “корейское экономическое чудо”. Новое правительство сделало ставку на развитие экспорта – ведь Корея практически лишена полезных ископаемых, её единственным наличным “ресурсом” в начале 1960-х гг. была дешёвая и дисциплинированная, хотя и неквалифицированная, рабочая сила. Корею следовало превратить в страну-фабрику, которая бы импортировала сырьё и экспортировала готовую продукцию. Однако большинство карликовых корейских фирм того времени не могло и думать об успешном выходе на международный рынок. Поэтому после прихода к власти генерал целенаправленно “отобрал” несколько десятков фирм, которые казались ему наиболее перспективными (основным критерием отбора были при этом личные качества руководителей, а не особенности фирм). Фактически владельцы привилегированных компаний были “назначены олигархами”. Их компаниям власти оказывали всяческую поддержку, предоставляли льготный доступ к кредитам и иностранным инвестициям. Свою благодарность “избранные” должны были выражать не конвертами с валютой (в отличие от большинства иных правителей “третьего мира”, взятки Пак Чжён-хи не брал), а дисциплинированным исполнением правительственных предписаний. Так появились на свет южнокорейские “чэболь” – многопрофильные семейные холдинги.

В этих условиях и возшла по-настоящему звезда “Хёндэ”. В начале шестидесятых Пак Чжён-хи решил, что одним из направлений корейского экспорта должно стать строительство “под ключ” объектов на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Естественно, что в этих условиях внимание президента оказалось привлечено к строительному сектору. Чён Чжу-ён решил воспользоваться этой {с.27 – с.28} ситуацией. Хитроумный Чон добился для “Hyundai Construction” подряда на восстановление взорванного во время Корейской войны моста Индогё в Сеуле. Этот контракт принёс компании убытки, но это не имело значения: главной функцией всего проекта была рекламно-пиаровская. Работы на столь заметном объекте в центре столицы были проведены с примечательной эффективностью и завершены досрочно. Этот успех, как и планировалось, привлёк к будущему олигарху внимание самого президента, и вскоре “Хёндэ” была выбрана в качестве одного из главных экспортёров строительных услуг – сначала во Вьетнаме и странах Юго-Восточной Азии, где в годы Вьетнамской войны компания строила американские военные объекты, а потом – и на Ближнем Востоке, который в семидесятые годы стал главной ареной деятельности корейских строительных компаний. Немало объектов строила компания и в самой Корее.

На протяжении последующих десятилетий корейская экономика росла рекордными темпами, прирост ВВП составлял 8-10% в год. Вместе со страной рос и “Хёндэ”. Подобно другим чэболь, компания рано занялась диверсификацией, и стала вкладывать капитал во всё новые и новые отрасли, создавать всё новые и новые дочерние фирмы. С начала семидесятых правительство провозгласило политику преимущественного развития тяжёлой промышленности – и “Хёндэ” не остался в стороне. В 1973 г. начала работать верфь Hyundai, которая к 1984 г. сделала Корею второй кораблестроительной державой мира. Правительство помогло получить кредиты на строительство, а также предоставило финансовые гарантии, под которые верфи “Хёндэ” получили первые зарубежные заказы. В семидесятые годы “Хёндэ” стал активно строить и автомобильные заводы, продукция которых вскоре также пошла на экспорт. Усилиями бывшего автослесаря Чён Чжу-ёна к 1990 г. Корея вошла в число ведущих мировых производителей автомобилей. Начало восьмидесятых было эпохой зарождения корейской электроники, и опять “Хёндэ” оказалась в первых рядах: в 1983 г. была создана дочерняя компания “Hyundai electronics”, со временем ставшая одним {с.28 – с.29} из крупнейших мировых производителей полупроводников.

К концу семидесятых группа “Хёндэ” вошла в состав “большой четвёрки” корейских концернов, существовавшей вплоть до азиатского кризиса 1997 г. (кроме Hyundai, в эту четвёрку входили Samsung, LG, Daewoo). На протяжении четверти века “Хёндэ” занимала в списке чэболь первую или вторую строчку. В 1987 г. в состав холдинга входили 34 дочерние компании, на предприятиях которых работало 159 тысяч человек. Концерн производил корабли, автомобили, электронику, локомотивы, станки, электрооборудование, сталь, занимался нефтехимией, строительством и страхованием. Сложная система перекрестного владения акциями означала, что все компании концерна находились под твердым контролем

совета директоров холдинга, в котором определяющую роль играл сам Чён Чжу-ён и его многочисленные родственники – братья, племянники, кузены. Влияние рядовых акционеров на дела холдинга было ничтожно, а большинство топ-менеджеров либо принадлежало к клану Чонов по рождению, либо было связано с ним брачными узами. Впрочем, такая же картина существовала и в большинстве других чэболь.

Власть Отца-основателя в концерне оставалась абсолютной на протяжении полувека. В начале 1990-х гг. Чён Чжу-ён, которому тогда уже было далеко за 70, стал проявлять немалую политическую активность (чего за ним раньше не замечалось). В 1992 г. Чон неожиданно решил принять участие в президентских выборах – поступок, немыслимый для корейских олигархов, которые всегда подчёркивали своё смиренно-подчинённое отношение к государственной власти. Выборы Чон, как и следовало ожидать, проиграл, набрав лишь 16% голосов. Однако истэблишмент отомстил нарушителю традиций: Чён Чжу-ёна обвинили в нарушении законов о финансировании избирательных компаний, и он был приговорён к 3 годам тюремного заключения (условно).

Другим проявлением политических интересов Чона стала активность в развитии контактов со своей “малой ро {с.29 – с.30} диной” – Северной Кореей, в которой по-прежнему правил ультра-сталинистский режим. Чён Чжу-ён стал едва ли не первым крупным южнокорейским деятелем, который встретился с Ким Ир Сенем. Помимо щедрых пожертвований, Чон стал активно инвестировать в Северную Корею – видимо, не столько рассчитывая на материальные и финансовые выгоды, сколько в надежде на то, что таким образом он будет способствовать примирению двух корейских государств. Самым масштабным из проектов “Хёндэ” в КНДР стала Кымганская туристская зона (с 1998 г.). В рамках этого проекта южнокорейские туристы прибывают в КНДР на круизном лайнере, любят там знаменитыми горами Кымгансан, а потом возвращаются домой. Во избежание нежелательных контактов, из туристского района было удалено всё местное население, а необходимая инфраструктура построена за счёт южнокорейской стороны. Неизвестно, задумывал ли Чён Чжу-ён этот проект как филантропическую акцию или всё же рассчитывал получить прибыль, но если такие расчёты действительно существовали, то они не оправдались. К началу 2001 г. “Хёндэ” инвестировала в проект 305 млн. дол., а выручка составила всего лишь 62,2 млн. В своих первоначальных расчётах организаторы Кымганского проекта исходили из того, что ежегодно Север будет посещать около 500 тыс. человек. В действительности же за три года в горах Кымгансан побывало только 390 тысяч южан. Вдобавок, число туристов сокращается. Интерес к северокорейской экзотике в последние годы упал, и большинство южан предпочитают за те же самые деньги съездить, скажем, в Китай или Таиланд, где можно увидеть что-то помимо горных пейзажей и бдительных физиономий северокорейских особистов. Столь же неудачными в финансовом отношении оказались и иные инвестиции “Хёндэ” в КНДР.

Однако главный удар по позициям “Хёндэ” нанёс азиатский кризис 1997 г., который докатился и до Кореи. Строго говоря, кризис длился недолго, ситуация стабилизировалась меньше чем через год: в 1999 г. рост ВВП составил 10,2%, а в 2000 г. – 8,8%. Однако после кризиса отношение к чэболь резко изменилось. В общественном мнении {с.30 – с.31} ни суперконцерны в одночасье превратились из символа успеха и процветания в символ коррупции и неэффективности. В новых условиях правительство приступило к программе реструктуризации чэболь. Её главная цель – сделать корейских гигантов похожими на “нормальные” западные концерны: специализирующиеся в нескольких отраслях и управляемые профессиональными менеджерами, а не членами клана основателя концерна. Правительство дробит чэболь, заставляя их предоставлять самостоятельность своим дочерним компаниям, настаивает на введении в состав руководства менеджеров “со стороны”, на увеличении влияния рядовых акционеров, ограничивает размеры задолженности.

В отличие от другого гиганта – Daewoo, разорившегося в 1999 г., “Хёндэ” избежал прямого банкротства, но дела у него складывались заметно хуже, чем у двух других супер-чэболь – LG и Samsung. Сказывались тут и опрометчивые шаги, предпринятые Чён Чжу-ёном в 1990-е гг., и его дорогостоящие политические игры с Севером, и неблагоприятная рыночная

ситуация, и общая неповоротливость менеджмента компании. 27 марта 2000 г. на соответствующим образом обставленной церемонии Чён Чжу-ён сообщил о своём отходе от дел и о передаче компании своему сыну Чён мон-хёну. В этот момент он вполне мог бы процитировать знаменитые слова Николая I, обращённые к наследнику: "Сдаю тебе команду не в добром порядке".

Проблем у Hyundai, действительно, было немало. Подобно другим чэболь, концерн был отягощён огромной банковской задолженностью, кредитные средства превосходили собственный капитал холдинга в 4 раза (цифра, чудовищная по западным меркам, но вполне обычная для крупных компаний Кореи). Многие производства к концу 1990-х гг. были убыточными, в том числе важнейшее производство полупроводников. Давление правительства и общественного мнения, которые требовали раздела чэболь, постоянно возрастало. Инвестиции в зарубежные проекты и, особенно, в Северную Корею не окупались.

Чён Чжу-ён не увидел конца своего детища. Когда в марте 2001 г. отец-основатель скончался на 86-м году жизни, {с.31 – с.32} холдинг ещё существовал. Однако смерть старого олигарха стала началом конца величайшей из всех чэболь. Ещё при его жизни, в сентябре 2000 г., из состава холдинга выделилось одно из самых прибыльных подразделений – автомобилестроительная компания "Hyundai Motors", во главе которой встал брат (и соперник) нового главы холдинга – Чён Мон-гу. Вслед за автомобилестроителями независимость получила группа компаний "Hyundai Heavy Industry" (кораблестроение и машиностроение), а также "Hyundai Semiconductors". Чтобы подчеркнуть свою независимость, новое подразделение взяло себе новое название – "Hynix Semiconductors".

Неопределённо и будущее группы "Хёндэ" как таковой. В июле 2001 года центральное руководство холдинга прекратило своё существование – символический акт, который подчёркивает отказ от надежд сохранить целостность холдинга. Однако пока непонятно, какова будет судьба подразделений чэболь и как будут его дробить дальше. Руководство наиболее крупных подразделений холдинга героически сражается против правительственных планов дальнейшего раздела холдинга. Вероятно, на месте павшего гиганта возникнет ещё несколько новых подразделений – помимо ныне независимых "Hyundai Motors", "Hyundai Corporation", "Hyundai Heavy Industries" и "Hynix Semiconductors". Однако как бы ни сложилась судьба осколков империи, уже ясно: за полвека своего существования "Хёндэ" оставила свой след и в истории Кореи, и в мировой истории. {с.32 – с.33}

История с демографией

Как менялось население Кореи на протяжении веков? Сколько человек жило в ней раньше, сколько живёт сейчас, как будет изменяться её население в будущем?

Ответить на эти вопросы не всегда просто. Главная проблема, с которой сталкиваются историки, которые занимаются демографией средневековой Кореи (да и вообще любого средневекового государства) – это отсутствие сколь-либо надёжных статистических материалов. В этом отношении историки Кореи находятся ещё в довольно выгодном положении, ведь здесь с давних времён достаточно регулярно проводились переписи населения.

На первый взгляд, эти переписи были организованы по стройной схеме. Раз в три года деревенские старосты сообщали чиновникам о том, сколько семей ("дворов") имеется в том или ином селе, и сколько человек живёт в каждом дворе. Сведения эти направлялись в уезд, потом – в провинцию, и, наконец – в столицу, где их и обобщали.

Однако давно уже известно, что результаты этих старинных "переписей" крайне ненадёжны. Во-первых, проводились они менее регулярно, чем теоретически полагалось. Во-вторых, по оценкам современных историков, эти переписи могли занижать реальную численность населения в два с лишним раза. Зачастую две переписи, проведённые с интервалом всего лишь в несколько лет, давали совершенно разные результаты. Причин тому было несколько. Главная из них заключалась в том, что перепись проводилась властями

отнюдь не в целях праздного демографического любопытства. Правительству нужно было знать, сколько в стране налогоплательщиков и сколько военно {с.33 – с.34} обязанных. На основании данных переписи определялись налоговые и призывные квоты для каждой провинции и каждого уезда. Понятно, что в своём большинстве народ особо не рвался ни платить налоги, ни вступать в славные ряды вооружённых сил. Поэтому любая деревня, любой уезд стремились преуменьшить численность своего населения, ведь это означало, что потом им придётся меньше платить налогов и отправлять в солдаты меньше мужиков. Таким образом представленные “наверх” данные были всегда в той или иной степени заниженными. Немногочисленные чиновники просто не имели возможности всерьёз их проверять, да, зачастую, и не особо стремились к этому (особенно если излишнее чиновничье любопытство нейтрализовывалось подношениями от заинтересованных жителей уезда).

Поэтому все данные о численности населения Кореи в доколониальную эпоху, то есть в период до 1910 г., крайне ненадёжны. По-видимому, в XV веке в стране жило примерно 7-8 миллионов человек, то есть в 10 раз меньше, чем сейчас (напоминаю, что речь идёт об обеих половинах Кореи, а в настоящее время суммарное население Севера и Юга – 72 миллиона человек). 15-миллионный рубеж был преодолён в конце XVIII или начале XIX века. Подавляющее большинство корейцев, примерно 96-98%, жило тогда в деревнях. Население Сеула, насколько мы можем сейчас судить, на протяжении пяти веков правления династии Ли колебалось между 100 и 150 тысячами человек. Это был, безусловно, крупнейший город Кореи, ведь население даже самых больших провинциальных городов в те времена не превышало и 10 тысяч.

Уже в прошлом веке, в 1918 г., в Сеуле насчитывалось 189.153 жителя, то есть в шесть с лишним раз больше, чем в Кэсоне, который тогда имел население в 27.659 человек и являлся вторым городом страны. Любопытно, что на третьем месте находился тогда Пхеньян (21.869 человек – население российского райцентра средней руки), на четвёртом и пятом – совершенно захолустные сейчас Санчжу и Чончжу, в то время как нынешние мегаполисы Пусан, Тэгу, Кванчжу занимали весьма скромные {с.34 – с.35} места: двенадцатое, шестое, и...тридцать шестое соответственно.

Первая относительно надёжная, то есть организованная по современным научным методикам, перепись была проведена в Корее только в 1910 г. Она дала результат 17 миллионов 420 тысяч человек. Для сравнения, население России составляло тогда 160 миллионов человек, США – 92 миллиона, Франции – 40 миллионов, Китая – 450 миллионов. Иначе говоря, в 1910 г. население Кореи было 9 раз меньше российского (сейчас – в два раза меньше) и в 6 раз меньше американского (сейчас – в четыре раза меньше). В 1945 г., когда Корея была разделена на Север и Юг, в ней жило уже 28 миллионов человек: на Юге было около 19 миллионов, а на севере – около 9 миллионов жителей. Это соотношение (2:1 в пользу Юга) в целом сохраняется и до сих пор.

Как и везде в мире, население Кореи до начала нашего века было очень молодым. Рождаемость была очень высокой, женщина за свою (обычно – недолгую) жизнь обычно рожала 7-10 раз, но примерно треть детей умирала, не дожив до года, и ещё треть не доживала до десятилетнего возраста. В этом нет ничего удивительного: в столь сейчас идеализируемой царской России в конце XIX века, по официальным данным, из каждой 1000 новорождённых 279 умирало, не дожив до года! В Корее в 1910 г. средняя продолжительность жизни мужчин составляла всего лишь... 24 года. Женщины жили немного дольше – 26 лет. Цифры эти для нас кажутся ужасающе низкими, но, опять-таки, для тех времён они являются вполне обычными. Поэтому население Кореи, несмотря на высокую рождаемость, росло очень медленно. Высокая рождаемость “компенсировалась” высокой смертностью.

В колониальную эпоху ситуация в Корее существенно улучшилась. Новые лекарства, европейская медицина и, особенно, распространение современных представлений о гигиене сделали излечимыми многие болезни – от аппендицита до холеры – которые раньше были смертельно опасны. Поэтому к 1945 г. средняя продолжительность жизни для мужчин

составила 43, а для женщин – 44 года, {с.35 – с.36} то есть почти в два (!) раза больше, чем всего лишь за три десятилетия до этого.

Вообще говоря, демографическая ситуация в Корее в 1920-1970 гг. была очень похожа на ту, что сейчас существует в Африке или в странах Ближнего Востока: в течение этого времени рождаемость оставалась высокой, а вот смертность быстро снижалась. Результатом стал стремительный рост населения. За прошедшее столетие население Кореи выросло в четыре раза, причём по большей части этот рывок произошёл всего лишь за 15 лет: 1945-1960 гг.! Для сравнения: за это же столетие население Франции увеличилось в 1,4 раза, Испании – в 2,0 раза, Германии – в 1,2 раза, Японии – в 1,9 раза.

В шестидесятые годы темпы роста населения вызывали в Корее – в те времена бедной стране – немалое беспокойство. Власти даже проводили тогда кампанию по ограничению рождаемости, хотя и не такую активную как в нынешнем Китае. Многие корейцы старшего поколения помнят кампанию “3-3-35!” (рожайте три раза, с интервалом в три года, и прекращайте рожать после 35!). Семьи, в которых было более трёх детей, платили дополнительные налоги и лишались некоторых привилегий. Однако лучшим решением проблем, как это всегда и бывает, оказались не громкие лозунги, плакаты и настойчивые призывы к гражданскому самосознанию, а экономическое развитие страны. По мере роста уровня жизни и уровня образования рождаемость в Корее стала быстро снижаться. Так происходит всегда и везде: чем лучше живут люди в той или иной стране, тем, как правило, меньше у них детей (хотя в России почему-то думают по-другому).

Всего лишь за два десятилетия Корея из типичной развивающейся страны превратилась в типичную высокоразвитую: с низкой рождаемостью, низкой смертностью, высокой продолжительностью жизни. В 1998 г. корейцы в среднем жили 71,7 лет, а корейки – 79,2 года, то есть в три раза дольше, чем всего лишь столетие назад.

Однако у этой новой модели есть и обратная сторона. Как и в большинстве развитых стран, в наши дни в Корее не обеспечивается даже простое воспроизводство населения. В 1960 г. среднестатистическая корейка за свою жизнь рожала 6 раз. В 1970 г. этот показатель опустился до 4, а к 2002 г. средний уровень составил вообще 1,17 рождений на женщину (и продолжает падать). Это почти в два раза ниже того уровня, который необходим для поддержания стабильной численности населения. При том, что в своём большинстве замужние женщины в Корее не работают, они больше не хотят иметь много детей. Это и понятно. В старые времена дети, особенно сыновья, были гарантией обеспеченной старости. Вдобавок, в крестьянских семьях (то есть в 9/10 всех семей) дети начинали работать с 10-11 лет, и их трудовой вклад в семейный бюджет мог быть весьма значительным. Сейчас ситуация изменилась. Образование детей стоит очень дорого, работать начинают они очень поздно, да и способов обеспечить себе старость появилось немало.

Понятно, что для того, чтобы население оставалось на более или менее стабильном уровне, на каждую женщину в среднем должно приходиться чуть больше двух рождений. Такая ситуация, например, существует в США, где в среднем у женщины 2,1 ребёнка. Однако среди развитых стран США с их культом семьи и “семейных ценностей” – это исключение. Корея с её 1,17 ребёнка на семью – куда типичнее. Население Кореи, правда, продолжает расти, но происходит это за счёт продолжающегося и по сей день увеличения продолжительности жизни и постоянного снижения смертности. Как ожидается, около 2030 г. население страны достигнет максимума, а потом начнёт постепенно сокращаться. Однако ещё до этого Корее предстоит столкнуться с разнообразными проблемами, вызванными стремительным старением населения.

Другие проблемы вызваны заметным дисбалансом в числе мальчиков и девочек. После того, как в конце 1980-х годов появилась возможность легко определять пол нерождённого ребёнка, многие корейки, беременные девочками, стали делать аборты. Теоретически определение пола зародыша запрещено, но на практике многие семьи обходят этот запрет. В результате сейчас на 100 девочек рождается 110 мальчиков, в то время как естественное со

{с.37 – с.38} отношение – 100:105. В результате через 10-15 лет примерно каждый седьмой молодой кореец не сможет найти себе жены – по крайней мере, у себя в стране.

В 2000 году население Южной Кореи составило 47 миллионов 676 тысяч человек. Плотность населения составляет 475 чел. на кв.км (по этому показателю Корея находится на третьем месте в мире, после Бангладеш и Тайваня). Данные о населении Северной Кореи не очень надёжны, но оно, скорее всего, около 24 миллионов. Если считать и северян, и южан, то по численности населения Корея находится на 12-м месте в мире. Если даже говорить об одной только Южной Корее, то и она – не самая маленькая страна: Южная Корея с её 46 миллионами жителей относится примерно к той же “весовой категории”, что и Англия (57 миллионов), Польша (38 миллионов), Франция (58 миллионов), Испания (40 миллионов). {с.38 – с.39}

“Отважный тигр” и “могучий слон” (корейские ордена)

Орден – это изобретение европейское, западное, и в Корее ордена появились сравнительно недавно, чуть меньше столетия назад. До этого в Корее тоже, конечно, награждали отличившихся в боях воинов или образцовых чиновников, но награды эти обычно были вполне материальными, денежными. Впрочем, не следует думать, что предки корейцев были такими уж прагматиками: не дающие никаких материальных благ почётные звания тоже нередко присваивались в старой Корее. Однако ни орденов, ни медалей до начала XX века в Корее не было.

Только в 1900 г., то есть в те времена, когда корейцы начали активно заимствовать новые западные идеи и изобретения, да и вообще постепенно перестраивать всю жизнь страны на новый лад, появилось и первое корейское положение об орденах. Ордена быстро завоевали популярность среди корейской верхушки, и на старых фотографиях начала века генералы, сановники, да и сам король часто запечатлены в мундирах западного образца, с огромными эполетами, и со множеством орденских знаков на груди.

Однако всего лишь через 10 лет, в 1910 г., Корея потеряла независимость, и самостоятельная система корейских орденов и медалей прекратила своё существование. Вновь государственные награды были учреждены лишь после провозглашения республики Корея в августе 1948 г. Первой наградой независимой Кореи стал орден “За заслуги в создании государства”, который был учреждён 27 апреля 1949 года. Окончательно же корейская наградная сис {с.39 – с.40} тема сформировалась к 1963 году, когда вступил в действие закон “О государственных наградах”, который с некоторыми изменениями действует и поныне.

В настоящее время в Корее существует 10 орденов, каждый из которых, в свою очередь, имеет несколько степеней. При этом, в отличие от советской/российской системы, степени не нумеруются, а имеют специальные названия (у каждого ордена – свои). Существуют в Корее и орденские ленточки, а знаки высших степеней большинства орденов по парадным случаям могут носиться на специальной шейной перевязи. По своей форме корейские ордена представляют из себя многолучевые звёзды. Любопытно, кстати, что внешне знаки разных степеней одного и того же ордена почти не отличимы друг от друга.

Высшей наградой Кореи является орден “За заслуги в создании государства”. В отличие от остальных орденов, он имеет только три степени (высшая – “республиканская”, средняя – “президентская”, низшая – “гражданская”). Изначально этим орденом награждались участники освободительного движения, герои борьбы за независимость (многие из них были удостоены этой награды посмертно). Впоследствии этот орден также присваивался за особый вклад в развитие и укрепление корейского государства. Представляет он из себя восьмилучевую золотую звезду, в центре которой находится один из символов Кореи – круг, образованный двумя каплевидными знаками, которые символизируют позитивное и негативное начала “инь” и “янь”. Та же самая эмблема изображена на корейском государственном флаге, и “капли” на флаге тех же цветов, что и на ордене – одна красная, а другая – синяя.

Кроме этой, главной, награды, в Корее существует ещё девять орденов, причём каждый из них присваивается за заслуги в какой-то определённой области. “Орден трудового отличия” и “Гражданский орден” присваиваются в основном государственным служащим, а также и рядовым гражданам, которые своим трудом внесли особый вклад в развитие страны. Часто государственные чиновники получают ордена почти автоматически, за беспорочную службу в течение определённого периода времени. Недавно, {с.40 – с.41} например, было принято решение, что школьные учителя, отработавшие в системе народного образования более 40 лет, представляются к “Гражданскому ордену” второй степени (эта степень именуется “Пион”). Отмечают “Гражданским орденом” и героические поступки индивидуальных лиц. Один из недавних примеров этого – посмертное награждение “Гражданским орденом” тридцатитрёхлетнего жителя Пусана, который погиб, спасая тонущих в море детей. Кстати, одновременно с вручением ордена его семье было также выплачено правительством единовременное пособие в 85 миллионов вон (примерно 65 тысяч долларов по нынешнему курсу).

Орден “За боевые заслуги” вручается участникам Корейской войны и лицам, отличившимся во время иных боевых операций Корейской армии. В настоящее время его удостоено примерно 180 тысяч человек, то есть почти все ныне здравствующие участники военных действий, так что он по своей функции несколько напоминает советский/российский Орден Отечественной войны, который в последние годы у нас тоже стали вручать всем ветеранам.

Остальные шесть корейских орденов являются, так сказать, специализированными. Для военных, отличившихся в мирное время, предназначен орден “За оборону страны”. Любопытно, кстати, что этот орден присваивается и северокорейским военнослужащим, перешедшим на сторону Юга (поступок, как к нему ни относиться, действительно, требующий немалой личной храбрости). Так, в ноябре 1996 года орден “За оборону страны” получил Ли Чхоль-су, бывший северокорейский лётчик, который несколькими месяцами раньше перегнал в Сеул свой “МИГ-19”.

Особо удачливых предпринимателей и организаторов индустрии награждают “Промышленным орденом”. Массовые вручения этой (да и многих других) наград стараются приурочить к разного рода знаменательным датам. Вообще говоря, старая советская практика массовых награждений “к датам” не чужда и Корее. Так, в 1998 году состоялось несколько массовых награждений “Промышленным орденом”. 18 марта, когда в Корее отмечался “день торговли и промышленности” орден вручили 137 бизнес {с.41 – с.42} мемам, в том числе и Чён Мон-гу, президенту крупнейшей корейской компании “Хёндэ” (в России её часто неправильно именуют “Хьюндай”). 6 июля того же года, 28 корейцев также получили этот орден по случаю проводившегося в Корее “дня женщины-предпринимательницы”.

Заслуги в развитии сельского хозяйства отмечаются “Орденом новой деревни”. Впрочем, сейчас этот орден практически перестал вручаться, по крайней мере, в корейской прессе упоминания о награждениях им в последние годы практически не попадают. Это, однако, вызвано не внезапным падением интереса к сельскому хозяйству, а тем, что само название ордена напоминает о т.н. “Движении за новую деревню”. Движение это (кстати, достаточно успешное) организовали военные режимы, отношение к которым в Корее сейчас достаточно негативное. Похоже, что орден стал жертвой этих исторических ассоциаций.

Достижения творческих работников отмечаются в Корее “Орденом культуры”, а спортсменов – “Орденом спорта”. К спорту отношение в Корее серьёзное, власти воспринимают его как важное средство повышения международного престижа страны, а сами рядовые корейцы являются страстными болельщиками, что при их эмоциональности и не удивительно. Поэтому кавалерами “Ордена спорта” становятся почти все корейские спортсмены, добившиеся заметных успехов на международных соревнованиях.

Наконец, есть в Корее и орден “За установление дипломатических отношений” Он остался как напоминание о тех давних временах, когда Южная Корея ожесточённо соперничала с Северной на международной арене. Главным показателем успеха тогда было

количество стран, которые поддерживали официальные дипломатические отношения с каждым из соперничающих корейских государств. Дипломатическая дуэль уже давно и безоговорочно выиграна Югом, но напоминанием о ней остался орден, который присваивается как корейским гражданам, так и иностранцам за заслуги в деле развития связей между Кореей и иными государствами (в этом отношении он отчасти напоминает советский орден “Дружбы народов”). {с.42 – с.43}

Все корейские ордена, кроме главного – ордена “За заслуги в создании государства”, имеют по пять степеней. Как я уже упоминал, все степени имеют особые названия, которые могут быть довольно цветистыми. Так, пять степеней “Промышленного ордена” именуются “Золотая башня”, “Серебряная башня”, “Медная башня”, “Железная башня” и “Каменная башня”. Степени “Гражданского ордена” носят “цветочные” названия: “Роза Шарона” (мугунхва, символ Кореи), “Пион”, “Камелия”, “Магнолия”, “Гранат”. Однако, на мой субъективный взгляд, самые интересные и колоритные названия – у степеней “Ордена спорта”, которые именуются: “Синий дракон”, “Отважный тигр”, “Могучий слон”, “Белый конь” и “Единорог”.

Присваиваются корейские ордена специальным декретом, который подписывает президент Республики. При этом часто орденосцам полагаются либо разовые денежные выплаты, либо пожизненная пенсия. После смерти награждённого орден остаётся на хранении в семье, однако его наследники не имеют права ни продавать, ни уничтожить, ни как-либо повреждать его. Если орденосец совершит преступление, которое карается более чем тремя годами тюремного заключения, либо же во время войны перейдёт на сторону противника, либо же своими действиями поставит под угрозу безопасность государства, то он, как правило, лишается своих наград.

Случаи демонстративного отказа от получения правительственной награды в Корее редки, но временами подобные инциденты всё-таки происходят. Первый из них случился в 1995 году, когда бывший депутат корейского парламента, награждённая за заслуги в развитии женского движения, отказалась от ордена на том основании, что одновременно с ней к награде были представлены люди, связанные с тем самым военным режимом, против которого она когда-то боролась. Однако таких случаев очень мало, и в целом корейцы относятся к орденам достаточно серьёзно. Сами ордена одевают довольно редко, а вот орденская ленточка на костюме нет-нет, да и попадает на глаза. {с.43 – с.44}

Есть ли у Вас сеульская прописка?

С давних времён государства стремились контролировать своих подданных и одним из лучших способов такого контроля всегда были удостоверения личности. Однако система этих удостоверений в разных странах очень разная.

Хуже всего приживались удостоверения в странах с давними и прочными демократическими традициями. В США, например, как и в большинстве других англосаксонских стран, удостоверений личности формально нет. Время от времени правительство, правда, пытается их ввести, но эти поползновения встречают решительное сопротивление и кончаются ничем (в США последняя такая попытка была предпринята в 1970-е гг.). Однако в действительности удостоверение личности есть и в США, и в других странах Запада: роль привычного россиянам «внутреннего паспорта» выполняют там водительские права – машина ведь есть у всех.

Корейская система удостоверений личности, о которой у нас и пойдёт разговор, впрочем, куда ближе к японской, чем к американской. Система удостоверений личности в её нынешнем виде была введена в Корею в мае 1962 года, вскоре после того, как к власти в стране пришли военные во главе с генералом Пак Чжён-хи. По сути новые власти просто скопировали японскую систему, которую они по собственному опыту сами знали очень неплохо. Введённая тогда система впоследствии особо не менялась, и, по большому счёту, сохраняется до наших дней.

В соответствии с корейскими законами любой житель страны по достижении 16 лет должен обратиться в мест [{с.44 – с.45}](#) ную администрацию, где ему выдаётся удостоверение личности. По сути – это южнокорейский “внутренний паспорт”, хотя на российский/советский паспорт он внешне походит мало. Корейское удостоверение личности представляет из себя небольшую прямоугольную карточку. Карточка эта делается из картона, а потом запечатывается в прозрачный пластик (то есть ламинируется). Впрочем, недавно корейским правительством было принято решение заменить эти карточки на удостоверения личности нового образца, которые внешне выглядят довольно похоже, но изготавливаются из пластика.

На карточке есть фотография владельца, а также его основные биографические данные. По сути, в южнокорейском удостоверении личности указывается почти такая же информация, как и в советском паспорте: имя, год и место рождения, пол, отношение к воинской обязанности, и, наконец, прописка.

Да, прописка! В Корею есть система регистрации населения по месту жительства, которая по сути мало отличается от нашей родимой “прописки”. Единственная (хотя и немаловажная) разница – это то, что в Корею речь идёт именно о регистрации. В случае смены места жительства все корейцы обязаны в установленный срок сообщить об этом властям и сдать своё удостоверение для того, чтобы в него внесли новый адрес. Однако власти не могут разрешать или запрещать кому-либо поселиться в том или ином городе. Сеульская мэрия не может вести себя так, как, например, ведёт себя московская городская администрация, и превращать “сеульскую прописку” в привилегию. Любой, кто приехал в Сеул и купил или снял там жильё, получает эту прописку автоматически.

Есть, однако, в корейском удостоверении личности и графы, для нас необычные. Например, в карточке-удостоверении указывается семья, членом которой является человек, а также имя главы этой семьи. Действительно, в Корею “глава семьи” – это не бытовая, а вполне официальная категория. В последние годы эта особенность корейской “паспортной системы” вызывает всё большую критику. Корейские феминистки видели в наличии графы “гла [{с.45 – с.46}](#) ва семьи” ущемление прав женщин, ведь главой семьи всегда считается мужчина. Вообще в последнее время в Корею были ликвидированы многие проявления бывшего юридического неравенства мужчин и женщин. Например, до 1997 г. гражданином Кореи становился тот человек, отец которого также был корейским гражданином. Гражданство матери при этом значения не имело. В 1997 под давлением феминистских групп (а также корейцев, состоящих в браке с иностранцами) этот закон был пересмотрен, и теперь ребёнок может получить гражданство Кореи и в том случае, если корейской гражданкой является только его мать, но не отец. Поэтому нет ничего удивительного, что и в закон об удостоверениях личности были недавно внесены соответствующие изменения. В новых удостоверениях графы “глава семейства” больше нет.

До декабря 1997 года все совершеннолетние корейцы были обязаны всегда иметь при себе удостоверение личности. Хотя это требование уже не действует, большинство по старой привычке всегда берут удостоверения с собой. В конце концов, небольшая карточка не занимает много места, да и пластик делает её весьма долговечной. Вдобавок, спрашивают её действительно часто, так что и поныне маленький картонный прямоугольник можно найти в кармане у большинства корейцев.

В этой связи, кстати, часто спрашивают: а может ли иностранец стать корейским гражданином. До недавнего времени корейские власти не слишком приветствовали подобное намерение, да и желающих было не слишком много. Сейчас ситуация изменилась, и южнокорейское гражданство ежегодно получает около тысячи иностранцев. В основном, правда, это супруги южнокорейских граждан. При этом властям приходится бороться и с фиктивными браками, которые заключают, в основном, этнические корейки из Китая. Тем, кто женат или замужем за корейцем, для получения гражданства достаточно прожить в стране два года. Кроме того, на корейское гражданство может претендовать любой иностранец, легально проживший в стране не менее пяти лет, и сдавший экзамен на знание корейского языка и культуры. [{с.46 – с.47}](#)

Непобедимая и легендарная...

Как и все иные государства мира, Корея имела вооружённые силы с незапамятных времён, и дела корейским военным всегда хватало. Корея – это маленькая страна, расположенная в стратегически важном регионе, так что воевать ей приходилось часто. Тут можно вспомнить и ожесточённые конфликты с китайскими империями, и продолжительное сопротивление монголам, и бесконечные столкновения с японцами. Однако в 1910 г., когда Корея стала японской колонией, современная армия существовала только в самом зародышевом состоянии. Поэтому в своём нынешнем виде корейские вооружённые силы возникли уже после Второй мировой войны и освобождения страны от японских колонизаторов. Ещё в конце 1945 года американская военная администрация, которая тогда управляла Южной Кореей, начала формирование “полевой полиции”, которая и стала зародышем вооружённых сил Южной Кореи. Официально же армия была создана только после того, как 15 августа 1948 года в южной части Корейского полуострова была провозглашена Республика Корея.

Южнокорейской армии не исполнилось и двух лет, когда 25 июня 1950 года части вооружённых сил Северной Кореи внезапно пересекли разделявшую Север и Юг демаркационную линию (“38-ю параллель”). Так началась Корейская война, которая поначалу разворачивалась крайне неудачно для Юга. Фактически южнокорейская армия была почти полностью разгромлена в первых же сражениях, и к началу сентября 1950 г. северяне заняли более 90% всей территории страны. Только вступление в {с.47 – с.48} войну США спасло тогда Южную Корею от окончательного поражения. Опыт лета 1950 г., воспоминания о произошедшей тогда военной и политической катастрофе, о фактической беспомощности корейской армии перед лицом хорошо вооружённого и обученного врага во многом сформировали мировосприятие южнокорейских военных и государственных деятелей. В этом смысле Южная Корея отчасти напоминает СССР, где раны лета 1941 г. не могли зажить очень долго. Решимость не допустить повторения подобной катастрофы до сих пор в немалой степени определяет южнокорейскую военную политику.

Во многом это вызвано и тем обстоятельством, что юридически Южная Корея – это и поныне воюющая страна. В 1953 году Корейская война закончилась не миром, а только перемирием, соглашением о прекращении огня. В Корее нет мирного договора, то есть формального соглашения, которое прекратило бы состояние войны, так что с международно-правовой точки зрения Корейская война как бы ещё и не окончена. И это не только какие-то юридические тонкости. Граница между Севером и Югом неспокойна, северокорейские диверсанты регулярно появляются на юге страны, а засланные с севера террористы по меньшей мере трижды – в 1968, 1974 и 1982 г. – организовывали покушения на южнокорейских президентов. “Малая” война разведок и спецназов в любой момент может перерасти в большую войну, так что военные специалисты уже несколько десятилетий относят Корейский полуостров к числу наиболее нестабильных регионов планеты. Не удивительно, что в жизни Республики Корея армия играет немалую роль.

Южнокорейская армия обучена американскими инструкторами, и вооружена в основном американским оружием. На территории Кореи по-прежнему находятся американские войска, которые в случае войны должны действовать совместно с корейской армией. Поэтому структура корейских вооружённых сил более или менее копирует американскую, и во многом отличается от привычной нам российской/советской структуры. {с.48 – с.49}

В Корее существуют три вида вооружённых сил: армия, авиация и флот. Как и в США, они весьма независимы друг от друга. Во главе армии, опять-таки по американскому образцу, стоит Комитет начальников штабов, который играет роль Генерального Штаба и осуществляет оперативное руководство вооружёнными силами. Существует в Корее и Министерство Обороны, но оно является гражданской организацией, ответственной за бюджет вооружённых сил, их снабжение и кадровые вопросы. Кроме того, в Корее существует независимая морская пограничная охрана, равно как и части гражданской обороны.

Военно-политическая ситуация, существующая на Корейском полуострове, оставляет мало сомнений по поводу того, кто же является вероятным противником для корейских военных. Ни для кого не секрет, что Армия республики Корея готовится к возможной войне со своим северным соседом (военные Северной Кореи, впрочем, тоже не скрывают, что для них вероятный противник – это армия Юга и находящиеся там американские войска).

В начале этого 1998 года вооружённые силы Республики Корея насчитывали 672 тысячи человек. Надо учесть, что вооружённые силы вероятного противника – Северной Кореи – насчитывают 1.100 тысяч человек, то есть по численности превосходят южнокорейскую армию почти в два раза. И это несмотря на то, что численность населения в Северной Корее в два раза меньше, чем на Юге! Превосходство вероятного противника в живой силе Юг стремится компенсировать главным образом за счёт использования более современных систем вооружения (северокорейская армия вооружена в основном советскими системами 60-х и даже 50-х годов, а также их аналогами собственного производства).

Из 672 тысяч южнокорейских военных 560 тысяч служит в сухопутных войсках, 60 тысяч в ВМФ, и 52 тысячи в ВВС (здесь и далее все цифры приводятся по западным публикациям, в первую очередь – по материалам авторитетного Лондонского Института стратегических исследований). Сухопутные войска состоят из 22 пехотных и мотопехотных дивизий и ряда отдельных бригад, в том числе 7 бри {с.49 – с.50} гад спецназначения, 3 бригад борьбы с силами спецназначения, 3 бригад ПВО. На вооружении сухопутных войск находится 2130 танков, 2490 бронетранспортёров, 3500 несамходных и 900 самоходных орудий, 143 боевых вертолётa. Львиная доля вооружённых сил сконцентрирована у самой границы с Севером. Стратегическое положение Южной Кореи незавидное, ведь её столица, в которой сосредоточена треть населения и почти весь научно-технический потенциал страны, находится всего лишь в 30-40 км от границы, в зоне артиллерийского огня вероятного противника. Поэтому защита Сеула – одна из важнейших задач корейских сухопутных сил.

Южнокорейское оружие частично американского, а частично – собственного производства. Так, из 2130 состоящих на вооружении танков 800 произведено в Южной Корее (тип 88), 80 – в России (Т-80), а остальные 1250 – американские (М-47 и М-48). Корейская промышленность самостоятельно и по лицензиям производит стрелковое оружие всех видов, артиллерийские системы, танки. В последнее время Южная Корея стала изредка закупать оружие и в России. Москва проявляет в этой области активность, надеясь поставками оружия частично погасить свою немалую задолженность Сеулу. Однако попытки закупать российское оружие обычно встречаются в штыки американцами, и корейцы, прислушиваясь к настойчивым советам союзников, проявляют немалую осторожность, закупая русское оружие лишь маленькими партиями.

Авиации в Южной Корее также уделяется немалое внимание. Военная доктрина страны требует немедленного достижения превосходства в воздухе, без которого положение южнокорейских вооружённых сил и корейской столицы в случае войны будет незавидным. Значительную роль в этом должны сыграть, как предполагается, части американских ВВС – и те, что уже находятся в Корее, и те, что туда могут быть переброшены в случае необходимости. Однако корейские ВВС и сами по себе представляют немалую силу. На их вооружении состоят 460 боевых самолётов и вертолётa, в том числе 195 истребителей F-5 и 60 истребителей F-16 (частично – корейской сборки). {с.50 – с.51} Кроме этого, в Южной Корее имеется 143 боевых и значительное количество транспортных вертолётa, входящих в состав сухопутных войск, а также самостоятельная авиация военно-морского флота. Как и в случае с сухопутными силами, большинство самолётa и наземного оборудования поставлено американцами, а экипажи и наземный персонал обучены в соответствии с американскими уставами. И в ВВС время от времени идут разговоры о возможной и даже желательной диверсификации, о закупке части боевой техники в России, но пока дальше разговоров дело, кажется, не идёт (и, смею предположить, и не пойдёт – слишком уж сильны американские интересы).

ВМФ до недавнего времени был достаточно второстепенным видом корейских вооружённых сил, хотя в его состав, по американскому образцу, входили две хорошо

обученные и вооружённые дивизии морской пехоты (25 тысяч человек). Подразумевалось, что в случае войны значительную часть бремени должны были бы взять на себя США. В последнее время, однако, роль флота в Южной Корее постепенно возрастает. В его состав сейчас входит 9 подводных лодок, 40 боевых надводных кораблей, не считая многочисленных сторожевых кораблей и десантных средств. Корея налаживает постройку собственных подводных лодок, а время от времени начинаются даже разговоры о покупке или постройке в будущем первого корейского авианосца.

Армия в Южной Корее не “профессиональная” (то есть, называя вещи своими именами, наёмная), а призывная. Срок службы зависит от рода войск, от семейных обстоятельств кандидата, от ряда других факторов, но в целом составляет от 1,5 до 2,5 лет. Отношение к призыву очень серьёзное. В армии служат практически все мужчины, вне зависимости от их образования или от связей их родителей. В 1997 году, когда в Корее проходили президентские выборы, одной из причин поражения кандидата от правящей партии стало то, что он, похоже, помог своему сыну избежать армейской службы. Как только это стало известно, авторитет кандидата в президенты в глазах избирателей был безнадежно подорван, и выборы он с треском про {с.51 – с.52} играл. Отсрочек по учёбе в Корее нет (студентов берут в армию прямо из вузов), отсрочки по болезни даются очень неохотно. Право на отсрочку имеют немногие. Во-первых, это те, у кого рост меньше 141 см или вес меньше 44 кг. Во-вторых, те, у кого близорукость больше 10 диоптрий. В-третьих, те, кто страдает от диабета или некоторых иных хронических болезней. Наличие реальной и всеми осознаваемой угрозы национальной безопасности, наверное, оказывает немалое влияние на отношение корейцев к военной службе: уклоняться от нее, “косить” в Корее не принято. Во многих случаях это, как говорится, и себе дороже: мужчина, не служивший в армии, вызывает при трудоустройстве немалые сомнения в отделах кадров серьёзных компаний. {с.52 – с.53}

Самолётом – лучше

В наше время Южная Корея – одно из самых “авиационных” государств планеты. Несмотря на то, что страна эта очень невелика, её жители летают на самолётах часто и охотно, так что в 1998 году по объёму пассажироперевозок Корея занимала 11-е место в мире. Способствует популярности авиатранспорта и то, что цены на авиабилеты в Корее невысоки, примерно в три раза ниже среднемировых, и то, что практически любой крупный город имеет свой аэропорт. Как же начиналась история корейской гражданской авиации?

Впервые самолёт жители Сеула увидели в 1913 г. Именно тогда лейтенант Нарахара поднял в воздух “аппарат” собственной конструкции. Он стартовал с временного аэродрома, который располагался в районе Ёнсан, поблизости от Итхэвона. С нынешней точки зрения такое расположение аэродрома кажется несколько странным, но в середине 1910-х годов Ёнсан был окраиной города, ведь застройка южного берега Хангана началась только после 1965 года. Кроме того, именно на Итхэвоне располагались казармы японских войск и штаб-квартира японских оккупационных сил (ныне на этой территории разместились штаб-квартиры американских войск в Корее). Поэтому решение разместить первую базу военной авиации именно в Ёнсане было вполне логичным. В 1916 г., однако, аэродром перенесли на остров Ёйдо, который тогда был дальней окраиной столицы.

Помимо полётов японских военных лётчиков, время от времени устраивались и показательные выступления, своего рода “воздушный цирк” для развлечения сеульцев. По {с.53 – с.54} казательные полёты организовывались как японцами, так и иностранными мастерами высшего пилотажа, которые иногда проезжали через Корею. Со временем своё мастерство желающим стали показывать и корейские лётчики. Огромное внимание привлекли, например, проведённые в 1922 г. показательные полёты Ан Чхан-нама, первого лётчика-корейца. Тогда на аэродром пришло 50 тысяч человек – примерно четверть всего населения Сеула! Впоследствии Ан Чхан-нам эмигрировал в Китай, участвовал там в движении за независимость Кореи, служил в китайских ВВС и погиб в 1930 г. во время испытаний новой машины.

Регулярно пассажирские самолёты стали появляться в небе Сеула только с 1929 года. С этого времени в Сеуле, на аэродроме Ёйдо, стали садиться на дозаправку японские самолёты, летавшие между Токио и китайским городом Далянем (рядом с Порт-Артуром, со времён русско-японской войны известен в России как “Дальний”). С того же 1929 года начались и регулярные полёты по внутренним почтовым и почтово-пассажирским линиям, которые также осуществлялись японской авиакомпанией. Впрочем, корейские бизнесмены постарались не отстать и также создали небольшую авиакомпанию, самолёты которой с 1936 года летали между Сеулом и Кванджу. Ведущую роль среди основателей этой компании играл Син Ён-ук, один из первых корейских профессиональных пилотов и талантливый бизнесмен. Примерно в это же время появились и первые корейские пилоты и авиамеханики – выпускники японских лётных училищ. Однако в общем и целом авиация в колониальной Корее была занятием японским. Немногочисленные корейские лётчики и иные авиационные специалисты служили в японских ВВС или в японских авиакомпаниях.

Национальная корейская авиакомпания была основана уже после освобождения Кореи, в 1948 году, причём основателем её был тот же Син Ён-ук. Называлась она KNA, по сокращению английского “корейская национальная авиакомпания”. В августе 1948 г. новая авиакомпания приобрела свои первые машины – три списанных американских лёгких самолёта. Каждый из них мог взять на борт пилота и {с.54 – с.55} 4 пассажиров, а также несколько мешков с почтой. Именно такой самолёт утром 30 октября 1948 г. отправился в первый регулярный почтово-пассажирский из Сеула в Пусан (после 1981 г. это день, 30 октября, стал официально считаться «днем гражданской авиации», профессиональным праздником корейских лётчиков). Кстати, сам Син Ён-ук продолжал летать до конца жизни, зачастую лично пилотируя самолёты своей авиакомпании. К концу жизни у него было более 3000 часов налёта – более чем внушительная цифра для администратора и бизнесмена.

В самые первые годы своего существования KNA не имела самолётов, которые могли бы использоваться на международных линиях, и деятельность её в основном сводилась к взаимодействию с иностранными авиакомпаниями, самолёты которых летали в Сеул или просто совершали там посадку. Первые пассажирские самолёты были закуплены в 1950 г.: два американских DC-3 поступили в распоряжение KNA в декабре 1950 г. Вскоре к ним добавилась и третья машина. С 1951 г., несмотря на условия военного времени, KNA открыла воздушное сообщение между крупнейшими южнокорейскими городами. Это было возможно из-за полного превосходства американско-южнокорейских сил в воздухе, ведь северокорейские, китайские и советские пилоты, воевавшие на стороне Северной Кореи, после 1951 не решались вторгаться в воздушное пространство Юга. Тем не менее, в условиях войны о выходе на международную арену не было и речи, так что только после подписания в 1953 году соглашения о перемирии KNA стала готовиться к полётам за границу.

В то время на мировом рынке пассажирских самолётов практически безраздельно господствовала американская фирма “Дуглас”, так что не удивительно, что первыми корейскими авиалайнерами стали самолёты DC-3 производства этой фирмы. Эти сравнительно небольшие двухмоторные машины летали на внутренних рейсах (в KNA эти машины использовались в 36-местном варианте). Кстати сказать, их могут помнить и наши читатели старшего поколения, ведь DC-3 по американской лицензии производился и в СССР, где его называли Ли-2. Самолёт этот пользо {с.55 – с.56} вался у нас в пятидесятые годы огромной популярностью, хотя его “американская родословная” тогда у нас по понятным причинам не афишировалась. Каждый из трёх самолётов KNA, помимо стандартного бортового номера, имел и своё собственное имя.

В 1954 году были закуплены и более крупные лайнеры DC-4, предназначавшиеся для международных перевозок. В зависимости от модификации и оборудования салона, эти четырёхмоторные машины могли брать на борт от 40 до 70 пассажиров. По своему внешнему виду и характеристикам DC-4 несколько напоминал наш Ил-18, хотя и был примерно в полтора раза меньше (что не удивительно – ведь DC-4 появился на десятилетие раньше).

29 августа 1954 года состоялся первый международный рейс корейской авиакомпании. Самолёт вылетел из Сеула и после 8 часов полёта благополучно приземлился в столице

Тайваня – Тайбэе. Кстати сказать, сейчас полёт по этому маршруту отнимает в два раза меньше времени. В те годы Тайвань и Южная Корея были близкими союзниками, так что полёты по этой трассе стали проводиться три раза в неделю. Через год линию продлили дальше, до Гонконга, в те времена – британской колонии. Стоил билет в оба конца 261 тогдашний американский доллар. Такую сумму среднестатистический кореец зарабатывал тогда за год, так что слетать в Гонконг или на Тайвань могли, прямо скажем, не многие. Для справки: сейчас цена билета до Тайваня – это примерно шестая часть среднемесячной зарплаты корейца или, иначе говоря, около 1,5% его годовой зарплаты.

Главный сеульский аэропорт в пятидесятые и шестидесятые годы по-прежнему находился на острове Ёйдо, недалеко от нынешнего здания корейского парламента и радиостанции KBS. Аэродром в Кимпхо начали строить для нужд японских ВВС в 1939 г. , перед самой войной, а в строй он вступил в 1942 г. Одно время там тренировались пилоты-камикадзе, а после 1945 г. Кимпхо стал крупнейшей базой американских ВВС в Корее. До 1958 г. аэропорт Кимпхо использовался он по преимуществу американской военной авиацией (совершали посадку там также и меж {с.56 – с.57} дународные рейсы). Только в конце 1960-х годов, после того как остров Ёйдо оказался в пределах городской черты и там началось масштабное строительство, аэропорт на этом острове был окончательно закрыт и Кимпхо превратился в единственные воздушные ворота корейской столицы. Эту роль Кимпхо играл до 2001 года, когда открылся новый корейский международный аэропорт вблизи Инчхона.

В целом финансовые дела у первой корейской национальной авиакомпании шли неважно, она постоянно находилась на грани банкротства. Корея оставалась очень бедной страной, в которой мало кто мог позволить себе путешествовать самолётом – тем более, что небольшая территория страны делала поезд вполне приемлимой альтернативой (не случайно в Северной Корее и поныне не существует регулярного местного авиасообщения). Кроме того, KNA просто не везло. В 1957 г. один из DC-3 был повреждён во время вынужденной посадки, а в 1958 г. северокорейские агенты захватили и угнали ещё один самолёт. Помимо финансового ущерба, оба инцидента во многом подорвали доверие к авиации. Те немногочисленные корейцы, которые в принципе могли заплатить за билет, стали бояться летать.

Вдобавок, после революции 1960 г. у KNA начались и политические пролблемы. Ей стали мешать те близкие связи, которые с давнего времени существовали между её бессменным руководителем Син Ён-уком и свергнутым диктатором Ли Сын-маном. Именно эти связи и вызванные ими нападки в прессе стали одной из причин самоубийства отца-основателя корейской авиации в 1962 г. Поэтому в 1962 году KNA была радикально реорганизована новым правительством генерала Пак Чжён-хи. На её основе была создана новая авиакомпания – KAL (Korean Air Lines), которая существует и поныне. С возникновением KAL закончилось детство корейской гражданской авиации. То, что произошло после 1962 года – это уже совсем другая история...

Компания KAL принадлежала государству и постоянно несла убытки. Задолженность компании возрастала с каж {с.57 – с.58} дым годом. Общая ситуация на рынке также не слишком способствовала развитию авиации: Корея оставалась очень бедной страной, в которой лишь немногие могли позволить себе воспользоваться самолётом. Руководство компании предпринимало отчаянные попытки обновить свой парк: в 1967 г., например, был закуплен первый реактивный самолёт – лайнер DC-9. Однако вскоре стало ясно, что приобретение оказалось убыточным. 1 сентября 1967 г., выполняя регулярный рейс в Японию, DC-9 совершил вынужденную посадку в аэропорту Осаки. Никто из 63 пассажиров и 9 членов экипажа не пострадал, но расследование показало, что всем им крупно повезло: неисправность в электрооборудовании двигателя могла привести к взрыву. Стало ясно, что эксплуатация реактивного лайнера требовала сложного технического обеспечения и квалифицированных кадров, которого в Корее тогда не имелось. Ремонт тоже обошёлся в немалые деньги, так что DC-9 в конце концов пришлось на какое-то время вывести из эксплуатации.

В 1969 году авиакомпания KAL была приватизирована и перешла в собственность крупной частной компанией “Ханчжин”, которая занималась в основном транспортными операциями (в частности, она уже тогда была крупнейшим корейским судовладельцем). Дата этой покупки, 1 марта 1969 года сейчас считается официальным “днем рождения” KAL.

К тому времени у авиакомпании имелось только восемь самолётов и три международных линии. Однако новые владельцы приступили к интенсивному расширению авиапарка. При этом они надеялись, что быстрый рост уровня жизни, начавшийся в те времена, скоро сделает самолёт доступным средством транспорта. Та оно и получилось. В мае 1973 года, компания приобрела первый гигантский авиалайнер Боинг-747 (точнее, B747-200B) и стала активно развивать перевозки на дальних маршрутах. Первый такой маршрут соединил Сеул с Парижем в 1975 году. Вслед за этим начались регулярные полёты в страны Ближнего Востока, в которых тогда работали многочисленные корейские строители. {с.58 – с.59}

В восьмидесятые годы в Корее начался взрывообразный рост авиаперевозок – в первую очередь, международных. Прошедшие в 1986 году в Сеуле Азиатские Игры и, особенно, Олимпийские игры 1988 года привлекли в страну множество иностранных туристов. В конце восьмидесятых правительство отменило и жёсткие ограничения на поездки за границу, которые существовали в течение нескольких десятилетий (до конца восьмидесятых корейцы, как правило, не могли ездить за границу по личным делам или как туристы). Результат реформ был вполне предсказуем: корейцы начали ездить по миру. Экономическое процветание сделало такие поездки доступными для очень многих – сейчас за границу может съезить практически любой работающий кореец. Само собой, выехать за пределы своей страны кореец может только на самолёте – ведь формально Южная Корея всё ещё находится в состоянии войны с Кореей Северной, и по суше из Южной Кореи выбраться невозможно. Кроме того, корейцы часто используют самолёт для внутренних поездок – несмотря на небольшие размеры страны.

В 1988 у KAL появился конкурент: авиакомпания Asiana. Это было сделано специально – для того, чтобы разрушить монополию KAL на рынке авиаперевозок. Однако, Asiana и поныне существенно уступает KAL по своим размерам. В январе 2002 года, у KAL имелось 119 самолётов, в то время Asiana владела лишь 60 машинами.

Как бы то ни было, летают корейцы много – даже на расстояния, на которые в иных странах, пожалуй, поехали бы на автобусе. Самолёт стал частью повседневной корейской жизни. {с.59 – с.60}

Корейцы и железная дорога

18 сентября 1899 года, то есть почти столетие назад, началось движение поездов по первой корейской железной дороге. Дорога эта соединила Сеул и Инчхон – ближайший к корейской столице морской порт. Концессию на её строительство получил в 1896 г. американец Джеймс Морзе (James Morse), но в начале 1898 г. он вынужден был уступить свои права японской компании (японские предприниматели и дипломаты весьма болезненно восприняли то, что они были отстранены от участия в таком стратегически важном деле). Протяжённость у неё была невелика, всего лишь 32 километра. Средняя скорость движения поездов составляла 25 км/ч, но иногда им удавалось разогнаться и до головокружительной скорости – 55 км/ч! Сразу после введения в эксплуатацию этой линии началось строительство других, куда более протяжённых веток. Уже к 1906 году сквозная железнодорожная линия пересекла весь Корейский полуостров, соединив город Пусан на южном побережье с Синчжу на китайской границе. Строили дороги, естественно, колонизаторы, то есть японцы. Точнее, японцами были инженеры, менеджеры и всяческое начальство, а тяжёлую работу выполняли в основном корейцы.

Период между первой и второй мировыми войнами стал “золотым веком” корейских железных дорог (впрочем, это вообще было время расцвета железнодорожного сообщения во всем мире). Поезд в те времена был главным средством сообщения при поездках на

дальние расстояния, а железная дорога была символом перемен и прогресса, нового времени и новых идей. Железная дорога дала {с.60 – с.61} возможность добраться от Сеула до Пусана за каких-то 15 часов! Сейчас, когда эта дорога на машине занимает 5 часов, а на самолёте – 45 минут, этим никого не удивишь, но в начале нашего века корейцы помнили, что в старые времена даже правительственному гонцу требовалась 3 дня на то, чтобы преодолеть этот путь.

Первый сеульский вокзал был построен в 1900 г., а нынешнее тяжеловесное здание – уже третье. Предшественником Сеульского вокзала была маленькая станция Намсан – построенный в конце 1900 г. деревянный домик площадью всего лишь 35 квадратных метров. В 1915 г. старую станцию снесли и построили новую, куда большего размера, которая тоже просуществовала недолго, меньше десяти лет.

Строительство нового здания вокзала началось в 1922 г., а в строй он вступил в конце 1925 г. Несмотря на несколько реконструкций здание и поныне сохраняет первоначальный облик. Не ясно, кто именно разработал его проект. Согласно одним данным, автором проекта был Сикамото Ясуси, который тогда был профессором архитектуры в Токийском Императорском Университете. Однако в большинстве публикаций утверждается, что здание было спроектировано Георгом де Лаланде, немецкий архитектором, много лет жившим в Токио и часто работавшим в Корее. Де Лаланде действительно построил немало общественных зданий (в частности, он спроектировал недавно снесённое здание Генерал-губернаторства в Сеуле). Правда, в проектировании вокзала он участия принимать не мог по очень простой причине – Де Лаланде умер в 1915 г.

На проект Сеульского вокзала сильно повлияла японская железнодорожная архитектура тех лет, так что многие даже называли это здание уменьшенной копией Токийского вокзала. Другим образцом послужил Хельсинский вокзал в Финляндии, которая тогда считался образцом для железнодорожной архитектуры.

Поскольку Корея была японской колонией, то и организация корейских железных дорог была в целом идентична японской. Некоторые традиции тех времён сохранились и до наших дней: например, в отличие от всех дру {с.61 – с.62} гих видов транспорта, корейская железная дорога придерживается левостороннего движения, хотя после войны весь остальной корейский транспорт стал двигаться по правой стороне. Иногда это приводит к забавным последствиям. Поезда на тех ветках сеульского метрополитена, которые соединены с пригородной электричкой (т.н. “первая линия”) подчиняются железнодорожным правилам, и ходят по левой стороне. Поезда на тех ветках, что с электричкой не соединены, ходят по правой. Пешеходы в Корее ходят по левой стороне, а машины – по правой. Такая вот путаница.

Однако вернёмся к корейским железным дорогам. Немалый урон нанесла им война – не столько вторая мировая, которая Корею затронула сравнительно мало, сколько разрушительная война Севера и Юга в 1950-1953 годах. Однако железные дороги удалось восстановить довольно быстро. Более того, именно во время войны в Корее началась замена паровозов на тепловозы (первые тепловозы появились в стране в 1951 году). Замена эта, впрочем, продолжалась долго и полностью завершилась только к концу семидесятых годов.

Однако, несмотря на все успехи восстановления, после войны активного строительства новых линий в Корее больше не велось. Общая протяжённость железных дорог в Южной Корее в 1945 году составляла 2.600 километров, а сейчас, спустя полвека, она увеличилась только до 3.100 километров. Отчасти этот застой связан с тем, что в таком строительстве просто не было необходимости: все заметные населённые пункты и так уже давно соединены между собой железнодорожными ветками. Однако во многом он отражает более серьёзные причины: постепенное вытеснение поезда автомобилем. С особой интенсивностью это вытеснение стало происходить в восьмидесятые годы, когда Корея была покрыта сетью скоростных автострад, и автомашина из предмета роскоши превратилась в предмет необходимости. Сейчас железная дорога в Корее берёт на себя только 4% пассажирских и

20% грузовых перевозок (автотранспорт, для сравнения, 90% и 70% соответственно). {с.62 – с.63}

Однако списывать железную дорогу со счёта совсем не следует. В конце концов, из старого сеульского вокзала, построенного ещё в 1925 году, каждый день отправляется в дорогу 100 тысяч человек. Объём пассажироперевозок за последние 15 лет увеличился примерно в полтора раза. Многие корейцы по-прежнему предпочитают железную дорогу и автобусу, и самолёту. Она, как говорит статистика, самый безопасный вид транспорта. Вдобавок, корейские поезда ходят точно по расписанию, в то время как из-за постоянных пробок на корейских дорогах никто и никогда не может вам гарантировать своевременное прибытие автобуса к месту назначения. Наконец, немалые надежды корейских железнодорожников связаны с созданием сети сверхскоростных поездов. Сейчас идёт прокладка линии Сеул-Пусан, по которой скоростные поезда будут двигаться со скоростью, превышающей 200 км/ч. Магистраль эта вступила в строй в 2004 г.

В этой вязи ожидается, что железная дорога составит немалую конкуренцию самолёту, ведь на расстояниях в 300-500 километров (а больших в Корее практически и не бывает), скоростной поезд имеет перед самолётом немалые преимущества. Так что не всё потеряно для железных дорог, которые только что отметили своё столетие. {с.63 – с.64}

Как устроен корейский университет?

Корейская система образования складывалась под японским влиянием и поэтому, как ни странно, она весьма напоминает российскую. Казалось бы, какая связь между японской и российской вузовской системой? Самая прямая. И та, и другая в своё время были скопированы с немецкой, а точнее, с прусской. В России стараются замалчивать тот, хорошо известный специалистам, факт, что в первых русских университетах немцы составляли подавляющее большинство преподавателей и администраторов, да и преподавание в них часто велось на немецком языке. Первые японские университеты были созданы столетием позднее, но также при активнейшем участии немецких советников. Естественно, что корейские профессора первого поколения, сами будучи выпускниками японских вузов, организовывали корейские университеты по японскому (читай: немецкому) образцу. После 1945 г. их пытались американизировать, но многие из былых японских традиций сохранились до наших дней.

В 2000 г. в Южной Корее действовал 161 университет, в которых обучался 1 миллион 157 тысяч студентов. Кроме этого, в стране действует ещё около сотни т.н. “колледжей” – своего рода неполноправных вузов с двухлетним сроком обучения (их выпускники имеют право, сдав специальные экзамены, перейти на второй или третий курс “настоящего” университета). Подавляющее большинство корейских вузов – частные, государственных среди них только 24. Однако в Корее, в отличие, например, от Америки, государственные университеты ценятся гораздо {с.64 – с.65} выше, чем частные, и большинство способных и честолюбивых абитуриентов стремится попасть именно в государственный, а не в частный вуз. Вообще иерархия корейских университетов – тема важная и особая, мы к ней ещё вернёмся. Корея занимает одно из первых мест в мире по доле школьников, которые после окончания средней школы поступают в вузы – сейчас таких около 70%! Однако поступить в престижный вуз по-прежнему очень сложно.

Обучение в университете занимает 4 года, учебный год начинается 1 марта, но интенсивность занятий не очень велика, и корейские студенты, скажем прямо, особо не перерабатывают. Зимние каникулы длятся три месяца, а летние – два. Кроме того, в корейских университетах существует пятидневная рабочая неделя – суббота является выходным днём (стоит напомнить, что в корейских учреждениях, наоборот, суббота – рабочий день). Если сюда добавить ещё и многочисленные фестивали, спортивные мероприятия и прочие культпоходы, то получается, что корейские студенты вообще занимаются менее 150 дней в году!

Корейские университеты вполне оправдывают своё название и действительно являются именно универсальными учебными заведениями. Специализированные вузы (типа советских институтов, ныне сплошь переименованных в “университеты”) существуют и в Южной Корее, но количество их невелико, да и статус их, за некоторыми исключениями, не слишком высок.

Типичный крупный корейский университет имеет в своём составе десять-двадцать факультетов, которые по американскому образцу обычно называются “колледжами”. В некоторых провинциальных университетах факультетов-колледжей может и не быть, и они состоят непосредственно из кафедр. В крупном университете обычно есть факультеты естественных наук, один или несколько инженерно-технических, медицинский, юридический, историко-филологический (иногда может существовать и отдельный факультет иностранных языков), музыкальный, изобразительных искусств. В состав многих университетов входит и факультет домоводства, который предназначен для под {с.65 – с.66} подготовки особо квалифицированных домохозяек (учатся там в основном барышни из богатых семей). Кроме того, при университете есть обычно и свои научно-исследовательские институты. Отмечу, что то, что в Корее гордо именуют “исследовательским институтом”, у нас бы назвали скорее “лабораторией”, ведь численность сотрудников в этих исследовательских центрах не слишком велика – обычно в университетском НИИ около десятка научных работников и 1-2 члена административного персонала.

Как и в России, в корейских университетах существует жёсткая обязательная программа. Многим читателям, наверное, кажется, что иначе и быть не может, но вот в американских вузах, например, студент составляет себе программу сам, его задача – просто набрать необходимое количество успешно сданных зачётов и экзаменов, а по каким предметам и в каком сочетании – это, обычно, его дело. Корейская система куда более похожа на российскую.

Современное корейское общество устроено так, что университетский диплом – необходимое условие удачной карьеры. Обходных путей нет, так что каждый год сотни тысяч корейцев пытаются стать студентами. Удача ждёт далеко не всех, и не удивительно, что всё, связанное с университетами, окружено в Корее таким уважением. {с.66 – с.67}

Всё выше, и выше, и выше... (Небоскрёбы Сеула)

Сеул – крупный, современный, капиталистический город. А с чем такой город ассоциируется в первую очередь? Конечно же, с небоскрёбами! В этом отношении Сеул, правда, пока не может соперничать с Токио или Чикаго, не говоря уж о мировой столице небоскрёбов – Нью-Йорке, но кое-чем похвастаться он всё-таки может.

На острове Ёйдо, том самом, где находится корейский парламент и штаб-квартиры ведущих корпораций, возвышается самое высокое здание Кореи – 63-этажный небоскрёб страховой компании “Тэхан сэнмён”. Впрочем, это официальное название используется очень редко, куда чаще этот небоскрёб именуется просто “63 -этажным зданием”.

В старой Корее не то что высотных, но даже и просто многоэтажных зданий не строили вообще. Все старинные корейские дома, даже дворцы королей и знати, всегда были одноэтажными, и первые многоэтажные строения появились только в самом конце XIX века, причём проектировали их исключительно иностранные инженеры и предназначались они в основном для размещения иностранных организаций – посольств, представительств компаний, гостиниц международного класса. При японцах, в двадцатые и тридцатые годы, в Сеуле было построено несколько трёх-, четырёх- и даже пятиэтажных зданий, но в целом город и тогда оставался одноэтажным. Почти все многоэтажные дома, построенные до 1945 г., были административными или деловыми. Первый многоэтажный жилой комплекс современного типа в корейской столице появился совсем недавно, только в 1963 году. Это был жилой комплекс Мапхо, в состав которого входило несколько пятиэтажных жилых корпусов. По виду они не {с.67 – с.68} очень отличались от своих сверстниц – советских “хрущобок” (а если и отличались, то, пожалуй, в худшую сторону), однако их появление вызывало настоящую революцию в корейском градостроительстве.

Как и любая революция, она проходила достаточно болезненно. Первоначальный проект микрорайона Мапхо отличался немалым размахом. Предполагалось построить жилой микрорайон на 1158 квартир, состоявший из одиннадцати десятиэтажных корпусов. Все квартиры должны были иметь центральное отопление от нефтяной котельной и смывные туалеты (повторяю – новинка в те времена), а в домах следовало устроить лифты. Однако эти планы вызвали бурные протесты. Газеты писали: «В стране, в которой нет ни капли нефти, недопустимо использовать её для отопления!»; «Мы не можем строить дома с лифтами – у нас не хватает электричества даже на освещение!»; «В Сеуле и так вода подается по расписанию, а тут собрались тратить её на какие-то ватерклозеты!» Действительно, в 1962 г. по основным экономическим показателям Корея находилась примерно на том же уровне, что Папуа Новая Гвинея и Нигерия, так что подобные проекты – не вызвавшие бы в те времена особого ажиотажа где-нибудь в Тамбове или Хабаровске – тогда казались фантастически амбициозными.

Аналогичного мнения придерживались и спонсоры – хотя в корейцы и не любят об этом сейчас вспоминать, строительство микрорайона в Мапхо в значительной степени финансировалось за счет американской помощи. Американцы и наложили на первоначальный проект своё вето: они не собирались тратить деньги налогоплательщиков на финансирование амбиций какой-то нищей развивающейся страны, неизвестно почему захотевшей построить в столице жилые здания с лифтами!

В итоге проект был пересмотрен. Смывные туалеты проектировщикам отстоять удалось, а вот этажность пришлось заметно подсократить, ограничившись шестиэтажными зданиями (разумеется, никаких лифтов). Отказались и от центральной нефтяной котельной, заменив её маленькими индивидуальными котельными, которые имелись в {с.68 – с.69} каждой квартире и работали на угольных брикетах, в Корею известных как «ёнхан».

Именно эти мини-котельные и стали источником проблем в первую зиму существования комплекса. Обнаружилось, что очень немногие корейцы были тогда готовы жить на страшной высоте четвёртого этажа – не говоря уж о шестом! Поэтому в первые месяцы удалось продать только 10-15% квартир, причём продавались только квартиры на нижних этажах. В пустых и неотапливаемых помещениях стали лопаться трубы. Распространились слухи, что угольные котлы выделяют смертельно опасный угарный газ.

Началась паника. Опасавшиеся отравления угарным газом жильцы звонили техникам днем и ночью, и дело кончилось госпитализацией главного инженера комплекса, который попал в больницу после тяжелого нервного срыва. Стремясь успокоить жильцов, руководство компании купило пятерых сурков, которых помещали в те комнаты, в которых опасались протечек угарного газа. Сурки чувствовали себя неплохо, но жильцов это не успокоило: в конце концов, сурок – не человек. Тогда один из сотрудников компании решил сам стать экспериментальным животным: выпив изрядное количество спиртного, он проспал всю ночь в одной из тех комнат, в которую, по мнению жильцов, постоянно просачивался угарный газ. На следующее утро он был вполне жив и здоров – так же как и сурки.

Впрочем, с приходом весны 1963 г. ситуация изменилась. Новый микрорайон стал сеульской достопримечательностью и цены на жильё в столь престижном месте поползли вверх, так что квартиры во втором очереди комплекса (1964 г.) продавались уже с наценкой.

Микрорайон Мапхо стал вестником новой эры. В Корею началась эпоха многоэтажных домов. В начале 2004 г. среднестатистический жилой дом, вводимый в эксплуатацию в Сеуле, имел 16 этажей (точнее, 15,96 этажа). Времена подопытных сурков и непродаемых квартир на третьем этаже ушли в прошлое...

Правда, сам микрорайон оказался не слишком долговечным – во многом именно из-за уступок, которые в своё время были сделаны проектировщиками. К концу восьми {с.69 – с.70} десятых шестиэтажные здания микрорайона пришли в упадок, и стали выглядеть не лучше российских панельных хрущёвок, угольные котлы стали казаться неудобными, а квартиры – тесными. В итоге в марте 1991 года микрорайон Мапхо был снесён.

Но вернёмся в шестидесятые годы. Первым десятиэтажным зданием в Сеуле стал “Центр Свободы”, который был построен в 1964 г. В этом комплексе, который располагается у подножья горы Намсан, в своё время размещались центры официальной антикоммунистической пропаганды (в шестидесятые годы такая пропаганда велась в Южной Корее с максимальной интенсивностью). В наши дни здание “Центра Свободы”, которое по своей архитектуре несколько напоминает позднесоветские обкомы и Дома политпросвещения, не производит особого впечатления. Трудно представить, что всего лишь 40 лет назад Центр был самым высоким сооружением на всём Корейском полуострове.

Кстати, строительство центра имело и пропагандистское значение. В середине шестидесятых годов Северная Корея еще несколько опережала Южную по основным макроэкономическим показателям (хотя, если верить материалам советского посольства, не по уровню жизни – на Юге он уже тогда был выше). Поэтому между двумя Корейями шла активная борьба за символическое превосходство. В этой связи американский журналист и историк Дон Обердорфер рассказывает такую историю. В 1972 г. в Сеуле проходила первая встреча представителей Обществ Красного Креста Севера и Юга. Пхеньянскую делегацию встречали с максимальной помпой, надеясь поразить её размахом южнокорейских экономических достижений. В частности, вдоль гостиницы, в которой разместились делегация, время от времени гоняли взад и вперед колонны грузовиков, создавая таким образом видимость бурной экономической деятельности. Конечно, северяне, которые сами являются мастерами показухи, тут же почувствовали неладное, и один из пхеньянских делегатов ехидно поинтересовался: «А что, трудно было согнать в Сеул все грузовики страны?» Его южнокорейский партнёр не растерялся и ответил: «Трудно. Но это ещё ничего – самое трудным было перетащить все вы {с.70 – с.71} сотные здания Юга в Сеул к Вашему приезду!». Что же, 1:0 в пользу южнокорейского дипломата: с высотными зданиями в Северной Корее тогда дела обстояли напряжённо...

В 1960 г. в всём Сеуле не было ни одного здания высотой более 20 этажей. В 1970 г. таких зданий насчитывалось уже 8, в 1980 г. – 25, а в 1990 г. – 66.

Перелом в истории корейского строительства произошёл в начале семидесятых. Президент Пак Чжён-хи, мечтавший о Корее скоростных автомагистралей и сталелитейных заводов, имел пристрастие к высотным зданиям. Сам президент, сын бедного крестьянина, родившийся под соломенной крышей, воспринимал высотные здания как воплощение технологической и экономической мощи. Пак Чжён-хи лично контролировал строительство первого корейского небоскрёба. Им стало “Здание 1 марта”. Названо оно в честь антияпонского восстания, которое произошло 1 марта 1919 года. Корейцы именуют это восстание “3.1” – отсюда и число этажей в здании. Чтобы добиться именно этого, символически важного, числа этажей, проектировщики сделали потолки очень низкими – всего лишь 2,2 метра.

Любопытно, что последний этаж “Здания 1 марта” некогда служил президентским залом, куда Пак Чжён-хи часто приглашал гостей – полюбоваться столицей с невиданной высоты 31 этажа. С начала восьмидесятых бывший “президентский зал” используется как служебная столовая размещённого в здании банка.

До начала 1980-х гг. строительство небоскрёбов во многом определялось соображениями престижа и пропаганды.

До 1983 г. в Сеуле действовали ограничения высотности. Сразу же после их отмены началось строительство ряда высотных зданий, в том числе и самого высокого (на сегодняшний день, по крайней мере) сеульского небоскрёба – “Тэхан сэнмён”, известного как “63-этажное здание”. Его высота – 249 метров, так что в ясную погоду с расположенной на вершине небоскрёба наблюдательной площадки открывается вид на 50 км. Почти одновременно с “63-этажным зданием” в южной части города был построен и 55-этажный небоскрёб Международного торгового {с.71 – с.72} комплекса. На его последнем этаже нет наблюдательной площадки, зато есть замечательный и, по корейским меркам, не очень дорогой ресторан – “шведский стол”. Любопытно, что когда северокорейские правители

узнали о возведении этих зданий, они тут же решили дать чуждейско-социалистический ответ на все эти капиталистические происки: в Пхеньяне в конце восьмидесятых годов началось строительство 105-этажной гостиницы, которая должна была превзойти сеульский небоскрёб. Однако завершить это начинание Северу оказалась не по силам, и вот уже пятнадцать лет над северокорейской столицей возвышается огромная недостроенная пирамида, которая начинает потихоньку разваливаться...

Нет особых сомнений, что корейская столица будет наращивать свои этажи и дальше. На это есть ряд причин, в первую очередь, дороговизна земли и высокая плотность населения. Ведь один квадратный метр земли в центре Сеула стоит несколько десятков тысяч долларов (например, в квартале Мёндон – около 40 тысяч “зелёных”), так что строительство высотных зданий в Сеуле экономически оправдано и неизбежно. {с.72 – с.73}

От трамвая до метро

Жители Сеула – и корейцы, и иностранцы – знают, что транспорт в корейской столице удобен и дешёв. Впрочем, для того, чтобы понять, насколько же он дешёв, надо пожить в крупных городах Запада, где сейчас автобусный билет стоит от полутора до двух с лишним долларов (поездка в метро часто обходится ещё дороже).

История общественного транспорта в Сеуле начиналась ровно 100 лет назад, в конце XIX столетия. У истоков её стоял трамвай, который был первым средством общественного сообщения почти во всех крупных городах мира. В Сеуле самая первая линия трамвая, построенная американской компанией, вошла в строй больше века назад, 17 мая 1899 г. Таким образом, как не без гордости отмечают корейские историки, Сеул стал вторым городом Восточной Азии, в котором появился трамвай. Хотя сама компания и принадлежала американцам, управляли трамваями японские вагоновожатые, специально для этого приглашённые из Токио, в то время как кондукторами были корейцы.

Всего лишь через неделю после начала движения произошло и первое в истории страны дорожно-транспортное происшествие: напротив парка Пагода, в самом центре Сеула, под трамвай попал 4-летний малыш. Возмущённая толпа приняла это за убийство (ведь вёл трамвай японец, а японцев в Корее не жаловали), и сожгла два вагона. Водителю чудом удалось спастись бегством – отец ребёнка, вооружённый топором, бежал за ним несколько кварталов. После этого случая сеульские вагоновожатые объявили забастовку, требуя, чтобы им разрешили носить оружие на работе. Требования их удовлетворены не были, и {с.73 – с.74} японские водители уволились с работы. После этого трамвайное сообщение в Сеуле не действовало несколько месяцев, до приезда специально приглашённых американских водителей.

В 1909 г. японские власти (к тому времени Корея уже фактически потеряла независимость) вынудили американцев продать сеульскую трамвайную компанию японским предпринимателям, а после 1945 г. она стала корейской собственностью. На протяжении почти полувека трамвай был либо единственным, либо главным видом общественного транспорта в Сеуле. Движение не прекращалось даже в самые тяжёлые времена, хотя после войны из-за нехватки электричества по трамвайным путям иногда пускали импровизированную конку. К концу тридцатых годов в Сеуле было 50 км трамвайных линий, по которым ежедневно ходило 240 вагонов.

В первые послевоенные годы не ремонтировавшиеся во время войны пути и вагоны пришли в полную негодность. Если же трамвай выходил на линию, он был забит до предела. Люди гроздьями висели на площадках, и американские военные власти, которые тогда правили Сеулом, выпустили распоряжение – в связи с частыми случаями падения пассажиров запретить ездить на подножках. Нарушителей этого правила американский патруль должен был забирать в участок. Однажды патруль (участники которого, понятное дело, ни слова не знали по-корейски) увидел особо злого нарушителя, который не просто висел на подножке, а буквально бежал по ней. Патрульные оторвали его от вагона, за который он отчаянно цеплялся, что-то при этом крича. Нарушитель был доставлен в участок,

где был переводчик, который и объяснил в чём дело. Оказывается, военная полиция арестовала... кондуктора вагона.

Существовал в колониальные годы трамвай и в других городах страны. С 1910 г. в Пусане, крупнейшем корейском портовом городе, действовала городская железная дорога, которая в 1915 г. была преобразована в трамвай. В предвоенные годы длина трамвайных путей во втором городе Кореи достигала 22 км – всего лишь в два раза меньше {с.74 – с.75} чем в Сеуле. С середины 1920-х годов существовал трамвай и в Пхеньяне.

Просуществовав более полувека, в ноябре 1968 г. трамвай был ликвидирован, ведь его рельсы мешали автомобильному движению на и без того узких улочках Сеула. Несколькими месяцами ранее прекратил своё существование и пусанский трамвай. В те времена трамвай убирали во многих городах мира, не в последнюю очередь – в Москве (примерно тогда Ярослав Смеляков с ностальгической грустью писал о трамваях, которые “как мамонты, вымирают”). Сейчас, правда, во всём мире происходит возрождение трамвая, которое, возможно, затронет и Сеул, но это уже – другая история.

Замечу, что троллейбусного сообщения в Южной Корее никогда не было, хотя оно довольно развито в Корее Сеерной (в Пхеньяне именно троллейбус является основным средством транспорта). Вопрос об использовании троллейбусов обсуждался в сеульском муниципалитете в конце 1950-х годов, но дело так и ограничилось разговорами.

Автобус, появился в Корее очень рано – в 1912 г. Первая автобусная линия в Корее была междугородной и, надо сказать, весьма протяжённой: она соединяла Тэгу через Кёнчжу с Пхоханом (около 200 км). В Тэгу появились и первые в Корее городские автобусы – случилось это в 1920 г.

По улицам Сеула автобусы стали ходить только с апреля 1928 г. Тогда в столице появилось десять автобусов, покрашенных в чёрный цвет и вмещавших по 12 пассажиров каждый. Первые автобусы ходили по кольцевому маршруту, который начинался и заканчивался на сеульском вокзале. Первоначально автобусная компания принадлежала сеульскому муниципалитету, но через несколько лет её продали городской трамвайной компании. Это решение отражало тогдашнюю подчинённую роль автобуса: вплоть до Корейской войны главным средством городского транспорта служил трамвай. Впрочем, в городе, численность населения которого тогда едва перевалила за полумиллионный рубеж, многие обходились вообще без всякого транспорта и ходили пешком. {с.75 – с.76}

В предвоенном Сеуле автобусное сообщение было по преимуществу пригородным. Ездили на автобусах на небольшие расстояния – несколько десятков километров. Никому в довоенные годы не могла придти в голову мысль отправиться на автобусе, скажем, в Пусан. Приличных дорог в Корее практически не было, и основную роль в междугородных перевозках средней и большой играла железная дорога, линии которой в колониальные времена связали между собой все крупные корейские города Автобусные линии, как правило, соединяли городки и крупные посёлки с ближайшими станциями.

Война привела к окончательному развалу городского транспорта. Правда, с грехом пополам продолжал функционировать трамвай, который в те времена был главным средством транспорта в городе. На линию выходило около сотни вагонов – в два раза меньше, чем в довоенные времена. Однако во всем городе с миллионным населением осталось не более десятка исправных автобусов. Те, кто помнит Сеул первых послевоенных лет, говорят, что в те времена любую городскую улицу можно было перейти, особо не оглядываясь по сторонам. Движения практически не было – в миллионном городе было всего лишь две или три тысячи машин.

Именно тогда на корейских улицах ненадолго появились омнибусы. Запряжённые лошадьми повозки, часто изготовленные из кузовов отслуживших своё автомобилей, двигались по установленным маршрутам. Они подлежали официальной регистрации и

находились на учёте в тогдашнем корейском аналоге ГАИ. В 1948-1949 г. в городе насчитывалось около 200 таких повозок – больше, чем «настоящих» автобусов.

Однако не омнибусы определяли транспортную ситуацию в городе. Конец 1940-х годов стал временем распространения маршрутных такси. В этом отношении Корея напоминала нынешние российские (или африканские) города, в которых микроавтобусы стали основным средством транспорта. Причина понятна: микроавтобус стоит куда дешевле, чем автобус обычного размера, и покупка его вполне по карману мелкому предпринимателю. По {с.76 – с.77} этому в условиях кризиса, развала «нормальных» муниципальных служб и хронической нехватки капиталов именно маршрутки являются наиболее логичным решением городских транспортных проблем. В Сеуле маршрутные такси появились в 1949 г. и просуществовали до конца 1960-х, когда на их основе создали систему «автобусов-экспрессов», сохранившуюся до наших дней.

К концу 1940-х работа транспорта в Сеуле начала постепенно налаживаться. Немалую роль в этом сыграло американское присутствие: американские военные по низкой цене продавали ставшие ненужными машины. Именно тогда непритязательный армейский «Джип-Виллис» стал главным легковым автомобилем Кореи – и оставался таковым вплоть до конца шестидесятых. Джипы использовались как персональные машины крупных чиновников, как такси, на них ездили корейские богачи, а изобретательные механики создавали на их основе микроавтобусы и грузовики.

Однако Корейская война в корне изменила ситуацию. На протяжении 10 месяцев между июнем 1950 г. и мартом 1951 г. город четыре раза переходил из рук в руки. Большая часть сеульцев покинула столицу, уйдя с южно- или северокорейскими армиями (в зависимости от политических пристрастий и личных обстоятельств). Только начинавший вставать на ноги городской транспорт был опять практически уничтожен. По-настоящему его восстановление началось только в 1953 г., когда правительство вернулось в Корею из Пусана, где оно провело все военные годы.

В 1950-е годы трамвай оставался основой сеульского транспорта, своего рода тогдашним аналогом метро. Правда, в 1951-1952 гг. меньше половины из имевшихся в наличии 111 вагонов могли покинуть сеульский трампарк: сказывалась крайняя изношенность подвижного состава. В 1952 г. в Сеул поступили американские трамваи, поставками которых почему-то занялась... служба контрразведки. Кстати, следующую партию американских вагонов в Сеул поставили по линии иной явно нетрамвайной организации. На этот раз б/у вагоны отправляли при посредничестве ФАО – Организации по вопросам продовольствия и сельского хозяйства при ООН. {с.77 – с.78}

Параллельно с трамваем продолжали работать такси, маршрутки и, конечно же, автобусы. Большинство автобусов на сеульских линиях представляли из себя весьма своеобразные сооружения. Они были собраны в кустарных условиях, обычно – на шасси списанных американских военных грузовиков. Власти пытались добиться того, чтобы эти колоритные сооружения соответствовали хотя бы минимальным стандартам безопасности. Периодические проверки, однако, каждый раз подтверждали, что большинство автобусов в корейской столице таким стандартам не соответствует. Об этом тогда много писали газеты, но на пассажиров такие разоблачения не влияли: им надо было как-то ездить.

В 1962 г. фирма Ssangyong (теперь – достаточно известный производитель джипов) начала выпускать первые корейские автобусы. Они представляли собой слегка изменённые грузовики, собранные из импортных частей. Кстати, именно автобусы стали первыми корейскими автомашинами, которые удалось продать за границу: в 1966 один автобус был продан Султанату Бруней, а в 1967 г. 20 корейских автобусов отправились в Южный Вьетнам (тогда проамериканский Южный Вьетнам был близким союзником Кореи, во Вьетнамской войне на его стороне даже принимали участие южнокорейские дивизии).

Однако, автобусы оставались весьма ненадёжными, особенно за пределами городов. Плохие грунтовые дороги – а других тогда в Коре не было – не давали развить скорость

больше 30 км в час, а поездки затягивались из-за частых поломок. Впрочем, до начала массового строительства скоростных магистралей, автобусами на большие расстояния в Корею не ездили.

Все автобусы в те времена обслуживались кондукторами. С 1959 г. эта должность официально стала исключительно женской, но первые девушки-кондукторши появились в сеульских автобусах много раньше, ещё в начале 1930-х гг. Кондукторы и водители должны были носить форменную одежду. Кондукторами становились в основном молодые девушки, которые приезжали в Сеул из провинциальных городков и деревень в поисках лучшей доли. Для многих кореянок именно эта работа стала началом {с.78 – с.79} новой, городской жизни. Перед отправлением автобуса, кондукторша выкрикивала предупреждение “Orai!” (от английского All Right!). Эти крики все ещё звучат в памяти многих сеульцев как символ ушедшего Сеула шестидесятых, города нищеты и надежд.

На загородных линиях обычно работало два кондуктора: мужчина и женщина. Мужчина-кондуктор должен был также помогать водителю в случае поломки. Это было даже отражено в официальном названии его работы – он был не просто кондуктор, а ‘чосу’ или ‘помощник механика’. Только в 1982 году кондукторы исчезли из сеульских автобусов. Пассажиры, поднимаясь в салон через первую дверь, стали платить деньги непосредственно водителю – система, которая действует и сейчас.

Третьим по времени появления видом общественного транспорта Сеула является метро. Его строительство началось в 1970 г., а первая его линия была открыта 15 августа 1974 г. Открытие должно было произойти с большой пышностью, в присутствии самого генерала Пак Чжён-хи, тогдашнего президента страны, но он на церемонии не появился, так как в тот самый день на торжественном концерте в честь годовщины Освобождения Кореи на него было произведено покушение: северокорейский агент стрелял в президента. Он промахнулся, но смертельно ранил жену генерала. Многие тогда сочли это дурным предзнаменованием, но оно не оправдалось. Метро росло быстро, без особых проблем, и сейчас оно осуществляет примерно треть всех пассажирских перевозок в корейской столице.

Жизнь Сеула, равно как и других корейских городов, невозможно представить без такси, которых в 1995 г. в столице насчитывалось 70 тысяч. В 1985 г. в корейской столице было примерно 35 тысяч машин такси, так что их число за десятилетие удвоилось, в то время как население Сеула за этот же период выросло меньше чем на 10%.

Сейчас примерно треть машин принадлежит компаниям, а остальные являются собственностью самих водителей. Большинство корейских таксистов сначала несколько лет работают на компанию. Это необходимо для того, {с.79 – с.80} чтобы набраться опыта и поднакопить денег (для получения лицензии водителя-индивидуала необходимо несколько лет безаварийной работы профессиональным водителем). Если человек решает, что работа таксиста его устраивает, он покупает недешёвую лицензию, приобретает соответствующий установленным для такси стандартам автомобиль – и начинает работать на себя. Доходы его при этом особо не возрастают, но свободы у водителя-индивидуала куда больше, чем у наёмного работника. Любопытно, кстати, что машины индивидуалов даже на первый взгляд можно отличить от собственности компаний: они выглядят куда более ухоженными и аккуратными.

Предком такси были рикши – лёгкие двухколесные коляски мощностью в одну человеческую силу: такую коляску тащил за собой человек, который был и водителем, и двигателем, и, обычно, владельцем экипажа. У нас рикши часто ассоциируются с “империалистическим угнетением”. Обычной темой советских карикатур тридцатых годов был жирный капиталист в котелке и с сигарой в зубах, нагло развалившийся в коляске, которую везёт измождённый “трудящийся Востока”. Действительность, как всегда, сложнее пропаганды. Рикши были изобретены, чтобы облегчить труд носильщиков паланкинов: таскать коляску с пассажиром действительно куда легче, чем нести человека на себе. Рикши появились в Японии полтора века назад, около 1870 г., а в Корею они попали в 1884 г. На рубеже веков рикши часто играли роль персонального транспортного средства корейских

сановников. Кстати сказать, тяжёлый и, порою, опасный труд рикш оплачивался сравнительно неплохо – большинство неквалифицированных рабочих в те времена получали куда меньше. Просуществовали рикши довольно долго, и окончательно исчезли только в конце сороковых годов, когда на улицах корейских городов в больших количествах появились такси.

Первые два автомобиля такси были завезены в Сеул в 1912 г., однако вплоть до Корейской войны такси не являлись массовым видом транспорта. В 1931 г. во всей Корее было 4.331 автомашина (имеется в виду не только такси, а любые автомобили, включая грузовики и автобусы). Так {с.80 – с.81} их было очень мало, и проезд на них стоил очень дорого, так что водители тогда даже не ездили по улицам в поисках пассажиров, а работали исключительно по телефонным вызовам. Таксометров в те времена тоже ещё не было – они впервые появились в 1920-е гг., но стали обязательными только с 1962 г. Поэтому тариф в пределах городской черты был фиксированным и не зависел ни от расстояния, ни от времени поездки. Любопытно, кстати, что такая же система (выезд только по заказам и оплата вне зависимости от расстояния и времени) сохраняется сейчас в Северной Корее, где такси могут пользоваться только иностранцы или те немногочисленные подданные Великого Вождя, которые могут расплачиваться конвертируемой валютой.

После войны в качестве такси чаще всего использовались списанные американские армейские джипы. Кстати, такие же машины были тогда и представительскими автомобилями высших чиновников, но только те перекрашивали их для солидности в чёрный цвет.

С тех пор многое изменилось. В отличие от многих, если не всех, стран Запада, такси в Корее сейчас вполне доступно даже людям малого достатка, так как государство искусственно поддерживает весьма низкие тарифы на этот вид транспорта и жёстко пресекает любые попытки поборов со стороны водителей (по крайней мере, в городах). В последние годы под влиянием выросших цен на топливо тарифы на такси заметно поднялись, но по меркам большинства стран Запада они всё равно остаются очень низкими. Проезд на такси в Корее стоит в 2-3 раза дешевле, чем в Нью-Йорке, Париже или Сиднее. Однако у этого обстоятельства есть и обратная сторона: низкие фиксированные цены неизбежно порождают дефицит, поэтому поймать такси в Сеуле довольно сложно, особенно в часы пик.

С ноября 1985 г. корейские такси, стоимость проезда в которых до этого определялась исключительно расстоянием, стали использовать новые счётчики, в которых, наряду с пройденным расстоянием, учитывается и затраченное время. На практике это обстоятельство означает, что в часы пик, когда поездка на автомобиле по Сеулу состо {с.81 – с.82} ит в основном из стояния в бесконечных пробках, поездка на такси обходится раза в два дороже, чем, скажем, ночью.

Некоторым выходом из положения могут стать “такси-люкс” (или, если дословно переводить их название с корейского, “образцовые такси”). Эти внушительные чёрные машины с жёлтым фонариком на крыше впервые появились на сеульских улицах в декабре 1992 года. От обычных машин они отличаются, во-первых, размерами, во-вторых, ценой. Плата за проезд в такси-люкс примерно в три раза выше! Понятно, что никому не хочется расставаться с такими деньгами за удовольствие проехаться в просторной машине. В конце концов, и обычные корейские такси находятся в очень приличном техническом состоянии (после Сеула американские “кэбы”, запущенные и разбитые, производят жутковатое впечатление). Однако высокая цена означает, что шансов поймать “такси-люкс” в час пик куда больше.

Массовая автомобилизация началась в Корее сравнительно поздно, только 15 лет назад. До этого автомобиль был крайней редкостью. В 1956 г. во всём Сеуле, население которого тогда уже превышало полтора миллиона человек, было всего лишь 1.439 легковых машин. Ещё в 1986 г. в Корее было менее миллиона автомобилей, а в январе 2001 года их насчитывалось 12 миллионов 113 тысяч (из них чуть более восьми миллионов – легковые). Хотя свои автомобили имеет большинство корейских семей, на практике корейцы всё равно чаще пользуются общественным транспортом. Корейские города не очень приспособлены

для частного автомобиля, ведь, в отличие от американских городов, они строились в те времена, когда автомобиль был предметом роскоши, доступной очень и очень немногим. Не удивительно, что, по данным социологических опросов, только пятая часть сеульцев ездит на работу на своих машинах, остальные же предпочитают общественный транспорт, тот самый, который недавно отметил своё столетие. {с.82 – с.83}

Говорит и показывает Сеул

Официальный день рождения корейского радиовещания – 16 февраля 1927 г., когда в эфир вышла радиостанция Кёнсона (так в колониальные времена официально именовался Сеул). Эта станция также известна по своим английским позывным, JODK.

1960-е годы телевизоров в стране было мало, но радио могли слушать почти все. Особой популярностью пользовались тогда радиопьесы – предшественники нынешних телесериалов (или, как их называют в Корее, «теледрам»). В одном только 1966 г. корейские радиостанции передали 160 многосерийных радиопостановок.

Впрочем, примерно с 1970 г. радио стало быстро отступать на второй план, вытесняемое быстро растущим телевидением. Отчасти ему удалось приспособиться к переменам, но это уже другая история...

Работа первой корейской телестанции началась 12 мая 1956. Официально эта станция называлась KORCAD, но в обиходе за ней закрепилось другое название – HLKZ-TV, в честь связанной с ней радиостанции HLKZ. Корея стала четвёртой азиатской страной, в которой появилось телевидение. Разумеется, оборудование было поставлено из США, и Корея приняла американский стандарт телевидения NTSC.

На первых порах особым успехом телевидение не пользовалось. Главным препятствием была тогдашняя бедность страны. К концу 1956 года во всём Сеуле было всего лишь 300 телеприёмников, причём лишь небольшая их часть находилась в частных домах. Большинство первых телевизоров было установлено в общественных местах – в витринах универмагов, в офисах ведущих газет, в вести {с.83 – с.84} бюлях дорогих гостиниц. Даже после начала регулярных телевизионных передач, число телевизоров росло очень медленно – к 1962 г. на всю страну их было всего лишь 8 тысяч. Телевизор в те времена был недоступен даже относительно зажиточным семьям. Любопытно, кстати, что в то же самое время в СССР телевизор уже становился явлением совершенно обычным...

У HLKZ-TV скоро появился сосед: в 1959 г. вышла в эфир телекомпания AFKN-TV, которая вещала исключительно для солдат американских частей в Корее. AFKN-TV имела (и имеет) свою собственную сеть передатчиков, но эти программы легко принимаются и обычными телевизорами.

Дела у KORCAD шли плохо, вель ни о каком рекламном рынке не приходилось и говорить, а без рекламы или государственных дотаций телевидение в принципе существовать не может. Компания сменила владельца, а 2 февраля 1959 года, вскоре после полуночи, в её студии произошёл пожар. Его быстро погасили, но оборудование было безнадежно повреждено. Погорельцам помогли американские коллеги со станции AFKN-TV, которые предоставили им возможность пользоваться своими передатчиками. Однако инвесторы окончательно потеряли интерес к телевидению, и в апреле 1960 года вещание прекратилось.

Вскоре телевидение было восстановлено – но на этот раз уже как государственное учреждение. Произошло это 31 декабря 1961 года. Пришедшее к власти в результате военного переворота правительство генерала Пак Чжон-хи решило создать государственную теле- и радиокорпорацию KBS. Руководствовалась власть как пропагандистскими, так и экономическими соображениями. С одной стороны, уж россияне-то хорошо знают, насколько важен для правительства контроль над электронными СМИ. С другой стороны, в условиях

Кореи частный рынок не мог в принципе заниматься телевидением, так как на том этапе оно было неизбежно убыточным, и государственная поддержка была условием его выживания.

Диктатура Пак Чжон-хи оказалась на редкость эффективной: в годы его правления страна пережила т.н. «ко {с.84 – с.85} рейское экономическое чудо» и прочно удерживала мировой рекорд по темпам экономического роста. Сказалось это и на телерынке. В 1970 г., число телевизоров в стране достигло 397 тысяч, а к 1980 г. их было уже 6 миллионов. В 1970 г., телевизор имело всего лишь 6,4 % всех корейских семей, а в 1980 г. большинство корейцев (79,1 % всех семей) могло провести вечер перед своим собственным телевизором.

При этом до конца семидесятых корейское телевидение оставалось чёрно-белым. Правительство призывало к экономии и препятствовало «излишней роскоши», одним из признаков которой считался цветной телевизор. Только в декабре 1980 года цветное телевидение пришло и в Корею. Как ни парадоксально, но Корея, к тому времени быстро становившаяся крупнейшим производителем бытовой электроники, отстала в этом отношении не только от СССР, где регулярное цветное телевидение началось с 1967 г., но даже от своего главного соперника - КНДР. Воистину, времена меняются...

Корейские монеты

Относиться к деньгам можно по-разному, но нельзя не признать, что они относятся к числу самых интересных и важных изобретений человечества. Идея денег кажется нам столь очевидной, что даже странно подумать о том, что некоторые великие цивилизации (древнеегипетская, например) пренебрежительно обходились без привычной нам монеты – и строить пирамиды в отсутствие денег совершенно не мешало! И, тем не менее, деньги были изобретены неоднократно, в разные эпохи и в разных странах, причём, скорее всего, независимо друг от друга.

Одним из главных центров денежной экономики с древнейших времён был Китай, страна, которая на протяжении тысячелетий оказывала на Корею огромное влияние. Монеты в Китае появились в середине I тыс. до н.э., и не удивительно, что и в Корею вскоре после её превращения в централизованное государство попытались воспользоваться китайским опытом и создать свою собственную монету. В Китае существовали и бумажные деньги, но этот опыт на Корею особого влияния не оказал. Впрочем, бумажные купюры – это отдельная тема.

Первая попытка ввести в Корею монетное обращение была предпринята почти ровно тысячу лет назад, в 996-998 годах, в начале правления династии Корё. Именно тогда отчеканили первые корейские монеты. Впрочем, это слово не совсем точно, ведь на Дальнем Востоке монеты в старину, строго говоря, не чеканили, а отливали в специальных формах. Материалом для монет служил медный сплав. Любопытно, что в те времена на Дальнем Востоке у монет не было номинальной стоимости, они стоили {с.86 – с.87} столько, сколько стоила та медь, из которой они были изготовлены – то есть очень немного. Попытки внедрить идею номинальной стоимости предпринимались, но без особого успеха – основная масса потребителей всё равно предпочитала оценивать монеты на вес. Монеты на Дальнем Востоке использовались в основном в мелких сделках – крупные суммы проплачивались серебряными слитками, которые также принимались на вес. Несмотря на отдельные эксперименты, ни серебряные, ни золотые монеты на Дальнем Востоке не прижились до конца XIX века.

Внешний вид первых корейских монет вполне соответствовал тогдашним дальневосточным традициям (традиции эти зародились в древнем Китае). Это были маленькие круглые монетки с квадратным отверстием посередине. Отверстие было необходимо потому, что монеты использовались обычно в связках, и через отверстие пропускали шнурок, на который они и нанизывались. Это было вызвано тем, что каждая отдельная монетка была очень дешёвой, и на одну монетку можно было, в лучшем случае

купить чашку чая. При покупке товара подороже счёт шёл на сотни и даже тысячи монет. Весили они столько же, сколько и современные им монеты китайской династии Сун – 3,75 г каждая. Как и на других монетах стран средневекового Дальнего Востока, на первых корейских деньгах не было рисунков, а только короткая надпись китайскими иероглифами (обычно – только 4 знака). Надпись эта указывала, при каком короле или императоре была изготовлена монета. Впрочем, иногда вместо имени (точнее – девиза правления) императора на корейских монетах указывалось место их изготовления – “Восточная страна” (“Тонъгук” в корейском чтении) или же “Приморская страна” (“Хэгук”), то есть Корея.

Однако первый блин вышел комом. Монеты не пользовались особой популярностью и продержались в обращении недолго. Простые корейцы просто не понимали, с какой стати они должны использовать в обмене эти кусочки меди, а не свитки ткани или мешки риса. Примерно через полвека произошёл полный возврат к натуральному {с.87 – с.88} обмену. При этом основной “валютой” служили рис и свитки ткани, а для особо крупных платежей использовались слитки серебра (из-за своеобразной формы их часто называли “серебряные бутылки”). Впоследствии корейские власти предприняли ещё несколько попыток ввести монеты в обращение, но и эти попытки окончились неудачей. По причинам, о которых до сих пор довольно горячо, но безуспешно спорят историки, натуральный обмен оставался в Корее главной (и, по сути, единственной) формой торговли необычайно долго, вплоть до конца XVII столетия.

Постоянная чеканка монеты началась в Корее поздно, только в середине XVII века. В 1633 г. монеты были изготовлены в порядке эксперимента, а с 1679 г. их отливка стала производиться регулярно. На этот раз монеты вошли в повседневный быт и стали постепенно вытеснять из обращения рис и свитки ткани. Внешний вид этих монет мало отличался от первых “экспериментальных” медных денег, выпущенных в обращение почти семью столетиями раньше: небольшие медные монетки круглой формы с квадратным отверстием посередине. В этом, впрочем, нет ничего удивительного, ведь традиция монетного дела в Восточной Азии в XVII веке была в общем и целом той же, что и в X веке.

Ситуация изменилась только в конце XIX столетия, после того, как на Дальнем Востоке появились европейские колонизаторы. Они принесли с собой не только много плохого, но и немало хорошего, в том числе и новые технологии, новые идеи и знания. На смену китайской традиции монетного дела на всём Дальнем Востоке (в том числе и в Корее, да и в самом Китае) пришла традиция западная.

Новые веяния в оформлении корейских денег начинают ощущаться уже в 1880-е годы. Сначала исчезло отверстие в центре монеты, так как монеты перестали нанизываться связками на веревку. Окончательно утвердилось понятие нарицательной стоимости, то есть принцип, когда монета оценивается не по стоимости материала, из которого она изготовлена, а по указанному на ней номиналу. {с.88 – с.89} В конце восьмидесятых годов XIX века была отчеканена (уже действительно отчеканена, а не отлита) и первая корейская серебряная монета, которая по своему внешнему виду была похожа на западные серебряные монеты тех времен. На ней мы видим уже и чётко обозначенный номинал, и качественные пространственные надписи, и орнамент (на традиционных восточноазиатских монетах орнамента не было, а надпись отличалась краткостью – обычно всего лишь четыре иероглифа).

Однако в целом конец XIX века был временем полного хаоса в корейском денежном обращении, как и в корейской политике вообще. Корейское правительство несколько раз меняло денежную систему, менялись и названия денежных единиц. В стране, вдобавок, наряду с корейскими, обращались и японские, и китайские, и даже... мексиканские монеты. Последнее, впрочем, удивлять не должно. Хотя в наше время Мексика едва ли является символом финансовой стабильности, на протяжении почти трёх столетий серебряный доллар мексиканской чеканки сохранял установленные стандарты веса и чистоты. Поэтому не удивительно, что мексиканские доллары пользовались большой популярностью на всех берегах Тихого Океана.

Только в начале нашего века финансовая система Кореи была более или менее упорядочена. Однако захват Кореи Японией в 1910 году означал и ликвидацию её финансовой независимости. Возрождение корейской финансовой системы произошло только после 1945 года.

В колониальные времена в Корею, естественно, существовала денежная система, скопированная с японской. Главной денежной единицей тогда были иена. Сейчас иена – маленькая монетка, меньше американского цента, и в безумно дорогой Японии она практически не употребляется. Однако в тридцатые годы одна иена была вполне солидной монетой. Она даже состояла из более маленьких денежных единиц – сен.

После формального провозглашения независимой Республики в августе 1948 года, Корея в течение некоторого времени продолжала использовать монеты, оставшиеся в наследство от колониального периода. Собственно корейские деньги были впервые введены в обращение во время Корейской войны, но свирепствовавшая в стране неистовая инфляция сделала их очень недолговечными. Поэтому сразу после войны, в 1953 году, была проведена новая денежная реформа. Название денежной единицы сменили на хвану (вместо воны) и отчеканили первые монеты достоинством в 10, 50 и 100 хван, с надписями на английском и корейском языке (корейскими буквами, а не китайскими иероглифами, которые использовались на всех более ранних корейских монетах). Любопытно, кстати, что на монете достоинством 100 хван был изображён тогдашний президент (фактически – диктатор) Южной Кореи Ли Сын-ман. За всю историю Кореи это был единственный случай, когда изображение здравствующего руководителя попало на денежные знаки или монеты. В старой Корею королей, как вы помните, на монетах никогда не изображали.

Однако эти монеты просуществовали не очень-то долго. В 1962 году, через два года после того, как Ли Сын-ман был свергнут народным восстанием, новое правительство Пак Чжён-хи провело денежную реформу, и установило ту систему, которая, в общем и целом, действует и в наши дни.

В результате реформы 1962 г., в частности, возродилось традиционное название корейской денежной единицы – вона. Сейчас в Корею существуют монеты достоинством в 1, 5, 10, 50, 100 и 500 вон. Самые маленькие монеты в 1 и 5 вон сначала изготавливали из меди, а потом – из лёгкого алюминиевого сплава. На одновоновой монетке изображён символ Кореи – роза Шарона (один из видов дикой розы, в изобилии встречающийся в корейских горах). На 5-воновой монетке изображён знаменитый “корабль-черепаха”, первый в мире бронированный боевой корабль, который отличился в боях с японцами в конце XVI века, в годы Имчжинской войны. Однако из-за инфляции со временем обе эти монеты (и одновоновая, и пятивоновая) вышли из употребления, ведь по нынешнему курсу 1 вона – это примерно 1/10 американского цента. Тем не менее, эти монетки в минимальных количествах чеканят {с.90 – с.91} и сейчас, и некоторые банки по закону обязаны их иметь. Я сам этим иногда пользуюсь: прихожу в банк и прошу обменять мне 50 вон одновоновыми монетами. Девушки операторы, давясь от смеха, проводят эту операцию, а пока они отсчитывают мне все эти деньги, я объясняю им, в чём, собственно, дело. Эти монетки – замечательные сувениры для России!

Сейчас реально в обращении находятся монеты в 10, 50, 100 и 500 вон, хотя, похоже, и 10-воновая монетка потихоньку выходит из употребления. Инфляция... 10-воновая монета – медная, остальные – из никелевого сплава. На 10-воновой монете изображено самое старое сохранившееся архитектурное сооружение Кореи – пагода храма Пульгукса (построена в седьмом веке). На 100-воновой монетке можно увидеть изображение знаменитого полководца Ли Сун Сина, а на 500-воновой красуется летящий в небе журавль.

Форма монеток не оставалась неизменной. В начале восьмидесятых их внешний вид слегка изменился. В частности, с них исчезли надписи на английском, что, наверное, правильно. Иностранец разберётся и с помощью одних цифр, а писать название национального банка на иностранном языке – несколько странно. Изменился и их дизайн в

целом, но не очень значительно. Старые монетки с надписями на английском языке изредка попадаются и сейчас, ведь из обращения их формально не изымали – просто заменяли новыми по мере износа.

Кстати сказать, не так давно исполнилась тысяча лет с момента первого выпуска корейских монет, состоявшегося в 996-998 годах. Корейским монетам – тысяча лет. {с.91 – с.92 нет в книге}

Корейские марки

Старые филателисты с грустью говорят, что в последнее десятилетие их увлечение утратило былую популярность. Лет 40 назад трудно было найти школьника, который бы совсем не собирал марки, а сейчас молодёжи среди филателистов не так уж много. Наверное, раньше марки были окном в Большой Мир, а сейчас таких окон куда больше, чем полвека назад... Однако, несмотря на все проблемы, филателия жива. И сегодня я бы хотел рассказать о корейских почтовых марках тем нашим читателям, которые неравнодушны к этому старому увлечению.

Дата появления первой корейской почтовой марки известна совершенно точно. Первый выпуск марок состоялся в 1884 году, в 1-й день 10-й луны (то есть 18 ноября по западному календарю). Инициатором выпуска стал 29-летний чиновник Хон Ён-сик, активный сторонник преобразования государственной структуры Кореи по образцу западных государств. Именно он настоял на создании в стране почтовой системы современного типа и именно он стал её первым руководителем. Банкет по поводу открытия центрального почтамта в Сеуле реформаторы решили использовать как удобный момент для совершения государственного переворота, в результате которого в Корею должны были начаться решительные преобразования, отчасти похожие на петровские реформы в России или реформы Мэйдзи в Японии. Поначалу заговорщикам сопутствовала удача, но новое правительство смогло продержаться у власти всего лишь несколько дней, а потом было свергнуто консерваторами при помощи китайских войск. Как и многие другие реформаторы, Хон Ён-сик был арестован и вскоре казнён. Почтовое ведомство, как “изобретение западных дьяволов”, также прекратило своё существование, так что марки первого выпуска находились в обращении чуть больше двух недель.

По первоначальному плану предусматривался выпуск марок пяти номиналов, достоинством в 5, 10, 25, 50 и 100 мун. “Мун” (или, в китайском произношении того же самого иероглифа, “вэнь”) – это мелкая медная монета, широко использовавшаяся в Китае и Корею. На практике в обращение поступили только марки достоинством в 5 и 10 мун, а марки трёх других номиналов, хотя и были выпущены, на практике не использовались: ведь хождение марок первого выпуска продолжалось очень недолго. Марки были отпечатаны в Японии и не отличались особой изысканностью дизайна. Как и большинство марок того времени, они были одноцветными: 5-муновая марка – красной, а 10-муновая – синей. Рисунка не было, его заменял простой узор. Надписи были выполнены тремя системами письменности: иероглификой (которую, как известно, можно читать по-корейски, по-китайски, по-японски и по-вьетнамски), корейским алфавитом и латинским шрифтом. Напечатали марки довольно большим тиражом – 2,8 миллиона экземпляров

Падение реформаторского правительства имело для Кореи катастрофические последствия. К власти вернулись люди, которые надеялись, что им удастся игнорировать происходящие за пределами Кореи перемены и править страной так, как будто на дворе стоит XI, а не XIX век. Конечно эта попытка была обречена на провал, и реформы проводить пришлось всё равно, но с опозданием, которое, возможно, стоило Корею независимости. Выпуск марок возобновился в 1895 г., когда в стране была воссоздана (или, скорее, создана) современная почтовая служба. Тогда и состоялся второй (фактически – первый) выпуск корейских почтовых марок. Марки были 4-х номиналов, и тираж напечатали в США. На марках выпуска 1895 г. был изображён символ “великого предела” (кит. Тайцзи, кор. Тхэгык) – круг, образованный началами “инь” и “ян”, в окружении триграмм из “Книги перемен”. Незадолго до {с.93 – с.94} этого “великий предел” стал официальным символом Кореи, и не

удивительно, что он попал на корейские марки. Надписи на марках 1895-1905 гг., по-прежнему выполнялись иероглификой, а также корейским и латинским алфавитами. Всего за это десятилетие было выпущено 55 различных марок. В 1902 г., в связи с 40-летием нахождения на престоле короля Кочжона, вышла и первая в истории страны юбилейная марка.

В 1910 г. Корея потеряла независимость и стала японской колонией. Однако корейская почта была ликвидирована ещё раньше, в 1905 г. Поэтому в 1905-1945 гг. своих марок в Корею не выпускалось, и корейцы пользовались японскими почтовыми знаками.

Возродились корейские марки после освобождения страны. С февраля 1946 г. в Южной Корее стали пользоваться японскими марками, на которых были сделаны корейские надпечатки, а 1 мая 1946 г. состоялся первый после 35-летнего перерыва выпуск корейских почтовых марок. Тогда их впервые напечатали внутри страны. Любопытно, что на южнокорейских марках 1946-1948 гг. отсутствовало название выпустившего их государства: статус Южной Кореи в те времена был не ясен, формально она оставалась просто "территорией под управлением американской военной администрации". Только в 1948 г., незадолго до формального провозглашения южнокорейского государства, на марках появились хорошо знакомые слова "почта Республики Корея". Надписи на всех послевоенных марках выполнялись хангылем, то есть корейским алфавитом, а на большинстве марок содержалось и написанное по-английски название страны (Korea или Republic of Korea).

В 1948-2001 гг. в Корею было выпущено 2188 почтовых марки. Кроме того, ещё 37 марок и надпечаток были выпущены в 1946-1948 гг., когда страна находилась под управлением американской военной администрации. Однако в последние годы напечатанные на компьютерах чеки и специальные штампы все больше вытесняют традиционные марки обращения, да и число филателистов особо не растёт. Немалую роль играет и повсеместное распространение электронной почты, доступ к которой в Корею сейчас имеет практически всё взрослое население страны. Статистика подтверждает: в Корею, как и в большинстве развитых стран, привычные почтовые марки постепенно выходят из употребления. Особенно ускорился этот процесс в последние годы. Так, в 2000 г. в Корею было продано на 60% меньше марок, чем в предшествующем 1999 г.

Корейские почтовики пытаются приспособиться к новой ситуации. Недавно, например, Министерство связи объявило, что отныне марки можно изготавливать по индивидуальным заказам! Правда, в отличие от некоторых других стран, где марки сейчас может заказать любой желающий, в Корею тема "заказной" марки утверждается специальной комиссией при Министерстве связи. Первой воспользовалась новой системой известная компания "Хайт", имя которой хорошо известно всем любителям пива. Заказанная этой компанией марка вышла в мае 2001 г. Похоже, что идея прижилась: за период с начала мая по середину июля вышло 670 марок, заказанных компаниями, и 6100 марок по индивидуальным заказам, – больше, чем "официальных" марок за всю историю корейской почты. Суммарный тираж "заказных марок" составил 455 тысяч экземпляров, так что тиражи таких марок были очень невелики (в среднем печаталось 60-70 штук каждой "заказной" марки).

Итак, марка обречена? Скорее всего, да. Однако 160-летняя история "знаков почтовой оплаты" ещё долго будет вдохновлять новые поколения филателистов. [{с.95 – с.96}](#)

Корейские банкноты

Как и многое другое, банкноты были изобретены в Китае. Произошло это в XI-XII веках (самые старые из известных нам денежных знаков были выпущены в 1189 г. северокитайской династией Цзинь). К тому времени в Китае большое распространение получила медная монета, а также слитки серебра, которые использовались для крупных платежей. Однако быстро выяснилось, что перевозка больших сумм в медной монете или даже в серебряных слитках представляет из себя непростое дело. Особо страдало от этого Министерство финансов, которому постоянно приходилось перевозить огромные суммы, собранные в качестве налогов, и крупные предприниматели. Выходом из положения и стали бумажные

банкноты, которые, кстати, поразили воображение Марко Поло. Впрочем, китайские финансисты скоро узнали, насколько коварным характером отличается их изобретение. Казалось бы, при нехватке денег государство может легко напечатать новые банкноты. Это и стали делать китайцы – и вскоре познакомились с инфляцией, к которой неизбежно ведёт избыточный выпуск бумажных денег. Шок оказался столь велик, что вплоть до конца XIX века китайские финансисты бумажными деньгами почти не пользовались.

В Европе бумажные купюры появились в середине XVII века. Приживались они с трудом, и вплоть до конца XIX века люди предпочитали бумажным деньгам традиционные золотые и серебряные монеты. Их можно было понять: ценность “бумажек” гарантировалась лишь честным словом выпустившего их банка и стабильностью в стране, в то время как ценность “настоящей монеты” гарантиро {с.96 – с.97} вало то золото или серебро, из которого она была изготовлена. Только к 1900 г. в большинстве стран Запада бумажные купюры стали активно вытеснять монеты в крупных платежах.

Ранние китайские эксперименты с бумажными деньгами особого влияния на Корею не оказали, и бумажные деньги появились в Корее только в нашем веке. В 1909 г. в Корее, к тому времени уже практически потерявшей независимость, был создан центральный банк, а в 1910 г. он выпустил первые корейские банкноты достоинством в 1 вону. Вскоре после окончательного захвата Кореи Японией в 1910 г. страна перешла на японскую денежную систему, и главной валютой стала иена (которая по-корейски называлась “вона”). В те времена иена, которая в наше время примерно равняется 1 американскому центу, представляла собой довольно внушительную денежную единицу. По курсу иена тогда примерно соответствовала “большим валютам” – доллару или фунту, и состояла из более мелких единиц, своего рода “копеек”, которые в Японии называли “сена”, а в Корее – “чона”. При этом Корея сохраняла финансовую автономию: центральный корейский банк, находившийся под управлением японской колониальной администрации, выпускал свои денежные знаки, которые имели хождение на территории Генерал-губернаторства Тёсэн (так официально называлась в те времена Корея). В обращении находились банкноты достоинством в 1, 5, 10 и 100 вон.

Колониальные денежные знаки оставались в обращении и в первые годы после освобождения страны. Американская военная администрация, правда, готовила выпуск новых банкнот, но планы эти были отменены в самый последний момент. В результате выпуск собственно корейских купюр начался только в 1950 г., вскоре после провозглашения Республики Корея. В июле 1950 г., перед самым началом Корейской войны, были выпущены первые банкноты, однако начавшаяся война привела к тому, что по-настоящему они в обращение не поступили. Утром 27 июня, на третий день войны, южнокорейское правительство смогло вывезти из обречённой столицы большую {с.97 – с.98} часть золотого запаса – 1070 кг золота и 2513 кг серебра. Однако свеженапечатанные купюры (и почти все государственные запасы серебра) достались северокорейским войскам. Их просто не смогли погрузить в единственный грузовик, на котором проводилась эвакуация.

Купюры образца 1950 г. были необычны тем, что на них был изображён тогдашний южнокорейский президент Ли Сын-ман. Изображение диктатора красовалось на корейских денежных знаках вплоть до апреля 1960 г., когда Ли Сын-ман был свергнут “студенческой революцией”. Любопытной особенностью денежных знаков времён Первой Республики (1948-1960) является непривычное обилие иероглифики. Китайскими иероглифами выполнялись почти все надписи на банкнотах тех лет. После падения диктатуры Ли Сын-мана иероглифика с денежных знаков исчезла, и все надписи на них стали делать корейским алфавитом – хангылем (иногда надписи переводились и на английский). Заметим кстати, что в 1953-1962 гг. южнокорейская денежная единица именовалась “хвана”.

Вообще реформа 1953 г., в ходе которой и появились “хваны”, имеет весьма интересную историю. Цель реформы была вполне обычной для воюющей страны: ограничить полностью вышедшую из-под контроля инфляцию и навести порядок в денежном обращении. В ходе подготовки реформы корейские финансисты вспомнили, что в банках страны хранятся большие запасы купюр, некогда напечатанных для планировавшейся американской

администрацией, но так и не проведённой реформы конца 1940-х годов. Было решено запустить эти банкноты в обращение (купюры образца 1950 г. при этом из обращения изымались).

В 1962 г. корейской денежной единице вернули название “вона”. Его она сохраняет и по сей день. Возрождение воны было связано с денежной реформой, которая была проведена только что пришедшим к власти военным режимом 10 июня 1962 года. Готовилась эта реформа, направленная в первую очередь против дельцов “чёрного рынка”, в условиях строжайшей секретности. О деталях реформы знал лишь комитет из пяти человек, членам кото {с.98 – с.99} рого генерал Пак Чжён-хи лично пообещал, что отдаст под трибунал любого болтуна. Напечатанные в Великобритании банкноты были доставлены в Пусан в ящиках с угрожающими надписями: “осторожно! взрывчатые вещества!”, и в течение полутора месяцев хранились на борту военного корабля.

После 1962 г. денежная система страны существует без особых потрясений. Менялся внешний вид банкнот и их номиналы, но никаких радикальных “денежных реформ”, к которым столь привыкли россияне, в Южной Корее за последние 40 лет не происходило. Не пошли корейские банкиры даже на такую, казалось бы, очевидную меру, как послеинфляционное сокращение номиналов (“вычёркивание нулей”), так что корейцы по-прежнему оперируют десятками тысяч и миллионами вон, даже рассчитывая семейный бюджет. В бюджетах же компаний счёт идёт на сотни миллиардов. В ходе реформы 1962 г. старые хваны обменивались на новые воны в соотношении 1:10, которое явно не давало отделаться от многочисленных нулей.

Правда, инфляция заставляла время от времени вносить поправки в номиналы выпускаемых банкнот. Так, в шестидесятые годы существовали банкноты достоинством в 500, 100 и даже 50 вон. Сейчас, когда 50 вон – это меньше стоимости одного звонка по телефону-автомату, представить банкноту такого достоинства непросто. Однако в те времена на 50 вон вполне можно было неплохо перекусить (билет на трамвай стоил в середине 1960-х годов... 5 вон). С другой стороны, купюра достоинством в 10 тысяч вон появилась только в 1972 году, и в те времена представляла из себя весьма серьёзную банкноту (что-то около половины среднемесячной зарплаты). Только в 1980 г. совершенно обесценившиеся к тому времени мелкие купюры были изъяты из обращения и окончательно сформировалась нынешняя система: монеты достоинством в 1, 5, 10, 50, 100, 500 вон и купюры в 1000, 5000, 10.000 вон. Для оплаты более крупных сумм обычно пользуются банковскими чеками на предъявителя, которые легко можно получить в любом банке, и которые легко принимаются к оплате в большинстве магазинов и учреждений. Отсутствие {с.99 – с.100} в обращении по-настоящему крупных купюр не случайно: когда в середине 1990-х годов обсуждался вопрос о введении в обращение 50-тысячной (или даже 100-тысячной) купюры, противники этого плана заявляли, что существование крупных банкнот облегчит жизнь взяточникам и любителям уклоняться от налогов – ведь путь банковских чеков, которыми в Корее пользуются для крупных выплат, всегда можно проследить.

Корейские купюры представляют из себя весьма крупные – в самом буквальном смысле слова – бумажки, с 1983 г. размер корейской “10-тысячной” банкноты составляет 161 на 76 мм (до этого он был ещё больше). Две другие купюры имеют такую же ширину, но на несколько миллиметров короче. По оформлению все корейские купюры 1962-2001 гг. выдержаны в едином стиле. На них изображены те или иные деятели корейского прошлого, причем – весьма отдалённого. На десяти тысячной купюре изображён король Сечжон, правивший страной в XV веке и прославившийся, в частности, тем, что под его руководством был разработан современный корейский алфавит. На пяти тысячной купюре изображён выдающийся неоконфуцианский философ, писатель и поэт Ли И (Юльгок), а на тысячной – другой философ, Ли Хван. На обороте банкнот изображены здания, которые так или иначе связаны с деятельностью “героев” каждой банкноты. Например, на обороте десяти тысячной купюры помещено изображение павильона Кёнхвару, находящегося во дворце Кёнбоккун – бывшей резиденции короля Сечжона. Политически все эти символы на редкость нейтральны. Действительно, кто может выражать какие-то претензии по поводу Сечжона – короля-просветителя, создателя корейского алфавита, который правил пять с лишним веков назад?

Или по поводу неоконфуцианских философов позднего средневековья? Или по поводу памятников старинной архитектуры? Столь же политически нейтральна и вся остальная символика корейских банкнот – ни малейшего намека на современность с её достижениями и проблемами. {с.100 – с.101}

У меня зазвонил телефон...

Телефон, как известно, был изобретён в 1876 г., а всего лишь через шесть лет после этого первые эксперименты с новым устройством прошли и в Корее. Поначалу телефон оставался лишь домашней игрушкой, которой забавлялись богатые корейские западники. История корейской телефонной сети началась в 1896 г., когда телефоны были установлены в королевском дворце Токсугун, где ими пользовался король и члены его многочисленного семейства. Порою Их Величества использовали телефон самым неожиданным образом. Например, конфуцианские обычаи требовали, чтобы в течение нескольких лет после смерти отца его сын регулярно плакал над могилой почившего. Когда умер король Кочжон, его сын исполнял этот ритуал... по телефону, звоня по специальной линии, соединившей дворец с королевской усыпальницей.

Впрочем, использовался телефон и в большой политике. Когда молодой националист Ким Гу убил японского офицера, который был одним из организаторов убийства королевы Мин, Ким Гу был арестован и приговорён к смерти. Однако в дело вмешался король, который вполне разделял чувства молодого националиста. Король позвонил в Инчхон, где содержался Ким Гу, и распорядился отменить казнь. Так Ким Гу был спасён от смерти – и впоследствии стал одним из наиболее заметных лидеров антияпонского движения.

Общедоступная телефонная сеть появилась в Корее только в 1902 г. Впрочем, назвать её “общедоступной” можно лишь с большими оговорками: один звонок по телефону стоил тогда 80 чон (0.80 вон), в то время как сред {с.101 – с.102}няя зарплата в Сеуле составляла чуть менее 20 вон. Если перевести эту цену в современный масштаб зарплат, то получится, что один местный звонок стоил тогда примерно 70 тысяч нынешних вон (около 50 долларов). Таким ценам могут позавидовать даже российские телефонисты! Не удивительно, что на весь Сеул нашлось только 13 абонентов. Кстати, в том же 1902 году начала действовать и первая в Корее междугородняя телефонная линия, которая соединила столицу с Инчхоном.

В колониальный период телефонная сеть развивалась медленно. Надо отдать японцам должное – они много сделали для развития корейских железных дорог и тяжёлой промышленности, но вот телефонам особого внимания они не уделяли – возможно, потому, что железные дороги имели явное военное значение, а вот широкое распространение телефонов никакого вклада в дело расширения империи не вносило. Для колониальной администрации было достаточно и того, что телефонные линии соединили между собой важнейшие учреждения и дома крупных чиновников. В 1945 г. во всей Южной Корее (население – примерно 18-19 млн. человек) было 44.877 телефонов, причём 71% из них принадлежал жившим там японцам.

Разумеется, не было тогда и АТС – первые автоматические коммутаторы на городских сетях появились только в 1935 г. Соединение осуществлялось “телефонными барышнями”, которыми становились и кореянки, и японки (смешанный национальный состав отражал особенности рынка). От телефонисток требовался “красивый голос”. Кроме того, они должны быть не менее 143 см ростом – в противном случае они просто не доставали бы до панелей переключения линий.

Через 10 лет количество телефонов сократилось – результат разрушительной Корейской войны. В 1956 г. в стране было 38 тысяч телефонных линий, и только к 1975 г. число телефонов превысило один миллион. Это тоже было не слишком впечатляющим результатом – примерно один аппарат на 5-6 семей. В те времена по уровню телефонизации Корея отставала от Советского Союза. Совсем плохо обстояли дела с междугородней связью. Разумеется, ав {с.102 – с.103}томатического набора не существовало, и разговор с другим городом приходилось заказывать специально. Ждать заказа надо было очень долго.

Известна вполне реальная история о провинциальном бизнесмене, которому нужно было что-то срочно обсудить с его сеульским коллегой. Он заказал разговор с Сеулом, но после нескольких часов безуспешного ожидания поехал на вокзал и отправился в столицу сам. Обсудив дела, он вернулся на поезде в родной город. Когда он входил к себе домой, раздался звонок – телефонистка сообщала, что теперь он может, наконец, поговорить со столицей.

Дефицит означал спекуляцию. До начала семидесятых годов право на приобретение телефона могло быть перепродано, причём таким образом можно было заработать немалые деньги, ведь в иных случаях цена телефонной линии достигала четверти цены жилого дома! Полуофициальный “серый” рынок телефонов много лет функционировал на стадионе Тондэмун. Только в 1970 г. корейское Министерство связи ввело так называемые “зелёные” телефоны, право на которые нельзя было перепродавать третьим лицам. Впрочем, наряду с этим продолжали существовать и “белые” аппараты, которые можно было перепродавать.

По-настоящему рост телефонной сети в Корее начался около 1985 г. В 1985-1995 гг. количество телефонных линий в стране увеличивалось на 16% в год, и очень скоро корейские связисты столкнулись с естественным пределом: все семьи, которые желали обзавестись телефоном, им обзавелись. На 2000 г. в стране телефон имелся в 96 из 100 семей! Не растерявшиеся связисты тут же начали рекламную кампанию под лозунгом “В наше время в одной семье должно быть два телефона!”. В общем, они преуспели – два телефона сейчас имеет каждая десятая корейская семья.

Вдобавок, в середине 1990-х во всём мире начался переход к мобильной (сотовой) связи, и Корея оказалась в авангарде этого технологического рывка (кстати, не без некоторого участия российских инженеров, знаниям которых не нашлось применения на родине). В Корее первые сотовые телефоны появились в 1986 г., но настоящая {с.103 – с.104} “мобильная революция” в Корее началась только около 1996 г. К началу 2001 года сотовые телефоны были у 60% всех корейцев – иначе говоря, практически у всего взрослого населения страны.

Развитие мобильной связи нанесло удар по ещё одному виду телефонов – по старым добрым телефонам-автоматам. В Корее автоматы появились ещё в начале нашего века, но их было очень немного. В 1941 г. во всей стране имелось только 147 телефонов-автоматов. В августе 1954, через год после окончания Корейской войны, телефоны-автоматы вновь появились в Сеуле, но их количество было невелико. Эти телефоны требовали оператора (!) и располагались в помещениях компаний и магазинах. Автоматические телефоны появились в Корее только в 1962 году. Они были также первыми телефонами, которые могли быть размещены в уличных кабинках. Их появление было воспринято как крупный технический успех, а первые телефоны-автоматы были установлены на Промышленной выставке 1962 года. В то же время в России, которая теперь так отстает от Кореи в области связи, телефон-автомат был обычной частью городского пейзажа с первых послевоенных лет.

В те времена, в начале 1960-х годов, звонок по автомату стоил 5 вон, а 15.000 вон в месяц считались хорошей зарплатой. Таким образом, за последние сорок лет стоимость телефонного звонка выросла в десять раз, а зарплата – в сто.

В 1960 году, в Сеуле было всего лишь 609 общественных телефонов. За последующее десятилетие, их число увеличилось примерно в десять раз и в 1970 г. достигло 5.400. К 1980 г. в корейской столице было 58.017 общественных телефонов, а к концу следующего десятилетия один телефон-автомат приходился на каждые сто корейцев. По меркам развитых стран Запада это – очень высокая пропорция. Даже во времена, предшествовавшие появлению мобильных, найти телефон на улице британского, американского или австралийского города было весьма непросто (порою их расположение даже отмечали на картах – так их было мало). {с.104 – с.105}

В 1986 г., накануне Азиатских Игр, были введены телефоны, оплата в которых производилась магнитными картами. Их и поныне можно часто увидеть в Корее: это

телефоны со стальным корпусом и светящимися красными цифрами на маленьком табло. Введение электронных карт упростило междугородние и международные звонки, так что уже с конца восьмидесятых с любого корейского перекрёстка можно было позвонить в любую точку мира.

Число телефонов-автоматов в Корее достигло пика в 1999 г. и затем стало быстро уменьшаться. В 2000 г. в Корее имелось 538.983 телефона-автомата, а в августе 2004 г. – всего лишь 333.629. Иначе говоря, за четыре года количество телефонов-автоматов сократилось без малого в два раза. Причина этого ясна: «сотовая революция», которая началась в Корее в середине 1990-х годов. {с.105 – с.106}

Мобильные рекорды

Один из советов новичку, только что прибывшему в Корею, прост: “Покупай сотовый!” Действительно, трудно жить в Корее без мобильного – особенно, если работа требует частых встреч с людьми. Впрочем, выполнить этот совет совсем не сложно – мобильники в Корее продаются буквально на каждом углу.

В последние годы Корея уверенно вошла в число мировых лидеров в области мобильной связи. К концу ноября 2003 года в стране насчитывалось 33.444.978 абонентов сотовых сетей. Иными словами, мобильники в настоящее время имеются у 63,8% всех корейцев (по этому показателю Корея занимает шестое место в мире). Ожидается, что к 2005 году число абонентов сотовых сетей составит примерно 40 миллионов. Население Южной Кореи – примерно 48 миллионов человек, так что на практике это означает, что клиентами сетей сотовой связи являются все корейцы, которые по возрасту и состоянию здоровья физически способны нажимать кнопки и запоминать телефонные номера.

Эксперименты с мобильной телефонной связью начались ещё в первые послевоенные годы, однако долгое время “радиотелефон” оставался привилегией высокопоставленных правительственных чиновников и военных. В Корее небольшие правительственные сети мобильной связи появились в шестидесятые годы.

Первая коммерческая система сотовой связи вступила в строй в США в 1978 г. За американцами, как легко догадаться, последовали японцы. В Корее история коммерческой сотовой связи тоже началась довольно рано – в {с.106 – с.107}1984 г., когда компания KMT (сейчас именуется SK Telecom или SKT) обзавелась первыми абонентами. Их было немного: к концу 1984 г. во всей стране имелось 2.600 сотовых телефонов. Представляли они из себя тяжёлые и невероятно дорогие устройства, пользоваться которыми могли лишь немногие богатые бизнесмены, готовые платить по 10 долларов за минуту разговора. “Трубки” в те времена весили по несколько килограмм, так что, подозреваю, их носили за начальством шофёры или иная обслуга. Дороговизна означала, что особой популярностью сотовые телефоны тогда не пользовались. За 1984-1991 годы количество абонентов выросло с 2,6 тыс. до 160 тыс. человек. “Трубка” в начале девяностых оставалась игрушкой для богатых – и, конечно же, символом статуса.

Главным пристрастием народа в конце восьмидесятых и начале девяностых пейджеры, которые появились в Корее чуть раньше сотовых телефонов – в 1982 г. По каким-то неведомым причинам пейджерные службы добились особой популярности именно в странах Дальнего Востока. В Европе или США этими коробочками никогда не пользовалось больше 3-5% всего населения. В Корее же в 1997 г. пейджерами обзавелась треть (точнее, 30,1%) всего населения страны. По этому показателю Корея уступала тогда только Сингапуру, 35% жителей которого имели пейджеры. К началу девяностых пейджеры стоили очень дешево, и поэтому были доступны любому. Однако век этих изящных маленьких коробочек продлился недолго: после 1997 г. они стали быстро сходить со сцены, не выдержав конкуренции с быстро дешевеющими сотовыми телефонами (часть функций пейджеров взяла на себя мобильная служба SMS).

“Мобильная революция” в Корее приобрела массовый характер только в 1996-97 гг., когда правительство решило внедрить конкуренцию на рынок сотовой связи. С правительственного благословения на этом рынке появилось пять новых компаний – вместо бывшего госмонополиста SKT. Сейчас, после нескольких слияний, число этих компаний сократилось до трёх. {с.107 – с.108}

Результаты демонополизации оказались вполне предсказуемыми: конкурирующие сети, стремясь привлечь к себе побольше клиентов, стали снижать цены на свои услуги. Правда, компания SKT, которой принадлежит более половины всех корейских абонентов, сумела сохранить своё лидерство на рынке, но в новых условиях и ей приходится исправно сбрасывать цены. Большую роль сыграло решение резко сократить начальную цену “трубки” (в конце 1990-х их раздавали практически бесплатно). В результате мобильник перестал быть исключительной принадлежностью бизнесмена или высокооплачиваемого специалиста, а превратился в обычный атрибут корейской жизни. В 1996 г. в Корее было 960 тыс. абонентов сотовых сетей. К концу 1996 г. их число достигло 3 млн., а в 1998 г. абонентов было уже 12 млн. (то есть, иначе говоря, каждый четвёртый кореец). К началу 2002 г., как уже говорилось, количество абонентов превысило 30-миллионный рубеж.

Распространённость мобильных телефонов в нынешней Корее поражает – говорят все и всегда. Есть страны, в которых самих “трубок” побольше, чем в Корее, однако мало где люди используют свои мобильники с такой же активностью. Во время одного из опросов 78% абонентов признались, что по меньшей мере один раз брали трубку, находясь в... туалете! Главная причина этой необычайной активности – дешевизна тарифов, которая вызвана отчасти конкуренцией, а отчасти – небольшими размерами страны и высокой плотностью населения. Действительно, при корейских тарифах говорить можно столько, сколько хочешь, не опасаясь астрономических телефонных счетов. Вдобавок, сам неистовый темп корейской жизни с её постоянными пробками и вечно меняющимся расписанием тоже очень способствует “мобильно-телефонной” активности. {с.108 – с.109}

Символы государственности

Государство должно иметь флаг, герб и гимн. В наши дни это заявление кажется самоочевидным – а, между тем, так дела обстояли далеко не всегда. Даже в Европе этот, так сказать, «символический пакет» окончательно сформировался только в XIX столетии. До этого гербом государства чаще всего служил фамильный герб правящего рода, а гимна как такового часто не имелось вовсе. Однако к концу XIX века триада «флаг-герб-гимн» стала обязательной: сначала – в Европе, а потом – и в Азии, которая волей-неволей перестраивала тогда свои традиции по новым, из Европы заимствованным, образцам.

Как и большинство стран Восточной Азии, Корея обзавелась флагом сравнительно недавно. Случилось это в 1882 году, когда первая официальная корейская дипломатическая миссия отправилась за границу – в Японию. Во главе этой миссии стоял Пак Ён-хю, молодой государственный деятель, которому было суждено впоследствии сыграть немалую роль в корейской истории. Миссия отбыла в Японию на борту британского корабля – своих судов у Кореи тогда не было.

Обсуждая протокол предстоящих официальных мероприятий, Пак Ён-хю понял, что корейским дипломатам следует иметь свой национальный флаг. Посоветовавшись с британским капитаном, Пак Пак Ён-хю быстро сделал эскиз будущего флага, который ныне известен как «тхэгыкки». Сама символика флага восходит к китайским представлениям трехтысячелетней давности – к символам из «Книги перемен». Центральное место в нем занимает сочетание красной и синей капель, которые сливаются в правильную {с.109 – с.110} окружность. Эти капли символизируют начала Инь и Ян, взаимодействие и борьба которых, по мнению дальневосточных философов, определяет все явления нашего мира. Похожая символика встречалась в Корее по меньшей мере с XVII века.

Разработанный Пак Ён-хю флаг в 1883 году получили официальный статус. Он оставался государственным флагом до 1910 г., когда страна потеряла независимость, а в

октябре 1948 г. вновь получил свой официальный статус. Любопытно, что до лета 1948 года флаг «тхэгыкки» использовался и на Севере, и на Юге – только осенью 1948 года Северная Корея приобрела свой собственный флаг.

История корейского гимна началась несколько позже, чем история флага – в первые годы XX века. В 1902 г. король Кочжон, правивший тогда Кореей, решил последовать примеру иных держав и обзавестись собственным гимном. В те времена в Корее работал немецкий композитор и дирижер Франц Экерт, который двадцатью годами ранее был одним из авторов японского национального гимна. Ему и поручили разработать гимн Кореи, которая в те времена официально именовалась «Корейской Империей»

Экерт выполнил высочайший заказ, и гимн был разослан в воинские части. Предполагалось, что его будут исполнять военные оркестры, которые со временем ознакомят с ним и рядовое штатское население. Однако в те времена корейской армии было не до нового гимна – страна стремительно шла к полной потере независимости. В результате гимн Экерта оказался забыт. Только в 1960-е годы его текст и музыка были обнаружены историками.

Однако в те времена, когда Экерт работал над новым гимном, многие корейцы уже пели песню, впоследствии ставшую гимном страны. Первое известное нам её исполнение состоялось в ноябре 1896 года, на открытии «Арки независимости», а к 1910-м годам почти все корейцы знали слова этой песни и воспринимали её как национальный гимн. Знали эти слова и японцы: за её публичное исполнение в более суровые времена (например, в 1941-1945 гг.) можно было попасть в полицию. {с.110 – с.111}

Как ни парадоксально, автор слов корейского гимна неизвестен. В конце 1940-х годов составители «Британской Энциклопедии» обратились к корейскому правительству с официальным запросом о том, кто же является автором национального гимна. В Сеуле была создана специальная комиссия, но её усилия не привели ни к какому определённом результату. Правда, выяснилось, что впервые песню, впоследствии превратившуюся в гимн, стали исполнять в одной из пхеньянских школ. Многие считают, что автором гимна был директор этой школы, известный публицист, писатель и политический деятель Юн Чхи-хо – однако доказать это с полной уверенностью, повторяю, так и не удалось.

А вот с автором музыки гимна особых проблем нет. На протяжении долгого времени корейский гимн исполнялся на заимствованную музыку: поначалу его пели под музыку британского гимна (да, именно так!), а потом – под мелодию шотландской народной песни.

В 1936 году, когда корейская делегация принимала участие в Олимпийских Играх в Берлине, к спортсменам, среди которых был и будущий олимпийский чемпион Сон Ик-чжон, подошел молодой человек интеллигентного вида, говоривший по-корейски с характерным пхеньянским акцентом. Он сказал, что учится в Венской консерватории, и недавно написал новую музыку для корейского гимна. Спортсмены попробовали спеть знакомые слова под новую мелодию – и остались ей довольны. Так гимн обрел музыку, автором которой был корейский композитор Ан Ик-тхэ, впоследствии ставший известным дирижером (он провел почти всю свою жизнь в Испании, лишь изредка посещая родину предков).

Официальный статус гимн приобрел вскоре после провозглашения Республики Корея – в 1948 году. {с.111 – с.112}

Истории сеульских мостов

Первое впечатление почти всех, кто приезжает в Сеул – это, конечно, Ханган. Подобно большинству корейских рек, главная река страны не отличается глубиной, хотя по своей ширине она вполне сравнима с крупными русскими реками. Однако летом, во время мусонных дождей, Ханган разливается, и уровень его повышается на несколько метров. В июле-августе река превращается в полноводный поток, который подвергает немалым испытаниям городские мосты.

Сейчас через Ханган в черте Сеула перекинуто 24 моста – в том числе 4 железнодорожных. Однако до начала XX века никаких мостов через реку не существовало.

Впрочем, в мостах и не было особой нужды. Исторически Сеул возник на правом, северном берегу Хангана. Только после 1936 года городские кварталы стали появляться и на левом (южном) берегу. Однако ещё в 1960-е годы левый берег был занят в основном рисовыми полями и огородами. Район Чамсиль, в котором ныне расположен Олимпийский стадион, тогда славился своим красным перцем, а на месте престижных жилых кварталов Апкучжона тридцать лет назад стояли небольшие деревеньки.

В старые времена мосты через Ханган были временными, понтонными. Наводили их только в том случае, если корейский король в сопровождении свиты отправлялся в южную часть страны. Поскольку короля в подобных поездках обычно сопровождало несколько тысяч охранников, слуг и чиновников, понтонный мост был необходим. Однако после того, как поездка завершалась, наплавной {с.112 – с.113} мост тут же разбирали. Вдобавок, по традиции корейские короли в своём большинстве были домоседами и из столицы почти не выезжали, так что необходимость в подобных переправах возникала довольно редко.

Простолюдины же переплавливались через Ханган на лодках. Память о многочисленных паромных переправах до сих пор сохранилась в географических названиях: вдоль берегов Хангана есть немало мест, в названия которых входит слово “нару” – “паром, речная переправа”.

В самом конце XIX века в Сеуле и его окрестностях появились наплавные мосты, которыми пользовался и простой люд. Любопытно, что они представляли собой частные предприятия. Строились такие мосты с целью получения прибыли. Хозяин моста взимал с проезжающих плату. В начале XX века плата эта составляла несколько чон (на современные деньги – несколько тысяч вон). Старые сеульцы рассказывали, как около 1910 года в Мапхо, напротив Ёйдо, появился такой мост, который был, как бы у нас сейчас выразились, “малым семейным предприятием”. Он принадлежал семейной паре. Муж сидел на одном конце моста, а жена – на другом. Оба они взимали плату за проезд, а с наступлением ночи закрывали мост на большой висячий замок.

Первый постоянный мост через Ханган был построен в 1900 году. После нескольких реконструкций этот мост сохранился до наших дней – это металлический железнодорожный мост, который соединяет берега реки между Мапхо и Норянчжином. Строительство моста было необходимо для того, чтобы обеспечить железнодорожное сообщение между Сеулом и Инчхоном. Именно два эти города связала первая корейская железная дорога, для которой и предназначался мост.

Строительство первого автомобильного – или, скорее уж, пешеходного – моста Индогё началось в 1916 году, а в эксплуатацию его ввели годом позже. Располагался он недалеко от железнодорожного моста в Ёнсане. Ширина моста составляла всего лишь 7,7 метра, причём на проезжую часть приходилось и того меньше – 4,5 метра. Впрочем, при тогдашнем движении хватало и этого. {с.113 – с.114}

Мост Индогё оказался не слишком-то везучим сооружением. Хотя он, как мы увидим, сохранился до нашего времени, на его долю выпало немало печальных приключений. Уже в первые годы своего существования мост приобрёл мрачноватую известность как излюбленное место самоубийств. В те времена в малоэтажном Сеуле было не так-то много мест, с которых можно было броситься вниз – и гарантировано разбиться насмерть. Чтобы предотвратить самоубийства, городская администрация решила выставить на мосту постоянный полицейский пост, а также укрепить на перилах специальные таблички на двух языках – японском и корейском. Эти таблички содержали ободряющее и духоподъёмное послание: “Потерпи ещё немного!”

В 1925 году, во время катастрофического летнего паводка, вода в реке поднялась почти на 9 метров выше ординара. Половина тогдашнего Сеула оказалась под водой. Потоки воды

повредили несколько опор Индогё, и мост был частично смыт паводком. Автомобильное движение по нему было надолго закрыто. В казне генерал-губернаторства не было средств на его полное восстановление, так что мост использовался только пешеходами и гужевым транспортом. Только в 1936 году мост Индогё был полностью восстановлен и реконструирован. Одновременно с ним был построен и другой, не сохранившийся до наших дней, мост Кванъчжингё, так что к 1950 году через Ханган было переброшено три моста. Этого вполне хватало. На старых фотографиях мост Индогё почти всегда пуст: мало кому из сеульцев требовалось тогда пересекать реку.

25 июня 1950 года началась Корейская война, а к вечеру 27 июня части северокорейской армии ворвались в город. В ночь на 28 июня мосты были забиты беженцами и отступающими частями южнокорейской армии. Однако в 2:30 утра они были взорваны – вместе со всеми находившимися на них людьми. Несколько сотен человек было убито и ранено во время взрыва. Вдобавок, в результате значительная часть южнокорейской армии не успела переправиться через мосты и оказалась отрезанной на северном {с.114 – с.115} берегу. Многим солдатам удалось преодолеть Ханган на лодках или даже вплавь, но вся артиллерия и тяжелое вооружение достались северянам.

Как водится, виновных в катастрофе нашли немедленно. На роль стрелочника назначили полковника-сапера, который непосредственно отдал приказ о взрыве мостов. Его тут же арестовали и отдали под трибунал. Правда, уже на процессе выяснилось, что приказ на самом деле отдал кто-то из высших сановников – то ли начальник Генштаба, то ли и вовсе запаниковавший премьер-министр. Однако начальник Генштаба вскоре сам погиб в бою с северянами, а премьеру удалось выйти сухими из воды – ведь письменных свидетельств не существовало. Полковника тут же расстреляли, спрятав все концы в воду. Правда, приговор вызывал возмущение в армии, и когда десятилетие спустя военные взяли власть в стране, они провели пересмотр дела. В 1964 году злополучный полковник Цой был реабилитирован – посмертно, разумеется.

Только в конце 1950-х началось восстановление моста Индогё. Работами на мосту занималась фирма, название которой – “Хёндэ”- в то время мало кому что-то говорило. Для будущей чэболь мост Индогё стал важным этапом на пути к успеху (как, впрочем, мы уже рассказывали)..

Уже в конце 1970-х годов фирма “Хёндэ” – к тому времени крупнейшая корпорация страны – вновь вернулась к работам на мосту. В 1979-1982 годах параллельно старому мосту был построен новый, являющийся его точной копией, так что сейчас через Ханган перекинута два одинаковых моста с односторонним движением.

Однако настоящее строительство мостов через Ханган началось только в шестидесятые годы, когда Сеул окончательно перебрался через реку, и когда на её южном берегу стали вырастать новые жилые кварталы. Тем не менее, ветеран – мост Индогё – работает и поныне. Он, правда, сменил своё официальное название: сейчас его именуют Ханган тэгё. Надеюсь, что типичная для Сеула страсть к перестройке всего не заденет это сооружение – памятник недавней корейской истории. {с.115 – с.116}

Новый старый Ханган

Река Ханган, на берегах которой расположилась корейская столица, не отличается особой длиной: география Корейского полуострова вообще такова, что на нём для больших рек просто нет места. Истоки большинства корейских рек находятся в горах, что протянулись вдоль восточного побережья полуострова, а текут реки на запад, к Жёлтому морю. Расстояние от истоков до побережья не очень велико, примерно двести километров по прямой, или, самое большее, километров четыреста-пятьсот вдоль извилистого речного русла. Полная длина Хангана – всего лишь 514 км.

Однако, более Ханган отличается необычной для такой относительно короткой реки шириной. Действительно, в пределах Сеула его ширина достигает километра – он немногим

уже, чем Нева в пределах Петербурга. Конечно, при этом Ханган много мельче Невы (его глубины составляют 2-3 метра). Однако несмотря на малые глубины, водная гладь реки выглядит на удивление ровно, и даже весной, когда уровень воды заметно снижается, на реке не появляется отмелей и островков.

В двадцатые и даже пятидесятые годы Ханган выглядел совершенно иначе. Русло Хангана было тогда покрыто большими и маленькими наносными островами и островками, которые меняли свое положение после каждого очередного наводнения. Кроме того, вдоль речных берегов тянулись обширные песчаные отмели и пляжи, которые временами могли достигать немалых размеров. Так, в мае 1956 года наносной песчаный остров рядом с Ёйдо стал местом митинга оппозиции, в котором, как считалось, {с.116 – с.117} приняло участие приблизительно 300 тысяч человек. Даже учитывая, что эта цифра, вероятнее всего, была преувеличена сторонниками оппозиции, ясно, что площадь этого острова была внушительной (и фотографии многолюдного митинга подтверждают это). С песчаными наносами и островками, река выглядела намного более естественной, чем в наши дни. Но Ханган был тогда много уже, в отдельных местах – всего лишь 250-300 метров шириной. Большую часть речного русла занимали песчаные острова и отмели.

В те времена периодические наводнения были частью повседневной жизни Сеула и его окрестностей. Жители пригородных деревень были готовы к критическим ситуациям: в доме имелись лодки, а в центре посёлков были возведены искусственные насыпи, которые служили убежищем в случае наводнения. Такие городские районы как Мапхо и Чанъанпхён страдали от наводнений особенно часто. Крупнейшее наводнение XX века произошло в июле 1925 года. Фактически, это были четыре последовательных наводнения, вызванные проливными ливнями. Согласно официальной статистике, 647 человек тогда погибло, 6.363 жилых здания было полностью уничтожено стихией, а 17.045 – повреждено. Экономический ущерб от наводнения оценивался в 130 миллион иен, что тогда составляло 58% всего годового бюджета корейской колониальной администрации.

Ситуация изменилась только после войны. Стремительное экономическое развитие шестидесятых годов привело к промышленному и строительному буму. Для массового строительства, которое развернулось тогда, был необходим цемент. Производство цемента между 1960 и 1990 годами увеличилось в восьмидесять раз (с 430 тыс. тонн в 1960 г. до 34 млн. тонн в 1990 г.).

Однако для того, чтобы превратить цемент в железобетон, нужен песок и гравий (и железо, конечно). Для южнокорейских строителей эпохи «экономического чуда» Ханган стал естественным источником этих материалов, так что с начала шестидесятых годов острова и берега реки превратились в места интенсивной добычи гравия и пес {с.117 – с.118} ка. Можно сказать, что все здания, построенные в корейской столице между 1960 и 1985 гг. сделаны из ханганского песка – и таких зданий много! Островки и берега Хангана в конечном счете стали квартирами, мостами и заводами Сеула и его окрестностей.

К концу восьмидесятых годов запасы речного песка в городских пределах были исчерпаны. Островки и песчаные речные пляжи исчезли полностью. Уровень реки значительно снизился, так что даже некоторые насосные станции городского водопровода и оросительных систем должны были перенесены в другие места: их водозаборники, которые должны были оставаться под водой в течение всего года, оказались выше нового уровня воды. В сухие сезоны русло реки периодически оголялось. Иначе говоря, «новый» Ханган выглядел достаточно непривлекательно.

В середине восьмидесятых, когда Сеул всю готовился к Олимпийским Играм 1988 года, правительство решило сделать что-то сделать с рекой. Предполагалось возродить на ней судоходство, пустив по реке туристские прогулочные теплоходы (судоходство по Хангану прекратилось после Корейской войны, так как устье реки оказалось в районе границы с Северной Кореей, и выход из Хангана в море стал невозможен). Да и в целом реку следовало привести в более приемлемый вид, чтобы она была достойна «страны экономического чуда»!

С этой целью было построено две мини-дамбы под мостами Чамсиль и Кимпхо. Спрятанные под мостами дамбы не очень бросаются в глаза, но они позволяют поддерживать уровень Хангана на относительно высоком уровне, так что по реке ходят туристские теплоходы, и она остается достаточно полноводной круглый год. По крайней мере, всё широкое русло реки заполнено водой, и речное дно не обнажается даже во время засухи.

Таким образом современный Ханган – продукт экономического развития и политических решений (а также патриотических амбиций, конечно – как же без них?) {с.118 – с.119}

Ночные улицы (никто не подошёл из-за угла)

«Преступность не является в Сеуле серьезной проблемой» – такое заявление можно найти в большинстве путеводителей по корейской столице. Это не иллюзия, и не рассчитанный на привлечение туристов пиар. Несмотря на свои громадные размеры (население Большого Сеула – примерно 24 миллиона человек), корейская столица безопасна в любое время дня и ночи. Уровень насильственной преступности в Корее очень низок. Прибывшие в Сеул иностранцы сразу узнают от сторожилов, что главной угрозой для них являются подвыпившие прохожие с университетским образованием, которые упорно стремятся практиковать на иностранце свой сомнительный английский.

Статистика вполне подтверждает эти субъективные ощущения. В 2000 г. во всей Корее произошло 964 убийства. По данным на 2000 г., на 100 тысяч человек приходилось убийств: в России – 19,8; в США – 4,6; а в Корее – 2,02. Не менее показательна и статистика по количеству грабежей. В 2000 г. в Южной Корее произошло 9,6 ограблений на каждые 100 тысяч человек населения, в России – 91, а в США – 147, то есть примерно в 15 раз больше. Несколько хуже дело обстоит с изнасилованиями, но и тут Корея находится примерно на уровне стран Западной Европы. Стабильной остается и доля лиц, находящихся в заключении: на протяжении последних 40 лет она колеблется между 0,11% и 0,15% от всего населения страны. Для сравнения: в России этот показатель составляет 0,73%, в США – 0,68%. {с.119 – с.120}

Принято считать, что рост городской преступности - это чуть ли не неизбежная плата за урбанизацию и социально-экономическое развитие. Однако Корея заставляет сомневаться в этом правиле, выведенном на основании западного опыта. Хотя последние три десятилетия были временем интенсивной урбанизации и доля городского населения выросла примерно в два раза, в Корее не произошло взрыва преступности, практически неизбежно сопровождавшего урбанизацию в других развивающихся странах. Впрочем, подобный феномен – в целом стабильный уровень преступности в условиях стремительной урбанизации – характерен и для других дальневосточных, "экс-конфуцианских" обществ. Американские криминалисты, занимавшиеся проблемами преступности в Японии, даже называли цифры, отражающие эту тенденцию, "озадачивающей статистикой".

Вдобавок, корейский опыт опровергает еще одно эмпирическое правило, которое гласит, что уровень преступности в больших городах обычно существенно выше, чем в целом по стране. Два корейских мегаполиса – Сеул и Пусан – не входят в список районов с особо высоким уровнем преступности, который ежегодно составляется корейскими криминологами. Как правило, уровень преступности в эти гигантских городах, в которых сосредоточена примерно половина населения страны, был средним, а в отдельные годы – даже низким, что позволяло включать их в список наиболее благополучных с криминологической точки зрения районов.

Правда, примерно половина корейцев говорит, что боится ходить в одиночку по ночным улицам, однако, страх страху рознь и опасения сеульца не идут ни в какое сравнение с теми чувствами, которые испытывает выходящий ночью на улицу петербуржец или москвич. Так, одна корейская знакомая автора, которой часто приходится возвращаться домой поздно ночью, как-то сказала, что боится идти домой от станции метро и поэтому приняла

необходимые меры предосторожности. Меры эти заключались в том, что она купила громкий спортивный свисток, который, по её мнению (впрочем, вполне основательно {с.120 – с.121} му), служит в ночном Сеуле достаточно надёжным средством самозащиты.

Создаётся впечатление, что и уличное воровство в Корее практически отсутствует. Русского порою просто поражает, как спокойно корейцы оставляют практически без присмотра немалые ценности. Магазины на ночь запираются совершенно символически. Во многих случаях уличный торговец, уходя домой, ограничивается тем, что тщательно закутывает свой ларек брезентом. Некоторые же торговые стенды, расположенные в подземных аркадах и иных закрытых помещениях, где обычно имеется охрана, временами не закрываются вовсе. Торговцы ограничиваются тем, что убирают от греха подальше только самые ценные товары, спокойно оставляя на прикрытых брезентом прилавках то, что подешевле. Наконец, днем не редкость увидеть "брошенную" лавку, хозяин или, чаще, хозяйка которой просто пошли поболтать к соседке, резонно рассчитывая, что покупатель, взяв товар, сам найдет пропавшего продавца (иногда ему помогает в этом небольшая записочка на дверях), а в крайнем случае – просто положит на прилавок необходимую сумму. Любая забытая вещь остается на своём месте на протяжении очень и очень долгого времени. К сожалению, автор этих строк страдает немалой рассеянностью, в силу чего ему приходится регулярно убеждаться в верности этого замечания на своем личном опыте.

Конечно, определённую роль в том, что Корея относится к числу самых безопасных стран мира, сыграло то обстоятельство, что в ней действует разветвлённый полицейский аппарат, дополненный разнообразными охранными структурами. Вахтер дежурит в каждом подъезде многоэтажного корейского жилого дома, да и большинство учреждений располагает весьма многочисленной ведомственной охраной. Однако переоценивать роль этих административных, внекультурных факторов никак не следует, ибо объяснить ими тот низкий уровень преступности, который ныне существует в Корее, просто невозможно. В конце концов, в маленьких городах полиции попросту не видно, да и в крупных центрах она рассчитана скорее на борьбу с нелегальной оппозицией и северокорейской агентурой, нежели на противостояние обычной преступности.

Куда большую роль играет, по-видимому, традиционная для корейской этики нетерпимость к воровству. Можно вспомнить о нищих пятидесятых, когда лавочники знали, что работающая у них продавщица, хотя и сама живет в нищете, а то и голодает, не возьмет из лавки ни зернышка риса, ни кусочка яблока. Не следует забывать и про крепость семейных и иных социальных связей, которые обеспечивают высокую степень контроля над индивидом и надёжно пресекают любые социальные отклонения. Корея остается страной домохозяек, и дети растут под неусыпным контролем матерей. Большую роль играет и корейская система школьного воспитания, крайне жёсткая и, в то же самое время, с самого раннего возраста формирующая у ребенка чувство ответственности и ориентацию на созидательный труд. Корейские подростки не болтаются по улицам – у них на это нет времени. Все школьные годы заняты изнурительной подготовкой к экзаменам, тем самым экзаменационным марафоном, успех или неудача в котором полностью определяет в Корее всю последующую судьбу человека. Кстати сказать, именно жёсткий социальный контроль американские японисты-криминологи считают одной из важнейших причин крайне низкого уровня преступности в этой дальневосточной стране.

Другой особенностью быта корейского города, которая сразу бросается в глаза человеку, приехавшему из-за рубежа, является отсутствие или, по крайней мере, исключительная редкость актов вандализма. Стекланные телефонные кабины стоят целые и невредимые, никто не ломает скамейки, никто не портит многочисленные автоматы по продаже кофе или сигарет, никто не срывает искусственный бархат с сидений в вагонах электрички, нет даже пресловутых "граффити" – разнообразных и, как правило, не слишком умных надписей, которыми испещрены стены домов в бедных кварталах американских и западных городов. {с.122 – с.123}

Организованная преступность, которая в девяностые годы стала бичом российского общества и экономики, существует и в Корее, однако по своему масштабу и характеру она

весьма отличается от российской. Корейские "братки" при молчаливом согласии полиции и властей контролируют те сферы бизнеса, которые формально считаются запрещенными, но на деле терпят властями. Относится это в первую очередь к игорному делу и проституции, а также к деятельности всякого рода заведений (пивных, гостиниц и т.п.), которые служат прикрытием для этих видов полуполезального бизнеса. Подобные заведения имеют "крышу" – соответствующую преступную группировку, которой они выплачивают определенную часть доходов. Однако подавляющее большинство тех корейских фирм, которые не связываются ни с азартными играми, ни с проституцией (а также аккуратно и в срок рассчитываются с долгами), не имеет с мафиозными группировками никаких отношений.

Другой областью, в которой в Корее также заметно присутствие оргпреступности, являются вопросы неплатежей и невозврата кредитов. Некоторые специфические черты банковской системы привели к тому, что в Корее, наряду с официальным, существует и рынок частного ростовщического кредита. В случае невозврата кредита заимодавец в принципе может решить дело через суд, однако юридическая процедура часто затягивается надолго, стоит немалых денег и нервов, так что иногда заимодавец, если ему не удастся уладить конфликт "по-хорошему", предпочитает выйти на нелегальные силовые структуры. В отдельных случаях к их услугам могут прибегать даже вполне солидные средние фирмы.

Участие организованных преступных группировок в этих двух видах деятельности, по-видимому, не вызывает особых возражений у властей. Однако занимается организованная преступность и "чисто противозаконными" вещами, в том числе и торговлей наркотиками и оружием. Настоящего рынка наркотиков в американском и даже европейском понимании в Корее пока нет, подобными препаратами лишь изредка пользуются некоторые предста {с.123 – с.124} вители богемных кругов и "золотой молодёжи", а также немногочисленные в корейском обществе маргиналы. Тем не менее в последнее время распространение наркотиков превратилось в Корее в определенную проблему, с которой приходится считаться.

Несмотря на отсутствие уличной преступности и воровства, жёсткий контроль над оргпреступными группировками, малую распространенность наркотиков, существует всё-таки криминальная область, в которой дела в Корее обстоят не столь уж благополучно. Речь идет о служебных преступлениях разного рода, взяточничестве и казнокрадстве. Корейский государственный аппарат является достаточно коррумпированным. Разумеется, объективно оценить уровень коррупции в той или иной стране – дело достаточно трудное, если не невозможное. Количество дел, возбуждённых по фактам коррупции, куда больше говорит о желании властей бороться с этим явлением, чем о его реальной распространенности. Понятно, что в странах Африки или Южной Азии, где государственная власть, как правило, полностью продажна, шансов попасть под суд за взятку не так уж много, в то время как где-нибудь в Северной Европе даже поступок, который в более теплых местах вообще никому не показался бы предосудительным, может привести чиновника на скамью подсудимых.

Во Всемирном индексе восприятия коррупции, который составляет международная организация Transparency International, в 2003 г. Южная Корея оказалась на 50-м месте, вместе с Грецией и Коста-Рикой. Правда, Россия в этом рейтинге находится на 86-м месте, вместе с Мозамбиком. Разумеется, к подобным оценкам следует относиться очень осторожно и ни на минуту не забывать о том, что они носят во многом произвольный характер, однако интерес они, бесспорно, представляют.

Как бы то ни было, и корейцы, и иностранцы в частных разговорах жалуются на весьма высокую (по сравнению с Западом, но не с Ближним Востоком, Африкой или Россией, конечно) степень коррумпированности государственного аппарата. Общение с государственными органами {с.124 – с.125} нами, особенно по вопросам бизнеса, требует постоянного "подмасливания", которое временами принимает формы крупных и очень крупных взяток, а временами сводится просто к систематическому приглашению "нужных людей" в роскошные рестораны и вручению им дорогих подарков. О том, какие масштабы временами принимает взяточничество в высших эшелонах власти, можно судить из дела Ро Дэ У, бывшего президента страны (1988-1992), который оказался под судом за то, что получил от ведущих корпораций в качестве прямых и косвенных взяток около полумиллиарда

долларов. Показателен, однако, не только масштаб взяток, но и то обстоятельство, что это дело в конце концов было раскрыто усилиями нескольких оппозиционных политиков. Ни один из этих политиков, заметим, не стал жертвой странной автомобильной аварии и не скончался скоропостижно "от сердечного приступа", как это, скорее всего, произошло бы в некоторых соседних странах, подверженных коррупции в куда большей степени. В принципе, вымогать взятки у иностранцев не очень принято, хотя автору и приходилось слышать рассказы иностранцев, которым пришлось для решения своего вопроса "простимулировать наличкой" чиновников иммиграционной службы.

Однако вся эта коррупция существует, так сказать, "в высших сферах" и весьма мало касается рядового корейского служащего. Даже в тех случаях, когда его начальство преподносит "нужным людям" подарки в десятки и сотни тысяч долларов или всего-навсего ходит с ними по дорогим ресторанам, представитель "среднего слоя", наемный работник, не имеет к этому почти никакого отношения. В своей обычной жизни рядовой, живущий на зарплату, кореец редко оказывается вынужден давать взятки или принимать участие в разного рода сомнительных делах.

Помимо уголовной преступности, большое влияние на корейское общество оказывает преступность политическая, точнее, потенциальная угроза её возникновения. Южная Корея формально является воюющей страной, и напряженные отношения с северокорейским режимом во многом влияют на жизнь южнокорейского общества, в {с.125 – с.126} том числе и на повседневную. Иностранцу (разумеется, владеющему корейским языком) бросаются в глаза многочисленные плакаты службы безопасности, которые укреплены во всех вагонах метро, на кабинах телефонов-автоматов, на вокзалах, в недорогих гостиницах. Плакаты эти призывают информировать "компетентные органы" обо всех подозрительных и обещают немалое, в десятки тысяч долларов, вознаграждение за своевременную информацию. Об этом же время от времени напоминает и записанный на пленку голос в метро. Безусловно, до определённой степени все эти мероприятия служат пропагандистским целям, однако северная угроза является вполне реальной. Рейды северокорейских разведгрупп (часто со стрельбой), нападения подготовленных на севере террористов на военные и гражданские объекты, постоянная напряженность на недалекой границе – всё это также реалии повседневной жизни современной Южной Кореи.

Среди мер, направленных на обеспечение общественного порядка, некоторое удивление иностранцев вызывал комендантский час, который существовал в Корее на протяжении длительного времени. Впервые комендантский час был введен 29 сентября 1945 г. американскими оккупационными властями. Действовал он тогда с 22:00 до 04:00, однако конкретная продолжительность его впоследствии неоднократно менялась в зависимости от политической ситуации (в отдельные периоды комендантский час начинался в 20:00). Комендантский час просуществовал в Корее до конца восьмидесятых и был отменен только перед Олимпийскими Играми 1988 г. Однако и в начале девяностых въезд в корейские города по вечерам перегораживался специальными барьерами, а части военной полиции выборочно проверяли въезжающие машины. Любой автомобиль, проезжая мимо такой заставы, должен был снизить скорость до 5-10 км/ч и включить освещение салона. Только к середине девяностых все эти строгости были отменены.

Характерной особенностью Кореи является то, что значительная часть рядового и сержантского состава полицейских сил состоит из молодых людей, для которых {с.126 – с.127} служба в полиции является формой обязательной срочной воинской службы. В то время как одни призывники направляются в воинские части, другим предстоит провести свою армейскую службу в рядах полиции. Особенно много их в патрульно-постовой службе и в дорожной полиции. Из них же комплектуются части так называемой "боевой полиции", которая предназначается для борьбы с северокорейскими разведывательно-диверсионными группами. Только офицеры и часть сержантов в корейской полиции являются профессионалами-контрактниками.

Как бы то ни было, но Сеул относится к тем немногим мегаполисам, по улицам которых вполне можно гулять в любое время суток. Худшее, что может случиться с вами - это

объяснение с сильно подвыпившим господином средних лет, который, приняв вас за американца, вздумает попрактиковаться в английском языке и заодно высказать все, что он только думает о внешней политике Буша-младшего. {с.127 – с.128}

Стой, кто идёт? (Коммендантский час в Корее)

Улицы корейских городов полны людьми и в 10, и в 11 часов вечера. Однако так было далеко не всегда. Еще 20 лет назад жизнь в корейских городах полностью прекращалась незадолго до полуночи. Загулявшие мужики лихорадочно ловили такси и неслись домой, стремясь поспеть туда до 24:00. Иначе было нельзя – в Сеуле и большинстве других городов страны действовал комендантский час.

История комендантского часа в Корее уходит корнями в незапамятные времена. В старой Корее самовольно бродить по ночным улицам было запрещено. Когда этот запрет был введен впервые – неизвестно, но в 1401 году он уже существовал. Каждый вечер, в 10 часов, ударял колокол, который возвещал о начале комендантского часа. Всем прохожим полагалось после этого немедленно отправляться по домам и оставаться там до 4 утра, когда комендантский час прекращал свое действие и движение по городу возобновлялось.

За соблюдением комендантского часа следила городская стража – отдалённые предшественники современной полиции. Если человек покидал свое жилище в неустановленное время, его ждало наказание палками – от 10 до 40 ударов по филейным частям тела. Конкретное количество ударов зависело от того, когда именно был задержан виновный. Закон много мягче относился к тем, кто попался в руки патрулю сразу после начала комендантского часа или же перед самым его окончанием: в конце концов, не успел человек вернуться домой или же, наоборот, очень торопился по срочным утренним делам. {с.128 – с.129} Тех же, кого обнаружили на улицах посреди ночи, наказывали строже.

Если в доме происходило какое-то ЧП, и требовалась, например, помощь врача, то все равно следовало сначала обратиться к ближайшему полицейскому посту. Там выдавали временный ночной пропуск. На следующее утро полиция проверяла, насколько уважительными причинами было вызвано подобное обращение.

Комендантский час просуществовал не менее шести столетий и был отменён только в сентябре 1895 года, когда к власти в Корее пришло прояпонское реформаторское правительство. Однако ровно через полвека, в сентябре 1945 года, комендантский час был введен вновь.

Ввели его американские войска, которые в сентябре 1945 года высадились в Корее. На первых порах комендантский час действовал только в Сеуле и Инчхоне, но с началом Корейской войны его распространили на всю страну. После окончания войны комендантский час был сохранён. Официально это объяснялось угрозой со стороны северокорейских агентов и диверсантов. Трудно сомневаться в том, что такая угроза действительно существовала, однако главной причиной всех строгостей была все-таки не она, а желание диктаторских правительств максимально ограничить деятельность оппозиции. Играл комендантский час и символическую роль, постоянно напоминая корейцам, что «враг стоит у ворот столицы». Понятно, что такие напоминания, с одной стороны, повышали народную бдительность, а с другой – позволяли правительству оправдывать репрессии против оппозиционеров.

В разное время продолжительность комендантского часа была разной, но начинался он обычно в полночь и завершался, как и в стародавние времена, в 04:00 утра. На это время въезды в корейские города перегораживались специальными барьерами. Такие же заграждения ставились и на важнейших городских перекрестках. Часовые бдительно проверяли наличие ночных пропусков у водителей редких машин. Разумеется, к полуночи все увеселительные и питейные заведения полагалось закрывать. Некоторым заведениям разрешалось работать всю ночь, но в таком {с.129 – с.130} случае их посетители не могли покинуть помещения между 24:00 и 04:00. Расписания поездов и междугородних автобусов

также составлялись таким образом, что к месту назначения они прибывали до полуночи, и пассажиры могли добраться до дома перед началом комендантского часа.

Из этого правила существовало несколько исключений. Комендантский час не действовал в новогоднюю ночь и в ночь на Рождество. Он не был введен на территории пров. Чхучхон и в некоторых туристских районах. Наконец, не распространялся комендантский час на грузовики, которые перевозили отправляющиеся за границу товары (экспорт был слишком важен для корейской экономики).

Комендантский час в Сеуле был отменён в мае 1982 года. В провинции он просуществовал дольше – до самого конца восьмидесятых. Я еще помню те правила, что действовали в начале 1990-х годов. Тогда машина, въезжая в город, должна была в обязательном порядке проехать мимо полицейского поста на минимальной скорости и с включенным в кабине светом. При этом часовые всегда могли остановить вызвавший у них подозрение автомобиль. В последующие времена подобные строгости вводились лишь временно – в тех случаях, когда в районе шла охота за очередной северокорейской разведгруппой.

А так – гуляй хоть всю ночь. Вот и гуляют, конечно... {с.130 – с.131}

Корейцы дома и на работе {с.131 – с.132}

В поисках своей половины...

Вступление в брак в корейском обществе – это и обязательный, и неизбежный этап в жизни человека. Мужчины или женщины, которые по карьерным или иным соображениям сознательно не вступают в брак, остаются в Корее крайней редкостью. Нечасто встречаются и такие ситуации, когда свадьба откладывается на некое неопределённое будущее. Общественное мнение убеждено, что и мужчина, и женщина должны обязательно найти себе супруга или супругу в течение нескольких лет после того, как они приступили к самостоятельной жизни, и что выбор этот, как правило, делается раз и навсегда (правда, в самые последние годы ситуация быстро меняется: после 1995 г. развод перестал быть редкостью и в Корее).

По корейским представлениям, первейшим условием вступления в брак для человека является стабильность материального положения. Браки студентов поэтому являются исключительной редкостью, а в некоторых женских университетах они даже формально запрещены. Мужчина, собравшийся жениться, должен уже устроиться на постоянную работу, иметь стабильное место, возможно, и не очень хорошо оплачиваемое, но с перспективами постепенного служебного роста. Женщина к этому времени также должна получить то образование, которое принято иметь в её окружении.

Если речь идёт о корейском “среднем классе”, для членов которого сейчас почти обязательным стал университетский диплом, то обычным возрастом вступления в брак считаются 24-26 лет для женщин и 25-29 лет для мужчин. Если человек не создал семьи в течение нескольких лет по {с.133 – с.134} истечении общепринятого срока, то такая ситуация воспринимается окружающими как совершенно ненормальная, и даже как основание для паники (“подумать только: ему 31 год – а жены всё нет! жизнь идёт под откос!”). Родственники, друзья, сослуживцы и начальники такого кандидата в “старые холостяки” (или “старые девы”) начинают проявлять растущую обеспокоенность. Обычно эта обеспокоенность носит вполне конкретный характер и выражается в активных поисках подходящей для такого человека “партии”. В результате в Корее почти невозможно встретить неженатых мужчин старше 30-32 или незамужних женщин старше 28-30 лет.

Традиционное корейское общество почти не знало браков по любви: вопросы заключения брака решались родителями единолично – детей ни о чём особо не спрашивали. Не возбранялось прибегать и к помощи профессиональных брачных посредников. Их можно

было бы назвать свахами, если бы не то обстоятельство, что женщин среди них в те времена было весьма и весьма мало.

Старые традиции заключения браков и старый подход к семье довольно долго сохранялись почти в прежнем виде, и перемены в этой области начались сравнительно недавно. В последние годы молодые люди стали всё чаще брать на себя инициативу в заключении браков, однако и в наши дни в большинстве случаев будущих супругов знакомят друг с другом посредники, в роли которых могут выступать как профессиональные свахи (теперь и в Корее это – женская профессия), так и, гораздо чаще, друзья или родители. Порою посредниками могут быть и начальники молодых людей. Так, хорошо мне известную семейную пару – молодых университетских преподавателей – сосватали друг другу их научные руководители. В фирмах решение семейных проблем сотрудников, особенно тех, которые уже перешли общепринятый брачный возраст, часто берёт на себя их начальство.

По данным опроса, проведённого в 1991 г., даже среди корейцев с высшим образованием только 35% нашли будущую жену или мужа сами, а остальные же остановились на подобранном для них кандидате. Среди людей с началь [{с.134 – с.135}](#) ным образованием доля самостоятельных браков ещё ниже, всего лишь 20%.

Я могу и заблуждаться, но мне кажется, что для корейцев и, особенно, для кореянок, характерен весьма прагматичный подход к подбору будущего супруга. Чувствам не придаётся особого значения, ибо, как заметила одна моя знакомая: “И та женщина, что вышла замуж по любви, и та, что вышла замуж по расчёту, через три или четыре года имеют одинаковые отношения со своими мужьями. Разница лишь в том, что та, что хорошенько подумала, обычно может ходить в лучшие универмаги, чем та, которая пошла на поводу у своих эмоций”. Подобная позиция, какой бы странной и даже циничной не казалась она российскому читателю, вполне понятна. Не следует забывать, что речь идёт об обществе, в котором женщина в целом пока не имеет возможности не только сделать карьеру, но, зачастую, даже и просто зарабатывать себе на жизнь. Выбирая мужа, кореянка выбирает не только человека, с которым ей предстоит жить до самой смерти, но и кормильца, материальные успехи и общественное положение которого будут и её успехами, её положением. Таким образом, выбор мужа – самое важное решение в жизни, и ошибка в этом ответственном деле может иметь катастрофические последствия. Отсюда – и тщательное отношение к подбору супруга, тот рационалистичный подход, при котором такое понятие как “любовь”, не играет особо серьёзной роли, а куда больше внимания уделяется происхождению, здоровью, перспективам карьеры. Именно эта психологическая установка вкупе с вековыми традициями позволяет существовать институту брачных посредников.

Вообще замечание о том, что “любовь слепа” и уже в силу этого не должна приниматься всерьёз при решении такого важного вопроса, как вступление в брак, можно услышать в Корее часто. Вот что, например, говорит по этому поводу одно из корейских руководств по этикету: “Говорят, что любовь слепа. Когда мужчина и женщина любят друг друга, они в состоянии замечать у своего возлюбленного только хорошие черты, и, наоборот, не видеть недостатков, так что тем людям, которые ищут своего супруга, [{с.135 – с.136}](#) руководствуясь лишь чувствами, легко ошибиться. Поэтому желательно сначала встретиться с рекомендованным друзьями или родственниками вероятным женихом или невестой, познакомиться, спокойно всё обдумать и принять решение. Организацию подобных встреч берёт на себя посредник”. Подтекст этих рассуждений вполне ясен: брак по любви является сомнительной затеей, чуть ли не авантюрой, в то время как брак по расчёту, в особенности заключённый при помощи родителей или родственников – это солидное и разумное предприятие.

После того, как родители, посредники или друзья подобрали потенциального жениха или невесту, организуется первая встреча кандидатов в супруги. Встречи эти бывают двух типов. Один из них – более традиционный, формализованный и, если можно так выразиться, “серьёзный” – имеет место в тех случаях, когда в роли посредников выступают родители или начальство, а другой – более упрощённый – в тех случаях, когда потенциальных супругов знакомят их друзья или сослуживцы. Второй вариант в Корее называют забавным гибридным

словечком китайско-английского происхождения – “согэтхин”. Оно представляет из себя сочетание издавна укоренившегося в корейском языке китайского слова “согэ” – “представление, рекомендация” и английского окончания ing, которое попало туда из слова meeting – “встреча”.

При более формализованном варианте встреча проходит либо в доме посредника, либо в доме потенциальной невесты, либо, чаще всего, в каком-нибудь ресторане. Стороны встречаются, обмениваются информацией и приглядываются друг к другу.

Перед принятием окончательного решения иногда принято обмениваться подготовленными по всем правилам и официально заверенными медицинскими справками о состоянии здоровья потенциального супруга и супруги (вообще, для корейской культуры характерно очень большое внимание, которое уделяется здоровью будущего мужа или жены). Кроме того, во многих случаях по-прежнему практикуется также предоставление выписок из родословных книг чокпо, которые свидетельствуют о большей или {с.136 – с.137} меньшей знатности рода (увы, хорошо известно, что эти книги на 90-95% – фальсификация). Наконец, перед помолвкой зачастую наводятся последние справки о вероятном супруге, в том числе и по месту работы или учёбы. Как отмечает всё то же пособие по правилам хорошего тона: “Нет ничего плохого в том, если родители сходят в ту компанию, где работает их будущий зять, и спросят там о его отношении к службе, о его зарплате, о его видах на будущее”.

Пока идут эти предварительные переговоры на “высшем семейном уровне”, у самих молодых есть время немного пообщаться друг с другом и окончательно определиться. После первой встречи кандидаты в супруги встречаются ещё несколько раз, вместе ходят по городу, разговаривают и, конечно, приглядываются друг к другу. Однако вскоре приходит время решать. Разумеется, в зависимости от ситуации и количество встреч будущих супругов, и время, которое им необходимо для того, чтобы принять решение, могут существенно отличаться. Иногда всё может произойти очень быстро. Так, я знаю молодую пару, встреча которых друг с другом на их собственной свадьбе была всего лишь... шестой с момента их знакомства, организованного родителями. В целом же некоторое представление о ситуации дают данные корейских социологов, в соответствии с которыми средняя продолжительность ухаживания (от первой встречи до свадьбы) при браке, заключённом при помощи посредника, равнялась 7,3 месяца, в то время как при браке по инициативе самих молодых она была много больше и составляла 24 месяца.

“Согэтхин”, как уже говорилось выше, представляет из себя менее формальное мероприятие и организуется не родителями или старшими, а друзьями кандидатов в супруги. Проводится такая встреча чаще всего в кафе или в ресторане. Рекомендатель обычно представляет молодых людей друг другу и удаляется. После более или менее продолжительной беседы молодые люди прощаются. При этом мужчина, если он хочет продолжить знакомство, должен сам предложить “встретиться ещё раз”. Если его новая знакомая соглашается, то за этим следует ещё не {с.137 – с.138} сколько встреч, и дальше ситуация развивается примерно так же, как и при знакомстве, организованном родителями.

Далеко не каждое организованное посредниками знакомство оканчивается браком. Скорее наоборот: в большинстве случаев молодые люди, встретившись несколько раз, приходят к выводу, что они совсем не хотят провести всю жизнь в общении друг с другом. После этого их встречи прекращаются, и они продолжают поиски “спутника жизни” дальше. Несколько отказов даже найденным родителями кандидатам не считается чем-то предосудительным, хотя слишком уж большая привередливость и репутация “разборчивой невесты” или “разборчивого жениха” не красит молодых людей в глазах родителей и окружающих. {с.138 – с.139}

Свадьбы

Современная корейская свадьба не похожа ни на старинный свадебный обряд, ни на свадьбу западную. Новые свадебные традиции сложились совсем недавно, в пятидесятые годы, но следуют им в Корее все. Об этих традициях и пойдёт сейчас рассказ.

С 1960-х гг. главным, хотя и не единственным, местом проведения свадебного обряда стали “залы ритуалов” – “есикчжан”. Несмотря на столь неопределённое название, в этих заведениях проводятся не “ритуалы” вообще, а именно свадьбы. Довольно часто свадьба отмечается в ресторане, в зале которого и проводятся все необходимые обряды (точно такие же, как и в “есикчжане”). Некоторые семьи предпочитают проводить весь праздник дома, но таких сейчас сравнительно немного.

В старые времена очень большое значение придавалось выбору благоприятного для свадебных торжеств дня и даже часа. Этот выбор осуществлялся после консультаций с профессиональным гадалем. В целом этот обычай жив и в наши дни, хотя теперь с гадалем чаще советуются о выборе только дня (но не часа) свадьбы. Определяют день по старинному лунному календарю, а не по принятому сейчас в Южной Корее западному (солнечному). Крайне неблагоприятным для свадеб считается високосный месяц, который время от времени вставляется в дальневосточный лунно-солнечный календарь. Во время этого месяца количество заказов в “есикчжанах” сокращается во много раз. Так, в 1995 г. в високосный месяц, пришедшийся тогда на октябрь, количество заказов в одном из самых знаменитых “есикчжанов” {с.139 – с.140} города Кванджу снизилось по сравнению с обычным октябрём примерно в 15 раз.

Свадьбу обычно назначают на дневное время, причём большинство стремится, чтобы она состоялась в воскресенье или во вторую половину дня в субботу, то есть в нерабочее время, когда на празднество могут прийти все приглашённые. Некоторые свадьбы происходят и в обычные рабочие дни, но это бывает довольно редко. Поэтому министерство социального обеспечения в 1996 г. снизило цены за пользование “есикчжанами” в будние дни на 50%. Эти цены, как и многие другие, в Корее жёстко контролируются государством.

Перед свадьбой невеста посещает парикмахерскую (весьма недешёвое мероприятие) и одевает свадебное платье. С 1950-х гг. в Корее вошли в моду и стали почти обязательной частью свадебного ритуала (в том числе и нецерковного) роскошные белые платья, почти не отличимые от западных образцов. Большинство невест шьёт платье заново. Жених на свадьбе обычно бывает одет в дорогой костюм западного образца, иногда – даже во фрак. Фрак, как вещь дорогую, но в обычной жизни не нужную, почти никогда не покупают, а берут напрокат на время свадьбы, а вот костюм по такому случаю могут и приобрести.

Незадолго до назначенного времени бракосочетания в “есикчжан” начинают прибывать гости. Для невесты и её ближайших подруг существует специальная “комната ожидания”, прочие гости сразу же по прибытии проходят внутрь, в то время как мужчины ждут начала церемонии непосредственно у входа, обмениваясь приветствиями. Там же находятся родители жениха и невесты, которые также приветствуют прибывающих гостей.

Корейские свадьбы отличаются исключительной многолюдностью. На бракосочетание принято приглашать родственников, в том числе и весьма далёких, сослуживцев, бывших соучеников, так что обычно на свадьбе бывает несколько сотен, а в отдельных случаях – и несколько тысяч гостей. Самая многолюдная свадьба, о которой я слышал, состоялась осенью 1994 г. Это была свадьба дочери одного из руководителей правящей партии, и на ней присутствовало {с.140 – с.141} более 3 тысяч гостей. Разумеется, эта свадьба проходила в самом фешенебельном из сеульских “есикчжанов” в столичном аэровокзале.

Свадьба – весьма накладное мероприятие, однако она обходится всё-таки дешевле, чем может показаться на первый взгляд. Уменьшить бремя расходов помогает обычай, который предписывает всем приглашённым приносить на свадьбу конверты с деньгами, которые в качестве подарков и вручаются молодым. Привычных нам “вещевых” подарков на корейских свадьбах почти не вручают. Суммы, которые дарятся таким образом, могут быть самыми разными, но в большинстве случаев в конверте находится несколько десятков тысяч вон (10 тысяч вон – примерно 8 долларов). Сразу же по прибытии в “есикчжан” гости кладут на установленный у входа в зал поднос конверты с деньгами и расписываются в специальном списке. По традиции все конверты обязательно надписываются, так что хозяева всегда знают, насколько щедрым оказался тот или иной гость.

Примерно за полчаса или час до церемонии появляются молодые. Сначала невеста проходит в “комнату ожидания”, где приводит себя в порядок. Зачастую ещё до прихода в “есикчжан” молодые в полном парадном облачении отправляются в какой-нибудь из немногочисленных городских парков, чтобы сделать там фотографии на открытом воздухе. Вообще говоря, во время свадьбы молодые фотографируются постоянно, а роскошно оформленный свадебный альбом есть в любом корейском доме. В последние годы наряду с фотографами во время свадеб стали часто приглашать и видеооператоров. И фотографы, и видеооператоры снимают все сколь-либо значимые моменты свадебного ритуала.

За несколько минут до начала церемонии гости проходят в зал и рассаживаются на стульях. Приглашённые со стороны жениха садятся по левую (если стоять спиной к двери) сторону от прохода, а те, кого пригласила семья невесты – по правую. После этого начинается собственно бракосочетание. Первыми в зал входят мать жениха и мать невесты. Они подходят к находящемуся в дальнем конце {с.141 – с.142} зала возвышению, на котором, собственно, и будет проходить весь ритуал, и зажигают установленные там свечи. После этого они кланяются друг другу и гостям и садятся на свои почётные места в первом ряду.

Далее в зал входит жених. За ним появляется невеста, которую ведёт за руку отец или, если его нет, то кто-нибудь из её старших родственников-мужчин. Невеста в сопровождении отца подходит к жениху, после чего жених приветствует своего будущего тестя и берёт невесту за руку. В это время звучит музыка – не привычный нам “Свадебный марш” Мендельсона, а другой “Свадебный марш” – Вагнера (кстати сказать, мелодия малоизвестная за пределами Кореи). В соответствии со старинными традициями, перешедшими и в современный ритуал, невеста, проходя через зал, не должна поднимать глаз. Идёт по залу она с низко склонённой головой и опущенными долу глазами, всем своим видом изображая кротость, которая в стародавние конфуцианские времена считалась главнейшим достоинством корейской женщины.

После этого к молодым подходит распорядитель ритуала – фигура, играющая весьма важную роль в свадебном обряде. На эту роль принято приглашать какого-нибудь уважаемого человека, занимающего заметное положение в обществе. В роли распорядителя ритуала может выступать крупный бизнесмен, чиновник, политический деятель, университетский профессор и т.д. Обычно семьи молодых стремятся пригласить на эту роль самого высокопоставленного и самого влиятельного из своих знакомых. Кроме него, в свадебном обряде принимает участие и ведущий, который должен представлять основных действующих лиц, отдавать необходимые распоряжения. Ведущим обычно становится кто-либо из друзей жениха.

После того, как жених и невеста поднимаются на невысокий подиум в конце зала, распорядитель ритуала обращается к ним и к присутствующим с короткой речью, которая обычно длится около 5 минут. Именно эта речь и считается кульминационным моментом официальной части торжества. Сначала распорядитель ритуала предлагает молодым дать клятву в том что они готовы прожить {с.142 – с.143} жизнь в любви и согласии. Молодые выражают своё согласие коротким односложным “Е” (“Да”). После этого распорядитель торжественно провозглашает их мужем и женой. В оставшейся части речи распорядитель хвалит молодых, рассказывает о достоинствах жениха и невесты, желает им счастья в начинающейся семейной жизни.

После этого приходит время для приветствий. Сначала молодые, встав рядом друг с другом, глубоким поклоном приветствуют родителей невесты, потом – родителей жениха, и, наконец, – всех гостей. После этого молодые вместе выходят из зала (на этот раз под звуки хорошо знакомого русским “Свадебного марша” Мендельсона). На этом основная часть церемонии бракосочетания, которая длится, таким образом, не более получаса, заканчивается. У выхода из зала опять начинается фотографирование. Первая фотография делается вместе с распорядителем ритуала, вторая – вместе с родителями, дальнейшие – вместе с родственниками, сослуживцами и соучениками.

После завершения официальной части все гости отправляются на торжественный обед, который может проводиться либо в банкетном ресторане при “есикчжане”, либо же где-нибудь поблизости. Однако молодые не присутствуют на банкете. После его начала они отправляются в специальную комнату “пхйебэксыл”, в которой молодые приветствуют родителей и родственников мужа, специально собравшихся там. Для этого обряда и невеста, и жених снимают свой западный наряд и переодеваются в традиционное корейское свадебное платье. В комнате устанавливается также столик с угощением, обязательным элементом которого являются плоды жужуба (ююбы).

Невеста и жених по очереди в порядке старшинства подходят к каждому из родственников и, совершив перед ним ритуальный поклон, преподносят ему чарку спиртного. Начинается приветствие с родителей жениха, перед которыми положено совершить два земных поклона и один поясной поклон. Прочих старших родственников приветствуют одним земным поклоном и одним поясным.

В ответ каждый из тех, кого невеста приветствовала таким образом, вручает ей деньги, которые молодые потом {с.143 – с.144} берут с собой в свадебное путешествие. По-прежнему распространён старый обычай, когда в юбку новобрачной её свекр и свекровь бросают жужуб, символизирующий мужское потомство, выражая ей таким образом пожелание иметь больше сыновей. Часто встречается на свадьбах и другой обычай, основывающийся на той же символике: жених кладёт в рот невесте плод жужуба, а потом они вместе выпивают по чарке.

После встречи с родственниками мужа молодые обычно направляются в банкетный зал, где приветствуют гостей. Сразу же после свадьбы молодые отправляются в свадебное путешествие.

Так начинается совместная жизнь... {с.144 – с.145}

Мальчик или девочка?

Наверное, с незапамятных времён у большинства народов будущие родители надеялись на то, что у них появится сын. Конечно, и рождение дочери обычно приносило родителям немало радости, но, чтобы там не говорили, предпочтение сыновьям отдавалось везде или почти везде. Феминистки часто говорят, что дело тут в патриархальной идеологии. Скорее всего, они правы, но факт остаётся фактом: в большинстве стран мира сыновей предпочитали дочерям.

В Корее, как и в других странах Дальнего Востока, это предпочтение было особенно сильным. Дело тут не только в том, что именно сыновья брали на себя основную тяжесть заботы о родителях в старости. Огромную роль в отношении к сыновьям играло конфуцианство – главная идеология стран Восточной Азии, в том числе и Кореи. В соответствии с конфуцианскими предписаниями только сыновья (а также внуки и вообще потомки по прямой мужской линии) могли совершать жертвоприношения перед поминальными табличками предков. Без этих жертвоприношений, думали в старину корейцы, души предков будут обречены в загробном мире на голод и нищету. Если у семейной четы не было сыновей, то в старые времена её будущее выглядело мрачным. Во-первых, такую пару ждала тяжёлая старость, ведь замужние дочери редко могли оказать своим родителям сколько-либо существенную материальную помощь. Во-вторых, и они сами, и все окружающие были уверены, что после смерти души не оставивших прямых мужских потомков людей будут обречены на вечные скитания по мрачным просторам загробного мира. Более того, столь же бесприютными становились и души {с.145 – с.146} тех их предков (порою – очень далёких), у которых не оставалось прямого мужского потомства.

Сейчас, как показывают опросы общественного мнения, во многих развитых странах родители стали отдавать предпочтение дочерям. Однако в Корее древние обычаи не изменились. За многие века господства конфуцианства особое отношение к сыновьям вошло в плоть и кровь корейцев, стало неотъемлемой частью их культуры. Старые поверья сейчас

уже забыты, однако крайне серьёзное отношение к продолжению рода по-прежнему характерно для Кореи. Впрочем, дело не только в суевериях и традициях. Есть и вполне материальные причины, которые заставляют корейцев предпочитать сыновей дочерям. Во-первых, Корея отличается от других экономически развитых стран тем, что в ней практически отсутствует система социального обеспечения. Основную часть заботы о престарелых и больных берут на себя их семьи. Однако семья – это, в первую очередь, сыновья. Дочь, выйдя замуж, становится тем самым “отрезанным ломтем”, о котором идёт речь в русской поговорке. Даже когда она хотела бы ухаживать за своими престарелыми родителями, это не всегда возможно: её главная задача – помогать мужу в заботах о его, мужа, родителях. Да и своих денег у дочерей не очень-то много. Большинство (54%) кореянок – домохозяйки, которые не получают вообще ничего, да и тем, кто работает, редко удаётся зарабатывать приличные деньги, ведь зарплата у женщин в Корее в среднем в полтора раза меньше, чем у мужчин.

Итак, пристрастие корейцев (и других народов Восточной Азии) к сыновьям – явление не новое и, в общем, не очень изменившееся с годами. Однако развитие современной технологии в условиях сохранения старого подхода к семье неожиданно принесло новую угрозу. В последнее десятилетие корейское правительство не на шутку встревожено появлением дешёвых и надёжных способов определения пола ребёнка на ранних стадиях беременности. Если родители смогут заранее узнать, какого пола их будущее чадо, то ясно, что матери, беременные девочками, будут чаще совершать аборты, а это неизбежно приведёт к демографическому дисбалансу. {с.146 – с.147}

В конце восьмидесятых годов стало ясно, что это – не пустые страхи. Именно тогда корейские демографы, а за ними – и политики забили тревогу: в стране стал быстро расти разрыв между численностью новорождённых мальчиков и новорождённых девочек. В 1989 году, например, среди первых рождений на каждые 100 девочек приходилось 107 мальчиков. Пропорция эта близка к естественной (примерно 100 к 105), но вот среди вторых рождений соотношение было уже 100 к 112, среди третьих – 100 к 189 и среди четвёртых – 100 к 210(!). Таким образом, родители достаточно спокойно относились к тому, что их первый ребёнок – девочка, но вот появление второй или, тем более, третьей дочери в семье рассматривалось ими как нежелательное событие, и они стали принимать меры к тому, чтобы на свет появился именно сын.

Именно в олимпийском 1988 г. дисбаланс впервые достиг заметных пропорций. Это вызвано было ещё одним забавным обстоятельством: в соответствии с древнекитайским календарем, который в России почему-то именуют “восточным”, 1988 г. был годом дракона. Старинные поверья утверждали, что женщины, рождённые в год дракона, становятся плохими жёнами, и у них действительно бывают проблемы с созданием семьи: желающих жениться на женщине-“драконе” не так уж и много, ведь традиционную астрологию многие по-прежнему воспринимают вполне всерьёз. Поэтому в “год дракона”, многие женщины, узнав, что они беременны девочками, предпочли сделать аборт.

В 1990 г. разрыв между численностью мальчиков и девочек среди новорождённых в целом достиг рекордной величины: 116:100. В некоторых же районах, например, в известном своими патриархальными, ультратрадиционными нравами городе Тэгу, этот разрыв был ещё больше. Так, в 1988 г. в Тэгу на каждые 100 новорождённых девочек приходилось 136 (!) мальчиков. Вообще, именно в более консервативных провинциях южной части страны разрыв между количеством мальчиков и девочек особенно велик.

Понятно, что все эти тенденции вызвали немалое беспокойство у властей. Проведённые тогда социологами ис {с.147 – с.148} следования показали, что корейцы, если бы им предоставили полную свободу в выборе пола ребёнка, рожали бы сыновей примерно в полтора раза чаще, чем дочерей. Это означает, что Корея через несколько десятилетий превратилась бы в страну, где мужчин почти в полтора раза больше, чем женщин!

Стремясь не допустить возникновения такой демографической ситуации, корейские власти решили принять меры. В мае 1994 года Министерство здравоохранения категорически

запретило врачам выяснять половую принадлежность эмбриона. Врач, нарушивший этот запрет, лишается лицензии на 12 месяцев. Это – весьма серьёзное наказание, ведь врачи в Корее, как и в большинстве развитых капиталистических стран, получают очень большие зарплаты и в своём большинстве являются весьма обеспеченными людьми. Повторное нарушение запрета ведёт к пожизненному лишению права заниматься медицинской практикой. Вдобавок, средства массовой информации развернули довольно активную пропагандистскую кампанию, доказывая, что дочери ничем, дескать, не хуже сыновей (а если хорошенько подумать, то даже в чём-то и лучше!).

Меры эти оказались успешными – даже более успешными, чем надеялись сами их инициаторы. Впрочем, немалую роль сыграл тут и распад традиционных патриархальных представлений, который в 1990-е годы шёл в Корее особенно быстро. После 1995 г. разрыв стал заметно снижаться. В 1995 г. в Корее на 100 новорождённых девочек пришлось 113,3 мальчика. Когда же были подведены демографические итоги 1997 г., то многие в Корее вздохнули с облегчением: в 1997 г. на каждые 100 родившихся девочек пришлось 108,4 мальчика. Примерно эта пропорция существовала и в последующие годы (в 2000 г., например, 109,6:100). Это ещё не совсем нормальное соотношение (оно, напомунаю, составляет 105 мальчиков на 100 девочек), но всё-таки достаточно близко к нему.

Однако по-прежнему немалый дисбаланс сохраняется в более традиционных районах, на крайнем юге полуострова. В том же патриархальном Тэгу, например, на 100 родившихся девочек в 1997 г. пришлось 112 мальчиков. Вдобавок, {с.148 – с.149} надо помнить, что на практике все эти ограничения затрагивают по преимуществу семьи, относящиеся к бедным и средним слоям. Богачи имеют возможность обойти запреты, слетав, например, в одну из стран, где определение пола ребёнка никак не ограничивается, или же найдя сговорчивого доктора, который, получив весьма приличную компенсацию за риск, согласится на время забыть о суровых министерских инструкциях. Некоторые факты говорят о том, что таких сговорчивых врачей в Корее немало. Как иначе объяснить, например, тот факт, что, по сообщению еженедельника “Сиса чжорналь”, в одной из дорогих частных клиник в пригородах Сеула на каждые 100 новорождённых девочек в 1997 году приходилось 130 новорождённых мальчиков? Конечно, принцип “не пойман – не вор” никто не отменял, однако значение этих цифр всем понятно.

Таким образом, можно сказать, что ситуация находится под контролем, но проблема в целом отнюдь не решена. Чем грозит демографический кризис в перспективе? Даже если соотношение мальчиков и девочек сохранится не нынешнем уровне, корейское общество через одно-два десятилетия приобретёт уникальные черты. Подобный дисбаланс, правда, существует и в некоторых других государствах Восточной Азии, а также в мусульманских странах, однако нигде он не достигает таких размеров, как в Корее. Уже сейчас ясно, что в 2010 г., когда вырастут дети, рождённые в начале девяностых, в Корее среди вступающих в брачный возраст молодых людей на каждые 100 невест будет приходиться 123 жениха. К каким последствиям это приведёт? Спекуляции на эту тему часто появляются на страницах корейской печати. Специалисты предрекают рост сексуальных преступлений всех видов, гомосексуализма и проституции. Вероятен и “импорт невест” (скорее всего, как отмечают газеты, из Китая, откуда уже сейчас некоторые корейцы “ввозят” себе жён). Впрочем, не все последствия возникающего дисбаланса будут негативными. Например, отмечается, что редкость и, соответственно, исключительная “ценность” жён может привести к изменениям в семейных отношениях, и, возможно, сделает корейцев более заботливыми и внимательными мужьями. Что ж, поживём – увидим... {с.149 – с.150}

140 тысяч приёмных детей

Вот уже много лет, как я преподаю корейский язык и историю в Австралийском Национальном Университете – и время от времени среди моих студенток попадают девушки с корейской внешностью, но вполне западными именами и фамилиями, не знающие, вдобавок, по-корейски не слова. Это – приёмные дети австралийских семей. На протяжении многих десятилетий Корея служила одним из главных “поставщиков” приёмных детей – роль, которая только в последние годы перешла к Китаю, России и странам СНГ.

История усыновления корейских сирот и “отказников” (то есть детей, брошенных своими родителями) началась в декабре 1954 года. Именно тогда состоятельная американская чета – Гарри Холт и его жена Берта – случайно увидели киножурнал, посвящённый страданиям корейских сирот, которые потеряли родителей в годы Корейской войны. К тому времени Холт сделал немалое состояние на торговле лесом, но начинали свою с Бертой жизнь они простыми фермерами – и хорошо помнили лихие времена Великой Депрессии. Выйдя из кинотеатра супруги приняли решение, которое во многом определило их дальнейшую жизнь: они договорились взять на воспитание корейских детей. Холт отправился в Корею, чтобы вернуться оттуда с восемью малышами, которые и стали новым поколением семьи Холтов. Энергия и связи Холта помогли ему провести через Конгресс и ряд законодательных актов, которые составили основу последующих программ усыновления иностранных малышей.

С поступка Холтов, о котором тогда много писали и говорили, по сути, и началась история международного {с.150 – с.151} усыновления и удочерения в США – и на протяжении десятилетий большинство “импортных” приёмных детей прибывало в США именно из Кореи. На протяжении 1950-2000 годов примерно 140 тысяч корейских малышей (в основном девочек) нашли новую семью за рубежом. Около 100 тысяч их них оказались в США, а остальные 40 тысяч – в странах Западной Европы, Австралии и Канаде. Любопытно, кстати, что дети Холтов и поныне возглавляют крупнейшую в США юридическую-консультационную фирму, занимающуюся вопросами международного усыновления.

Чем была вызвана особая роль, которую Корея так долго играла в международном усыновлении? Во-первых, Корейской войной и её последствиями. Корейская война привела к гибели сотен тысяч людей и к появлению множества сирот. В то же самое время, в корейском обществе никогда не было традиций усыновления – слишком уж ценилось в нём кровное родство. Если бездетная пара и усыновляла ребёнка, то она всегда выбирала его среди своих родственников (благо, в те многодетные времена детей у родственников было немало). Кроме того, корейцы брали приёмных детей, как правило, для того, чтобы не допустить прекращения прямой линии своего рода. Это означало, что усыновлялись исключительно мальчики, которые только и могли продолжать линию рода. Поэтому те из военных сирот, которые потеряли связь со своими кланами, были обречены на жизнь в сиротских приютах – особенно если они были девочками.

Кроме того, присутствие в стране иностранных войск неизбежно вело к появлению многочисленных детей смешанного происхождения. Эти дети-метисы в тогдашнем корейском обществе неизбежно становились париями – во многом потому, что их по определению считали детьми проституток. У них не было шанса получить образование, найти приличную работу, над ними насмехались соседи, их преследовали и били сверстники. Именно такие дети смешанного происхождения и составляли основную массу тех ребят, которые в 1950-е годы были усыновлены и удочерены западными парами. {с.151 – с.152}

В 1960-е и 1970-е годы доля смешанных детей резко снизилась. В это время более половины малышей, отправленных в США и иные страны на усыновление, составляли дети, рождённые вне брака. В те времена нравы в Корее были суровыми, и внебрачная беременность считалась несмываемым позором, который перечёркивал для женщины все надежды на нормальный брак и, вообще говоря, на нормальную жизнь как таковую. Многие незамужние кореянки, случайно забеременев, старались уехать подальше от знакомых и родных, тайно родить ребёнка – и отдать его на усыновление. Так как “чужую кровь” (вдобавок, от “гулящей”) корейцы тогда – да, в общем, и сейчас – не стали бы усыновлять ни под каким видом, единственным выходом для назадачливых мамаш было зарубежное усыновление. Во многих случаях мать-одиночка договаривалась с будущими приёмными родителями своего ребёнка заранее, ещё на ранних стадиях беременности.

С точки зрения властей, готовность иностранцев становиться приёмными родителями нежеланных корейских малышей была даром небесным – она позволяла разгружать корейские сиротские приюты и отделяться от детей, которые в будущем сами часто становились бы источником разнообразных проблем (известно, что дорога от приюта до тюрьмы коротка всегда и везде). Своего пика “индустрия усыновления” достигла в 1985 году,

когда зарубежными родителями было усыновлено 8.837 маленьких корейцев. После этого усыновление пошло на спад и в последние годы к иностранным приёмным родителям отправляется не более двух тысяч детей ежегодно.

Главной причиной перемен была кампания, которую развернули против усыновления как корейские левые, так и корейские националисты. Тон и аргументы этой кампании хорошо знакомы тем, кто время от времени читает нынешние публикации наших национально-патриотических изданий на темы усыновления российских детей иностранцами. Призывы к “сохранению генофонда” сочетались со страшилками, в которых рассказывалось о страданиях усыновлённых иностранцами детей и о тех издевательствах, которым их якобы подвергают злобные зару {с.152 – с.153} беженки. Спору нет, подобные случаи и с корейскими, и с российскими приёмными детьми действительно происходят – однако куда вероятнее, что в детдоме ребёнок столкнется с несравнимо худшим обращением, а уж о перспективах его образования и будущего не приходится и говорить.

Чтобы представить, насколько строг в действительности отбор кандидатов в приёмные родители, кратко опишу правила отбора, действующие в настоящее время. Усыновить корейского ребёнка имеет право американская семейная пара, в возрасте до 45 лет, состоящая в официально зарегистрированном браке не менее 3 лет. Доход её должен быть не менее 25 тысяч долларов в год, и она не может иметь более четырёх детей. Ни один из супругов не может иметь более одного развода в прошлом. И, наконец, самое интересное: ни один из кандидатов в приёмные родители не может иметь вес, превышающий медицинскую норму более чем на 30%!

Как бы то ни было, под давлением националистов правительство решило постепенно ограничивать масштабы усыновления и ввело соответствующие квоты, которые каждый год снижаются на 3-5%. Во многом правительство надеялось и на то, что сами корейцы также изменят своё бывшее негативное отношение к усыновлению “посторонних”. Отчасти это и произошло – но только отчасти. По состоянию на 2002 год, в корейских приютах содержалось 28 тысяч детей. За год корейцами усыновляется примерно тысяча детей, и ещё две тысячи отправляются за рубеж. А что же до остальных 25 тысяч? Они остаются в приютах – к великой радости националистов (и только их одних)...

Иногда судьбы приёмных детей привлекают внимание корейской прессы. Лет во семь назад корейская печать искала родственников мальчика, который был усыновлён американской четой в самом начале 1970-х годов. Мальчик вырос, окончил военно-воздушное училище, стал лётчиком – и заболел редкой болезнью, которая требовала пересадки костного мозга. Взять мозг для пересадки следовало только у ближайших родственников. Искали родственников буквально всей Кореей – и нашли. При этом {с.153 – с.154} многие в Корее были поражены тем, как относились к больному его приёмные родители. То, что они увидели, опровергало националистическую и левую пропаганду, которая к тому времени успела сформировать в умах большинства корейцев негативный образ западных приёмных родителей корейских сирот.

В мае прошлого года корейские газеты писали о Сюзане Суфффорд, молодой американской скрипачке и победительнице конкурса красоты в её родном штате Пенсильвания. Сюзана родилась в Корее в 1975 г. Мать её забеременела вне брака, и была вынуждена отказаться от ребёнка. Сюзану (Сон Ми-хва) удочерила зажиточная американская семья из Пенсильвании, и только в 1998 г. она впервые встретилась со своими “биологическими родителями”. Уже после того, как маленькую Ми-хва отдали в приют, её родители поженились.

В то же время, жизнь приёмных детей не всегда была безоблачной. Большинство из них оказалось в небольших городках с исключительно белым населением. Часто они сталкивались с расизмом в той или иной форме. Как ни парадоксально, многих из приёмных детей раздражает то обстоятельство, что в школе от них ожидается типично “азиатское” поведение. Иными словами, учителя рассчитывают, что они будут отличниками, особенно – по математике и физике, как и “полагается” корейцам. Разумеется, приёмные дети, вырастая

в обычных (пусть и зажиточных) американских семьях, не могли унаследовать корейского трепетного отношения к образованию – ведь оно, в конце концов, является частью культуры, а не генотипа! Поэтому жалобы на завышенные ожидания учителей встречаются в рассказах приёмных детей на удивление часто.

140 тысяч приёмных корейских детей – немалое количество. В своём большинстве они выросли вполне обычными американцами, шведами, новозеландцами, которые не слишком интересуются корейскими корнями. Однако некоторая их часть в последнее десятилетие пытается восстановить свои связи с Кореей, а зачастую – даже найти своих родителей и родственников. Возникли специальные ассоциации корейских приёмных детей, которые получа {с.154 – с.155} ют от корейского правительства субсидии и пытаются – с переменным успехом – обучать своих членов корейскому языку и корейской культуре. Поскольку большинство приёмных детей оказалось в богатых и влиятельных семьях, многие из бывших сирот унаследовали заметные позиции в западном истеблишменте, так что их “патриотическое воспитание” может принести – и уже приносит – Корее немалые политические и экономические дивиденды. Но об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз... {с.155 – с.156}

Корейцы и образование

Одной из самых главных особенностей Кореи и корейского общества является культ образования. Не то, чтобы это совсем уж специфически корейское явление. Похожее отношение к образованию существует на всём Дальнем Востоке – и в Японии, и в Китае, и во Вьетнаме, хотя, впрочем, в тех странах, где у власти долго находятся коммунистические партии, оно не так ярко выражено. Не случайно, что в ведущих западных (в первую очередь – американских) университетах на естественнонаучных факультетах сейчас почти не увидишь белых лиц – всё сплошь китайцы, корейцы и вьетнамцы (японцев мало, они в основном у себя дома учатся, а на Запад едут уже в аспирантуру). Иногда – это недавние иммигранты, чаще – дети иммигрантов или студенты, приехавшие туда учиться. Помню, как я сам наблюдал эту картину сначала в Америке – в Гонолулу, в Гавайском университете, а потом и в Канберре, в Австралийском Государственном университете.

Кстати, почему в англоязычных странах наибольшей популярностью среди восточноазиатской эмиграции пользуются именно естественнонаучные факультеты? Ответ прост: там работать надо много, а типичный коренной американский школьник работать-то головой и до одурения сидеть над учебниками, в общем-то, не приучен, он ведь в школе больше спортом занимается да романы крутит. Есть, конечно, и исключения, но эти исключения – талантливые коренные американцы – обычно идут на медицинский или юридический факультеты, то есть туда, где после окончания они почти наверняка будут заколачивать длинный-предлинный доллар. Иммигранту же {с.156 – с.157} поступать на юридический или медицинский непросто: там требуется хорошо подвешенный язык, и “лица коренной национальности” имеют, таким образом, естественные преимущества перед иммигрантами. Так что отсутствие белых американцев (австралийцев, канадцев и т.д.) на естественнонаучных факультетах объяснимо: ленивое местное большинство учится, особо не напрягаясь, чему-то гуманитарному или общекommerческому, способные местные честолюбцы обоого пола землю роют на юридическом и медицинском, а тем временем у синхрофазотронов и суперкомпьютеров сидят ребята из Восточной Азии.

Однако само невероятное обилие студентов из Восточной Азии в западных университетах однозначно говорит, что в этих странах, в том числе и в Корее, отношение к образованию совершенно особое. Корни у этой системы отчасти практические. На протяжении тысячелетий чиновничий аппарат комплектовался через систему государственных экзаменов на чиновничьи должности. Чтобы сдать такой экзамен, надо было немало попотеть, однако успех гарантировал хорошую должность, приличный доход и всеобщее уважение. Со временем это уравнение “хорошее образование = хороший доход = общественный престиж” стало частью традиционного мировоззрения.

Да и в наши дни образование по-прежнему важно с прагматической стороны, хотя прагматической стороной дело, конечно, не исчерпывается. Для того, чтобы получить хорошую работу, нужно обязательно окончить хороший университет. В перворазрядную фирму выпускнику плохого университета не попасть, а во второразрядной фирме – и зарплата всю жизнь второразрядная, и отношение к тебе со стороны окружающих как человеку второго разряда. Корейское общество иерархично до предела. Вдобавок, оно устроено так, что в нём невозможен любимый персонаж современных западных легенд – гений, изгнанный из школы за неуспеваемость, но потом ставший миллионером или Нобелевским лауреатом. Конечно, и на Западе это всё – в основном легенды, большинство тех, кто был изгнан из школы за неуспеваемость, становится двор [{с.157 – с.158}](#) никами или просто проводит всю жизнь на пособии по безработице. Однако на Западе подобная карьера, по крайней мере, теоретически возможна. В Корее же у человека, выпавшего из образовательного марафона, шансов нет. Гонка идёт по олимпийской системе, раз проигравший выбывает навсегда. Не будет преувеличением сказать, что в Корее вся судьба человека решается, когда ему только 12-16 лет. Корейская система устроена так, что бывший развесёлый школьный разгильдяй не станет не только министром или профессором, но и богатым предпринимателем. В лучшем случае ему светит положение мелкого лавочника или второразрядного служащего.

Поэтому и вкалывают корейские школьники как проклятые. Недавно Министерство образования провело обследование, и выяснило, что среднестатистический корейский старшеклассник проводит в школе 11 часов в сутки. Однако официальными занятиями дело не ограничивается: как правило, отсидев своё в школе, дети отправляются готовиться к вступительным экзаменам на многочисленных курсах - "хаквонах".

Можно, конечно, сетовать на то, что этот марафон излишне жесток, что он травмирует психику подростков. Основания для таких обвинений имеются. Но есть у корейского школьного марафона и другая сторона: корейцы уже с 12-13 лет приучаются к ответственности, к тяжёлому труду, к дисциплине. Разумеется, это сказывается впоследствии. [{с.158 – с.159}](#)

О приличиях

Представления о том, какую одежду можно носить, не нарушая при этом общественных приличий, в разное время и в разных странах были очень даже разными. Разговоры старичков (и, особенно, старушек) о "развратной молодёжи", которая, дескать, "совсем забыла стыд" – явление столь же старое, как и само человечество. Известны даже вавилонские клинописные таблички, на которых зафиксированы жалобы на упадок нравов и царящий среди молодёжи разврат (табличкам этим – четыре тысячелетия).

Возвращаясь к нашей теме, стоит вспомнить об одной особенности корейской традиционной одежды, о которой теперь знают только немногие специалисты. Дело в том, что на протяжении примерно двух столетий, с конца семнадцатого и до начала двадцатого века, корейки носили очень короткие кофты, которые оставляли совершенно открытой всю грудь или её немалую часть. В своё время король Ёнчжо, правивший в середине XVIII века, немало поощрял эту – тогда новую – моду среди придворных дам. Оно и понятно: король Ёнчжо был не только одним из самых ярких корейских правителей, но и известным любителем прекрасного пола.

В начале нашего столетия христианские миссионеры, которые тогда в немалых количествах приезжали в Корею, были шокированы подобным "непристойным" одеянием, и в миссионерских школах ученицам строго запрещали появляться с открытой грудью. В своё время в школе Ихва, предшественнице ведущего женского университета современной Кореи, была выпущена даже специальная инструкция, категорически запрещавшая вход на его [{с.159 – с.160}](#) территорию женщинам в традиционной одежде, оставлявшей грудь открытой. В конце концов западные представления о приличиях восторжествовали и сейчас даже в корейской исторической живописи (не говоря уж о кинематографе) принято грешить против истины и изображать корейнок XIX века в такой одежде, которую в действительности они

никогда не носили – в длинных, закрывающих грудь кофтах. Впрочем, всё на свете относительно. В то время как западные дамы были шокированы короткими корейским кофтами, корейнок лет пятьдесят назад ничуть не меньше смущали короткие (всего лишь до колен!) западные юбки. Многим эти юбки (по нынешним меркам едва ли не макси) казались тогда красноречивым показателем того, насколько всё-таки развратными являются “западные варвары”.

Однако с годами эти представления изменились, и в конце шестидесятых в Корею проникли и мини-юбки. Кстати, обстоятельства появления этого наряда в Корее известны точно: первой в марте 1967 г., решила появиться в мини известная в ту пору эстрадная певица Юн Бо Хи. Приживались мини в Корее с трудом, вызывая не только неприятие и насмешки, но и официальное противодействие. В начале 1970-х гг. была введена в действие 41-я статья “Закона о мелких правонарушениях”. Этот замечательный юридический документ запрещал ношение юбок, край которых был более чем на 20 сантиметров выше колен. Нарушительниц ждал штраф в 30 тысяч вон (в те времена – немалая сумма, почти что месячная зарплата). После выхода этого закона полицейские вылавливали наиболее вызывающе одетых модниц (или же, смею предположить, модниц с наиболее приятными ножками) и, линейкой измерив расстояние от их коленок до края юбки, штрафовали правонарушительниц. Конечно, всё это звучит забавно, но нам ли зубоскалить по этому поводу? Любителям позубоскалить очень советую вспомнить борьбу со стилями, которая разворачивалась в Советской России лет на десять раньше.

Сейчас былую борьбу за общественную мораль корейцы вспоминают с улыбкой, и очень многие молодые ко {с.160 – с.161} реянки с удовольствием щеголяют в мини. Девушки охотно одевают и шорты, которые в Корее носят и тогда, когда в России их бы, наверное, сочли совершенно неуместными. В то же время до начала 1990-х гг. правила приличия требовали от женщин обязательно закрывать плечи, и платья с глубоким декольте или открытыми плечами в Корее почти не встречались. Когда я приехал в Сеул в 1992 году, такие платья ещё считались неприличными и в университете, где я тогда работал, иностранным преподавательницам начальство не рекомендовало появляться на работе в столь “вызывающих” туалетах. Только в самые последние годы отношение к платьям с открытыми плечами стало заметно терпимее.

С каждым жарким и душным корейским летом женские туалеты становятся всё раскованнее и даже рискованнее. Последняя на моей памяти попытка навести в этом непростом деле должный порядок была предпринята в 1996 году. Тогда руководители корейской полиции заявили, что собираются вновь начать решительную борьбу с мини-юбками и вообще с той женской одеждой, которая, как было заявлено, “чрезмерно обнажает тело”. Заявление это, впрочем, было сделано в конце лета, когда практическая надобность в открытых и очень открытых одеяниях стала спадать, и на следующий год о нём, к удовольствию и модниц, и сеульских мужчин, благополучно забыли. {с.161 – с.162}

И ещё о приличиях

Хорошо известно, что правила поведения – вещь довольно условная. То, что в одной стране считается неприличным, в другой – совершенно нормально, и наоборот. Относится это, разумеется, и к Корее. Различия в правилах поведения между Россией и Кореей часто приводит к довольно нелепым или смешным ситуациям, о которых я сегодня и хочу рассказать.

Помню забавную историю. Один мой знакомый кореец несколько лет назад приехал в Петербург, где ему предстояло провести на стажировке год или полтора. Русский он немного изучал до поездки, но владел им не очень хорошо, и решил (вполне разумно), что ему понадобится нечто вроде репетитора. Я порекомендовал ему свою бывшую сослуживицу, преподавательницу университета, для которой это был бы нелишний заработок. Дальше произошло следующее. Кореец позвонил этой преподавательнице, представился, и стал с ходу задавать такие вопросы: “Как Вас зовут?” “А Вы замужем?” “А сколько Вам лет?” Преподавательница, которой, для справки, было 29 лет и которая незадолго до этого

развелась с мужем, восприняла эти вопросы как признак недвусмысленных намерений, и больше иметь дел с новоприбывшим стажёром не пожелала. Откуда же ей было знать, что прямые вопросы о возрасте и семейном положении – это просто обычная часть корейского ритуала знакомства! В Корее не считается зазорным спросить женщину (равно как и мужчину) о том, сколько ей лет, замужем ли она, где она живёт. Для корейцев при беседе друг с другом важно знать ответы на эти вопросы для того, чтобы правильно построить отношение {с.162 – с.163} ния с собеседником, однако на русских они зачастую производят неприятное впечатление, а порою и ведут к конфузам, вроде того, о котором я только что рассказал. Кстати сказать, в Корее совершенно нормально спросить встреченного на улице знакомого, в том числе и старшего по возрасту или положению, о том, куда он идёт. Для корейцев этот вопрос не воспринимается как проявление некоего любопытства, которое может быть и неприятно собеседнику. Вопрос “куда вы идёте?” – просто замена приветствия, и отвечать на него надо мимоходом (равно как, кстати, и на другой корейский вопрос-приветствие “ели ли Вы?”).

Забавные непонимания часто возникают и за столом. Почти все корейцы сейчас свободно владеют ножом и вилок, а вот русский, который бы мог управиться с палочками – крайняя редкость (американцы, кстати сказать, в последние десятилетия орудовать палочками научились – сказались исключительное распространение в Америке китайской кухни). Впрочем, на этот случай в ресторане вам всегда найдут запасную вилку. Однако бывают и иные проблемы. Например, у корейцев вовсе не принято есть с закрытым ртом, что зачастую не нравится русским, которых раздражает чавканье соседей. У корейцев же вызывает отвращение, когда за столом...сморкаются, даже совсем тихонько. Не то, чтобы у русских высморкаться за столом – норма, но это, во всяком случае, и не преступление, а вот корейцам вид сморкающегося за едой собеседника вполне в состоянии испортить аппетит до конца обеда. Надо сказать, что проблема эта возникает не так уж и редко. Корейская кухня отличается феноменальной остротой, и у непривычного к ней пришельца с Запада она вызывает сильное раздражение слизистой оболочки носа. По корейским же правилам за столом можно слегка вытирать нос, но никак не сморкаться. И, кстати, упаси Вас господь в Корее вытирать нос прилюдно (не важно за столом или, скажем, в метро) привычным нам платочком! Для корейцев сама мысль, что платок, смоченный в... сами понимаете в чём... может быть запросто положен в карман, кажется ужасающе негигиеничной. Сами корейцы вместо платка пользу {с.163 – с.164} ются специальными одноразовыми бумажными салфетками, пакеты которых можно дешёво (10-20 центов) купить в любом магазине или даже просто в автомате.

И другая особенность, которая бросается в Корее в глаза русскому, знающему корейский язык – это то, как спокойно говорят корейцы о... туалете. В России, как и во многих (но не во всех!) западных странах, на темы, связанные с туалетом, принято говорить, таинственно опуская глаза и понизив голос. В Корее же молодой человек на свидании может пожаловаться своей возлюбленной на случившийся с ним понос с такой же простотой, с какой его русский сверстник может пожаловаться на, скажем, головную боль. Помню, как меня с непривычки поражало, когда у меня на занятиях студентки не “просились выйти”, как это туманно и уклончиво формулируется в России, а прямо и чётко объясняли, куда (а то и зачем) им, собственно говоря, надо. С другой стороны, сами корейцы часто не понимают тех условностей, которые русские накрутили вокруг такого обычного и естественного дела как поход в уборную. {с.164 – с.165}

СПИД в Корее

СПИД. Как гласит журналистский штамп, “чума XX века”. Скептики, правда, отмечают, что это – не более чем хлесткий оборот. При всей опасности СПИДа, он так и не вошёл в число главных причин смерти в большинстве развитых стран. Куда больше людей умирают от рака, инфарктов и даже от “нового”, устойчивого к антибиотикам, туберкулеза. Правда, в некоторых странах – главным образом, африканских – СПИД, действительно, превратился в болезнь №1.

К сожалению, не лучшим образом обстоят дела и в России, которая, похоже, пошла по “африканскому пути”. В настоящее время, темпы развития эпидемии в России – рекордные, сравнимые только с африканскими.

А что же происходит в Южной Корее? В общем и целом, Корея пока справляется с угрозой СПИДа относительно неплохо. В Корее на март 2002 года было выявлено 1.686 ВИЧ-положительных больных (напомним, что ВИЧ-положительные больные – это те, в теле которых находится вирус). Разумеется, далеко не все носители вируса выявлены и зарегистрированы. Международная организация UNAIDS, которая занимается вопросами СПИДа в разных странах мира, считает, что в Корее насчитывается около 4 тысяч человек, инфицированных вирусом СПИДа. Четыре тысячи – это, примерно, 0,01% всего населения страны.

Для сравнения, в Южной Африке – наиболее поражённой СПИДом части планеты – ВИЧ-инфицированные составляют 11% – в тысячу с лишним раз больше, чем в Корее. В Таиланде доля ВИЧ-инфицированных – 1,8% (рас {с.165 – с.166} плата за недавнее увлечение секс-туризмом). В России сейчас доля ВИЧ-инфицированных, по данным UNAIDS, составляет 0,9%, на Украине – 1%. Это, конечно, куда лучше, чем в ЮАР или Уганде, но в девяносто *или сто) раз выше, чем в Корее. Доля инфицированных в США, кстати, 0,6% – в шестьдесят раз выше, чем в Корее.

В чем причины подобного благополучия? Полагаю, в характере корейского общества в целом – в особенности, в тех его чертах, которые неизменно раздражают “просвещённых” выходцев с Запада. Начнём с того, что наркотики остаются в Корее редкостью. В особенности это относится к наркотикам внутривенным, инъекции которых и приводят к заражению. Причина? Та самая, столь нелюбимая и высмеиваемая иностранцами патриархальная семья, в которой власть родителей невероятно сильна, а также исключительная занятость корейских подростков и отсутствие в Корее неконтролируемой молодёжной вольницы, которая и служит питательной средой для распространения наркотиков в странах Запада. Во-вторых, сексуальная мораль в Корее существенно строже, чем в России или на Западе (хотя и много мягче, чем, скажем, в мусульманских государствах). Добрачные половые связи в последние 10-20 лет стали обычным делом, но даже и в наши дни ни один молодой чиновник не может себе позволить жить в “гражданском браке” – это сразу объявят “аморалкой”, со всеми вытекающими из этого карьерными последствиями. Опять та же “отсталость” и “патриархальность”...

Правда, в последнее время сексуальная революция, кажется, добралась и до Южной Кореи. Однако случилось это только в девяностые годы, когда о методах профилактики СПИДа было уже хорошо известно. Надо отметить, что заражения СПИДом избежать куда легче, чем заражения многими иными вирусными инфекциями. Страшно представить, что было бы, если б вирус распространялся воздушно-капельным путём – подобно обычному гриппу.

В любом случае, СПИД был встречен в Корее решительно. Уже в 1987 г. правительство провело первую массовую кампанию по борьбе со СПИДом – хотя в то время в стране насчитывался всего лишь с десяток ВИЧ-инфицированных {с.166 – с.167} ных. В результате уже к концу восьмидесятых практически все корейцы знали о потенциальной опасности. Любопытно, кстати, что в Северной Корее эту кампанию объявили ещё одним проявлением “развращённости” и аморальности” южнокорейского общества. С немногочисленными своими больными, которые подхватили заразу за границей, там разбирались по-простому, по-сталински, отправив их в неизвестном направлении.

Первый в Южной Корее случай заболевания СПИДом был выявлен в ноябре 1985 года. Строго говоря, случай этот произошёл за пределами страны, хотя жертвой болезни оказался именно кореец. Во время анализа донорской крови было выявлено, что сдавший её южнокорейский строитель, работавший в Саудовской Аравии, инфицирован ВИЧ (вирусом иммунодефицита человека – то есть, иначе говоря, вирусом СПИДа). Строитель был немедленно отозван в Корею, где вскоре скончался.

В мае 1986 года был выявлен и первый случай заболевания СПИДом в самой Южной Корее. Тот год вообще принёс несколько заболевших, в том числе и первую ВИЧ-инфицированную женщину. Ею стала проститутка, обслуживавшая в основном американских солдат с расположенной поблизости военной базы. На протяжении первых лет распространения СПИДа в стране именно проститутки, обслуживавшие американских солдат, составляли заметную часть больных (13 из 35 случаев инфекции, выявленных в 1986-1988 годах).

Вирусологи считают, что у истоков “корейского СПИДа” стоял всего лишь один человек. Дело в том, что в крови 85% корейских носителей ВИЧ находится один и тот же – и довольно редкий – штамм этого вируса. Вероятнее всего, именно этот штамм около 1985 года был кем-то занесён в Корею – и с тех пор распространяется по стране. Вот уже несколько лет корейские специалисты пытаются выяснить, кто же был “больным №1”, но успеха им добиться пока не удалось.

До 1990 г. все выявленные жертвы заражались либо за границей, либо в результате сексуальных контактов с иностранцами. В 1990 г. был выявлен первый случай “местно {с.167 – с.168} го” заражения. Жертвой стала официантка, работавшая в одном из кафе, и пополнявшая свой доход “любительскими” занятиями проституцией. С 1993 г. большинство новых случаев заражения СПИДом происходит в самой Корее.

На настоящий момент большинство (89%) больных СПИДом в Корее получили вирус в результате половых контактов. При этом, как правило, речь идёт не о гомосексуальных, а о гетеросексуальных контактах. 3,4% больных заразились в результате переливания непроверенной крови или иных медицинских ошибок. 0,2% больных – это дети заражённых матерей, которые получили вирус “по наследству”. Наконец, в 7,4% случаев причина заражения не установлена.

Относительная редкость болезни в Корее не означает, что вирус и связанные с ним опасности совсем уж не повлияли на стиль жизни корейцев. Однако в общем и целом Корее пока удаётся избежать крупномасштабной эпидемии СПИДа. {с.168 – с.169}

Киоски

Даже сейчас, когда послеперестроечную Россию захлестнула волна торговли, продаж и перепродаж, когда множество ларьков всех форм и размеров запрудило улицы городов, приехавшего в Корею русского всё равно удивляет, сколько здесь всяческих торговых точек – от десятиэтажных универмагов до маленьких уличных лотков. Порою просто непонятно, кто же покупает всю эту уйму товаров, каким образом все эти лавочки умудряются существовать и не разоряться. Однако как-то они существуют, пусть и не очень богато. В отличие от России, розничная торговля в Корее в целом не считается и не является особо прибыльным делом, и владелец среднего магазина, не говоря уж о ларьке, по доходам заметно уступает учителю или квалифицированному рабочему. Особым престижем в обществе торговцы, даже сравнительно удачливые, тоже не пользуются.

Впрочем, сегодня разговор у нас не о корейской торговле вообще, а об уличных киосках. Корейский уличный киоск – это своего рода гибрид российского газетного киоска и российского же универсального кооперативного ларька. Располагаются такие киоски обычно где-нибудь в людных местах, например, рядом со станциями метро или автобусными остановками. Торгуют в них чаще всего пожилые тётушки, которые сами и являются владелицами своих маленьких торговых точек.

Чем же торгуют в таком киоске? По утрам основной товар – это газеты, которые охотно покупают спешащие на работу люди. Корейцы относятся в числу больших любителей периодической печати. В среднем ежедневно {с.169 – с.170} 1000 корейцев прочитывает 550 газет. Это – один из самых высоких в мире показателей (для сравнения: на 1000 немцев приходится 323 газеты, на 1000 австралийцев – 265). Если учесть, что значительную часть этой статистической тысячи составляют старики и дети, то получается, что практически

каждый взрослый кореец раз в день прочитывает газету. В этом нетрудно убедиться, если проехать в сеульском метро или пригородной электричке, где больше половины людей всю дорогу читают. Киоски открываются рано утром, часов в семь или даже чуть пораньше, чтобы к тому времени, когда люди пойдут на работу, они могли купить свежую газету. Кстати, в отличие от России, владелец киоска не имеет права по своему разумению устанавливать цены на газеты, равно как и на большинство иных продаваемых товаров. Если газета стоит, скажем, 500 вон, то это значит, что она будет стоить столько и ровно столько во всех киосках, во всех магазинах страны. В ультра-капиталистической Корее цены на многие виды потребительских товаров жёстко фиксированные.

Хотя киоск и продаёт 10-15 наименований газет, журналов в нём очень мало, а те, что есть – это только иллюстрированные еженедельники, рассчитанные на массового читателя. Предназначены они для чтения в дороге. Серьёзные ежемесячные журналы продаются в специальных журнальных киосках. Таких киосков гораздо меньше, чем газетных, и располагаются они обычно на станциях метро или электрички. Обычно в журнальном киоске на продажу выставлено до пары сотен наименований журналов, зато газет там нет вообще.

Газеты – это, как я уже говорил, преимущественно утренний товар, к полудню они бывают уже распроданы, а те, что остаются, уже не пользуются особым спросом. Однако, кроме газет и журналов, в киоске есть и многое другое. Ассортимент таков, что включает в себя всё, что может понадобиться человеку, идущему по улице или ожидающему автобуса. Хочется ему попить – пожалуйста, у киоска стоит маленький холодильник со стеклянной дверцей, а за ней – множество разнообразных напитков в бу {с.170 – с.171} тылках, пакетах и жестяных банках. Есть там и минеральная вода, и молоко, и соки, и всяческие “Колы”, и просто кофе с молоком и без оно. А если человек голоден, то на этот случай продаются в киоске и пачки печенья, баночки с йогуртом, конфеты и шоколадки. Некоторые киоскерши торгуют и более экзотическим (по крайней мере, на русский взгляд) товаром. Например, иногда около киоска можно увидеть маленькую жаровню, в которой тлеют горячие угли. Это значит, что здесь можно купить сушёных кальмаров, которых корейцы считают замечательной закуской. Сушёных кальмаров, как правило, надо подержать над огнём и слегка подпалить, иначе они будут слишком жёсткими – поэтому-то и необходима жаровня.

Открываются киоски рано, а закрываются уже после того, как большинство людей вернулось с работы к себе домой, то есть часов в девять вечера, если не позже. Киоски во многом делают жизнь в Сеуле уютной и удобной. Не буду говорить, что Сеул красив – на мой вкус, это не так, но зато это – самый удобный для жизни из известных мне городов. {с.171 – с.172}

Сколько живут корейцы

Понятно, что продолжительность жизни – один из самых важных показателей уровня развития любой страны. Сейчас модно рассуждать о том, что, дескать, из-за загрязнения окружающей среды, озоновой дыры и прочих напастей средняя продолжительность жизни сокращается. Однако статистика полностью опровергает это мнение. В целом средняя продолжительность жизни растёт, причём в наиболее развитых странах, где, по логике, уровень загрязнения среды должен быть выше, в действительности люди в среднем живут дольше, чем в странах бедных, со слабой промышленностью. Дело в том, что хорошая медицина и правильное питание с лихвой компенсируют некоторое неблагоприятное экологическое положение. С другой стороны – кризис всегда ведёт к снижению средней продолжительности жизни, чему одним из самых разительных примеров является современная Россия, в которой средняя продолжительность жизни в течение первого “посткоммунистического десятилетия” постоянно снижалась.

Корейцы могут быть названы нацией долгожителей. Когда я занимался корейской средневековой историей, то всё время обращал внимание на то, что представители знати и в старые времена жили в Корее очень долго, лет по 70 или 80. Конечно, для большинства корейцев такая продолжительность жизни была тогда мало доступна: тяжёлый труд, болезни и периодические голодовки быстро уносили их в могилу. Средняя продолжительность жизни

в средневековой Корее была едва ли больше, чем в Китае, где она составляла тогда около 30-35 лет (кстати, это – неплохой {с.172 – с.173} показатель, ведь в средневековой Европе люди в среднем жили ещё меньше, лет до 25).

Однако стремительное экономическое развитие Южной Кореи в последние десятилетия привело к резкому увеличению продолжительности жизни. В 1960 г. корейские мужчины жили в среднем 52,8 года, а женщины – 53,3 года. Сейчас же средняя продолжительность жизни для мужчин и женщин составляет, соответственно, 67,6 и 75,7 года. Как и в большинстве стран мира, женщины в Корее в среднем живут дольше мужчин и, опять-таки как и в большинстве стран мира, разрыв этот постепенно возрастает. Как вы заметили, в 1960 году корейки жили всего лишь на полгода дольше, чем корейцы, а сейчас разрыв составляет уже 8 лет. Причин этому немало. Главная – это то, что много работающие корейские мужчины обычно подвергаются куда большим стрессам, и, вдобавок, сохраняют приверженность вредным привычкам – курению и злоупотреблению спиртным. Увы, до недавнего времени в Корее курили почти все взрослые мужчины (хотя только немногие женщины). Лишь в самые последние годы количество курильщиков стало быстро сокращаться – общезападная кампания по борьбе с курением, наконец, докатилась и до Кореи. Алкоголизм в Корее, правда, менее серьёзная проблема, чем, скажем, в России, но и назвать корейцев трезвенниками тоже никак нельзя.

При всех своих экологических проблемах, Сеул может быть назван городом долгожителей. Средняя продолжительность жизни мужчин в столице Кореи составляет 71,1 года, а женщин – 77,8 лет, то есть существенно выше, чем в среднем по стране. Это ещё раз подтверждает столь нелюбимую “зелёными” закономерность – чем выше уровень развития, тем выше и продолжительность жизни, правильное питание и хорошая медицина компенсируют неизбежные экологические проблемы.

Однако наибольшая продолжительность жизни в Корее всё-таки не в Сеуле. Если можно так выразиться, “женский рекорд” принадлежит знаменитому своими природными красотами и курортами острову Чечжудо, жительницы которого живут в среднем 79,8 года (то есть практически {с.173 – с.174} 80 лет). Среди мужчин наибольшими шансами на долгую жизнь располагают обитатели города Тэчжона, который находится примерно в 200 км к югу от Сеула. Средняя продолжительность жизни там составляет для мужчин 72,2 года.

Зависит продолжительность жизни и от рода занятий. Корейские демографы провели в связи с этим любопытное исследование ряда профессий. К сожалению, выбрали они для этого исследования не слишком массовые специальности, но, тем не менее, результаты оказались весьма интересными. Выяснилось, в частности, что наибольшей продолжительностью жизни отличаются священники – как христианские, так и буддистские. Любопытно, кстати, что на конец 1996 года самым старым человеком в Корее был 116-летний буддийский монах, родившийся в 1880 г. Священники в среднем живут ни много ни мало 80 лет. На втором месте (с большим отрывом) находятся политики (72 года), на третьем месте – деятели эстрады (71 год). Как видите, во всех этих группах продолжительность жизни выше, чем средняя по стране. С другой стороны, наименьшая продолжительность жизни у журналистов (62 года) и писателей (64 года). Таким образом, разрыв в средней продолжительности жизни между священниками и политиками – с одной стороны, и писателями и журналистами – с другой составляет 10-15 лет.

При том, что Корея не ассоциируется у нас с “кавказским долголетием”, количество по-настоящему старых людей в стране растёт. На 2003 г. в Корее было 1872 человека, которые перешагнули столетний рубеж. {с.174 – с.175}

Корейская рассеянность

Рассеяны ли корейцы? Вопрос, прямо скажем, сложный и, пожалуй, я бы не взялся ответить на него с какой-либо определённой точностью. По крайней мере, мне кажется, что они в целом не более и не менее рассеяны, чем представители иных известных мне народов.

Однако, как и в любой другой стране, в Корее есть рассеянные люди, которые всё время что-то забывают повсюду, в том числе и в метро. Статистика, касающаяся того, что было потеряно или забыто в метро, регулярно публикуется, и представляет из себя прелюбопытное чтение. За 1996 год – последний год, по которому у меня есть статистические данные, только денег в сеульском метро было забыто на 4 миллиона 540 тысяч долларов (по тогдашнему курсу). Кстати, к этой цифре – 4 с половиной миллиона долларов мы ещё вернёмся, ибо есть у меня к ней одно маленькое дополнение.

Забывают не только деньги. В среднем ежедневно в столы находок сеульского метро сдаётся около 50 потерянных предметов, из которых 37 возвращается законным владельцам. Среди потерянных в метро вещей преобладают сумки и мешки, которые в том же 1996 году составили 89% всех поступлений в стол находок. Кроме того, в метро было потеряно 1218 кошельков, 596 фото и видео камер, 118 золотых колец (значительную часть которых составили, не без ехидства замечу, обручальные) и много чего другого.

Любопытны действующие в Корее правила возврата найденных в метро вещей. После того, как вещь поступила в стол находок, об этом вывешивается сообщение на специальной доске объявлений. Если в течение 2 недель за потерей никто не обратился, то объявление снимают, но сама вещь хранится в столе находок в течение года. Если за год владелец не объявится, то в таком случае вещь передают тому, кто когда-то её принёс.

Если говорить о забытых в метро ценностях, то рекорд тут принадлежит одной 26-летней барышне, которая 29 апреля 1996 года умудрилась забыть в метро сумочку, в которой у неё лежало наличных денег и чеков на сумму в... 2 миллиарда вон, то есть два с половиной миллиона долларов по тогдашнему курсу. Деньги, кстати, были казённые, а, точнее, принадлежали той строительной фирме, в которой работала сама растяпа (Интересно, кто доверил ей такую сумму, да ещё наличностью?! Впрочем, сам по себе факт, что такое нежное создание могло спокойно разъезжать по Сеулу с набитой наличностью сумкой, красноречиво говорит о том, насколько безопасен этот город). Произошло всё это на станции Ыльчжиро-3, в самом центре Сеула, и барышня тут же ринулась в полицию. Полицейский наряд перехватил поезд через несколько станций и всего лишь через 20 минут сумочка была обнаружена там, где её забыла владелица. Деньги были оставлены на специальной полке для вещей, которая в вагонах сеульского метро находится прямо над головами пассажиров, и спокойно пролежали там до появления полицейского наряда.

Однако самым интересным является то, что 94% всех забытых в метро вещей в итоге возвращается их владельцам. Все, кому приходилось жить в Корее, хорошо знают, что в этой стране можно быть относительно спокойным за сохранность своих вещей. Конечно, и там случается всякое, но шансов быть ограбленными в Сеуле несравнимо меньше, чем в подавляющем большинстве иных крупных городов мира.

Не раз мне на своём опыте приходилось сталкиваться с тем, что в Корее оставленные вещи благополучно возвращаются владельцам. Будучи человеком очень рассеянным, я не раз имел повод убедиться в замечательной честности большинства корейцев. За неимением места я расскажу {с.176 – с.177} только об одной истории, которая произошла лет десять назад, когда один из моих бывших русских студентов – сейчас известный кореевед Л.П. – работал переводчиком в корейской футбольной сборной, в которой в те времена был русский тренер. Во время сборов один из молодых сотрудников Олимпийского комитета должен был отвезти конверт с наличностью на 10 миллионов вон (в то время это соответствовало примерно 13 тысячам долларов) в бухгалтерию в соседний город. Когда он садился в машину, пухлый конверт с деньгами мешал ему открыть дверцу, так что парень этот сначала положил конверт на крышу машины, а потом – сел в неё и... нажал на акселератор. Пропажу он обнаружил только вечером в бухгалтерии, и состояние его представить довольно легко. Однако на следующее утро в Корейскую Ассоциацию футбола позвонил какой-то мужик и сказал, что нашёл злополучный конверт. Оказалось, что конверт на улице подобрал работяга с местного металлургического комбината, который шёл на смену. Поскольку на конверте стоял штамп Ассоциации с её адресом и телефоном, он позвонил туда и сообщил, что нашёл деньги (для него, между прочим, это была примерно полугодовая зарплата). Щадя

национальные чувства моих читателей я, пожалуй, воздержусь от вопроса о том, какова вероятность того, что русский работяга, найдя 13 тысяч долларов, на следующее утро вернёт их...

Случай этот – весьма типичный, от других похожих (и весьма многочисленных) историй, приключившихся со мной и с моими знакомыми, он отличается разве лишь тем, что потерянная и возвращённая сумма на этот раз была уж очень велика. {с.177 – с.178}

Электрификация всей страны

Оборудование корейского жилого дома – те самые “удобства” – во многом отличается от того, к чему привыкли наши российские читатели. Поэтому давайте совершим маленькую экскурсию по обычной корейской квартире (городской или сельской – не так уж важно, ибо в этом отношении они не очень отличаются друг от друга). Разумеется, невозможно рассказать о десятках приборов, которые есть в корейском доме – тостерах, вентиляторах, увлажнителях воздуха и многом другом, поэтому мы ограничимся рассказом об электричестве, освещении и водопроводе.

Первый вопрос, который в этой связи хочется задать: какое же напряжение в корейских электрических сетях? В этом отношении ситуация в Корее несколько неожиданная. В своё время первые электростанции и электрические сети в Корее устраивались японцами (до 1945 года Корея ведь была японской колонией), и поэтому нет ничего удивительного в том, что тогда везде было принято напряжение в 120 вольт, стандартное для Японии. Однако в более поздние времена (и, возможно, не без американского влияния) было решено, что более технологичным является напряжение в 220 вольт. Переход этот не завершился и поныне, так что не только в разных регионах страны, но и в разных кварталах одного и того же города напряжение может быть разным. Однажды мне даже пришлось жить в университетском общежитии, в котором на первом этаже было напряжение 120 вольт, а на втором – 220. Слава богу, что розетки у этих двух типов сети разные, так что перепутать и по ошибке подключить какой-нибудь электро {с.178 – с.179} прибор не к той сети нельзя. Впрочем, как-то один из постояльцев умудрился подсоединить факсовый аппарат, рассчитанный на 120 вольт, к 220-вольтовой розетке – дым пошёл из несчастной машины просто клубами. Вилки для напряжения 120 вольт – с двумя плоскими пластинами, а у вилок для напряжения 220 вольт штыри привычной россиянам круглой формы (они, кстати, подходят и к русским розеткам).

Разумеется, этот разнобой привёл к тому, что все электроприборы, выпускаемые в Корее – от дешёвенькой настольной лампы до компьютера – обязательно оснащены переключателем напряжения, а также вилок-переходником. Впрочем, в последнее время более дорогие электроприборы всё чаще делают с так называемым “автопереключением напряжения”, так что владельцу нет необходимости искать кнопку переключателя и лихорадочно размышлять о том, какое напряжение в той розетке, к которой он собирается подсоединиться – автоматика сама во всём разберётся.

Разумеется, самым распространённым применением электричества является освещение. Надо сказать, что корейские лампы и люстры не похожи на российские. Во-первых, в Корее сейчас практически не используются привычные нам лампы накаливания. Даже в настольных лампах и торшерах почти всегда установлены лампы дневного света. Во-вторых, в корейских домах очень редко можно увидеть типичную для России свисающую с потолка люстру. Чаще всего дома освещаются прикреплённым к потолку плоским плафоном. Отчасти это объясняется тем, что традиционно потолки в корейских домах невысокие, и привычная нам висючая люстра создавала бы там немало проблем. Часто из плафона свешивается специальный шнурок. Потянул за него раз – и плафон включился в полную силу, потянул другой – погасла одна из ламп (в плафоне обычно две лампы дневного света), потянул в третий – остался только ночник, потянул в четвёртый – погас и он. Кроме шнурка есть, конечно, и обычный выключатель на стене, но преимущество шнурка в том, что до него обычно можно легко дотянуться, не вставая с кровати {с.179 – с.180} ти или из-за стола. Надо сказать, что корейские дома обычно освещены довольно ярко. Русская привычка создавать “уютный” полумрак и сидеть только при настольной лампе в Корее мало распространена.

Отметим кстати, что выключатели в корейских домах располагаются не там, где мы привыкли. Русский дом устроен с таким расчётом, что свет в большой комнате обычно можно зажечь, когдаходишь в неё снаружи, из прихожей. В больших комнатах корейских домов выключатели, наоборот, обычно устраивают около двери в спальную. Розетки тоже располагаются всего лишь в десятке сантиметров от пола. Это понятно, ведь корейцы, как правило, и едят, сидя на полу, и спят тоже на нём.

Любопытно, что когда корейский дом вводится в эксплуатацию, плафоны в квартирах уже установлены строителями. Конечно, жильцы могут заменить их на другие, более красивые и дорогие, а то и купить экзотическую для Кореи люстру, но это делается редко. Кстати сказать, в Корее принято, что часть кухонной мебели также устанавливается строителями.

Водопровод в Корее появился в начале нашего века, а точнее – в 1909 году, когда в строй вступила сеульская водопроводная станция. В начале 1910-х годов водопроводом пользовалась примерно треть сеульских семей, хотя далеко не все, разумеется, имели воду в домах – большинство обходилось водопроводными колонками на улицах. Кроме того, были специальные торговцы водой, которые за небольшую плату носили ведрами воду из колодцев или водопроводных колонок в дома побогаче.

После освобождения Корея, подобно многим другим бывшим колониям, столкнулась с глубоким экономическим и социальным кризисом. Почти все квалифицированные специалисты были японцами, и после их ухода работать со сложным оборудованием было некому. Вдобавок, Корейская война 1950-1953 гг. привела к немалым разрушениям и окончательно разорила страну. В сороковые и пятидесятые годы вода даже в Сеуле часто подавалась в дома с немалыми перебоями, а в большинстве малых и средних городов водопровод отсутствовал в принципе. {с.180 – с.181} Только в шестидесятые годы положение стало меняться к лучшему.

В наши дни протяжённость труб сеульского водопровода составляет 20 тысяч километров. Вода в водопровод поступает из реки Ханган, точнее – из нескольких водохранилищ, расположенных в её верхнем течении. Разумеется, в семидесятые годы водопровод появился практически во всех населённых пунктах страны.

Итак, как же выглядит санитарное оборудование современного корейского дома? Обычно в нём есть кран на кухне, а также раковина и душ в ванной. До восьмидесятых годов в корейских домах часто не было привычных россиянам кранов-смесителей. У раковины было установлено два отдельных крана – один для горячей, а другой – для холодной воды. Перед умыванием или мытьем посуды сток в раковине закрывали специальной пробкой, потом в раковину набирали воду, и из неё умывались. Эта система, весьма странная и просто негигиеничная на российский взгляд, и поныне применяется в Японии, Англии и некоторых других странах, но в Корее от неё, слава богу, теперь отказались, и в кухнях устанавливают привычные нам смесители (кстати, очень хорошего качества). Замечу заодно, что кухонная раковина в Корее представляет из себя мойку из нержавеющей стали, и устанавливается эта мойка, как и основная кухонная мебель, строителями.

Ванные комнаты в крупных многоквартирных домах в целом очень похожи на те, которые можно увидеть и в богатой российской квартире: ванна с душем, раковина, унитаз (в Корее, как и в большинстве стран мира, отдельных санузлов просто не существует). Однако в полу ванной комнаты всегда есть специальный водосток, так что корейцы могут позволить себе вдоволь брызгаться в ванне, не боясь, что вода протечёт к соседям снизу. И пол, и стены отделаны керамической плиткой (наверное, излишне говорить, что эта плитка устанавливается уже во время строительства). Поскольку пол в ванной часто бывает мокрым, а в корейском доме обычно ходят босиком или в носках, у входа в ванную держат специальные пластиковые или резиновые тапочки, чтобы не мочить зря {с.181 – с.182} ноги. Заметим, что во всех крупных квартирах (равно как и в некоторых квартирах среднего размера) имеется две ванных комнаты.

В домах попроще и подешевле ванная может выглядеть довольно неожиданно. Во-первых, в ней часто нет ванны, а только душ. Во-вторых, зачастую в ванных комнатах домов победнее нет и... раковины. Короткий кран торчит непосредственно из стены, на небольшой высоте, и умываться следует, присев перед ним на корточки. Вода из крана льётся прямо на пол, но, напомним, в отделанном керамической плиткой полу всегда устроен сток, так что особых проблем это не вызывает – по крайней мере, у корейцев. Некоторые иностранцы, живущие в таких домах, жалуются на неудобства, вызванные подобной системой: в отличие от корейцев, они не привыкли подолгу сидеть на корточках.

Горячая вода есть практически во всех корейских домах. Поступает она туда, однако, не из ТЭЦ или централизованной котельной. Кажется, централизованное теплоснабжение есть только в одном или двух сеульских микрорайонах. В большинстве же случаев каждая квартира имеет собственную автоматическую миникотельную, которая обеспечивает и отопление, и горячее водоснабжение. Как правило, такая индивидуальная котельная топится жидким топливом (то есть, попросту, мазутом), но в последнее время всё чаще встречаются и газовые котлы, которые считаются более экономичными. В квартире на стене большой комнаты или спальни, как правило, укреплен специальный пульт, который позволяет управлять котельной и регулировать температуру в доме, а также включать или выключать подачу горячей воды. В большинстве корейских домов отапливается, по старой традиции, пол, под которым проходят трубы-змеевики с горячей водой. Нефть и, следовательно, мазут, в Корее импортные и дорогие, но на отоплении корейцы особо не экономят: наоборот, в корейских жилых домах, по российским меркам, очень тепло, даже душно. Никого не удивляет цифра +24°C, которая круглые сутки светится на пульте управления отоплением. {с.182 – с.183}

Какая работа – “хорошая”?

Пусть и упрощая картину, но можно сказать, что в большинстве стран Запада дела обстоят довольно просто: “хорошая работа” – это “высокооплачиваемая работа”. Чем больше денег можно получить на той или иной должности, тем выше она ценится. Поэтому-то на Западе так высоки конкурсы на медицинские и юридические факультеты, поэтому-то именно врач или адвокат так часто становятся положительными героями голливудских фильмов. Зарплата среднего американского врача (даже “чистыми”, после уплаты огромных по российским меркам налогов) составляет 5-7 тысяч долларов в месяц и раза этак в три превышает среднюю по стране. С американской точки зрения вполне логично, что именно врач и юрист (часто ещё более высокооплачиваемый), и являются наиболее престижными профессиями, ведь престижность там – это денежность.

В Корее же дела обстоят совсем не так. Не то, чтобы корейцы совсем уж равнодушны к деньгам – отнюдь нет. Однако для большинства корейцев их общественный престиж не менее важен, чем материальное благосостояние, и порою для того, чтобы повысить свой общественный статус, они идут на ощутимые финансовые жертвы. Для корейского сознания, в отличие от, например, американского, понятия “высокооплачиваемая работа” и “престижная работа” – не синонимы.

Во-первых, помимо доходности, для корейцев важна стабильность рабочего места. Помню, что в те времена, когда я преподавал русский язык в корейских университетах, я не раз спрашивал студентов о том, какую работу {с.183 – с.184} они хотели бы получить в будущем. Почти всегда они говорили именно о “стабильной”, а не о “высокооплачиваемой” работе. Эти мои наблюдения подтверждаются и данными социологов. По данным опроса, проведённого ещё в 1991 г., для выпускников университетов главным критерием выбора работы является именно её стабильность, в то время как доходность оказалась лишь четвёртым по значению фактором. С тех пор ситуация едва ли серьёзно изменилась. Подход остаётся тем же: “пусть немного, но регулярно, гарантировано, и с перспективой постепенного роста”. Авантюристический дух, который захватил заметную часть российской молодёжи во времена перестройки, молодым корейцам, как правило, чужд. Их девиз – “курочка по зёрнышку клюёт и сыта бывает”.

Во-вторых, престижность в Корее не всегда совпадает с доходностью. Многие “выгодные” с финансовой точки зрения места не пользуются среди корейцев особым престижем, и наоборот, многие престижные места отнюдь не являются высокооплачиваемыми.

Едва ли можно построить однозначную шкалу престижности тех или иных профессий и родов деятельности, но выделить некоторые общие ориентиры вполне возможно. Как правило, работать в государственной организации престижнее, чем в частной, в крупной – престижнее, чем в мелкой, в некоммерческой – престижнее, чем в торговой. В этом явно отразились традиционные идеалы корейских дворян (янбан), которые испокон веку уважали чиновничью (но не военную!) службу, с презрением относились к ремеслу и, особенно, торговле, заниматься которыми дворянам запрещалось категорически. Кстати, как это ни покажется странным нашим российским читателям, но в старые времена для корейского дворянина не было ничего зазорного в том, чтобы самому идти за плугом и заниматься иной крестьянской работой.

Как показывают социологические опросы, наиболее уважаемые профессии в современной Корее – это профессор, юрист, врач, государственный служащий. Уважение к врачу и юристу – это явный результат американского влияния. Уважительное же отношение к профессору или го {с.184 – с.185} сударственному служащему (обе профессии в Корее являются не очень выгодными в денежном отношении) – это отражение многовековой конфуцианской традиции. Есть в Корее некоторый престиж и у занятий “свободными искусствами” – живописью, музыкой, литературой. В то же время бизнес, особенно мелкий, не пользуется в Корее особым уважением, так что на шкале престижа даже преуспевающий бизнесмен находится где-то на уровне профессора из заштатного университета (при том, что профессорские доходы раз в 5-10 ниже). О мелком бизнесе не приходится и говорить, тем более что в Корее он не отличается и особой доходностью (доходы мелкого лавочника ниже доходов квалифицированного рабочего). Не случайно, что по данным социологического опроса, в 1984 году только 0,9% родителей хотели, чтобы их сын стал торговцем. Для сравнения: крестьянином своё чадо хотели бы видеть 1,1% опрошенных. Любопытно, что, по моим впечатлениям, даже сами корейские бизнесмены часто ощущают свою некую социальную неполноценность по сравнению с профессорами или деятелями искусства, и миллионер, встретившись с профессором Сеульского Государственного Университета, часто ведёт себя подобострастно и заискивающе, в то время как профессор всячески подчёркивает своё социальное превосходство над собеседником.

А вообще корейские представления о престижности – штука интересная: и на российские они не похожи, и от американских отличаются. {с.185 – с.186}

Офис по-корейски

Сегодня я бы хотел вместе с Вами, уважаемые читатели, совершить воображаемую прогулку по офису какой-либо корейской фирмы. Подозреваю, что для многих из Вас (в особенности для тех, кто живёт или жил в Корее) эта прогулка не является столь уж воображаемой, и в различных корейских конторах Вам приходилось бывать не раз. А вот читателям российским, в Корее пока не бывавшим, такой визит может показаться любопытным.

Для подавляющего большинства россиян уже само слово “учреждение” сразу же вызывает в воображении вполне определённые ассоциации: бесконечный сумрачный коридор, ряды дверей, таблички с именами и должностями, снующие по коридору озабоченные личности в костюмах и с папками в руках. Привычная картина... А вот корейское учреждение выглядит совсем иначе, оно внешне не похоже на российское. Например, я, пожалуй, ни разу не видел в Корее ничего напоминающего только что описанную “кабинетно-коридорную систему”. Отдельных кабинетов в корейских офисах нет (или, точнее, почти нет).

Офис крупной корейской фирмы выглядит на российский взгляд более чем непривычно. Он представляет из себя огромный светлый зал. Нет ни коридора, ни отдельных кабинетов,

все сотрудники сидят и работают в одном огромном помещении. Недавно мне пришлось побывать в главном офисе одной из ведущих корейских газет. Когда я зашёл туда, то оказался в помещении, которое размерами более всего напоминало ангар для “Боинга-747”, и в котором находилось не менее двух сотен сотрудников. Большинство офисов, конечно, поменьше размерами: в {с.186 – с.187} международном отделе радиостанции KBS, с которым я активно сотрудничаю, в одном зале сидит около полусотни журналистов и переводчиков. В некоторых офисах для вящего удобства сотрудники отгорожены друг от друга невысокими барьерами, но эти барьеры (высотой метра полтора) носят скорее символический характер, так как они создают иллюзию замкнутого пространства только пока вы сидите. Стоит человеку встать, и весь зал оказывается виден как на ладони.

Система эта – американского происхождения, и предназначена она для того, чтобы все сотрудники были на виду и всегда была возможность удостовериться, кто и как работает. Действительно, в такой обстановке практически невозможно укрыться от зоркого начальственного взгляда и спокойно предаться разгадыванию кроссвордов или вязанию платков. Только начальство, причём даже не среднего, а высокого уровня может располагаться в отдельных кабинетах. Менеджерам среднего звена в лучшем случае полагается небольшая отдельная загородка, отделённая от общего зала все тем же невысоким барьерчиком. Отдельные комнаты есть только для приёма посетителей – небольшие помещения с неизменными низкими и очень мягкими диванами и креслами.

В дальнем углу офиса или в отдельном помещении часто располагается “курилка”, что совершенно необходимо: волны нынешней американской антитабачной компании пока ещё не докатились до Кореи, и все корейские мужчины – заядлые курильщики. Не удивительно, что именно в курилке и рождаются те неожиданные идеи и блестящие тактические комбинации, которые определяют успех фирмы (а иногда, увы, приводят и к её краху). Курение в Корее – чисто мужское дело, один вид курящей на людях женщины (если она – не сельская бабушка и не разбитная девица из подозрительного заведения) по-прежнему вызывает у корейцев состояние, близкое к шоковому. Тем не менее, женщины также оказываются допущенными в курилку, тем более, что в некоторых фирмах она служит и местом питья кофе, без которого немислима жизнь современного корейца. {с.187 – с.188} Кофе – национальный напиток современной Кореи (как, кстати, и Японии).

Обычно для приготовления горячей воды для кофе используется специальное устройство, этакий кипятильник века НТР. Состоит он из большого, литров на десять, съёмного прозрачного пластикового бака с чистой питьевой водой, электрического нагревателя, через который проходит вода из бака, и двух кранов. Из одного крана можно налить холодную воду, а из другого – горячую. Сами баки выполняются сменными и, когда вода в одном баке кончается, в специальной фирме заказывается следующий, который в считанные минуты привозится мотоциклистом-курьером. Рядом с таким устройством стоят банка с растворимым кофе, банка с сахаром и банка с искусственными сухими сливками, а также разовые бумажные стаканчики, которые в Корее стоят очень дёшево и из которых, в основном, и пьют на работе (держат там кружки считается несколько негигиеничным).

Современные офисные здания, как правило, отапливаются зимой и кондиционируются летом, но даже и сейчас иногда ещё встречаются офисы, посреди которых в холодное время года стоят мазутные печки или же электрические обогреватели. Разумеется, офисы компьютеризированы, оборудованы средствами связи, множительной техникой, но об этом уж я говорить и не буду, всё это очевидно и, для корейцев, естественно, так что они часто просто не могут понять, почему в России так трудно (и дорого) бывает снять ксерокопию с простейшей бумаги, и почему в России большинство официальных документов по-прежнему, как и сто лет назад, печатают на машинках, а не готовят на компьютере. {с.188 – с.189}

Автомобили, автомобили...

В июле 1997 года случилось немаловажное событие: количество автомобилей в Корее достигло круглой цифры – 10 миллионов. Прошлая круглая цифра – 1 миллион машин – была достигнута в 1985 году. Таким образом получается, что количество автомобилей в стране

удесятерилось за 12 лет. Если же учесть, что в 1992 году в Корее было 5 миллионов машин, то для удвоения их численности понадобилось всего пять лет. Процесс продолжает идти, хотя и медленнее (как-никак, происходит постепенное насыщение) и в ноябре 2000 года была достигнута очередная круглая цифра – 12 миллионов. Ожидается, что в 2009 году в Корее будет 20 миллионов автомобилей. Это означает, что уже сейчас две из трёх корейских семей имеют машину. В большинстве случаев это – легковой автомобиль, хотя владельцы мелкого бизнеса предпочитают небольшие грузовички или микроавтобусы, которые используют и в служебных целях, и в качестве семейного автотранспорта. По состоянию на 2000 г. (к этому году относятся самые полные из доступных мне данных) легковые автомобили составили 67% всего корейского автопарка, на долю грузовиков пришлось 21%, и на долю автобусов – 11%.

В конце 2000 г. в Сеуле было зарегистрировано 2 миллиона 430 тысяч машин. Впрочем, к Сеулу можно добавить и примыкающую к нему провинцию Кёнги – небольшую по площади и сплошь урбанизированную. По количеству автомобилей она занимала второе место в стране (2 миллион 448 тысяч машин). Фактически, большая часть провинции Кёнги входит в состав Большого Сеула, гигантского мегаполиса, в котором живёт около {с.189 – с.190} 20 миллионов человек, или более 40% населения страны (и сосредоточена примерно такая же часть автомобильного парка).

По количеству автомобилей Корея, несмотря на небольшие размеры и относительно немногочисленное население, находится на 15-м месте в мире. Кроме того, Корея – пятый в мире производитель автомобилей (после США, Японии, Германии и Франции), причём около половины произведённых в Корее машин – примерно полтора миллиона – отправляется на экспорт. В 1995 году экспорт корейских машин за рубеж дал 6,54% всех валютных поступлений. Это – немаловажный источник существования для Кореи, которая, как известно, лишена природных ресурсов и живёт исключительно за счёт экспорта своей промышленной продукции.

Впервые орейцы увидели автомобиль в 1901 г., когда в Инчхон в очередной раз приехал знаменитый американский журналист и путешественник Бартон Холмс. На этот раз он решил проехать от Инчхона до Сеула на специально доставленной морем автомашине. По некоторым данным, в 1903 г. собственным автомобилем обзавёлся и король Кочжон, который стал первым в стране автовладельцем. Впрочем, о первой королевской машине известно мало, и многие историки даже сомневаются в реальности её существования. По-настоящему король стал ездить на машине только около 1910 г.

Однако развитие автотранспорта шло очень медленно. Например, когда в 1913 г. в действие вступили первые корейские правила дорожного движения, во всей стране имелся... 31 автомобиль. Пока Корея была бедна (то есть до начала семидесятых годов) её автопарк рос очень медленно. В 1945 г., когда Корея вернула себе независимость, во всей стране было всего лишь 7.200 машин.

Первый корейский автомобиль был изготовлен в 1955 г. Он носил гордое название “Сибаль” (“Старт”) и сейчас его можно увидеть в Музее независимости. Однако начинать с 1955 г. историю корейской автомобильной промышленности едва ли возможно: “Сибаль” был собран в кустарной автомастерской... из нескольких списанных {с.190 – с.191} американских джипов и сам представлял из себя такой же джип. Всего в этой мастерской в было построено несколько сотен машин (данные об их количестве в разных источниках приводятся разные). Джипы “Сибаль” в основном использовались как такси, но некоторые из них были переданы правительственным учреждениям, и на них разъезжали тогдашние начальники среднего уровня. Ветераны сеульской ипломтии вспоминают начало 1960-х гг., когда чёрный отполированный джип с белыми наклейками на сиденьях был символом влияния и успеха. В те времена владельцы, само собой, машины не водили – на то имелись шофёры.

По-настоящему производство автомобилей началось только в 1974 г., то есть во времена, когда во всю работал “АвтоВАЗ”, не говоря уж о заводах Форда или Тойоты. Произошло это под прямым давлением правительства. Генерал Пак Чжён-хи решил, что

Корея должна стать великой автомобилестроительной державой – она ей и стала. Сейчас Южная Корея занимает в мире пятое место по производству автомобилей, а пять её автомобилестроительных фирм производят более трёх миллионов машин в год.

В результате реформ, которые произошли после "азиатского кризиса" 1997 г., все пять корейских автомобилестроительных фирм сменили своих владельцев. Исключением отчасти является Hyundai Motors, которая сохранила свой прежний менеджмент, но всё равно была вынуждена выделиться из состава холдинга «Хёндэ» и с 2000 г. стала независимой компанией. В остальных компаниях перемены были куда более радикальными. Правда, на радиаторах корейских машин по-прежнему красуются знакомые эмблемы "Киа" (Kia), "Тэу" (Daewoo), "Санъён" (Ssangyong), но к реалиям отношений собственности эта автобижутерия больше отношения не имеет.

"Киа" обанкротилась незадолго до азиатского кризиса. Однако формальное банкротство предприятия не привело к закрытию заводов. Некоторое время заводы работали под управлением бывших кредиторов, а "Киа" в конце 1998 г. приобретена компанией Hyundai Motors, сохра {с.191 – с.192} нив при этом своё название и немалую долю самостоятельности. Чён Мон-гу стал президентом "Киа" и Hyundai Motors одновременно, осуществив нечто вроде личной унии двух фирм. Hyundai всегда являлась крупнейшим производителем автомобилей в Корее, но после приобретения "Киа" её значение выросло неимоверно: вместе взятые, "Киа" и "Хёндэ" выпустили две трети машин, произведённых в Корее в 2000 г. (2,3 млн. из 3,1 млн.).

Куда хуже пошли дела у третьего автогиганта – "Тэу" (Daewoo). На первых порах всё выглядело неплохо. В рамках программы реструктуризации чэболь было решено, что холдинг "Тэу" будет специализироваться на автомобилестроении. В этой связи в декабре 1997 г. под контроль Daewoo Motors даже перешло относительно небольшое производство джипов, ранее принадлежавшее концерну "Санъён" (Ssangyong), для которого автомобилестроение было признано «непрофильным направлением». Однако положение Daewoo продолжало ухудшаться и в октябре 1999 г. наступило официальное банкротство холдинга. Дальнейшая судьба "Тэу" остаётся неясной. Скорее всего, рано или поздно она всё-таки будет продана крупной иностранной фирме.

В рамках той же программы реструктуризации и специализации чэболь в сентябре 2000 г. концерн Samsung продал своё автомобильное подразделение Samsung Motors, которое было создано перед самым кризисом и так толком и не начало действовать. Покупателем выступила компания "Рено". "Рено" теперь принадлежит 70,1% акций новой совместной компании, переименованной в Renault-Samsung Motors (19,9% акций осталось у холдинга Samsung).

Таким образом, в Корее сейчас действуют пять автомобилестроительных фирм: "Хёндэ", принадлежащая ей же "Киа", находящаяся в несколько неопределённом положении "Тэу", её подразделение "Санъён" и сравнительно небольшая "Рено-Самсон".

Характерная особенность корейского автопарка – преобладание машин среднего класса. Типичная корейская машина – это что-нибудь вроде "Сонаты", то есть довольно крупный пятиместный седан с объёмом двигателя в 2-2,5 литра. Стоит такая машина в Корее примерно 15-17 тысяч долларов. Все машины оборудованы кон {с.192 – с.193} диционером (без этого корейское лето просто не выдержать), а автоматическая коробка передач почти полностью вытеснила ручную.

Дорогих машин мало, но это и понятно: их мало везде, и нынешняя Москва с её "Мерседесами-300" (и выше) чуть ли не на каждом углу, скажем прямо, не очень типична. Однако мало в Корее и по-настоящему небольших машин. Только в последние несколько лет, когда цены на топливо под влиянием девальвации воны практически удвоились, корейцы стали охотнее покупать более экономные маленькие автомобили, с объёмом двигателя в полтора литра и меньше. В основном же такие машины, которые производятся в Корее в немалых количествах, предназначаются для экспорта. Сами корейцы относятся к ним иронически, а "Тико" (корейский "Запорожец") стал излюбленным объектом шуток ("если Ваш

“Тико” никак не может сдвинуться с места, проверьте: не прилипла ли к колесам жевательная резинка”). Впрочем, при всех шуточках, “Тико”, производившийся в 1991-2001 г., заслужил всенародное признание: только на внутреннем рынке “Тэу” продала 410 тысяч этих крохотных автомобилей.

Другая особенность корейского автопарка – практически полное отсутствие иномарок. Импортные автомобили составляют лишь 0,4% всего корейского автопарка. Ещё в семидесятые годы правительство генерала Пак Чжён-хи стало облагать иномарки огромными пошлинами, создав таким образом льготные условия для корейской автомобильной промышленности. Пошлины были снижены только в последние годы, но и поныне иномарок в Корее очень мало (на конец 2000 г. они составили что-то около 0,1% всего автопарка страны).

Средняя корейская легковушка ездит много. Среднегодовой пробег в Корее заметно выше, чем в других развитых странах – 23 тысячи километров для частного легкового автомобиля. Для сравнения: в Японии среднегодовой пробег составляет 10 тысяч, а в США – 14 тысяч километров. С другой стороны, служат она недолго. Через 6-7 лет новую машину, цена которой к тому времени снизилась в три раза, продают какому-нибудь небогатому покупателю (студенту, например, или молодому служащему). Новый владелец ездит на машине ещё лет 6-7, а потом отправляет её на свалку, ведь продать машину 14-летней давности в Корее практически невозможно. При этом машина, как правило, находится ещё во вполне приличном состоянии, но это никого не волнует... {с.193 – с.194}

Кухня корейского дома

За последние три десятилетия оборудование корейской кухни претерпело чрезвычайно существенные перемены. Кухня современного корейского дома имеет не очень много общего с корейской кухней былых времен. “Экономическое чудо” полностью изменило весь уклад жизни корейской семьи, и, в частности, сделало доступными многие изделия бытовой техники.

Главным инструментом корейской домохозяйки является, конечно, газовая плита. Первые газовые плиты появились в Корее только в шестидесятые годы, а полный переход на газ в городах произошёл около 1980 г. Особенность многих корейских плит – это отсутствие духовки. Правда, в большинстве плит духовка всё-таки есть, но она такая маленькая, что туда с трудом входит небольшая сковородка. Вызвано это тем, что корейские кулинарные традиции не предусматривают использования духовки. её используют для разогрева полуфабрикатов, приготовленных по рецептам европейской кухни и купленных в магазине. Однако в большинстве случаев для подобного разогрева легче пользоваться микроволновыми печами. Централизованное газоснабжение, которое до недавнего времени было редкостью, получило в последние годы большое распространение, однако и поныне во многих домах, в том числе и многоэтажных, плиты питаются газом от переносных баллонов. Все выпускающиеся в Корее плиты, даже самые дешёвые и примитивные, оборудованы пьезоэлементами, так что для того, чтобы включить их, не нужно ни спичек, ни зажигалок: газ автоматически воспламеняется при повороте ручки. {с.195 – с.196}

Электрические плиты в Корее почти неизвестны, за исключением маленьких переносных плиток, которые предназначены скорее для разогрева, чем для приготовления пищи. В последние годы большое распространение получили и микроволновые печи, которые корейцы называют “электронными плитами”. Наконец, в некоторых домах применяются электрические кастрюли и сковородки, а уж электрокофейники и электрочайники есть почти везде (особенно часто их можно встретить в учреждениях).

Другим видом “интернациональной” кухонной техники является, разумеется, холодильник, который можно увидеть практически в любом корейском доме, в том числе и в очень бедном. Ещё недавно, однако, наличие холодильника было признаком зажиточности, если не богатства. Первые холодильники появились в Корее вскоре после войны, их продавали корейцам американские военнослужащие, с конца 1950-х гг. их стали импортировать официально, а с шестидесятых годов (точнее, с 1964 г.) началось и собственное производство. В те времена холодильник представлял из себя очень дорогой

агрегат, цена его в конце 1960-х гг. составляла 50-100 тыс. вон, то есть от 3 до 6 тогдашних месячных зарплат. В 1975 г. холодильники были только у 11,7% городских семей, но к 1990 г. уровень обеспеченности ими вырос в корейских городах до 94% (более новых данных я не нашёл, но думаю, что сейчас в городах холодильники есть практически у всех семей). Корейские холодильники обычно двухкамерные, большого размера.

Есть в Корее и специфически корейское кухонное оборудование. Наиболее типичным видом корейской кухонной утвари является так называемый папссот, то есть кастрюля, предназначенная для варки риса. Папссот является неременной принадлежностью любой корейской кухни, подобно тому, как рис – это неотъемлемая часть любой корейской трапезы.

Наиболее простым видом папссота является рисоварка, которая ставится на плиту, однако куда более удобными и распространенными являются электрические рисоварки. Впервые об электрическом папссоте корейская печать пи {с.196 – с.197}сала в 1926 г. как о чуде техники, а массовое распространение этих устройств началось только в семидесятые. Сейчас в обиходе можно встретить рисоварки самых разных типов: от сравнительно простых и дешёвых до весьма сложных, оснащённых разнообразными индикаторами, экранами на жидких кристаллах, программирующими устройствами и прочими чудесами современных технологий (последние часто называют не “электрическими”, а “электронными” рисоварками). Современный электронный папссот позволяет, например, хозяйке, загрузив в него рис и воду вечером, спокойно ложиться спать, зная, что утром, когда придёт время готовить еду спешащему на работу мужу и собирающимся в школу детям, рис – основа любой корейской трапезы – будет готов точно к назначенному часу.

Впрочем, “на вкус и цвет товарищей нет”, и многие корейки старшего поколения, наоборот, являются принципиальными противниками электрических папссотов, предпочитая старые образцы, которые предназначены для того, чтобы ставить их на плиту. Объяснение то же самое – рис, по мнению этих хозяек, получается вкуснее. Так ли это? Не знаю, не знаю... {с.197 – с.198}

Где же “следы времён минувших”?

Одна из особенностей современного Сеула – это то, что в корейской столице осталось до обидного мало архитектурных напоминаний о прошлом, памятников старины. Есть в городе, правда, несколько королевских дворцов, но ими весь список местных памятников архитектуры, в общем, и ограничивается. Нынешний облик корейской столицы сформировался, по сути, только в 1980-е гг. Вдобавок, он продолжает претерпевать быстрые изменения, и нет сомнений в том, что лет этак через тридцать, в 2032 г., можно будет написать: “Нынешний облик корейской столицы сформировался только в 2010-е гг.”

Причин, по которым в корейских городах осталось мало следов прошлого, несколько. Во-первых, традиционные корейские жилые дома представляли из себя достаточно хилые сооружения и особой долговечностью не отличались. Во-вторых, быстрый рост цен на недвижимость в центральных районах Сеула и других крупных городов привёл к тому, что землю там оказались в состоянии покупать только очень богатые фирмы. Такие компании, приобретая кусок земли, строили на нём возможно более роскошное сооружение и безжалостно сносили всё, что там находилось ранее. В-третьих, идея сохранения памятников сравнительно недавнего прошлого, которая везде пробивает себе дорогу с немалым трудом (достаточно вспомнить безобразное отношение к историко-техническим памятникам в России), в Корее пока ещё не получила серьёзного распространения. Массовому сознанию уже вполне понятно, что, скажем, королевский дворец XIV века или городские ворота пятисотлетней давности – это па {с.198 – с.199}мятники архитектуры, достойные заботы и охраны. Однако когда речь заходит о сооружениях начала нашего века или, тем более, двадцатых-тридцатых годов, то они воспринимаются просто как старые облезлые дома, которые следует как можно скорее снести.

Вдобавок, отношение к памятникам культуры недавнего прошлого окрашивается в Корее и националистическими эмоциями: ведь подавляющее большинство зданий,

построенных до 1945 г., было возведено японскими архитекторами, на японские деньги, для японских учреждений, и поэтому они воспринимаются корейским сознанием как символы ненавистной колониальной эпохи.

Вся эта ситуация лучше всего отразилась в судьбе Национального музея – мрачного серого здания, которое находилось в самом центре Сеула, перед дворцом Кёнбоккун. Оно было построено в 1916-1921 гг. для японского Генерал-губернаторства и воспринималось многими как символ колониальной власти. Архитектурно здание являлось несколько уменьшенной копией здания японского правительства в Токио, что подчёркивало неразрывную связь между японской центральной императорской властью и её наместником в Корее. Даже в плане здание повторяло очертания иероглифа “иль” – “солнце”, с которого начинается название Японии.

Здание это, бесспорно, имеет огромную историческую ценность. Однако в 1998 г. его снесли. Мотивировалось это тем, что для большинства корейцев оно оставалось символом японского колониализма, всякие упоминания о котором они стремятся уничтожить. При этом, однако, никто не упомянул, что на протяжении трёх десятилетий здание Генерал-губернаторства было самым крупным архитектурным сооружением в Сеуле, что с ним связаны многие важнейшие события истории страны, в том числе и провозглашение Кореи независимой республикой (церемония провозглашения Республики Корея произошла 15 августа 1948 г. перед этим зданием).

В результате всего этого от колониального Сеула полувековой (не говоря уж о вековой) давности почти ничего не сохранилось. Исключением являются несколько королевских дворцов в центре города, да могилы членов правящего дома в его пригородах. От колониальной эпохи тоже осталось всего лишь несколько зданий – Железнодорожный вокзал (1925 г.), Муниципалитет (1926 г.), несколько зданий бывших японских банков и универмаг “Синсейё”, да ещё некоторые полуразвалившиеся жилые дома, которые в большинстве своём доживают последние годы.

Немного осталось и от Сеула послевоенных лет. Например, первый в Корее комплекс многоэтажных жилых домов – знаменитый комплекс Мапхо – был безжалостно снесён лет десять назад. Похоже, та же судьба ожидает и многие другие дома постройки шестидесятых и начала семидесятых: по крайней мере, их явно не собираются ремонтировать (впрочем, они и изначально проектировались с расчётом на 20-25 летний срок эксплуатации).

К этому надо добавить, что большинство владельцев корейских домов без особых колебаний сносит свои постройки, как только у них появляются деньги на то, чтобы возвести нечто более презентабельное. Корейские дома, в том числе и современные, построенные из кирпича и бетона, достаточно недолговечны, даже крупные жилые комплексы служат, обычно, лишь несколько десятилетий, так что снос той или иной постройки часто бывает вызван реальной необходимостью, а не изменением вкусов хозяина. Вдобавок, корейские магазины и учреждения бытового обслуживания, которые располагаются на первых этажах большинства городских домов тоже существуют обычно лишь по несколько лет. Каждое банкротство или переезд сопровождается существенной перепланировкой помещения, и во многом меняет внешний вид всего здания. В результате любой жилой микрорайон в Сеуле за 15-20 лет меняет свой облик почти до неузнаваемости. {с.200 – с.201}

От сессии до сессии (корейское студенчество)

Университетские годы – совершенно особое время в жизни корейца или кореянки. Хотя сейчас в Корее выпускников высшего образования получает примерно 70% всех выпускников средней школы, которые, это не означает, что попасть в университет легко. Точнее, попасть в плохой университет сейчас особого труда не составляет. Однако диплом такого университета не слишком-то ценится работодателями. Напротив, диплом хорошего университета в Корее – неременное условие удачной карьеры в любой области, так что для поступления в престижный университет школьники прилагают невероятные усилия. Корейская система

поступления устроена так, что и блат, и папины денежки тут практически бессильны, и для успеха абитуриенту приходится работать буквально дни и ночи.

Корейские университеты образуют строгую, хотя и неписаную, иерархию. На самой вершине пирамиды находится Сеульский Государственный Университет, перед выпускниками которого открыты все дороги. В 2001 г. среди 243 высших чиновников страны 56% были выпускниками именно этого университета. На втором месте находятся извечные соперники – университеты Ёнсе, Корё и Ихва, за ними следует около дюжины частных сеульских университетов, которым по рангу примерно равны и государственные университеты в провинциях. Наконец, самую нижнюю (и самую многочисленную) ступень пирамиды престижа образуют частные университеты в провинции.

Понятно, насколько гордятся своей удачей те, кому удалось попасть-таки в престижный университет. В то же са {с.201 – с.202}мое время по неписаной традиции в университетах студенты как бы расслабляются после тяжёлого и многолетнего абитуриентского марафона. По сути, для большинства корейцев университетские годы – это короткий глоток свободы. Позади остаётся школа с её огромными домашними заданиями и отчаянной, выматывающей зубрёжкой. Впереди, как все хорошо знают, университетских выпускников ждёт работа в компаниях, где тоже особо не расслабишься (10 часов работы в день, 1 выходной в неделю, 5 дней отпуска в году). Поэтому и стараются студенты провести эти четыре года повеселее, тем более, что отметки на их будущее особого влияния не оказывают. Не важно, как ты учился, важно – в каком университете. Профессора, в общем, относятся к подобной позиции с пониманием, и не очень докучают студентам своими требованиями. Как недавно заметила профессор из престижного женского университета Ихва: “Я не могу требовать от студенток, чтобы они много занимались. Они все помнят, как родители говорили им в школе: “Сейчас вам, конечно, тяжело, но вот в университете отдохнёте!”. Таковы уж наши традиции...”

Действительно, для большинства студентов активное участие во всяческих клубах и кружках является куда более важной частью университетской жизни, чем собственно занятия. Количество кружков в корейских вузах поражает: альпинизм и макроме, традиционное пение пхансори и каллиграфия, китайская кулинария и французская философия – всё это изучается на многочисленных самостоятельных кружках и семинарах. Огромное значение имеет деятельность студенческого самоуправления, а Студсовет – это немалая сила, вполне сравнимая по своему значению с ректоратом. Председатели студсоветов выбираются ежегодно, и за ходом этой избирательной кампании внимательно следят вполне серьёзные политические обозреватели. Это и понятно: до недавнего времени корейские студенты отличались крайним радикализмом, обычно – марксистского толка, и их очередные демонстрации могли порою просто парализовать нормальную жизнь в Сеуле. Сейчас интерес к политике во многом утрачен, и большин {с.202 – с.203}ство студентов предпочитают занятия кружков и вечерние попойки дракам с полицией, однако и поныне левые задают тон в университетской идеологической жизни.

Для студентов университетов, особенно крупных, характерен пылкий “университетский патриотизм”. Те связи, которые завязываются в университетские годы, в Корее имеют особое значение и сохраняются на всю жизнь. По корейской традиции выпускники одного и того же университета обязаны оказывать друг другу всяческое содействие, даже если они не были знакомы в университетские годы.

Каждый университет имеет свои тщательно оберегаемые традиции студенческой жизни, свой ежегодный фестиваль, культ основателя и прославленных выпускников, свой герб, девиз и символ. Девизом университета обычно служит какое-нибудь древнекитайское изречение (древнекитайский и поныне воспринимается в Корее как язык высокой и классической культуры). Иногда, впрочем, можно встретить и девизы на корейском, английском и даже латинском или греческом языках. Символом университета является какое-либо животное или растение. В своеобразном “университетском зоопарке” можно увидеть самых разных животных – орла (символ Университета Ёнсе), тигра (Университет Корё), черепаху (Университет Кёнги), и даже жёлтую (да, именно и только жёлтую!) корову (приверженностью к жёлтой корове знаменит Университет Конгук) или мифического дракона

(Университет Чунъян). Растительных символов много меньше, и они чаще встречаются у женских университетов. Так, Университет Ихва сделал своим символом цветок груши (само название университета в переводе с древнекитайского означает “грушевый цветок”).

Кульминацией студенческой жизни служит фестиваль, который проходит раз в году. В большинстве университетов его проводят осенью, с тем, чтобы дать возможность лучше подготовиться к нему и первокурсникам, которые в Корею поступают в университеты не осенью, как в России, а весной. Фестиваль этот представляет из себя грандиозное мероприятие, которое длится обычно около не {с.203 – с.204}дели. Разумеется, занятия в университете на это время прекращаются.

Другая традиция – это туристские поездки всей группой в горы или к морю на несколько дней. Называются они МТ, от английского membership training, что я бы несколько вольно перевёл как “воспитание коллективного духа”. Кстати, эти поездки тоже организуются в учебное время и с согласия администрации. У каждого университета или факультета есть свои традиционные места для таких путешествий.

В студенческой среде восьмидесятых годов тон задавали политические активисты, участники многочисленных подпольных марксистских кружков. В те времена студенты отдавали политической деятельности больше сил и времени, чем собственно учёбе. Впрочем, даже тогда многотысячные демонстрации проходили на удивление спокойно: студенты не только не переворачивали машины и не били стёкол, но даже старались по возможности не создавать лишних помех дорожному движению. Кризис и распад мировой системы социализма в начале девяностых годов, равно как и успехи демократизации в самой Южной Корее привели к тому, что левые симпатии стали быстро исчезать. В конце девяностых марксистские организации продолжали свою деятельность в университетах и были там по-прежнему довольно заметны, но занятия секций аэробики или просто шумные попойки стали находить больше поклонников, чем демонстрации или заседания кружков по изучению коммунистической литературы.

Нельзя, впрочем, переоценивать глубину политизации корейского студенчества даже в восьмидесятые годы, когда во многих университетах студент, не участвовавший в антиправительственных демонстрациях или открыто заявлявший о приемлемости капитализма, если и не становился изгоем среди своих товарищей, то уж наверняка имел проблемы в отношениях с ними. Даже в те времена окончание университета почти всегда означало отход от какой бы то ни было политической деятельности. Радикализм проходил с поступлением на работу или, для женщин, с замужеством, и уже через несколько лет после выпуска от {с.204 – с.205} былых настроений не оставалось и следа – по крайней мере, внешне. Правительство, равно как и “компетентные органы” уже в семидесятые годы относились к этому с определённым пониманием, молчаливо признавая правила игры. Участие в студенческих бунтах рассматривалось как неизбежные грехи молодости и чаще всего оставалось без последствий в том случае, если бывший студенческий активист по окончании университета не занимался ничем неблагонадёжным.

В своё время многим казалось, что после 1987-1988 гг. студенческий радикализм представляет собой некую игру, которая не оказывает серьёзного влияния не только на жизнь страны, но и на дальнейшие судьбы её участников. Однако в последние годы стало ясно, что ситуация куда сложнее. Идеи студенческих времён, как выяснилось, повлияли на мировоззрение тех корейцев, которые столкнулись с ними в студенческие годы. Одним из проявлений такого влияния стал рост антиамериканизма и нового (“как-бы-левого”) национализма.

Итак, корейский университет – место не столько учёбы, сколько коллективного времяпрепровождения. Именно в этой совместной деятельности возникает и спланивается тот дух университетского коллективизма, который остаётся в корейцах на всю жизнь. Вдобавок, именно тогда завязываются и связи, которые во многом определяют будущую карьеру. Ну а учёба? Учёба может и немного подождать... {с.205 – с.206}

Конкурсы красоты: кризис жанра?

Каждый год в конце мая проходит в Корее традиционный конкурс “Мисс Корея”. Несколько десятков претенденток, победительницы отборочных конкурсов в провинциях и крупных городах, соревнуются за право быть названной самой красивой корейкой года. Происходит это мероприятие в последние годы в здании телекомпании МВС, которая ведёт и многочасовую прямую трансляцию финала. Надо сказать, что многие корейцы воспринимают конкурсы всерьёз, так что прямая трансляция всего этого телешоу – одна из самых популярных программ в стране.

Конкурсы красоты в Южной Корее стали проводить в конце пятидесятых годов. Точнее, самый первый конкурс состоялся раньше, в 1949 г., однако на нём претендентки соревновались, так сказать, заочно, ведь это был конкурс... фотографий.

Первый “живой конкурс” состоялся в 1957 г., провела его известная корейская газета “Хангук Ильбо”, которая и до сих пор занимается организацией конкурсов на звание “Мисс Корея” (совместно с телекомпанией МВС). Кроме общенационального конкурса красоты, есть и местные, порою – весьма экзотические. Например, уезд Ёнъян, известный своим перцем, решил присваивать самой красивой девушке округа звание “Барышня Перчик”, а в городе Ульсане, который славится своими грушевыми садами, претендентки на местном конкурсе красоты оспаривают звание “Барышня Грушевый цветок”. В целом же в Корее ежегодно проводится почти сотня конкурсов красоты. Часть из них являются отборочными, предназначенными для {с.206 – с.207} выявления потенциальных участниц общенационального конкурса на звание “Мисс Корея”.

Вернёмся, однако, к основному конкурсу. Вот уже несколько лет он проводится по примерно одинаковой формуле. В конкурсе участвует 62 претендентки. 47 из них являются победительницами местных конкурсов, а 15 представляют корейские общины за границей (в США, Японии, Казахстане и т.д.). Из 62 финалисток отбирается 8, а уже из числа этой восьмерки жюри выбирает победительницу.

Подготовка к конкурсу занимает немало времени и стоит очень дорого. Естественной, природной красоты для победы на конкурсе давно уже недостаточно, тут требуются усилия целой команды косметологов, визажистов, парикмахеров, хореографов, даже зубных врачей (зубы у звезды должны быть идеально аккуратными, и это означает, что природу часто приходится, скажем так, “подправлять”). По оценкам, минимально возможная стоимость подготовки финалистки – около 10 миллионов вон (по нынешнему курсу – 8 тысяч долларов), средняя же цифра – раза в четыре больше. Понятно, однако, что девушки таких, огромных даже для корейской семьи, денег обычно не имеют. Кто же платит за них? Да те же парикмахеры, дантисты и хореографы, ведь для них победа “их” кандидатки – неплохая реклама.

Есть материальные стимулы для участия в конкурсе и у самих девушек. Победа на конкурсе для них часто открывает двери либо в мир профессиональных рекламных моделей, либо же на телевидение или даже в кино. Да и денег рекламные контракты, на которые вполне может рассчитывать победительница, приносят не мало.

Впрочем, у нас мало знают о том, что в последние годы конкурсы красоты стали на Западе сталкиваться с растущим сопротивлением со стороны женских феминистских организаций. Корея – не исключение, ведь западные идеологические веяния в стране очень ощутимы. В 1999 году во время финала конкурса перед зданием телекомпании МВС прошла многолюдная демонстрация протеста, которую организовали местные женские ассоциации. В {с.207 – с.208} 2000 году за неделю до конкурса, в середине мая, в Сеуле с немалым успехом состоялся фестиваль искусств “Долой конкурс красоты!”. Собрал этот фестиваль толпы сторонников, среди которых, кстати, заметную часть составили очень даже симпатичные студентки сеульских вузов. Регулярно проводятся и сатирические конкурсы “анти-мисс Корея”.

Конечно, всё это можно списать на обычный студенческий радикализм – устраивать демонстрации по любому поводу корейские студенты любят и умеют. Однако в последнее время "мнение народное" явно начинает относиться к конкурсам красоты со всё большим подозрением. Признаком тому стало недавнее решение многолетнего спонсора конкурсов – крупной косметической компании "Тхэян" – больше их не финансировать. По слухам, руководство компании решило, что в условиях растущего недовольства конкурсом со стороны всё более влиятельных феминистских организаций, разумнее будет держаться от этой сомнительной затеи подальше. Ещё более серьёзный удар последовал в 2002 г., когда из тех же политико-феминистских соображений транслировать конкурс в прямом эфире отказались все ведущие корейские телекомпании. Любителям осталось смотреть его по сетям платного кабельного телевидения.

В чём же обвиняют конкурсы красоты корейские (и не только корейские) женские организации? Главным образом в том, что конкурсы насаждают идеал женщины как игрушки, как сексуального объекта, у которого важны только формы, а не мозги. Новое поколение женщин с этим мириться не желает. Второе обвинение – это навязывание некоего идеала красоты, причём, в случае с Кореей, идеала откровенно иностранного, голливудского (в условиях постепенно растущего антиамериканизма корейской молодой интеллигенции – обвинение достаточно серьёзное).

В общем, конкурсы красоты переживают в Корее, как и в других развитых странах, трудные времена. {с.208 – с.209}

«А не съездить ли нам на Гуам?»

За последние десятилетия жители городов Европы, Америки и Азии уже привыкли к вездесущим японским туристам. Однако в последние годы эти «японцы» всё чаще на поверку оказываются корейцами. Действительно, Корея сейчас становится одним из главных игроков на мировом туристском рынке.

До конца восьмидесятых годов международного туризма в Корее фактически не существовало. Иностранцы туристы, правда, в Корее появлялись (в основном это были японцы), но вот самим корейцам дорога за рубеж была закрыта. Для получения права на поездку за границу всем мужчинами призывного возраста тогда требовалось получить специальное разрешение в местном аналоге военкомата, а разрешение это давали только тем, кто ехал по весомой служебной надобности. Праздное же шатание по заграницам в те времена властями решительно не поощрялось.

Формально считалось, что вызвано это военно-мобилизационными соображениями. Однако все понимали, что главные причины ограничений – экономические, а не военные. В те времена Корея остро нуждалась в иностранной валюте, и поездки за границу, как считалось, наносили удар по валютному балансу страны (наши читатели среднего и старшего возраста помнят, что примерно так же воспринимали международный туризм и в СССР). Конечно, была и другая причина, по которой корейцы почти не путешествовали: подавляющее большинство из них просто не имело средств для такой роскоши.

Таким образом, до конца восьмидесятых только очень немногие (в основном, богатые бизнесмены преклон {с.209 – с.210}ных лет) могли отправиться за границу для своего удовольствия. В 1962 г. только 10.242 корейца выехало из страны. В своём большинстве это были бизнесмены или чиновники. В 1973 г., число отправляющихся за рубеж корейцев впервые превысило сто тысяч. Однако, и в 1973 г. путешественники не были туристами. В те времена корейские фирмы были вовлечены в масштабные строительные проекты на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, так что большинство корейцев ехало за границу трудиться на строительных площадках.

Эпоха международного туризма началась в Корее внезапно. Начало её можно указать с точностью до года – случилось это в 1988 г., когда после падения военного режима ограничения на зарубежные поездки были сначала сильно ослаблены, а вскоре и

окончательно отменены. Конец военного правления также вызвало быстрый рост доходов и жизненного уровня. До этого военные правительства держали под жёстким контролем уровень заработной платы, так как они хотели, чтобы рабочая сила в Корее оставалась дешёвой и, таким образом, конкурентоспособной. Однако с приходом демократии профсоюзы получили новые права и добились резкого повышения заработной платы (за 1987-1991 она более чем удвоилась). Люди внезапно обнаружили, что у них появились свободные деньги, и что никакие юридические ограничения больше не мешают им тратить эти деньги на поездки за границу.

В 1987 г. корейское Управление иммиграции зарегистрировало 510.538 корейцев, выехавших из страны. За последующие четыре года число зарубежных поездок утроилось и достигло 1.560 тысяч в 1990 г. Рост продолжался и в последующие годы, так что в 2002 г. корейцы совершили почти семь миллионов (чтобы быть совсем точным, 6.643.581) поездок за границу. Почти все эти путешественники были туристами.

Куда сейчас ездят корейские туристы? У большинства из них всё-таки нет пока ни времени, ни денег на поездки по Европе, которые стоят от двух тысяч долларов и занимают не менее недели. Большинство корейцев предпочитает отправляться в относительно близкие к их родине места, куда можно съездить на 3-5 дней, потратив на всё удовольствие меньше миллиона вон.

Главным событием корейского туризма в 1990-е гг. стал «китайский бум». До августа 1992 г., Корея не имела дипломатических отношений с КНР (Сеул тогда признавал Тайвань), так что Китай был закрыт для неофициальных поездок. Однако, к концу 1990-х Китай стал пользоваться особой популярностью среди корейских туристов, оставив позади Японию и США. В 2003 г. 23,7% всех поездок корейцев за рубеж пришлось на Китай.

В Китае корейцев привлекают дешевизна, обилие памятников традиционной культуры (которые, кстати, корейцам куда понятнее и ближе, чем россиянам) и географическая близость. Япония находится на втором месте, совсем немного отставая от Китая (23,6% всех поездок в 2003 г.). Это отставание объясняется как высокими ценами, так и традиционно непростыми отношениями двух соседей. На третьем месте находятся США (11% поездок), причём корейцы обычно ездят в западную часть страны, которая находится, так сказать, на другом берегу Тихого Океана, а также на принадлежащий Америке тропический остров Гуам. Наконец, на четвертом месте в 2001 г. находился Таиланд (9%). Страны ЮВА вообще пользуются у корейских туристов особой популярностью.

Каково же место России в этом списке? Довольно скромное, но не самое безнадежное. В 2003 г. в Российской Федерации побывало 43.202 корейца (в это число включаются не только туристы, но и люди, отправляющиеся по делам, на работу или учебу). Это означает, что на Россию приходилось примерно 0,7% всех корейских поездок за рубеж. Она, таким образом, слегка опережала Италию (40.831), но несколько отставала от Малайзии (60.398). В целом же в течение последнего десятилетия количество корейцев, посещающих Россию, оставалось довольно стабильным, колеблясь между 30 до 55 тысячами в год. Эта стабильность не слишком обнадеживает – ведь в целом за это время количество выезжающих за границу корейцев удвоилось. {с.211 – с.212}

Как стать миллионером?

Как стать миллионером? В наши дни этот вопрос весьма волнует бывших граждан «страны окончательно победившего социализма». Время от времени певцы нового строя проникновенно объясняют им, что стать миллионером не так уж и сложно: всё дело тут, дескать, в предпринимательской жилке и умении упорно трудиться. Есть у тебя эти замечательные качества – и ты тоже станешь миллионером. Так, по крайней мере, написано в новых, постсоветских учебниках обществоведения.

Впрочем, экс-советские граждане в эти разговоры не слишком верят. Они, скорее уж, склонны доверять мудрости предков, которые хорошо знали, что «от трудов праведных не наживёшь палат каменных». Помнят россияне и то, чем в ещё недавние советские времена занимались нынешние «владельцы заводов, газет, пароходов» – или их родители. Среди российских миллионеров есть, конечно, и настоящие выходцы из народа. Но их, во-первых, очень немного, а во-вторых все они, подобно бывшему шофёру Черномырдину, начали делать карьеру еще в советские времена, и приход капитализма встретили уже в немалых чинах.

А как обстоят дела в Корее? Кто они, корейские стальные бароны и автомобильные короли? Как они дошли до жизни такой?

Корейский капитализм, по историческим меркам, совсем молод. Первые корейские компании появились в колониальные времена, то есть в 1910-1945 г. Возникли они, само собой, при прямой поддержке японских колониальных властей. Однако лишь немногие из основанных в те времена компаний смогли выжить в бурные послевоенные годы. {с.212 – с.213} Почти все те фирмы, которые доминируют на корейском рынке в наши дни, были основаны между 1945 и 1955 гг.

В середине семидесятых группа американских социологов провела исследование руководства крупных корейских компаний. Исследование это проводилось с размахом, едва ли возможным в наши времена: учёные опросили руководителей примерно 15% всех крупных компаний, которые тогда существовали в Корее. За те три десятилетия, которые отделяют это исследование от нас, состав корейского делового Олимпа изменился не сильно – хотя масштабы производства выросли неимоверно, сделав бывших миллионеров миллиардерами. С другой стороны, в семидесятые годы во главе большинства компаний еще стояли либо сами их основатели, либо их дети, так что память о первых годах компании была еще очень сильной. Наконец, и пресловутым «пиаром», переписыванием своей истории, корейский бизнес в те простодушные и героические времена занимался гораздо меньше.

Результаты исследования весьма поучительны. Практически половина корейских крупных предпринимателей произошла из помещичьих семей. Детей крупных землевладельцев среди опрошенных оказалось 47%. В ходе земельной реформы, которая в Южной Корее завершилась в начале 1950-х гг., пахотная земля была перераспределена в уравнительном порядке (впрочем, помещикам выплатили частичную компенсацию). Однако в более ранние времена Корея была страной помещиков. Землевладельцы, в основном дворянского происхождения, составляли 3-5% всего сельского населения, но при этом владели примерно половиной всех земель в стране.

На втором месте среди глав крупных компаний находились дети купцов (19%) и промышленников (16%). Нашлось среди корейских олигархов место и для детей чиновников, хотя таковых было относительно немного – всего лишь 6%. Ещё 11% составили дети высокооплачиваемых специалистов – инженеров, врачей и т.п. В общем и целом 98% всех крупных предпринимателей вышли из элиты колониальных времён – из слоёв, которые составляли не более 10% всего населения страны. {с.213 – с.214}

Разумеется, не обошлось без исключений. Например, Чон Чжу-ён, основатель «Хёндэ», крупнейшей корейской суперкомпании-чэболь, родился в крестьянской семье и начинал свою трудовую биографию в качестве землекопа и грузчика, но со временем сумел выиться в миллиардеры. Однако подобное происхождение для корейских олигархов, скажем прямо, не слишком типично.

Вопреки убеждению корейской интеллигенции, капитаны промышленности первого призыва отличались неплохим образованием: 70% опрошенных окончили высшее учебное заведение. Это тоже является подтверждением совсем не простонародного происхождения этих людей: до начала 1960-х гг. высшее образование в Корее было исключительной редкостью (в 1945 г. только 2% корейцев имели законченное среднее образование).

Биографии большинства промышленников подтверждают эту картину. Типичная корейская компания была основана в первые послевоенные годы молодым человеком из помещичьей семьи, обычно происходившей из старого корейского дворянства, благополучно устроившегося и в колониальные времена. Несколько реже основатель компании происходил из семьи торговца или предпринимателя. Семья помогала начинаниям своего отпрыска и деньгами, и связями, которые только и давали возможность развернуть дело в бурные, небезопасные и предельно коррумпированные послевоенные годы. В положенный срок, где-нибудь в восьмидесятые годы, постаревший отец-основатель передавал дела наследнику, обычно – собственному сыну. Сейчас в главе компании может стоять уже его внук. Таким образом, старая элита, которая правила страной еще во времена династии Ли, благополучно переросла в элиту новую.

А что в этом, собственно говоря, необычного? Все же мы не так давно видели как советская номенклатура превратилась к новым русским капиталистов. Так оно обычно и бывает. Так что лучший способ стать миллионером – это родиться в семье миллионера. В этом-то случае предпринимательская жилка и трудолюбие, действительно, могут оказаться очень даже полезными. {с.214 – с.215}

Храмы торговли

Если современное южнокорейское общество – это общество потребления, то его храмом, конечно, является универмаг. Универмаг – это французское изобретение середины XIX века, а в Корее история универмагов началась сто лет назад, в 1906 году, когда японская торговая фирма открыла в Сеуле первый магазин этого типа. В тридцатые годы в Сеуле действовало уже 5 универмагов: 4 японских и 1 корейский. Любопытно, что два из них, сменив японских владельцев на корейских, сохранились до наших дней и продолжают благополучно работать. Это универмаги “Мидопа” и “Синсеге” в центральном Сеуле (правда здание “Мидопы” было несколько лет назад перестроено до полной неузнаваемости).

Вся организация корейских универмагов, их архитектура, принятые в них формы торговли и обслуживания скопированы с японских образцов. Вообще говоря, те, кому довелось побывать и в Японии, и в Корее, отмечают крайнее сходство систем торговли, существующих в этих двух странах. Принципы функционирования универмагов заимствованы у японцев не только в Корее, но во всей Восточной Азии. Универмаги Тайваня, Малайзии и Индонезии как две капли воды похожи на корейские и японские.

В то же время корейская система универмагов имеет и некоторые отличия от японской. Например, в Японии популярностью пользуются не только гигантские многоэтажные торговые комплексы, но и небольшие, в 2-3 этажа, местные универмаги, расположенные в жилых районах. В Корее таких универмагов почти нет, все универмаги здесь – гигантские. Во-вторых, японские универмаги часто {с.215 – с.216} сто соседствуют с узловыми станциями метро или железной дороги, образуя с ними один комплекс. В Сеуле есть, пожалуй, только один подобный универмаг – “Лоттэ” на станции Ёндынпхо, хотя некоторые универмаги в провинциальных городах тоже совмещены с железнодорожными или автобусными вокзалами.

С самого своего появления в Корее универмаги создавались как магазины для богатых или, по меньшей мере, весьма обеспеченных людей. В целом, таковыми остаются они и поныне. Возможность регулярно делать покупки в универмаге – привилегия, доступная очень и очень немногим. Причина проста: дороговизна. Стоят товары в универмаге куда больше, чем в магазинах и лавках всех других типов. Это неизбежно, ведь эксплуатация роскошного здания со всеми этими лифтами, эскалаторами, подземными автостоянками, равно как и содержание большого штата продавщиц обходится владельцам в немалые деньги. Поэтому уровень накладных расходов в универмаге всегда заметно выше, чем в любом другом торговом заведении, и это не может не сказываться на цене. Для одежды или промтоваров, например, разница в цене на один и тот же товар между универмагом и рынком может быть трёхкратной и уж, во всяком случае, она не менее, чем полуторакратная. Вдобавок, в

универмаге покупатель лишён возможности поторговаться, цены на все товары там жёстко фиксированы. Как говаривал Остап Бендер, “торг здесь неуместен”. Для большинства корейцев и, особенно, корейцев, посещение универмагов является своего рода аттракционом, ибо покупать там одежду или промтовары могут позволить себе только весьма богатые люди. Отчасти, правда, дороговизна компенсируется лучшим качеством товаров, но это – далеко не полная компенсация.

Большинство корейских универмагов принадлежит крупным многоотраслевым концернам – “чэболь”, которые вообще играют в южнокорейской экономике доминирующую роль. По состоянию на 1994 г., наиболее крупная (по объёму продаж) сеть универмагов принадлежала концерну “Лотта”. За ней следовали сети “Синсейге” и {с.216 – с.217} “Хёндэ” (последняя также была собственностью известного концерна).

Для большинства корейских покупателей универмаг является островом и символом западной потребительской культуры, хотя и с определённым местным колоритом. Типичный для корейских магазинов старого образца беспорядок там отсутствует, всё сверкает чистотой, товары аккуратно разложены по полкам, всюду подтянутые и симпатичные молоденькие продавщицы в красивой форме (во многих универмагах в принципе не берут на работу женщин старше 25 лет). Открыты корейские универмаги с 10 или 10:30 до 19:00 или, реже, до 19:30, причём понедельник, как правило, является выходным днём.

Архитектура корейских универмагов очень традиционна, почти все они имеют одинаковую планировку. В типичном корейском универмаге от трёх до семи подземных этажей. В самых нижних из них располагаются обширные автостоянки, а верхний подземный этаж (его называют В1 – от англ. Basement-1), как правило, отдан продовольственному отделу и небольшим закусточным. В надземных этажах, которых может быть от пяти до десяти, располагаются отделы, торгующие одеждой, электроникой, посудой, мебелью, игрушками и другими промтоварами. Наконец, последние один или два этажа универмага заняты так называемой “ресторанной галереей”: там располагаются многочисленные корейские, китайские, японские, европейские и другие рестораны. Там же обычно есть и небольшой отдел, где продаются произведения искусства, главным образом – картины и скульптуры, которые должны украсить собой дома и квартиры корейской верхушки.

С одного этажа на другой можно попасть по эскалатору. Есть там и лифты, в которых, как правило, у дверей стоят симпатичные лифтерши в стандартной форме и с сильно напудренными лицами (по доле трат на косметику в семейном бюджете Корея находится на втором месте в мире). Каждый раз, когда лифт останавливается на очередном этаже, эти барышни нежными голосами сообщают: “Этаж такой-то. Отделы такие-то”. “Всего доброго, уважа {с.217 – с.218} емые гости!” (это – вслед выходящим). “Здравствуйте, уважаемые гости!” (это уже – навстречу входящим). Улыбка-поклон-объявление, улыбка-поклон-объявление, улыбка-поклон-объявление, и так – по 10 часов в день... Мой хороший друг – талантливая и преуспевающая российская предпринимательница – видя эту картину, каждый раз начинает что-то причитать по поводу растрат фонда заработной платы. В действительности проблема стоит далеко не так остро, ведь зарплата у этих ангельских созданий, скажем мягко, скромная. А вот обычные лестницы можно найти, пожалуй, только в нескольких универмагах старой постройки, возведённых ещё при японцах, и сохранившихся до наших дней. На случай пожара и т.п. непредвиденных происшествий существуют, конечно, аварийные лестницы, но ими обычно не пользуются.

Хотя высокие цены в универмагах и отпугивают посетителей, нельзя сказать, что эти учреждения играют в корейской торговой сети чисто символическую роль. Корейцы побогаче, не говоря уж о самых богатых, делают там покупки довольно часто: во-первых (и в главных!), потому что это престижно; во-вторых, потому что товары в универмаге, хотя и дороже, но зато гарантированного качества. Если же говорить о продовольственных отделах, то там покупателей просто много, ибо цены на продукты в универмаге обычно даже несколько ниже, чем в обычной лавочке, не говоря уж о появившихся в последнее десятилетие магазинах круглосуточной торговли.

Ежедневно проводимые в продовольственных отделах универмагов распродажи и шумно-весёлые рекламные кампании привлекают туда также и посетителей со средним достатком. Где ещё удастся бесплатно попробовать свежеприготовленный рекламируемый продукт, да ещё, если повезёт, выпить стаканчик неизвестного ещё широким слоям покупателей и поэтому рекламируемого напитка?

В последние годы количество людей, которые готовы делать покупки в универмагах, существенно выросло. Даже экономический кризис 1997-1998 г. только ненадолго затормозил рост корейских универмагов, но не остановил его, а активизация торговли в универмагах в первой {с.218 – с.219} половине 1999 года стала одним из первых признаков оздоровления национальной экономики. Повышение уровня жизни в последние полтора-два десятилетия привело к тому, что многие горожане теперь предпочитают переплатить, но получить гарантированно хороший товар. Подтверждает это и недавний опрос, проведённый среди молодых сотрудниц сеульских фирм. Опрошенные – незамужние молодые женщины с университетским образованием – в большинстве своём как раз принадлежат к новому поколению городских средних слоёв. По данным опроса, 38% его участниц покупает одежду по преимуществу в универмаге, 34% – на больших центральных рынках, 14% – в обычных магазинах. Конечно, среди представительниц старшего поколения, выросших если и не в нужде, то в весьма скромном достатке, и привыкших экономить деньги, доля поклонниц универмагов существенно меньше.

Наличие универмага в том или ином городке является важным показателем его респектабельности. В городах с населением менее 200 тысяч человек универмагов, за некоторыми исключениями, нет вовсе. Не случайно, что в Сеуле, где сосредоточено 23% населения Кореи, находится сейчас 60% всех корейских универмагов, да и среди остальных 40% значительная часть расположена в непосредственной близости от столицы, по сути – в пределах Большого Сеула. Это и понятно: в небольших городах почти нет той зажиточной публики, которая в универмагах составляет большинство покупателей. {с.219 – с.220}

Конец эпохи домохозяйек?

Все, кто побывал в Корее, хорошо знают, что в целом она и в наши дни остаётся страной домохозяйек, что большинство кореянок после замужества не работает. Впрочем в последнее время эта картина потихоньку меняется, и вопрос о трудоустройстве женщин встаёт в Корее со всё большей остротой.

Надо сказать, что до недавнего времени, примерно до начала восьмидесятых годов, такого вопроса в Корее не существовало в принципе. Все были уверены, что замужняя женщина работать и не может, и не должна. Даже если до замужества кореянка и работала (в последние два-три десятилетия это стало обычным явлением), то свадьба в обязательном порядке означала увольнение, причём не всегда добровольное: до недавнего времени в большинстве фирм женщину после вступления в брак увольняли автоматически. Конечно, в семьях торговцев, мелких предпринимателей, фермеров, женщина на деле часто трудилась ничуть не меньше своего мужа, однако при этом она вкалывала на принадлежащем мужу предприятии, а не где-то на стороне.

Это означало, что в большинстве корейских семей зарплата мужа являлась не просто главным, но и практически единственным источником денежного дохода. По данным статистики, в 1970 году 92% дохода в корейской семье давала работа её главы, в то время как совокупный заработок всех остальных членов семьи, включая, разумеется, и доходы жены, обеспечивал только 8% поступлений в семейный бюджет. В идеале жена, которую не случайно традиционно называли “внутренний человек”, “человек {с.220 – с.221} нашего дома” должна была вести хозяйство, воспитывать детей и контролировать финансы (в подавляющем большинстве корейских семей все деньги находятся в руках жены). Вплоть до конца 1970-х гг. производственная и общественная деятельность считались сферами, в которых женщинам (по крайней мере, замужним) места нет и не должно быть.

Ситуация стала меняться лет пятнадцать-двадцать назад, причём главными инициаторами перемен стали сами женщины – молодые кореянки с высшим образованием. Как только эти барышни с дипломами стали в больших количествах появляться в Корее (а произошло это около 1980 г.), они всё чаще отказывались следовать вековым традициям: сначала терпеливо ждать, когда родители найдут им подходящего мужа, а потом, после свадьбы, превращаться в домохозяйек. Они стали стремиться к собственной карьере, собственному доходу, собственной жизни. Залогом этого, с точки зрения этого нового поколения образованных кореянок, должна стать именно работа, в том числе и работа после замужества. В наши дни заявление той или иной студентки о том, что она хотела бы в будущем стать домохозяйкой, обычно вызывает у её подруг самую ироническую реакцию, рассматривается как показатель “отсталости” и “непрогрессивности”. Инициативу, повторяю, проявляет элита, а в низах вопрос о трудоустройстве особых споров не вызывает, там он по-прежнему решается с точки зрения простой экономической необходимости: хватает на жизнь зарплаты мужа – жена не работает, не хватает – работает.

На изменение отношения к проблеме “женщина и работа” (а, точнее, на само возникновение этой проблемы) огромное влияние оказало резкое увеличение числа женщин с высшим образованием. До конца 1960-х гг. высшее образование было для женщин почти недоступно, да и не считалось необходимым. Ещё в 1977 г. в Корее только 33% опрошенных родителей сказали, что они хотели бы в перспективе дать своим дочерям высшее образование. Если учесть, что для сыновей эта цифра составила тогда 55,5%, то налицо был серьёзный разрыв. Однако спустя всего {с.221 – с.222} лишь 13 лет, в 1990 г., университетский диплом считали необходимым для своих дочерей – 61,3%, а для сыновей – 61,9% опрошенных. Правда, корейские родители, стремясь дать своим дочерям высшее образование, воспринимают его в первую очередь как необходимое условие удачного замужества, ведь в Корее девушке без диплома практически невозможно выйти за университетского выпускника. Однако какими бы мотивами не руководствовались корейские родители, отправляя своих дочерей в университеты, там молодые кореянки неизбежно знакомятся с идеями женского равноправия и проникаются ими (до определённой степени). Корейские университеты во многом подражают американским, большинство ведущих корейских профессоров писало свои диссертации в Америке, так что не удивительно, что именно среди корейских профессоров феминистские идеи получили распространение.

Однако на практике желание работать, присущее большинству молодых кореянок – университетских выпускниц, по-прежнему трудноисполнимо. Главным препятствием на пути к его осуществлению является подход к женщинам со стороны руководства корейских компаний. Большинство корейских менеджеров и в наши дни уверено, что женщина – плохой работник, так сказать, по определению. Как отмечает справочник по трудоустройству: “Большинство руководителей фирм считает, что женщины по сравнению с мужчинами пассивны и что у них недостаточно развито чувство ответственности за порученное дело. Особо это относится к замужним женщинам, которые из-за беременностей, родов, ухода за детьми и домашних проблем не могут всецело посвятить себя работе”. Возможно, что подобный подход не совсем уж безоснователен. От служащего корейской фирмы ожидается, что он будет работать по 10-12 часов в день, в лучшем случае – с одним выходным в неделю и практически без отпусков. Понятно, что немногие семейные женщины могут и хотят выдерживать подобный ритм.

Говоря о тех женщинах, которые всё-таки сумели после университета устроиться на работу, не следует забывать о {с.222 – с.223} двух обстоятельствах. Во-первых, “трудоустройство” далеко не всегда означает “трудоустройство по специальности”. Как и в Японии, для владельцев корейских фирм миловидные конторские барышни в обязательной униформе (форменную одежду в большинстве компаний должны носить только женщины) являются, как правило, лишь живым украшением их офиса. Как пишет одно из пособий по деловому этикету: “В целом в нашей стране руководители фирм ожидают, что именно сотрудницы-женщины будут создавать очарование фирме... С точки зрения руководителя, его сотрудницы, подобно свежим благоуханным цветам, должны создавать в офисе особую атмосферу”.

Подавляющее большинство тех молодых женщин, которым удаётся найти работу, оказывается на второстепенных, вспомогательных должностях, где им никогда не поручают ничего серьёзного и ответственного и где они так и остаются этими самыми “свежими благоуханными цветами”. Фактически, как бы не назывались должности работающих женщин официально, на деле почти все они являются не более чем секретаршами. Их задачи сводятся к печатанию документов, подшивке входящих и исходящих, красивому оформлению бумаг, отправке факсов, контролю за прохождением платежей, выполнению многочисленных мелких поручений начальства, и, конечно же, приготовлению кофе и встрече посетителей с неременной очаровательной улыбкой. Один английский журналист в книге о современной Японии главу, посвящённую статусу работающих женщин, назвал “Место женщины или Заваривание чая с докторской степенью”. Это ехидное замечание вполне относится и к Корее, с той лишь, пожалуй, разницей, что в Корее чай не слишком популярен, так что сотрудницам приходится гораздо чаще заваривать кофе (отсюда и распространённое шутовое название молоденькой конторской служащей – “кхопхи агасси” – “кофейная барышня”).

Большинство кореянок, в том числе и выпускниц вузов, по-прежнему работает только до замужества. Если учесть, что университет кореянки оканчивают обычно в 22 года, а замуж выходят лет в 26-27, то ясно, что трудовая био {с.223 – с.224} графия большинства женщин с высшим образованием не отличается особой длиной. Во многих фирмах по-прежнему существует система обязательного увольнения женщин после замужества. Так, по данным проведённого весной 1995 г. обследования, подобная практика существовала в 13,6% крупных фирм. В действительности она ещё более распространена, так как, во первых, увольнение вышедшей замуж сотрудницы более характерно для мелких фирм, а, во-вторых, в упомянутые 13,6% попали только те компании, в которых это увольнение происходит автоматически. Очевидно, однако, что существует множество способов уволить человека, не прибегая к помощи каких-либо формальных инструкций.

Как бы то ни было, в последнее десятилетие количество работающих женщин росло весьма быстро. Несколько лет назад Корея вплотную приблизилась к символическому рубежу: в конце 1996 г. почти половина кореянок (точнее, 49,3%) работала (в это количество включаются и замужние, и незамужние женщины). Правда, кризис 1997 года привёл к тому, что доля работающих женщин резко снизилась: как и в России, в трудные времена женщин увольняют первыми, тем более что они в большинстве принадлежат к среднеквалифицированным работникам, которых при случае можно легко набрать снова.

И всё равно очевидно, что в массовом отношении к женскому трудоустройству произошёл перелом. Стремление образованных женщин найти работу, причём, по возможности, более или менее соответствующую их специальности, всё чаще воспринимается не как причуда богатых барышень, а как вполне законное, хотя и не всегда выполнимое желание. Как показал проведённый в 1992 г. опрос, 42% корейцев старше 60 лет считали, что замужняя женщина не должна работать в принципе, в то время как среди людей в возрасте от 20 до 29 лет такой же точки зрения придерживались только 12,2%. Во многом это напоминает произошедший примерно двумя десятилетиями ранее сдвиг в отношении к женскому высшему образованию: до 1970-х гг. стремление к университетскому диплому считалось чудачеством богатеньких дочек, а при {с.224 – с.225} мерно после 1980 г. наличие высшего образования стало для молодых женщин из средних слоёв практически обязательным.

Можно с определённой долей уверенности заявить, что нынешнее поколение кореянок – это последнее поколение домохозяек, ибо, если нынешние тенденции сохранятся, (а я думаю, что оно так и будет), то уже через пару десятилетий мечты большинства выпускниц университетов осуществляются, и домохозяйка в Корее будет столь же редким явлением, как в западноевропейских странах или Америке, где, вопреки распространённому в России мифу, домохозяйка сейчас – немалая редкость. {с.225 – с.226}

Медицина по-корейски

Важная особенность корейского здравоохранения – это сосуществование двух независимых “медицин”: традиционной восточной и новой западной. Эти две медицинские традиции во многом существуют параллельно, почти не пересекаясь друг с другом. И учебные заведения, и аптеки, и больницы у “западной” и “восточной” школ – разные.

Восточная медицина, которую в Корее называют “китайской” или “корейской”, основывается на многовековых традициях стран Восточной Азии, в первую очередь – Китая. Истоки её – в народной медицине стран региона, опыт которой был обобщён многими поколениями врачей. Сильные стороны восточной медицины – использование натуральных лекарственных препаратов, комплексный подход к лечению, хорошее понимание хронических заболеваний. В то же время совсем уж идеализировать её не следует. В частности, слабым местом традиционной медицины всегда являлась хирургия, равно как лечение острых заболеваний.

Понятно, что ни о какой западной медицине в старой Корее и понятия не было. Проникновение современных западных медицинских знаний началось только в конце XIX века, причём особую роль в этом сыграли иностранные миссионеры.

Первое серьёзное признание западная медицина получила в 1884 году. Это было время ожесточённой политической борьбы, в ходе которой обе стороны без особых колебаний прибегали и к физическому уничтожению противников. В конце концов реформаторы попытались, заманив сво {с.226 – с.227} их противников на банкет, просто перебить их там. Многие из консервативных чиновников попали в ловушку и погибли в свалке, но некоторые из них были ранены и смогли вырваться из ловушки. Среди тяжелораненных был и близкий родственник самой королевы. Призванные на помощь врачи традиционной медицины оказались бессильны, состояние сановника быстро ухудшалось, и тогда правительство решило обратиться за помощью к недавно приехавшему в Корею протестантскому миссионеру Горацию Аллену, врачу по образованию. Его усилиями сановник выздоровел. После этого король Кочжон назначил Аллена своим личным врачом и разрешил ему открыть первую в Корее современную больницу. Успех этой больницы превзошёл все ожидания. За первый год своего существования она приняла 265 пациентов, и более 11 тысяч амбулаторных больных. Корейцы были поражены в первую очередь тем, как быстро и эффективно “заморские врачи” лечат всяческие травмы и ранения. К 1910 г. в Корее работало уже около 30 миссионерских больниц, правда, по большей части – очень небольших, на 10-20 коек. В 1899 г. в Сеуле открылся и первый корейский медицинский вуз, основанный западными миссионерами на деньги американского мецената Северенса, в честь которого вуз и назвали (впоследствии он вошёл в университет Ёнсе – слог “се” в названии этого университета – сокращение от “Северенс”). В колониальную эпоху многие корейцы стали уезжать учиться на медицинских факультетах японских вузов.

В 1910 г. Корея стала японской колонией. Новые власти относились к западной медицине весьма положительно. При японцах сеть медицинских учреждений заметно расширилась. В 1940 г. в Корее было уже 105 больниц, из которых 63 принадлежали японцам, 20 – корейцам и 22 – западным христианским миссионерам. Врачей было очень мало, в 1940 г. на 25 миллионов корейцев приходилось 3600 врачей, то есть 1 врач на 7 тысяч человек. Не удивительно, что специальность эта считалась одной из самых выгодных. Врач в те времена был не просто хорошо обеспеченным, но богатым человеком. Доход городского врача {с.227 – с.228} средней руки тогда в пять-шесть раз превосходил зарплату высокопоставленного чиновника колониальной администрации! Понятно, что и счета за медицинские услуги были астрономическими и для большинства простых корейцев неподъёмными.

В то же время отношение японской колониальной администрации к традиционной “восточной” медицине было крайне подозрительным. Восточную медицину считали просто суеверием и шарлатанством, а традиционных врачей воспринимали примерно так же, как шаманов и гадалек. В 1907 г. японцы закрыли единственное в Корее учебное заведение, готовившее специалистов по восточной медицине, и фактически загнали её в подполье на

несколько десятилетий. Знания и традиции передавались индивидуально, от наставника – к его ученикам. Однако восточная медицина в целом неплохо пережила этот непростой период своей истории. Главная причина заключалась в том, что тогда она была куда доступнее, чем западная. Врач западной медицины был, по сути, барином, который обслуживал верхушку корейского общества, в то время как врачи традиционной школы требовали довольно скромные гонорары, так что обратиться к ним мог позволить себе и кореец среднего достатка, а то и просто бедняк.

После 1945 г. ситуация изменилась. Большинство японцев, в том числе и врачей, было изгнано из страны. В местной медицине на смену японскому влиянию пришло американское. После 1945 г. корейские студенты стали учиться уже по американским методикам. Одновременно произошла и реабилитация традиционной медицины, которая получила официальное признание в 1951 году. Во многом это было вызвано её дешевизной, ведь врачи западной школы полагались в основном на импортные медицинские препараты, которые в те нищие времена стоили немалые деньги, а традиционные фармацевты изготавливали все свои лекарства из местного сырья, из корейских растений и животных.

Любопытно, что в наши дни традиционная медицина куда дороже западной. Вызвано это и использованием дорогостоящих натуральных лекарств, и немногочисленностью {с.228 – с.229} стью врачей (сейчас в Корее на одного традиционного доктора приходится шесть западных). Многих компонентов традиционных лекарственных препаратов в Корее больше не найти, так что их ввозят из-за рубежа, и часто – контрабандно, вопреки запретам. Печальной международной известностью, например, пользуются корейские контрабандисты, которые ведут настоящую охоту за медвежьей желчью – одним из традиционных компонентов препаратов восточной медицины. Время от времени происходят настоящие международные скандалы, вызванные сотрудничеством контрабандистов с зарубежными браконьерами, которые на заказ отстреливают редких животных. Дороговизна традиционной медицины означает и то, что к традиционным врачам сейчас чаще обращаются богатые люди, и то, что сами врачи работают в крупных городах, то есть там, где есть потенциальные клиенты, готовые платить за лечение немалые деньги. Таким образом, ситуация теперь прямо противоположна той, что существовала в колониальные времена.

С другой стороны, сама восточная медицина во многом изменилась. Сейчас в традиционных клиниках всё шире используют современное научное оборудование, лекарства изготавливают с применением современных биотехнологий, а исследования их эффективности проводят по стандартным для западной медицины методикам. Традиционной медицине теперь учат в университетах, на особых факультетах восточной медицины. На этих факультетах, которые существуют отдельно от обычных медицинских, студенты изучают не только старинные китайские и корейские медицинские трактаты, но и вполне современные предметы, вроде анатомии или органической химии. Кстати, сейчас именно традиционная медицина – самая престижная специальность в Корее, и поступить на факультет традиционной медицины труднее, чем на любой другой.

Вернёмся, однако, к организации западной медицины, которая сейчас в Корее является основной. На взгляд человека, привычного к советско-русской системе, корейская медицина обладает рядом особенностей. Начнём {с.229 – с.230} с того, что в Корее нет привычных нам по советским временам поликлиник. Почти не встречаются в Корее и известные нам из русской классической литературы частнопрактикующие врачи. Почти всё медицинское обслуживание в стране проводится в больницах. Люди просто записываются на приём к врачу больницы, точно так, как в российской поликлинике они записались бы на приём к своему участковому или специалисту. Врачи в больницах не только лечат тех, кто находится в больнице постоянно (“лежат” там), но и ведут активный приём амбулаторных больных. Больницы в Корее по большому счёту делятся на три типа: университетские (они считаются лучшими), крупные государственные или ведомственные, и малые частные. Существуют и медицинские пункты на заводах и в некоторых крупных фирмах, однако о врачах в каждой школе, как было у нас в советские времена, речи не идёт. Выпускники медицинских вузов стремятся работать в университетских больницах или, если это не получается, в крупных клиниках. Пациенты тоже, как правило, предпочитают записываться на

приём именно в крупные больницы, где и оборудование, и врачи лучше, чем в маленьких клиниках.

В 1996 г. в стране было 59.399 дипломированных врачей западной медицины, иначе говоря, один врач приходился на каждые 767 корейцев. По сравнению с колониальными временами – это огромное улучшение, но всё равно этот показатель примерно в два раза ниже, чем в большинстве развитых стран. Кроме западных врачей, в стране действовало 9.299 врачей восточной медицины и 44.577 аптекарей (которые, как мы увидим, играют в корейском здравоохранении особую роль). Медицина в Корее платная. В целом она много дешевле, чем в Америке и иных странах Запада, но надо помнить, что и система медицинского страхования в Корее развита слабо, так что платить приходится полную стоимость.

Ещё одна характерная особенность корейской системы здравоохранения, которая весьма отличает её от американской – это совершенно особая роль аптекаря. В Корее аптекарь является не столько продавцом лекарств, сколько первым консультантом, к которому человек об {с.230 – с.231} ращается в случае недомогания. Как правило, общением с аптекарем больной и ограничивается, ведь посещение врача и денег стоит, и времени отнимает немало. До недавнего времени аптекарь в Корее имел право продавать весьма сильные препараты, включая, например, антибиотики, которые в других развитых странах отпускаются исключительно по рецепту врача. Сложилась эта система ещё в пятидесятые годы, когда врачей катастрофически не хватало, и правительство решило превратить аптекарей в медицинских работников, так сказать, “по совместительству”. Впоследствии такая особая роль аптекарей стала частью корейских традиций. Эта система сейчас вызывает неудовольствие у врачей, которые очень любят порассуждать о том, насколько, дескать, рискованно доверять аптекарю. Действительно, аптекарь не проводит никакого обследования больного, и полагается только на описанные самим больным симптомы. Однако не надо забывать, что в этой дискуссии врачи – люди более чем заинтересованные, ведь сокращение прав аптекарей и расширение списка рецептурных препаратов будет означать существенное увеличение потока больных и, значит, существенный рост доходов самих врачей. Давление на аптекарей приносит первые результаты: в частности, в 2000 г. им запретили продавать без рецепта антибиотики. На мой же скромный взгляд, корейская система работает очень даже неплохо. Аптекарь-консультант вполне справляется со своими задачами в случае относительно лёгких недомоганий – простуды, гриппа, лёгкого желудочного расстройства, и при этом экономит немало денег и времени. При более серьёзных проблемах, конечно, лучше всё-таки идти к врачу. {с.231 – с.232}

Спорт в Корее

Корея, подобно любой другой стране мира, имела свои народные спортивные традиции, свои традиционные виды спорта (к которым, кстати, вопреки активно культивируемому ныне мифу, не относилось тэвондо – но это отдельная история). Однако спорт современного, то есть западного типа начал распространяться там сравнительно недавно, только в конце XIX века. Попал он в Корею из стран Запада, в первую очередь – из США. Инициатива в этом зачастую принадлежала английским и американским протестантским миссионерам. Именно они стали вводить в программу основанных ими первых школ современного типа занятия физкультурой, а также создавать разнообразные молодёжные спортивные ассоциации.

Подобно большинству горожан во всех странах мира, корейцы чаще всего предпочитают не заниматься спортом сами, а смотреть его на стадионах или, чаще, по телевизору. Поскольку решающую роль в распространении в Корее современных видов спорта сыграли американцы, то и список пристрастий корейских болельщиков в общем и целом совпадает с американским. Весьма популярен бейсбол, который появился в Корее в 1905 г., а уже в 1930-е гг. считался самой популярной в стране спортивной игрой. Впрочем, популярности бейсбола способствовали не только американцы, но и японцы, которые также являются горячими поклонниками этой, в общем-то, малоизвестной в мире игры. Любят корейцы и другую традиционно “американскую” игру – баскетбол. Из “неамериканских” видов спорта очень популярен и привычный нам, россиянам, европейский футбол, в то время как

силовой американский {с.232 – с.233} футбол в Корее по каким-то непонятным причинам так по-настоящему и не прижился.

О том, какие виды спорта пользуются наибольшей популярностью среди корейских болельщиков, свидетельствует, в частности, исследование спортивной печати и телевидения, проведённое корейскими специалистами в начале 1990-х гг. При анализе учитывалась как частота появления публикаций, посвящённых тому или иному виду спорта, так и их объём. По данным этого исследования, в печати наибольшее внимание уделялось футболу, за которым следовали бейсбол, баскетбол, волейбол и бокс. Телевидение в силу своей специфики уделяло наибольшее время гимнастике, футбол стоял на втором месте, а за ним почти в том же порядке следовали те же 4 вида спорта.

Воспоминания о старинных спортивных традициях сохранились в Корее в области боевых искусств, среди которых первенство принадлежит, конечно, тэвондо, а также стрельбе из лука и традиционной борьбе ссирым. Этими видами спорта занимаются или интересуются довольно многие, да и правительство поддерживает их как своеобразную часть корейского культурного наследия. Заметное распространение тэвондо в мире также стало для многих корейцев источником патриотической гордости, а уж его включение в программу Олимпийских Игр вызвало прямо-таки волну энтузиазма. Любопытно, однако, что ставшие официальной легендой утверждения о том, что тэвондо, дескать, является исконным национальным видом спорта, традиции которого восходят к незапамятным временам, являются заметным преувеличением. В действительности тэвондо – это сравнительно недавнее изобретение, оно появилось уже в двадцатом столетии, в результате синтеза японского каратэ и некоторых корейских боевых единоборств (интересующихся отсылаю к подробным статьям Константина Асмолова на эту тему).

Если же говорить не о коммерческом спорте, и не о болельщиках, а о тех, кто занимается спортом по-настоящему, то наибольшей популярностью в Корее пользуются, пожалуй, бейсбол и баскетбол. Популярны среди корейцев также гольф и горные лыжи. Это – дорогие виды {с.233 – с.234} спорта, заниматься которыми могут только богатые люди (или те, кто очень хочет такими казаться). Однако, как это часто бывает, именно дороговизна сделала эти два вида спорта своего рода символами престижа и для представителей корейской верхушки (равно как и их отпрысков) занятия гольфом и горными лыжами стали чуть ли не обязательными.

Гольф впервые появился в Корее в 1900 г., но на протяжении довольно долгого времени оставался спортом иностранцев. Среди корейцев гольф стал распространяться с 1924 г. Гольф – это очень дорогое удовольствие. Полный комплект снаряжения для этой игры стоит примерно два миллиона вон, то есть больше месячной зарплаты обычного сеульского служащего. К этому следует добавить и немалую плату за пользование полем, которая в будние дни в окрестностях Сеула составляет 50-60 тыс. вон (в воскресенье она заметно выше), а также целый ряд других расходов, которые приходится нести игроку. Матчи в гольф по воскресеньям – это обычное времяпрепровождение корейской правящей элиты, на этих матчах сплошь и рядом проводятся откровенные неформальные беседы, принимаются важные экономические или политические решения. Не случайно, что когда в 1993 г. президент Ким Ён Сам развернул кампанию против коррупции, он специальным решением запретил государственным служащим играть в гольф. Таким образом было ограничено их общение с представителями бизнеса. В 1995 г. в Корее действовало 96 полей для гольфа, а игрой этой занимались около 1,6 млн. человек. Среди бизнесменов или, скажем, юристов умение играть в гольф является почти обязательным.

Кроме “настоящих” полей для гольфа, в Корее, как и в Японии, получили большое распространение тренировочные комплексы, которые представляют из себя небольшие площадки, со всех сторон, в том числе и сверху, обтянутые провололочной сеткой, которая почему-то по традиции всегда бывает зелёного цвета. Внутри этих провололочных сооружений, попадающихся в крупных городах чуть ли не на каждом шагу, любители гольфа могут вдоволь потренироваться. Плата там весьма скромная, да и вре {с.234 – с.235} мя тратить на поездку за город не приходится. Ещё большей популярностью пользуются, пожалуй, похожие

стенды, предназначенные для любителей бейсбола. Они много меньше по размеру и часто располагаются поблизости от вузов и иных мест, где часто бывает молодёжь.

Горные лыжи – это несколько более демократический, но всё равно очень недешёвый вид спорта. Поскольку зимы в Корее холодные, но почти бесснежные, практически все горнолыжные курорты сосредоточены на восточном побережье страны, в горах Сораксан, где зимой выпадает до полутора метров снега. Для людей поскромнее существует такое демократическое увлечение как рыбная ловля. Посидеть с удочкой в свободные дни любят если и не большинство корейских мужчин, то, во всяком случае, их заметная часть (кстати сказать, и женщины зачастую равнодушны к этому виду отдыха). В корейских городах часто попадаются магазины рыболовных принадлежностей, для любителей большими тиражами издаются многочисленные журналы и даже газета. Ловят рыбу и с берега, и с лодок, и в море, и в озерах, и в мелких, но быстрых корейских реках, и на водохранилищах. А вот охота в Корее особой популярностью не пользуется. Это, по-видимому, связано с отсутствием в стране крупных животных. Времена, когда тигры появлялись в пригородах Сеула, давно уже стали легендой, и в густонаселённой Южной Корее почти не осталось крупных диких зверей. Поэтому охотникам остаётся только птица, но и на неё охота строго ограничивается.

Любители поддерживать себя в форме предпочитают либо заниматься бегом, либо ходить в бассейн. Сравнительно небольших (25-метровых) и сравнительно недорогих бассейнов в Корее многие тысячи, они есть практически в каждом микрорайоне. Другое массовое увлечение – это походы в горы. По корейским данным, систематически горные прогулки совершает примерно 5 миллионов корейцев. Это, конечно, не альпинизм в строгом смысле слова, а именно прогулки по горам. Во многом они заменяют тот самый “бег трусцой”, который так популярен в странах Запада. В Корее бегом заниматься сложнее: не {с.235 – с.236} очень-то приятно бегать по забитым людьми тротуарам в загазованном воздухе Сеула. Поэтому заряд бодрости многие корейцы получают именно в горах. Там и вид замечательный, и воздух чистый, и физическая нагрузка немаленькая.

Ещё одним увлечением, которое, пусть и с оговорками, но тоже можно считать видом спорта, в Корее стал бильярд, попавший туда из Америки в начале нашего столетия. Распространение бильярда, как и многих других западных новинок, началось с “высочайшего увлечения” – в 1915 г. два бильярдных стола установили во дворце Чхандоккун, где жил отстранённый японцами от реальной власти, но внешне окружённый подобающим почётом бывший корейский король Сунчжон. Сейчас характерную вывеску бильярдной – 2 красных и 2 чёрных круга (иногда с перекрещенными киями под ними) можно увидеть на каждом шагу. В целом же в Корее количество людей, систематически играющих в бильярд, перевалило за 6 миллионов.

Близким к бильярду по характеру и тоже очень популярным в Корее увлечением стал кегельбан, залы для которого оборудованы во всех городах и даже крупных посёлках, но, в отличие от бильярда, в кегельбан играют не только и даже не столько мужчины, сколько женщины. Кегельбан в Корее воспринимается вполне всерьёз, чемпионаты по этому виду спорта широко освещаются телевидением и прессой (относится это, хотя и в несколько меньшей степени, и к бильярду). Огромную, метра в два высотой, кеглю, которая традиционно служит рекламой-вывеской зала для кегельбана, можно увидеть повсюду. В настоящее время кегельбаном систематически занимается около 2 миллионов человек, площадки для него встречаются повсюду, и трудно представить, что проникновение этой игры в Корею началось совсем недавно. Первый кегельбан был открыт в 1967 г. в фешенебельной международной гостинице “Волкер Хилл” и предназначался для иностранцев. Однако в семидесятые годы началось повальное увлечение этой своеобразной игрой, которая буквально за несколько лет стала одной из самых массовых в стране. {с.236 – с.237}

Культура иерархии

Как и большинство государств Восточной Азии, Корея – это страна всепроникающей иерархии. Жёсткая иерархия пронизывает всё корейское общество, она определяет как личные, так и служебные отношения любого корейца. Каждый сверчок очень хорошо знает здесь свой шесток. Приехавшему из Европы, Америки или России иностранцу бросается в глаза то, насколько царящий в корейских фирмах стиль отношений отличается от стиля, принятого на Западе. На Западе открытая демонстрация служебной иерархии зачастую воспринимается как нечто неприличное, начальство и подчинённые внешне держатся или уж, по крайней мере, стараются держаться как равные. В Корее это немыслимо, и поясные поклоны, отвешиваемые начальнику по поводу или без повода – это нормальное поведение корейского служащего.

В конфуцианской традиции общество, государство, а позднее – и частная фирма всегда отождествлялись с патриархальной семьёй, равенства в которой не могло существовать просто по определению: отец был старше матери, родители – старше сыновей, сыновья – старше сестер. Не случайно, что ни в корейском, ни в китайском языке просто не существует понятий “брат вообще” или “сестра вообще”: и брат, и сестра могут быть только либо старшими, либо младшими. Представление о том, что общество представляет из себя строго иерархизированную пирамиду, в которой в принципе не может быть двух человек, совершенно равных по своему социальному статусу, сохраняется на Дальнем Востоке и поныне. Эссеист Ли Кю-тхэ, который в современной Корее заслуженно считается ве {с.237 – с.238} душим авторитетом в вопросах национального характера, как-то заметил: “Иерархичность – способ существования корейца, а выход из иерархической структуры равносителен выходу из корейского общества”.

Исходя из своего личного опыта, я не могу не согласиться и с другим замечанием Ли Кю-тхэ: “Когда два корейца встречаются друг с другом, то первое, что они хотят знать, это то, к какой [иерархической] лестнице принадлежит собеседник, и какое на ней он занимает место”. Именно с этим, в частности, связано необычайное пристрастие корейцев к визитным карточкам. Ведь визитка – это самый простой и надёжный способ понять, с кем ты имеешь дело, она отражает и то, к какой иерархической лестнице относится человек (служащий ли он, предприниматель ли, чиновник ли, преподаватель ли), и то, какое место на этой лестнице он занимает. Первое, что хотят уяснить два незнакомых корейца, впервые встретившись друг с другом – это то, кто же из них, собственно, является старшим (не по возрасту, но по общественному положению). Поэтому при первой встрече корейцы всегда задают друг другу серию стандартных вопросов, некоторые из которых кажутся чужеземцам весьма странными и слишком личными (сами корейцы, разумеется, воспринимают их совершенно нормально). Принято спрашивать о возрасте, семейном положении, месте работы и должности, а также, в некоторых случаях, о месте рождения и об оконченном учебном заведении. Вся эта информация нужна корейцу в первую очередь для того, чтобы установить социальные координаты своего нового знакомого и, соответственно, понять, как же следует с ним себя вести. Для корейца вполне очевидно, что, скажем, женатый человек находится на иерархической лестнице чуть повыше холостяка, а выпускник сеульского университета – заметно выше выпускника провинциального вуза.

Мне в аспирантские годы приходилось много работать гидом-переводчиком с корейскими туристическими группами. Состояли они, разумеется, из случайно подобранных людей, но при этом в группе быстро возникала своя иерархия. Порою этот процесс происходил буквально на {с.238 – с.239} глазах, и к концу первого же дня всем уже было ясно, “кто есть кто”. Иерархия выстраивалась в соответствии с возрастом, образованием, местом работы и служебным положением. В группе быстро выделялся общепризнанный лидер и несколько человек, которые образовывали своего рода “совет старейшин”.

В руководствах для молодых служащих, которые в изобилии появляются на полках корейских книжных магазинов, подробно объясняется, как следует выражать своё почтительное отношение к тем, кто находится выше тебя на общественной лестнице. Авторы таких пособий делят всех сослуживцев на три категории: во-первых, сослуживцы,

находящиеся примерно на том же иерархическом уровне, во-вторых, всяческое “начальство”, и, в-третьих, “сонбэ” старшие коллеги, которые формально не являются, однако, прямыми начальниками. Уже по отношению к старшим коллегам следует проявлять всяческое уважение. Одно из пособий, предназначенное для молодых конторских барышень, прямо советует им: “Не умничай перед сонбэ!”. В случае же с прямым начальником его высокий статус надо подчёркивать постоянно и всеми доступными способами.

Непонимание всех этих ритуалов – едва ли не основная причина служебных конфликтов для работающих в Корее иностранцев. В лучшем случае они просто не понимают местных правил игры, а в худшем – забывают древнюю (и очень любимую корейцами) поговорку “В Риме делай так, как делают римляне”, и пытаются перестроить свои отношения с коллегами и начальством на основании “принципов демократии” – в собственном понимании. Понятно, что последствия подобных перестроечных экспериментов обычно оказываются печальными, в первую очередь – для самого экспериментатора.

Влияние, которое оказывает иерархичность на жизнь современного корейского общества, нельзя оценить совсем уж однозначно. С одной стороны, нравится это или нет, но именно иерархичность и конформизм во многом способствовали корейскому “экономическому чуду”. Дисциплинированность рабочей силы, готовность корейцев {с.239 – с.240} без ропота сносить лишения и без пререканий исполнять приказы стали одним из факторов, который обеспечил и политическую стабильность, и высокую производственную дисциплину. Без стабильности и дисциплины был бы невозможен успех в тот период, когда развитие страны зависело от копирования зарубежных технологий. С другой стороны, излишняя иерархизированность становится в последнее время серьёзной проблемой, ибо она во многом сковывает творческое мышление. Сами же корейские социологи часто высказывают мнение, что в Корее, например, невозможны настоящие научные дискуссии. Причина этого проста: из-за присутствия на семинарах учителей и учеников, начальников и подчинённых, никто не решается спорить с мнением, высказанным учителем или старшим коллегой, даже если это мнение – явно ошибочно.

Говорить о тех факторах, которые в современном корейском обществе определяют положение человека на иерархической лестнице – значит говорить о корейском обществе в целом, о всей существующей в нём системе ценностей. Первым критерием, безусловно, является возраст: чем человек старше, тем большим уважением он пользуется. Вторым, столь же традиционным, критерием остаётся половая принадлежность: женщина по определению ниже мужчины, хотя жена до некоторой степени разделяет статус своего мужа. Третьим фактором, который принимается в расчёт, является уровень образования и престижность диплома (в Корее она определяется не специальностью, а исключительно престижностью университета), а четвёртым, наиболее интересным и одновременно трудным для описания – род занятий и служебное положение. Несмотря на сложность и неоднозначность критериев, по которым корейцы определяют социальный статус своего знакомого или партнёра, на практике оценка эта происходит очень быстро и бывает весьма определённой.

Иерархия во многом поддерживается даже самим корейским языком, его грамматикой. Одной из характерных особенностей корейского языка является наличие так называемых “степеней вежливости” – особых глагольных {с.240 – с.241} грамматических форм, которые в обязательном порядке употребляются в конце каждого предложения и сигнализируют, на какой ступени общественной лестницы, по мнению говорящего, находится и он сам, и его собеседник. В определённой степени эта система напоминает русское разграничение “Вы/ты”, однако, во-первых, она имеет не две, а четыре или даже пять ступеней и, во-вторых, носит куда менее факультативный характер: в речи корейца практически любая фраза, вне зависимости от её содержания, просто в силу неизбежно используемых грамматических форм, не только показывает, кто из беседующих занимает более высокое положение на иерархической лестнице, но даже, во многих случаях, примерно обозначает социальную дистанцию между ними (степеней вежливости четыре или пять!).

Следует отметить и специфическую для корейцев, занимающих высокое положение в иерархии, манеру говорить и держать себя. Традиционно в Корее считалось, что уважающий себя человек должен быть немногословен, и эти представления сохранились и до нашего времени. В особой степени это относится к тем, кто занимает высокие места на иерархической лестнице. Настоящий начальник и вообще “большой человек” в идеале говорит мало, тихим и несколько монотонным голосом, двигается неспешно и солидно. Склонность к многословию, привычку открыто выражать своё мнение и демонстрировать окружающим свои эмоции корейцы воспринимают как признак несерьёзности, легкомыслия. Старая традиция требовала, чтобы человек, и в особенности – представитель конфуцианской элиты, был внешне абсолютно бесстрастен, чтобы его лицо было “подобно дереву или камню”.

Эта культурная особенность при отношениях с европейцами сплошь и рядом ведёт к неприятным коллизиям. С одной стороны, многие европейцы (равно как и русские или американцы) из-за свойственной им общительности воспринимаются как люди “легковесные” и “несерьёзные” и, вследствие этого, не слишком достойные доверия. С другой, обычные для образованного и высокопоставленного корейца старой закалки немногословие и подчёркнуто отсутствие эмоций (точнее, их внешнего выражения, ибо по сути корейцы – очень эмоциональный народ) зачастую вызывает у европейцев подозрения в “восточном коварстве” и, соответственно, инстинктивное недоверие.

Для большинства корейцев их общественный престиж не менее важен, чем материальное благосостояние, и порою для того, чтобы повысить свой общественный статус, они идут на весьма большие финансовые жертвы. Для дальневосточного массового сознания, в отличие от, например, американского, понятия “высокооплачиваемая работа” и “престижная работа” – не синонимы. Престижность и прибыльность той или иной деятельности образуют сложный комплекс, который и определяет степень её привлекательности. {с.242 – с.243}

Монахи

На улицах современного корейского города часто можно встретить странные и экзотические на российский взгляд фигуры – мужчин или женщин с выбритыми наголо головами, в серых или коричневых одеяниях, которые больше напоминают индийские, чем корейские, часто – с крупными деревянными чётками. Это – буддийские монахи, хранители и продолжатели одной из древнейших корейских духовных традиций, в последнее время, впрочем, постепенно отступающей под напором христианства. Люди эти кажутся выходцами из далёкого прошлого, но нет-нет, да и увидишь неожиданную на наш взгляд сцену – монахиня за рулём шикарного лимузина или монах с... наушниками плэйера. На первый взгляд странно, а иной раз и подумаешь, а, может, сила религии как раз в том, что она может приспособиться к любому окружению, к любой эпохе?

Буддизм, который проник в Корею в IV веке нашей эры, с давнего времени был религией монахов и монастырей. По представлениям первоначального буддизма (школы хиньяны) только монахи могли достигнуть спасения. Впоследствии от этого положения отказались, но особая роль монахов по-прежнему характерна для буддизма.

И в наши дни жива традиция корейских монастырей. К сожалению, последние данные о численности монахов, которые я нашёл, относятся к концу восьмидесятых годов. Тогда в Корее было 22 тысячи буддийских монахов: 14 тысяч мужчин и 8 тысяч женщин. В современном корейском буддизме монахи разделяются на пять категорий, в зависимости от тяжести принятых ими обетов. Монахи высшей {с.243 – с.244} ступени должны соблюдать ни много ни мало 250 различных обетов.

Как становятся в Корее буддийскими монахами? Сначала человек, желающий стать монахом, должен провести в монастыре не менее года в качестве послушника. Послушник выполняет тяжёлую и грязную работу (убирает, моет, готовит), а также изучает каноны – огромное буддийское Священное писание и размышляет о том, готов ли он к принятию монашеских обетов. Впрочем, даже в послушники возьмут не любого. Кандидат в монахи

должен быть физически крепок, он должен расплатиться со всеми долгами, а в том случае, если ему нет ещё 20 лет, то и получить официальное согласие родителей на уход в монастырь. Вдобавок, о будущем послушнике наведут справки, узнают, не пьяница ли он, ни азартный ли игрок (обоим этим категориям в монахи путь заказан).

Если послушник провёл в монастыре один год, и всё это время вёл себя достойно, то ему разрешается принять монашество. Сначала он принимает самый простой, с минимальным количеством ограничений, обет, но потом, если он готов к этому, то может наложить на себя и более строгие обеты.

Но даже и у монаха со сравнительно небольшим количеством обетов жизнь непростая. Во-первых, буддийский монах должен быть беден. Когда буддийское монашество только зарождалось, примерно два тысячелетия назад, монахам вообще полагалось жить одной только милостыней, поданной им добрыми людьми. К тому времени, когда буддизм проник в Корею, а случилось это в конце IV века, былые запреты были уже несколько смягчены, и монахи стали жить не только на милостыню, но и за счёт трудов рук своих, работая на монастырских огородах. Впрочем, и поныне монахи собирают пожертвования на свои монастыри, что рассматривается как вид сбора милостыни. На сеульских улицах и сейчас нередко можно увидеть стоящего на коленях монаха с деревянной колотушкой – так проходит сбор пожертвований. Монахам категорически запрещено заниматься какой-либо торговлей и бизнесом. Имущество монаха должно быть очень скромным: 3 ком {с.244 – с.245} плекта одежды, чашка для милостыни, ножик и палочки для еды – и это всё. Кроме обета бедности, есть немало и других. Монах должен рано вставать, скромно питаться (во многих случаях он не может ничего есть от полудня до следующего рассвета), беспрестанно молиться, избегать приносить вред любым живым существам (включая даже муравьёв), не потреблять в пищу мяса.

А вот с обетом безбрачия и целомудрия дело обстоит сложнее. Буддизм состоит из нескольких направлений обычно именуемых у нас “сектами”. Это, пожалуй, не совсем точно: в отличие от постоянно и шумно конкурирующих между собой направлений христианства, буддистские “секты” взаимно признают друг друга и не считают сторонников других направлений еретиками и отступниками. Так вот, в некоторых из направлений буддизма монахам разрешено иметь жён, которые, однако, живут за пределами монастырей. Особое распространение эта странноватая для нас практика получила в колониальные времена, под японским влиянием.

Корейские монастыри в основном расположены в горах, в заросших лесом уединённых горных ущельях. День начинается там рано, около четырёх утра, с утренней молитвы, и заканчивается вскоре после захода солнца. В некоторых монастырях часто появляются туристы, но в большинстве случаев там нет никого, только монахи – и скалы, поросшие соснами... {с.245 – с.246}

Сочиненье снова

Среди многих особенностей нынешнего поколения корейских тридцатилетних есть и такая: корейцы 1955-1965 годов рождения – это первое поколение, образованием которого родители стали заниматься всерьёз. До конца шестидесятых дети в Корее росли как трава. Единственный вопрос, который волновал тогда большинство семей – как бы прокормить своих отпрысков, ведь времена стояли голодные. Об образовании деда нынешних сорокалетних в своём большинстве не думали: оно было попросту недоступно для подавляющего большинства. Статистика говорит, что в 1945 году в Корее только 23% мужчин и 5% женщин имели какое-либо формальное образование (в большинстве случаев – несколько классов начальной школы). Конечно, в семьях побогаче об образовании заботились всегда, на такие семьи составляли меньшинство.

Воспитанием детей корейцы стали заниматься только в конце шестидесятых, зато уж как начали, так – на полную катушку! Постоянные российские жалобы на перегрузку детей в школе могут вызвать у человека, знакомого с корейскими реалиями, только саркастическую

улыбку. По данным социологических исследований, корейская семья тратит на образование детей примерно пятую часть всего своего дохода, а 8,7% залезают в долги, чтобы заплатить за учёбу детей. При том, что само школьное образование – практически бесплатно, почти все эти деньги уходят на разнообразные внешкольные занятия, которые по-корейски именуются “кваве”.

Учить детей в Корее начинают с очень раннего возраста. Сейчас, например, очень модно раннее обучение чте {с.246 – с.247} нию. В данном случае “раннее” – это с 2-3 лет! Кроме того, многих дошкольников учат музыке, рисованию и счёту. Эти уроки стоят не очень дорого. Дело в том, что в роли учителей обычно выступают тётушки средних лет, с высшим (часто – педагогическим) образованием, но без постоянной работы. Как известно, Корея – это страна домохозяйек. Замужние женщины в Корее, как правило, не работают, а только подрабатывают. Уроки чтения или рисования для дошкольников стали источником приработка для многих неработающих женщин. Конкуренция велика, и цены, следовательно, низки (хотя некоторые тётушки умудряются давать по 5-7 уроков ежедневно и зарабатывают, таким образом, совсем даже неплохие деньги).

Вообще, неуёмное желание корейских родителей впихнуть в своих отпрысков максимум полезной информации привело к тому, что в Корее возникла целая индустрия образования для дошкольников. Очень много развивающих игр для маленьких и самых маленьких. В магазинах продаётся великое множество разноцветных популярных книжек, можно купить там и “образовательные игры” (например, головоломку в виде карты Кореи), и даже записанные на кассетах образовательные детские песенки (таблица умножения в виде песенки или корейский алфавит – тоже в виде песенки).

Когда ребёнок отправляется в первый класс средней школы (в школе корейцы учатся 12 лет), нагрузка на него существенно возрастает. Главная забота родителей – успеваемость. В корейской школе регулярно составляются рейтинги учащихся, и очень важно оказаться в этом рейтинге как можно выше, ведь впереди – поступление в университет. Поэтому корейские дети и отправляются (почти поголовно) на разнообразные курсы – “хаквоны”. В 2000 году среднестатистическая семья ежегодно тратила по 1800 долларов на внеклассные занятия каждого старшеклассника, и это не удивительно: в современной Корее трудно найти подростка, который бы не занимался в том или ином “хаквоне”. Большинству находящихся в Корее иностранцев эти заведения известны как своего рода курсы иностранных языков, однако это – лишь одна из их мно {с.247 – с.248} гих разновидностей. Куда больше “хаквонов” занимается натаскиванием учеников по предметам школьной программы. Кроме того, многие “хаквоны” занимаются тем, что у нас именуют “общим развитием”. Корейские родители, как и наши родители советских времен, преодолевая отягченное сопротивление своих чад, направляют их на бесчисленное количество всяческих общеобразовательных курсов. Сейчас особой популярностью пользуется музыка, балет, рисование и тесно с ним связанная традиционная каллиграфия, а также, конечно, английский язык. Любопытно, что в спортивных секциях корейские подростки занимаются сравнительно редко, хотя в целом корейцы – народ очень спортивный.

Ситуация меняется, когда приближается время вступительных экзаменов. Корейское общество устроено таким образом, что без университетского диплома у человека нет никаких шансов получить сколь-либо приличную работу, а дорога к самым серьёзным постам открыта только выпускникам десятка лучших университетов страны. Экзамены – жёсткие, но на удивление “чистые”. Коррупции в этой сфере практически нет, всё решают знания ученика (почему коррупции нет – разговор отдельный). Поэтому последние 3-4 школьных года в жизни корейского старшеклассника превращаются в пресловутый “Экзаменационный ад”, когда среднестатистический подросток проводит 11 часов в день в школе и в “хаквонах”, а кроме этого, занимается с репетиторами. Всяческие “общеобразовательные” развлечения откладываются на послеэкзаменационное будущее, времени на балет с каллиграфией у старшеклассника просто нет.

Для российских читателей разъясню, что занятия с репетитором вовсе не являются, как в нынешней России, замаскированной взяткой: преподавателям вузов работать

репетиторами нельзя, и запрет этот соблюдается строго: корейские профессора получают огромные зарплаты, окружены всеобщим уважением и рисковать этим совсем не хотят. Репетиторство в Корее, как и в дореволюционной России, остаётся занятием студентов и аспирантов. Тем не менее, корейское правительство относится к репетиторству крайне неодобрительно, считая, что таким образом нарушается принцип равного доступа к образованию (ведь богатые семьи могут нанять лучших репетиторов и, таким образом, увеличить шансы своих детей на поступление). Поэтому в начале 1980-х годов корейские власти попытались запретить репетиторство, но все их усилия кончились неудачей. Слишком уж важную роль в Корее играет университетский диплом, и слишком уж трудно поймать за руку студента-репетитора.

Как относиться к корейскому образовательному фанатизму? Думаю, что в целом – это явление позитивное. Несмотря на всяческие “перегибы”, оно приводит к тому, что Корея становится страной всё более образованной, а в современном мире это – залог могущества и процветания. {с.249 – с.250}

Странники по потустороннему миру

Некоторые жители Кореи сделали профессиональное общение со всякими потусторонними силами источником своего существования. Есть такие люди не только в “Стране Утренней Свежести”. Сейчас в России многие тоже обращаются к недешёвым услугам колдунов, знахарей, белых, чёрных и непонятно какого ещё цвета магов, “специалистов” (если слово “специалист” здесь применимо) по снятию порчи и тому подобных деятелей. Для высоколобых и публики поизысканнее есть в России толпы экстрасенсов, всяческих последователей Кастанеды и К°.

Однако не будем отвлекаться, речь ведь не о России, а о Корее. По большому счёту назвать корейцев суеверными никак нельзя. Здесь, наверное, сыграли свою роль три фактора. Во-первых, Корея сейчас в целом – весьма образованная страна. Не то, чтобы образование совсем исключает веру в мистику и нечистую силу, но, во всяком случае, оно этой вере явно не способствует. Во-вторых, Корея – это христианская страна, а серьёзное христианство (о чём забывают в России) несовместимо с суевериями. В-третьих, Корея – благополучная и стабильная страна, а волны интереса ко всякой чертовщине всегда сопровождают социальные кризисы. И тем не менее, кое-какие суеверия существуют и в Корее, а это значит, что есть и люди, которые сделали их своей профессией.

Роль российских колдунов и экстрасенсов в Корее уже несколько тысячелетий успешно выполняют шаманки. Шаманизм с давнего времени был, наряду с буддизмом и конфуцианством, одной из трёх главных религиозных систем Кореи. Надо сказать, что словом “шаманизм” обозначается не какая-либо чёткая религиозная система, а совокупность представлений о злых и добрых духах, которые могут оказывать человеку помощь, а могут, наоборот, разозлиться и устраивать всякие пакости. Шаман, как считалось, был в состоянии добиться расположения духов, теми или иными способами их умилостивить или запугать. Подавляющее большинство шаманок в Корее было женщинами, и эта ситуация сохраняется до сих пор. До появления в Корее современной медицины шаманки (их называли “мудан”) занимались врачеванием, изгоняли злых духов из домов, совершали обряды, которые должны были обеспечить урожай или предотвратить засуху. Корейский шаманский обряд (он именуется “кут”) включал в себя и танец, и ритуальное пение, причём многие каноны были предписаны традициями, так что корейская шаманка не могла камлать совсем уж по своему разумению.

Шаманские обряды сохранились и в наши дни. Ещё недавно, лет двадцать назад, корейцы, особенно образованные, стыдились шаманок. Шаманизм воспринимался как (позволю себе воспользоваться словечком из старого советского жаргона) “пережиток прошлого”, и корейцы его попросту стеснялись. Однако в последнее время отношение к шаманизму резко изменилось. Причина, по-моему, проста: корейцы стали куда увереннее в себе и для этого у них, надо признать, есть основания. Поэтому сейчас шаманизм всё чаще рассматривают как важный и даже чуть ли не основной элемент традиционной корейской

культуры, а представители местной левой интеллигенции сейчас даже заявляют, что он, дескать, является “отражением протеста угнетённых классов” – так сказать, “формой классовой борьбы” (полагаю, что Суслов бы в гробу перевернулся от такого откровения!).

Получил шаманизм и официальное признание. Наиболее знаменитым шаманкам сейчас даже присваивают почётное звание “человек – национальное достояние”, которого в Корее удостоиваются лучшие мастера традиционных искусств и ремесел. Разумеется, титул присваивается не на основании того, насколько эффективно та или иная шаманка изгоняет злобных духов и насколько хоро {с.251 – с.252}шо договаривается с духами добрыми – дело это тёмное и никому, кроме самих духов, неведомое. При присвоении официального титула учитывается мастерство в исполнении традиционных ритуальных песен и танцев, которые всегда были в Корее важной частью шаманского обряда. Появились сейчас и театрализованные обряды. Время от времени шаманка может устраивать и показательное камлание, на которое могут посмотреть все желающие.

Однако и в наши дни многие корейцы продолжают обращаться к помощи шаманок. Любопытно, что, как показало недавнее исследование американских этнографов, шаманок чаще всего сейчас приглашают мелкие предприниматели, которые просят у духов, чтобы те оказали покровительство их бизнесу или, скажем, повлияли на величину банковских ставок. Часто обращаются к шаманкам и родители абитуриентов, ведь удача при поступлении в университет в Корее является важным условием жизненной удачи вообще. Родители надеются, что шаманка заставит духов помочь их сыну, скажем, лучше сдать экзамен по математике или органической химии. Насколько хорошо духи разбираются в интегралах – достоверно неизвестно, но ущерб семейному бюджету подобные мероприятия наносят ощутимый. Услуги шаманок в наши дни обходятся недёшево – обычно один сеанс общения с духами стоит несколько тысяч долларов, причём львиная доля этих денег уходит в качестве гонорара шаманке, а остальное тратится на необходимый для такого случая реквизит и, так сказать, “расходные материалы”. Понятно, что шаманки не бедствуют – как, впрочем, и их коллеги, российские экстрасенсы...

Есть в Корее и ещё одна группа людей, которые сделали своей профессией общение с потусторонним миром – гадатели. Их, надо сказать, немало. Это и понятно: недаром ведь Пугачёва распевала “Ну что сказать, Ну что сказать, Устроены так люди, Желают знать, Желают знать, Желают знать, что будет!” Действительно, свойственное человеку стремление узнать, что ждёт его в будущем, всегда и везде заставляло его обращаться к гадателям. В одних местах о будущем судили по кофейной гуще, в других – по картам, в третьих – по трещинам на брошенном в огонь панцире черепахи. {с.252 – с.253}

Гадание в Корее, как и на всём Дальнем Востоке – это древнее и уважаемое ремесло. Зародилось классическое гадание в незапамятные времена в Китае. Между прочим, подавляющее большинство дошедших до нас древнейших китайских надписей – это так называемые “гадательные тексты”, которые фиксировали вопросы гадателей к духам. Примерно две с половиной тысячи лет назад в Китае был составлен и трактат по гадательному искусству – “Ицзин” (“Книга перемен”), который и поныне остаётся основой дальневосточного гадания. Его впоследствии даже включили в текст конфуцианского канона.

В Корею традиции китайского гадания попали в незапамятные времена. На протяжении тысячелетий к мнению гадателей прислушивались монархи, полководцы, сановники. Сейчас, конечно, их уже не воспринимают настолько всерьёз, как раньше, но, тем не менее, традиция гадания жива.

И сейчас в людных местах часто можно увидеть гадателя с его книгами. В отличие от шаманов, которые в Корее в своём большинстве являются женщинами, среди гадателей безусловно и полностью преобладают мужчины, в основном – пожилые (написал я “в основном” – и задумался: а видел ли я вообще хоть раз гадателя моложе 40? – а пожалуй, что и нет). Иногда, хотя и редко, можно увидеть даже гадателя в традиционной одежде, но обычно они всё-таки одеты уже по-европейски, в костюме с сорочкой и галстуком. Часто гадатель раскладывает прямо на земле специальную толстую подстилку, и усаживается на

ней, разложив перед собой потрёпанные гадательные книги. Иногда гадалки устанавливают лёгкую переносную палатку. У некоторых из них – тех, что посolidнее – есть свои приёмные, а пару раз я видел даже авто-гадалку, который устроил собственную передвижную приёмную в небольшом автобусе. Этот микроавтобус даёт возможность его владельцу выбирать для работы места, где в данный момент больше всего клиентов – например, возле станций метро в вечерние часы пик. Впрочем, богатых гадалок не так много – в большинстве случаев их заработки, в отличие от огромных гонораров шаманок, не слишком уж велики. {с.253 – с.254}

Как же гадают в Корее? Способов гадания очень много (не зря же об этом написаны такие основательные книги!), но, по моему субъективному впечатлению, самым популярным сейчас является гадание по датам рождения, а также гадание по лицу и гадание по руке. Сразу оговорюсь, что корейское гадание по руке не имеет почти ничего общего с европейским – одни и те же вещи толкуются совершенно по-разному.

Интереснее гадание по датам рождения (даты эти, разумеется, определяются по традиционному лунному, а не современному, солнечному календарю). Корейцы верили, что год, день и даже час рождения во многом определяет характер человека и его будущее. Особую роль это поверье играло при заключении браков. В старину свадьбе всегда предшествовал визит к гадалке, который должен был определить совместимость будущих супругов и перспективы их семейной жизни. И в наши дни кое-кто придерживается этой традиции. Большинство, конечно, не принимают её всерьёз, однако... как знать, как знать... Ведь по вечерам в палатках гадалок часто можно увидеть влюблённые пары, и, я думаю, не случайно многие из гадалок и сейчас вывешивают над входом в свои палатки и приёмные рекламное объявление “Здесь можно определить, насколько Вы подходите друг другу!” Впрочем, вид у пар после посещения гадалок обычно вполне жизнерадостный, так что я подозреваю, что в подобных случаях знатоки будущего немного грешат против того, что написано в их книгах, и предпочитают давать хорошие прогнозы. В конце концов, выручка от этого только повышается. Разумеется, определяют гадалки не только брачную совместимость, но и шансы на деловой успех, на удачную сдачу вступительных экзаменов, на многое другое.

Любопытно, кстати, что сейчас гаданию можно обучиться довольно легко – на полках корейских магазинов лежит великое множество пособий и самоучителей по традиционному гаданию. Появились, кстати, и гадальные автоматы. Эти устройства выдают желающим прогноз их будущего, который компьютер рассчитал на основании древнекитайских гадательных канонических текстов. Такой вот, как любят выражаться этнографы, “синтез традиций и инноваций”... {с.254 – с.255}

Корейцы и книги

К сожалению, надо признать: современный русский читатель почти ничего не знает о южнокорейской литературе. Это во многом является результатом тех запретов, которые на протяжении многих десятилетий существовали в СССР на любые, даже самые, казалось бы, безобидные контакты с Южной Кореей. Я до сих пор помню, какой скандал учинила некая дама из руководства библиотеки Ленинградского Университета, когда в середине 1980- гг. мы предложили заказать несколько южнокорейских изданий. “Такой страны не существует!” – сурово заявила она. Впрочем, такова тогда была и официальная советская позиция. Поэтому ни о каких переводах южнокорейских книг до 1990 г. речи быть не могло, а изредка появлявшиеся переводы северокорейских авторов, по-моему, не могли осилить даже специалисты. По сравнению даже с лучшими из них, приснопамятный Бабаевский (тот, который “Кавалер Золотой Звезды”) – просто мастер жёсткого реализма и занимательного сюжета.

Между тем, Южная Корея – это читающая нация, а южнокорейские писатели создали в последние десятилетия весьма интересную литературу. Однако сегодня я не буду рассказывать о современной корейской литературе, её особенностях и проблемах. Я в этом и сам не очень-то компетентен, и могу лишь надеяться, что этот пробел в представлении

россиян о Южной Корее будет рано или поздно восполнен моими коллегами. Наша тема другая – не корейская литература или книжное дело сами по себе, а та роль, которую книги (как художественные, так и иные) играют в повседневной жизни корейцев. {с.255 – с.256}

Хотя я и начал главу с утверждения о том, что корейцы – это “читающая нация”, статистика говорит, что по количеству прочитанных книг корейцы уступают жителям некоторых других развитых стран. Я, однако, не собираюсь отказываться от своих слов. Дело в том, что, хотя в стране есть социальные группы, представители которых не мыслят себе жизни без книги, далеко не все корейцы много читают. Статистику, в первую очередь, “портят” представители сильного пола в возрасте от 25 до 55 лет, то есть работающие корейцы. Действительно, работающий корейский мужчина читает очень мало, если читает вообще, и было бы странно, если бы дела обстояли иначе: проведя 8-11 часов на работе а потом ещё 1-2 часа в многолюдном метро или в машине, которая с черепашьей скоростью пробирается через бесчисленные пробки, человек едва ли возьмёт в руки книгу. В лучшем случае он ограничится телевизором и газетой, а скорее всего, перекинувшись парой слов с женой и детьми, просто ляжет спать.

Читающую аудиторию составляет та часть населения страны, у которой, с одной стороны, есть образование и вкус к чтению, а с другой – досуг, необходимый для этого занятия. К таким людям относятся, в частности, студенты (школьники слишком заняты – они изо всех сил готовятся к вступительным экзаменам), учителя и преподаватели вузов, домохозяйки и, отчасти, работающие молодые женщины, на которых в их офисах лежит куда меньше нагрузки и ответственности, чем на их сослуживцах-мужчинах. Преобладание женщин среди корейской читающей публики очевидно (один из местных критиков как-то заявил, что доля женщин среди читателей прозы в Корее составляет 80%).

Определённое представление о том, какие книги выходят в Корее, можно составить из таблицы.

Издание книг в Южной Корее (1996 г.)

Тематика	Количество названий	Суммарный тираж (тыс. экз)
Издания общего характера	359	874.000
Философия	722	3.442.000 {с.256 – с.257}
Религия	1.718	4.922.000
Общественные науки	3.856	3.633.000
Естественные науки	387	597.000
Техника	3.373	4.648.000
Искусство	1.094	2.388.000
Языкознание	1.577	6.918.000
Худ. литература	4.411	11.912.000
История	945	2.169.000

Учебные пособия	4.135	69.836.000
Детская	4.107	14.030.000
Итого	26.674	158.137.000

В качестве немаловажного комментария к таблице можно заметить, что количество наименований книг, выпущенных в Корее, в 1996 г. было ровно в два раза больше, чем в 1980 г. (26.674 и 13.062 соответственно). Суммарный тираж вырос за это время ещё более значительно – в три раза. Впрочем, рост объёмов книгоиздания затормозился около 1991 г. и с тех пор в Корее выпускается примерно 26-29 тысяч наименований книг в год. Это – неплохой показатель. По числу наименований книг Корея всего лишь в два раза уступает США (при населении, в пять раз меньшем), и в два с половиной раза превосходит Индию (при населении в 20 раз меньшем). В России, для справки, в 1994 г. вышло 30.390 наименований книг, то есть немногим больше, чем в Корее. При этом надо помнить, что население России в три раза больше корейского. Таким образом, корейские показатели весьма неплохи.

Как видно из таблицы, большинство (если ориентироваться не на число названий, а на суммарный тираж) выходящих в Корее книг – это учебные пособия. Оно и понятно – корейцы много занимаются, а удаchi или неудачи на многочисленных экзаменах определяют в этой стране человеческие судьбы. Однако заметная часть названий новых книг – это произведения художественной, очерковой и научно-популярной литературы.

Говоря о корейских книгах, нельзя не отметить их относительную дешевизну – по западным понятиям, конечно. Вышедшая массовым тиражом книга в мягком переплётe {с.257 – с.258} те, обычного формата, с очень хорошим качеством бумаги и печати, объёмом примерно в 300 страниц, стоит в Корее где-то 7-9 тысяч вон (6-8\$). За монографию или малотиражное издание в твёрдом переплётe приходилось платить 15-30 тысяч вон (12-25\$). Эта цена может показаться высокой русскому читателю, но на самом деле по сравнению с ценами на аналогичные книги в странах Запада она является на удивление низкой (массовая книга обычного – не “карманного” – формата стоит в Америке 15-20 долларов, а специальная монография в твёрдом переплётe – от 40 до 100 долларов).

Что же читает современный корейский горожанин? Если говорить о художественной литературе, то в семидесятые годы наибольшей популярностью пользовались книги серьёзные, посвящённые философским вопросам человеческого бытия. Показательно, что это было время увлечения классической русской литературой, влияние которой в те годы достигло своего пика. В восьмидесятые демократизация и смягчение цензурных ограничений привели к расцвету политического и политико-исторического романа. Роман этот в Южной Корее носил (и обычно до сих пор носит) левый, часто – даже прокоммунистический характер. Героями книг нередко становились организаторы забастовок или партизаны-коммунисты времён Корейской войны, которых авторы изображали с немалой симпатией, а порою – и просто героями, “рыцарями без страха и упрёка”. Типичный пример подобного произведения – многотомная эпопея Чо Чон-нэ “Хребёт Тхэбэк”, выдержавшая за последнее десятилетие более 100 изданий. Разумеется, подобные книги вызывали скрежет зубовой у консервативной части истеблишмента, но они пользовались немалым коммерческим успехом (недавний “запретный плод” сладок), так что освободившиеся от цензурного контроля издательства выпускали их весьма охотно и делали на них немалые деньги.

В девяностые годы крах системы социализма и деполитизация, деидеологизация корейского общества привели к тому, что интерес к этим произведениям, да и к серьёзной литературе вообще, существенно снизился. Пришла {с.258 – с.259} эпоха развлекательного романа, наступило время лёгкого чтения. Настоящая, “высокая” литература тоже во многом переориентировалась с проблем общества на вопросы индивидуальной жизни и внутреннего мира человека.

Собственно развлекательная литература в Корее, то есть, так сказать, “низкие жанры”, представлена в основном переводными американскими изданиями. Среди развлекательных жанров господствует детектив, как уголовный, так и шпионско-политический. Впрочем, время от времени в списке бестселлеров на первые места попадают и корейские триллеры, в которых обычно речь идёт о борьбе с кознями северокорейских диверсантов и иных внешних врагов государства корейского. Однако, несмотря на отдельные успехи, подавляющее большинство предпочитает переводы западных детективов. Относится это и ко всякого рода триллерам и приключенческой литературе, а также к фантастике. Популярность научной фантастики в Корее вообще заметно ниже, чем в России или странах Запада. Если же говорить о модном в последние годы жанре волшебной фантастики (“фэнтези”), то он в Корее вообще пребывает где-то на дальних задворках книжного рынка. В то же время, в стране есть миллионы городских домохозяек, которые образуют едва ли не единственную группу взрослого населения, обладающую большим количеством свободного времени. Они создают благоприятную почву для распространения “дамского” любовного романа, да и многие произведения “серьёзной” литературы пишутся женщинами и для женщин.

Одна из особенностей Кореи заключается в том, что среди местной читающей публики весьма популярны всяческие документальные и полудокументальные произведения: эссе, научно-популярные издания, путевые очерки. В Корее по своей популярности среди массового читателя они не уступают собственно художественной литературе. В особенности это относится к эссе – жанру, который в русской литературе так и не получил массового распространения, а в Корее, как и на всём Дальнем Востоке, известен и любим с давних времён. Значительную часть нехудожественных изданий составляют переводы, так что почти все {с.259 – с.260} заметные западные работы, посвящённые истории, политике, экономике, философии, появляются на корейском очень скоро после выхода их в оригинале.

Корейцы в целом неплохо знакомы с мировой литературой, хотя её восприятие – подбор книг для перевода, известность и авторитет того или иного писателя – отражает американские оценки и традиции, во многом отличные от тех, к которым привык русский читатель. С этим связано и хорошее знание корейцами американской и вообще англоязычной литературы, в то время как писателям других стран уделяется заметно меньше внимания. Впрочем, некоторые из традиционных культурных связей оказывают своё влияние, и, например, китайский исторический роман, как классический, так и современный, очень любим корейцами. Быстро растёт в последние годы и интерес к японской литературе.

Русская литература проникла в Корею ещё в колониальный период (во вторичных переводах с японского или, реже, с английского) и пользовалась там, особенно в шестидесятые и семидесятые годы, немалой популярностью. В последнюю пару десятилетий уменьшение интереса к серьёзной литературе привело к тому, что популярность русских авторов несколько снизилась, но всё равно остаётся достаточно высокой (бывший президент Ким Тэ-чжун, например, считает своими любимыми авторами Достоевского и Чехова, которых он в своё время много читал в тюрьме). О том, какие произведения русской литературы корейцы знают лучше всего, можно судить по популярному справочнику “200 лучших произведений мировой литературы”. Русская словесность в нём представлена пятью названиями: “Братья Карамазовы”, “Отцы и дети”, “Анна Каренина”, “Мать”, “Дама с собачкой”. Почему-то не попало туда, правда, “Преступление и наказание”, которое, как показывает мой опыт, также хорошо известно в Корее. {с.260 – с.261}

Мыло душистое и полотенце пушистое...

Тема «провала во времени», случайного попадания наших с Вами современников в прошлое всегда была популярна у фантастов – и мне не раз доводилось читать книги, сюжет которых основан именно на такой посылке. Некоторые из них мне понравились, другие – нет, однако почти все они забывают упомянуть об одном обстоятельстве – о грязи. Наш современник, попав в прошлое, был бы потрясён тем, как воняли и старинные города, и их обитатели. Привычные нам стандарты чистоты стали установиваться сравнительно недавно, где-то после 1700 г. В более ранние времена в большинстве стран мира люди мылись, скажем прямо, очень даже нечасто.

Бывали, конечно, и исключения – Рим с термами, или северная Россия с банями, или Финляндия с саунами. В Восточной Азии своим пристрастием к баням славились японцы, хотя их обычай мыться всей семьёй в одной деревянной кадке с горячей водой едва ли подойдёт нашим современникам. Однако большинство былых цивилизаций любовью к чистоте не отличалось. По улицам городов средневековой Европы текли канализационные стоки, а гордые рыцари и их прекрасные дамы мылись только по особым случаям, пару раз в год. Кстати, именно благодаря этим их гигиеническим привычкам (точнее, отсутствию таковых) и появилась современная парфюмерия. Первоначально духи и прочие благовония должны были заглушать запах давно немытого тела и иные, ещё менее приятные, ароматы.

Старая Корея также не отличалась особой чистоплотностью. До начала XX века специальных бань – ни частных, ни общественных – в Корее не было вообще. Когда в {с.261 – с.262}XV веке крупный (и коррумпированный) чиновник построил себе дворец, в котором имелись специальные ваннные комнаты с огромными медными ваннами, это было воспринято общественным мнением как проявление вызывающей и бессмысленной роскоши.

В дворянских семьях было принято иногда принимать ванну в большой деревянной кадке, которую слуги наполняли горячей водой. Простолюдины такой роскоши себе не позволяли, и летом изредка купались в ручьях и прудах (не случайно любители фривольных тем среди корейских живописцев изображали юношей, отправившихся к ручью подглядывать за купающимися там местными красотками). Зимой же мыться было просто не принято.

Однако в Сеуле, численность населения которого к 1920 г. уже достигла 200 тысяч человек, не так-то просто было найти подходящий и укрытый от посторонних взглядов ручей. Первая в Корее общественная баня открылась в 1924 г. Произошло это, кстати, в будущей северокорейской столице Пхеньяне, но на следующий год в Сеуле тоже появилась городская баня, поначалу устроенная по японскому образцу.

К 1960 г. в Сеуле было 770 общественных бань – примерно одна баня на четыре тысячи жителей. В частных домах, за исключением самых богатых особняков, тогда не было ни ван, ни душевых. Поначалу даже многоэтажные дома, строительство которых началось только в 1961-1983 гг., сдавались в эксплуатацию без отдельных ваннных комнат. В качестве компенсации в составе первых «апатхы» обычно имелась небольшая общественная баня, которая обслуживала в первую очередь жителей данного комплекса.

Надо сказать, что сеульские бани 1960-х гг. имели мало общего с теми роскошными саунами, которые так популярны в наши дни. Никаких излишеств там не наблюдалось, и люди приходил туда с простой и ясной целью – смыть накопившуюся на теле грязь. Посетители устраивались вокруг бассейнов с горячей водой, вооружались небольшими тазиками и приступали к мытью. В некоторых заведениях имелись и ванны, в которые посетители могли забраться, чтобы полежать в горячей воде. Правда, воду {с.262 – с.263} в этих ваннах меняли далеко не после каждого посетителя... Старые сеульцы вспоминают, что в послевоенные годы в баню ходили раз в один-два месяца или же по каким-то особым поводам.

Кстати, примерно такая же ситуация и поныне существует в Северной Корее, где душ в доме остается редкой привилегией. В большинстве многоквартирных домов имеется одна душевая на этаж или подъезд, а в одноэтажных домах вообще никаких специально обустроенных помещений для мытья не предусматривается. Поэтому большинство жителей «страны чучхе» вынуждены пользоваться общественными банями, которые оборудованы так же, как сеульские бани пятидесятых годов. Надо отдать должное северокорейским властям: с первых лет существования КНДР там уделялось немало внимания пропаганде чистоты и гигиены, и сейчас еженедельные походы в баню стали нормой.

С 1970-х гг. в Сеуле началось массовое строительство современного многоэтажного жилья – тех самых «апатхы», которые так хорошо знакомы и сеульцам, и гостям южнокорейской столицы. Все они уже имели современные удобства, так что к 2000 г. только в 10,9% всех корейских жилищ не было ваннных комнат. Казалось бы, в подобной ситуации у

общественных бань не было шансов уцелеть. Однако они не только сохранились, но и получили небывалое прежде распространение. Сейчас в Сеуле действует более 10 тысяч бань. Иначе говоря, одна баня приходится на каждую тысячу жителей.

Бани уцелели потому, что в начале восьмидесятых годов они смогли полностью перестроиться. В корейские бани давно уже не ходят для того, чтобы смыть с тела грязь. Для этого существуют душевые, а бани превратились в санузы, в миниатюрные оздоровительные комплексы, в которые люди приходят попариться и отдохнуть, а иногда даже – отоспаться. Корейские бани открыты круглые сутки, а их исключительная массовость позволяет держать цены на очень низком уровне. В последнее время в Японии даже стали продавать специальные «банные туры» в Корею. Популярны бани и среди живущих в Сеуле «экс-советских» иностранцев. Так что – милости просим, и с лёгким паром! {с.263 – с.264}

Рынки старые и новые

Правительство старой Кореи рынки не любило – как и торговлю вообще. С точки зрения неоконфуцианства, которое было официальной идеологией страны с начала XV и до конца XIX века, торговля, по определению, являлась злом – хотя, пожалуй, и неизбежным. Торговля отвлекала крестьян от главного занятия – земледелия. Торговля вводила людей в соблазн, давая им доступ к “ненужным” предметам роскоши, и мешая заниматься моральным самосовершенствованием. Торговля способствовала коррупции. Не случайно в традиционной конфуцианской иерархии общественных групп торговцы находились на последнем, четвёртом, месте – после дворян-чиновников, крестьян и ремесленников. Не случайно и то, что денежное обращение в Корее появилось только в конце XVII века – до этого торговля носила в основном меновой характер.

Поэтому в старой Корее власти стремились ограничивать и регулировать торговлю. Правда, в середине XVIII века бывшее негативное отношение к торговле смягчилось, однако торговцы всё равно оставались наименее уважаемой социальной группой Кореи – и при первой возможности покупали землю и дворянские привилегии.

Так что нынешние шумные корейские рынки – явление, с точки зрения историка, довольно позднее. Правда, к началу XIX века рынки уже существовали в большинстве крупных городов, в том числе и практически во всех уездных центрах. Более 90% всех рынков относилось к категории “пятидневных”. Такие рынки проводились раз в пять дней. В любом рыночном селе или городке знали, что рынок у них будет собираться два раза в каждую десятидневку – скажем, “2-го и 7-го” или, скажем, “4-го и 9-го”. Система “2-го и 7-го”, на {с.264 – с.265} пример, означала, что рынок проходит 2-го, 7-го, 12-го, 17-го, 22-го и 27-го числа каждого месяца. В каждом поселении были свои даты, однако интервал между рынками оставался неизменным – 5 дней (следует напомнить, что привычной нам семидневной недели в старой Корее не знали). Система “пятидневных рынков” пережила и падение монархии, и колониальную эпоху, и войны, и бурный экономический рост. Сейчас большинство корейских рынков – постоянные, но даже на постоянных рынках по-прежнему отчасти придерживаются традиционных “рыночных” дней. В такие дни количество торговцев ощутимо возрастает.

Хотя в Южной Корее насчитывается более полутора тысяч официально зарегистрированных рынков, современную “рыночную” жизнь страны определяют, в первую очередь, два оптовых гиганта – Намдэун и Тондэун.

Администрация рынка Намдэун утверждает, что он был основан в 1414 г. Это, конечно, преувеличение. Действительно, в 1414 г. власти разрешили розничную торговлю вблизи Южных городских ворот (Намдэун означает “Южные ворота”). Однако это разрешение не привело к образованию настоящего рынка. История Намдэуна всерьёз началась двумя веками позднее, когда в 1608 г. правительство решило построить у Южных ворот огромные казённые зернохранилища. В них власти держали запасы риса, собранного со всей страны в

качестве налога. Налог тогда собирался натурой, натурой же платилось и жалованье чиновникам, которые приходили за положенными им рисовыми пайками к Южным воротам. Понятно, что свежеполученная зарплата приятно отдавливала им карманы (точнее, спины слуг, которые волокли мешки с рисом), и чиновники были готовы тут же что-нибудь прикупить. Поэтому район зернохранилищ и стал привлекать торговцев. Так началась история Намдэмуна.

В 1912 г., то есть уже в колониальные времена, Намдэmun получил формальный статус и официально утверждённую рыночную администрацию. Впрочем, до самой Корейской войны рынок оставался небольшим – в 1945 г. там имелось всего лишь 200 торговых точек (против нынешних 10 тысяч). {с.265 – с.266}

Корейская война 1950-1953 гг. стала временем настоящего рыночного бума. Почти все города страны несколько раз переходили из рук в руки. Миллионы людей были вынуждены покинуть родные места, спасаясь от войны, от белого и красного террора. Для многих из этих беженцев рыночная торговля стала единственным средством прокормить семью. Рынки разрослись невероятно. Торговали на них всем – едой, вещами, ворованной “гуманитаркой”, контрабандой, использованным военным снаряжением. В те времена говорили: “Если Вам нужна зенитка – вы и её купите на Намдэмуне”.

После войны рост Намдэмуна не остановился. Немалую роль играло удобное расположение рынка – практически в самом центре столицы, на пересечении основных городских магистралей и рядом с главным столичным вокзалом. Не смогли остановить этот рост ни катастрофические пожары 1954 и 1968 гг., ни политические потрясения. К 2000 г. на рынке действовало более 10 тысяч торговых точек. Правда, с течением времени сам характер рынка изменился. Намдэmun потерял былую универсальность, и стал специализироваться в основном на одежде и аксессуарах.

Большую роль стала играть и оптовая торговля. В шестидесятые годы Намдэmun превратился в оптовый центр, через который осуществлялось снабжение многочисленных магазинов и лавочек по всей Корее. Впрочем, в области оптовой торговли Намдэmun оказался не в состоянии конкурировать со своим главным соперником – Тондэмуном.

Рынок Тондэmun (“рынок у Восточных ворот”) – много моложе, чем Намдэmun. Его история началась в конце XIX века, а в 1905 г. богатый торговец тканями Пак Сын-чжик получил разрешение на создание в этом районе регулярного рынка. Как и Намдэmun, рынок стал активно расти после Корейской войны, когда он превратился в главный центр торговли для многочисленных беженцев с Севера. Поначалу Тондэmun во многом страдал из-за своего относительно неудачного расположения – он находится куда дальше от главного делового центра Сеула, чем Намдэmun. Однако со временем эта особенность из недостатка рынка превратилась в его серьёзное преимущество. {с.266 – с.267}

Дело в том, что у зажатого в центре столицы Намдэмуна почти нет возможностей для дальнейшего роста. Земля вокруг рынка стоит невероятных денег, поэтому там трудно строить новые торговые комплексы и, главное, оптовые склады. Тондэmun оказался в более выгодном положении, и с конца 1960-х годов администрация этого рынка сделала ставку на огромные торговые галереи. В результате именно Тондэmun превратился в важнейший центр оптовой торговли и постепенно оттеснил своего старшего собрата на второй план.

В настоящее время на Тондэмуне действует 27 тысяч торговых точек, покупки в которых ежегодно совершают около 30 миллионов человек. Заметная часть товаров идёт на экспорт, так как Тондэmun пользуется особой популярностью у челноков из России, стран СНГ и, главное, Китая (именно китайские торговцы сейчас доминируют среди иностранных оптовых покупателей). Точной статистики нет, но предполагается, что годовой объём проходящего через Тондэmun экспорта составляет примерно один миллиард долларов.

Сумма эта выглядит внушительно, хотя для корейской экономики в целом она не очень-то велика. Мне не раз приходилось замечать, что наши торговцы-челноки существенно

переоценивают значение экспорта одежды и прочего “легпрома” для корейской экономики. Основные деньги Корея уже давно зарабатывает не на кожаных куртках, а на компьютерах, стали, супертанкерах и автомобилях. Впрочем, миллиард долларов всё равно остаётся миллиардом.

Тем не менее, в последние годы и Намдэун, и Тондэун, и иные корейские рынки столкнулись с серьёзным кризисом. Вызван он быстрым распространением новых, более удобных, форм розничной торговли, конкурировать с которыми рынки оказались не в состоянии. Действительно, огромных рынков корейского типа не найти в большинстве развитых стран, а Корея постепенно теряет свою былую специфику и становится все более похожей на другие процветающие капиталистические государства. По-видимому, “рыночная эпоха” в истории Кореи тоже подходит к своему концу – как это ни грустно. {с.267 – с.268}

Страна однофамильцев

Корея – страна однофамильцев. Любой русский, который здесь побывал, мог в этом убедиться сам. За несколько дней пребывания в Корее вы наверняка встретите множество Кимов, Паков и Ли. При этом все эти Кимы и Ли, как правило, не состоят друг с другом ни в каком родстве. Они не родственники, пусть и отдалённые, а именно однофамильцы. Это, впрочем, не единственная странная на наш взгляд особенность корейских имён.

Как же устроены корейские имена и фамилии? Корейские фамилии обычно односложные, причем они всегда пишутся перед именем. Существует и несколько двухсложных фамилий (самые распространённые из них – Намгун и Хванъпхо), однако встречаются они крайне редко: носители всех двухсложных фамилий вместе взятые составляют менее 0,1% всех корейцев. Корейские имена, наоборот, обычно состоят из двух слогов, хотя могут быть и односложными (односложных имён – примерно 10-15%).

Таким образом, типичное корейское имя состоит из трёх слогов. Первый является фамилией, а второй и третий – собственно именем. Например, в случае с нынешним южнокорейским президентом Но Му Хёном, “Но” – это фамилия, а “Му Хён” – это имя. Его предшественника звали Ким Тэ Чжуном, и читатели уже легко догадаются, что “Тэ Чжун” являлось личным именем этого почтенного политика, который носит фамилию Ким – самую распространённую в Корее.

В этой связи нельзя не пожалеть, что по сложившейся традиции в России корейские имена, как правило, запи {с.268 – с.269}сывают “в три слова”: Ли Сын Ман, Ким Ир Сен и т.п.. Такая запись во многом вводит в заблуждение, скрывая структуру корейского имени. Куда предпочтительнее традиция, которая сложилась в русской передаче китайских имён. По своей структуре китайские имена очень близки к корейским. Однако по-русски имя нынешнего китайского руководителя передаётся как Цзян Цзэ-минь или Цзян Цзэминь: фамилия – отдельно, собственно имя – слитно или через дефис. Кореисты в специальных статьях также предпочитают писать оба слога корейского имени вместе, но в российских газетах такая система как-то не приживается. В этой книге я, впрочем, решил на эксперимент и записываю корейские имена по всем правилам транскрипции Холодовича.

Надо учесть, что те корейцы, которые часто общаются с иностранцами, при встречах с ними часто именуют себя на англо-американский лад: сначала имя, а потом фамилия. Это, конечно, вносит немалую путаницу. Тем не менее, внутри Кореи нормальный порядок выдерживается строго.

Почти все корейские имена имеют китайское происхождение. Они записываются иероглифами (по принципу “один иероглиф – один слог”), и их произношение восходит к древнекитайскому. С фамилиями ситуация несколько сложнее: они также пишутся иероглифами, но очень часто за той или иной китаизированной формой скрывается некое корейское слово.

В отличие от России, в Корее существует немного фамилий – и великое множество имён. Строго говоря, фиксированных имён в нашем понимании в Корее просто нет. Корейское имя является сочетанием двух иероглифов с подходящим значением. Гадатели, которые обычно занимаются подбором имён, следуют определённым правилам, но в целом иероглифы могут сочетаться друг с другом достаточно свободно. Самыми подходящими для имён, разумеется, считаются те иероглифы, которые выражают разного рода положительные качества – мудрость («хён»), красоту («ми»), уважение к родителям («хё»), честность («чонъ») и т.п. Используются в именах и китайские наименования всяких животных, растений и вообще предметов материального мира – например, тигр («хо»), цветок («хва»), камень («сок»), огонь («хва»). Впрочем, в состав корейского имени может войти практически любой из 70 тысяч китайских иероглифов – всё зависит от обстоятельств и родительской фантазии.

Если в качестве примера взять имена нынешних корейских руководителей, то у южнокорейского президента Но Му-хёна имя включает в себя иероглифы "му" (воинственный, храбрый в бою) и "хён" ("опора"). Его северокорейского коллегу зовут, как известно, Ким Чжон Ир – по крайней мере, так его имя обычно пишется в русской транскрипции. Имя северокорейского Великого Вождя состоит из двух иероглифов – "чонъ" (честный, честность, истина) и "иль" ("солнце"), и может быть переведено как "истинное солнце".

Число даже самых распространённых «именных иероглифов» измеряется сотнями. Понятно, что возможны многие тысячи пар таких иероглифов, и неудивительно, что тёзок, людей с одинаковыми именами, в Корее почти нет. Даже в тех редких случаях, когда личные имена двух корейцев звучат одинаково, они обычно пишутся разными иероглифами (многие иероглифы, которые в самом Китае читаются по-разному, в Корее произносятся одинаково). Иногда это ведёт к курьёзам. Например, в состав корейского флота входит подводная лодка "Ли Сун-син". Название её кажется вполне логичным – кто же не слышал о великом корейском флотоводце? Лишь те немногие, кто видели название этого боевого корабля в иероглифической (а не фонетической, алфавитной) записи, знают, что назван он не в честь "того самого" Ли Сун-сина! Лодка носит имя "другого" Ли Сун-сина – тоже адмирала, тоже жившего в XVI веке, и тоже прославившегося в боях с японцами. Имена двух флотоводцев, которые, между прочим, были сослуживцами, по-корейски произносятся одинаково, но пишутся они разными иероглифами. Поэтому с полной уверенностью перевести корейское имя можно только в том случае, если знаешь, как оно записывается "по-китайски" (точнее, китайской иероглификой). {с.270 – с.271}

Мужских и женских имён как таковых в Корее не существует, хотя иногда и можно догадаться, мужчине или женщине принадлежит то или иное имя – особенно, если оно записано не корейским алфавитом, а иероглификой. Например, носитель имени "Мэн-хо" ("отважный тигр") является, скорее всего, мужчиной, а вот имя "Ми-сук" ("красивая и целомудренная") почти наверняка принадлежит женщине. Однако большинство корейских имён не несёт никаких "половых признаков" и может принадлежать как мужчине, так и женщине.

С образованием имён связано и ещё одно правило – один из иероглифов имени у братьев всегда совпадает – причём относится это не только к родным или, скажем, двоюродным братьям, но ко всем представителям одного поколения клана (о корейских кланах речь пойдёт дальше). Таким образом, если Вы встретите в корейской прессе упоминания о крупном предпринимателе Но Ён-хёне или социологе Но Чон-хёне, Вы можете быть уверены, что они являются дальними родственниками нынешнего президента Но Му-хёна. У всех членов «президентского поколения» клана Но второй иероглиф имени – «хён»

Надо помнить, что в Корее не принято обращаться друг к другу только по имени. Такое обращение всегда считалось крайне фамильярным, а во многих ситуациях – просто оскорбительным. По имени могут обращаться друг к другу друзья детства, по имени зовут своих детей родители – вот, пожалуй, и всё. В последние годы так стали иногда разговаривать друг с другом супруги и любовники – видимо, под влиянием западных

традиций. В большинстве случаев, однако, корейцы обращаются друг к другу по фамилии или по фамилии и имени.

С другой стороны, фамилий в Корее немного. Перепись 1985 г. – последняя, о которой у меня есть данные – зарегистрировала в Южной Корее 298 фамилий. Да – всего лишь 298 фамилий на всю страну! Тогда из 44 миллионов 420 тысяч корейцев фамилию Ким носили 8 млн. 785 тыс., Ли – 5 млн. 985 тыс., Пак – 3 млн. 436 тыс., Чхве (в России записывается как Цой) – 1 млн. 913 тыс. и Чон – 1 млн. 781 тыс. человек. Это означает, что каждый пятый кореец {с.271 – с.272} носил фамилию Ким, каждый восьмой – Ли. К другим распространенным фамилиям относятся Кан, Чо, Юн, Чан, Лим, Хан, Сим, О, Со (численность носителей каждой из этих фамилий в 1985 г. превышала 600 тысяч человек). Носители всех этих 13 фамилий, вместе взятые, составляют 60% населения страны! Нет сомнения, что эти данные относятся не только к жителям Южной Кореи, но и к корейцам в целом.

Обилие однофамильцев в Корее ведёт к тому, что найти человека по одной только фамилии практически невозможно. Всем, кто работал в Корее, приходилось сталкиваться с ситуацией, когда русский бизнесмен или чиновник требовал от переводчика, чтобы тот немедленно нашёл ему “Кима из фирмы Кисон электроникс”. Если учесть то, что в фирме занято, допустим, 700 человек, и то, что каждый пятый из них, по законам статистики, носит фамилию Ким, понятно, что обнаружить нужного Кима среди примерно 140 кандидатов было, скажем мягко, не очень просто.

Помимо фамилии (“сонъ”) и имени (“мёнъ”) в старые времена любой образованный кореец имел и псевдоним (“хо”). Он выбирал этот псевдоним самостоятельно, по достижении зрелого возраста, и пользовался им очень широко. По традиции, псевдоним писался перед именем. Обычно он состоял из двух иероглифов, хотя встречались и четырёхсложные псевдонимы. Например, выдающегося философа и публициста первой половины XIX века звали если писать его имя полностью, так как оно приводится в исторических справочниках – “Тасан Чён Як-ёнъ”. Здесь Тасан (букв. “чайная гора”, “гора, заросшая кустами чая”) – его псевдоним, Чон – его фамилия, а Як-ён – его имя. Любопытно, что во многих современных северокорейских текстах его именуют Чён Тасан (или, как часто пишут в России, Чон Да Сан): псевдоним вытеснил имя.

В наше время псевдонимы встречаются относительно редко, хотя и сейчас ими пользуются некоторые деятели культуры – особенно из числа южнокорейских писателей-деревенщиков и прочих поклонников потерянного лада старой корейской жизни. {с.272 – с.273}

Корейская система имён и фамилий приобрела свой нынешний вид совсем недавно, в конце XIX века. До этого ситуация была во многом другой. Во-первых, исторически простолюдины в Корее (как и большинстве других стран) фамилий не имели. Фамилия была привилегией дворян, а мужиков звали только по имени. Вдобавок, и имена простолюдинов были, как правило, не китайского, а корейского происхождения, и в силу этого не могли толком записываться в официальных бумагах, которые составлялись иероглифами на древнекитайском языке. Только с XV-XVI веков крестьяне стали пользоваться фамилиями и именами китайского типа. При этом поначалу фамилии распространялись только среди свободных крестьян, в то время как многочисленные крепостные (ноби) оставались «бесфамильными» вплоть до окончательной отмены крепостного права в 1894 году.

Во-вторых, в старой Корее женщины – даже в дворянских семьях – не имели официальных (то есть иероглифических, китайских) имён. Их именовали по фамилии – часто с добавлением родового указателя, “пона”. В официальных документах женщина всегда появлялась как “дочь такого-то” или “жена такого-то”. В семье её, как правило, именовали по имени ребёнка – “мать такого-то”. Единственным исключением были куртизанки-кисэн, которые брали себе “служебные псевдонимы”, обычно порождавшие всяческие эротические ассоциации. Только в 1909 г. начал действовать закон, который требовал, чтобы любой кореец – вне зависимости от пола и возраста – в обязательном порядке имел имя и фамилию.

Помимо собственно семьи, любой кореец с давних времён является членом и обширной клановой группировки, к которой относятся все люди, имеющие одинаковую фамилию и одинаковый "пон" – географическое название, которое указывает на местность, из которой произошёл реальный или мифический предок данного рода. Носители одной фамилии могут иметь разный "пон" и, соответственно, принадлежать к разным кланам. Например, существуют кланы Кимов из Кимхэ, Кимов из Кёнджу, Кимов из Квансана, Кимов из Кимнёна, Кимов из Андона – и так {с.273 – с.274} далее. Всего существуют 285 кланов, члены которых носят фамилию Ким. Вторая по распространённости корейская фамилия – Ли представлена 241 кланом. Среди Паков существует 128 кланов, каждый из которых имеет свой собственный "пон" (или, как его часто именуют, "понгван").

Разумеется, это не значит, что в наши дни все или даже сколь-либо заметное число представителей данного клана живут в той местности, в честь которой именуется клан. Члены одного клана считаются родственниками, и ожидается, что они будут активно поддерживать друг друга. Браки между членами одного клана, то есть между людьми с одинаковыми фамилиями и одинаковым поном, до 1995 года были официально запрещены, да и сейчас они остаются редкостью. В эпоху династии Ли запрещались и браки однофамильцев, хотя люди с разным поном родственниками никогда не считались.

Большинство кланов прослеживает свои корни до весьма дальних времён – чуть ли не до X в. до н.э. Однако эти претензии не стоит принимать всерьёз: в своём нынешнем виде кланы появились довольно поздно, только в XVI-XVII веках. Тогда же сформировалась и нынешняя система понов. Кланов всегда представляли из себя весьма многочисленные образования, и в любом клане можно было встретить и знатного дворянина, и нищего крестьянина.

В 1995 г. в Корее насчитывалось 3349 кланов. Они могут очень отличаться по своим размерам – иные кланы включают в себя миллионы членов, а численность других измеряется сотнями. В 1985 г. пять кланов имели более миллиона членов: Кимы из Кимхэ, Паки из Миряна, Ли из Чонджу, Кимы из Кёнджу и Ли из Кёнджу. Всего тогда существовало 28 кланов, численность которых превышал четверть миллиона человек.

Во главе каждого клана стоит совет (чонъчжинхве), руководящий совместным отправлением посвящённых душам предков церемоний и ведущий воспитание своих членов в духе клановых традиций. Надо сказать, что общекорейские клановые советы, при всей своей показной и тщательно культивируемой архаичности, на деле являются весьма новыми учреждениями: первый такой совет появился {с.274 – с.275} только в 1967 г. До этого деятельность кланов координировалась на местном уровне.

Главными направлениями деятельности кланового совета, помимо отправления ритуалов культа предков, являются, во-первых, воспитание клановой солидарности, а, во-вторых, редактирование и издание родословных книг чокпо. Правда, большинство родословных в последнее столетие было радикальнейшим образом сфальсифицировано. Почти все корейцы сейчас уверены, что являются потомками дворянских семей по прямой мужской линии. Если учесть, что до начала XIX века дворянство составляло лишь 3-5% населения страны, то невозможно не поинтересоваться тем, куда же делись прямые потомки крестьян, ремесленников, рыбаков и прочих смердов. Дело тут в том, что уже в конце XVIII века государство стало торговать дворянскими привилегиями. Ещё более распространённым явлением была продажа этих прав обедневшей дворянской семьёй в частном порядке – через фиктивное усыновление. Наконец, уже в XX веке, когда власти перестали следить за составлением генеалогий, началась их прямая фальсификация: внуки смердов стали вписывать себя в генеалогии дворянских родов. К 1960-м годам процесс этот достиг своего логического завершения: все корейцы провозгласили себя дворянами! Впрочем, об этом речь пойдёт в другой главе.

И, в заключение, несколько слов об именах и фамилиях корейцев бывшего СССР – «корё сарам». Переселение корейцев в России. Проходило в основном в конце XIX века, то есть во времена, когда в самой Корее нынешняя система имён и фамилий уже вполне

сформировалась. Поэтому корейцы в СССР носят вполне обычные корейские фамилии – Ким, Пак, Ли и т.д. Единственная специфическая черта – это фамилии с суффиксом -гай: Тягай, Огай, Хегай и другие. Суффикс этот добавлялся к односложным фамилиям, оканчивающимся на гласный: О становился Огаем, Ли – Лигаем и т.п.

С именами дело обстояло сложнее. В конце XIX века большинство корейских переселенцев стремилось принять православие – не столько из-за религиозного пыла, {с.275 – с.276} сколько из-за стремления в кратчайшие сроки получить российское гражданство. При крещении им давались русские имена. Как правило, брались они из святцев, так что корейцы, родившиеся до 1920-25 гг., сплошь и рядом носили крайне архаичные русские имена – Акулина, Ювеналий, Прасковья, Мефодий. В 1920-е гг. им на смену пришли имена обычного русско-советского типа.

Однако в 1930-е гг. ситуация изменилась. С того времени корейцы СССР стали широко пользоваться необычными для России именами «западноевропейского образца» – Эдуард, Анжелла, Герман, Мэри. Причина этого проста: небольшой репертуар традиционных русских имён совпадал с небольшим репертуаром корейских фамилий. В результате появлялось огромное количество полных тёзок, у которых совпадало и имя, и фамилия. Если учесть, что примерно 15% корейцев носит фамилию Ким, а 15% русских мужчин зовутся Сергеем, то легко подсчитать, что в корейском посёлке с населением в две тысячи человек в среднем должно быть 20-25 человек, которых бы звали «Сергей Ким». Переход к «экзотическим именам» во многом решил эту проблему – и стал национальной традицией «корё сарам». {с.276 – с.277}

Дела давно минувших дней {с.277 – с.278}

А вокруг – одни дворяне...

Наверное, мало кто в нынешней России в состоянии хотя бы даже просто назвать имя своего прапрадеда, не говоря уже о более далёких предках. Сейчас модно рассуждать о том, что причина этого, дескать, лежит в злокозненной политике коммунистов, которые якобы сознательно старались «прервать связь времен». Однако если обратиться к тому, что происходит в других странах Европы, то можно обнаружить, что и там со знанием своей семейной истории дела обстоят не блестяще. У рядовых французов или австрийцев представления о своём фамильном древе едва ли лучше, чем у рядовых россиян. Конечно, есть и исключения, но к ним относятся в основном уцелевшие кое-где потомки дворянских родов, да немногие пенсионеры-любители порыться в архивах. В этом, впрочем, нет ничего удивительного: увлечённые занятия собственной родословной, её изучение (а порою – и фальсификация) всегда были привилегией элиты, немногочисленной верхушки общества. Конечно, Пушкин мог знать (и действительно знал) свою родословную вплоть до XIII века, но вот его няня Арина Родионовна едва ли могла бы назвать имя своего прадеда.

Однако Корея в этом отношении является исключением. В большинстве корейских семей вам могут показать солидную книгу в тяжёлом переплёте. Это «чокпо», родословная книга клана, которая начинается от какого-то далёкого предка, жившего в XI, IX, а то и V веке. В ней аккуратно записаны имена его потомков, представителей 30, или 40, или даже 60 поколений рода (разумеется, в родословной упоминаются только мужчины). Любой кореец {с.279 – с.280} является членом обширного клана, к которому относятся все люди, имеющие одинаковую фамилию и одинаковый «пон» – географическое название, которое указывает на местность, из которой произошёл реальный или мифический основатель клана. Таких кланов в Корее сейчас 3349, и численность их может быть очень разной: от нескольких сотен до нескольких миллионов человек. В наши дни большинство кланов имеет специальные советы, которые, помимо всего прочего, следят за составлением, редактированием и изданием чокпо.

Иногда чокпо могут знать почти наизусть, и уж во всяком случае в любой семье родословная книга является обязательным домашним чтением. Дети, рассевшись в кружок

вокруг бабушки и дедушки, внимательно слушают их объяснения о том, кто из их предков в XV веке был премьер-министром, а кто занимал пост сеульского градоправителя, кто командовал эскадрами в боях с японскими пиратами, а кто пал жертвой клеветы завистника-вельможи и сложил голову на плахе. Казалось бы, идиллическая картина семейно-патриотического воспитания...

И вот тут-то и возникает первый недоуменный вопрос: а почему, собственно, в родословных книгах всех корейских семей их предками по прямой мужской линии вдруг оказываются исключительно министры, генералы, писатели и прочие знаменитости? Куда подевались правнуки вольных землепашцев, которые в начале XIX века составляли более половины населения страны? Что случилось с прямыми потомками ещё одной четверти населения – с крепостными? Куда и почему без следа исчезло потомство ремесленников, писцов, рядовых солдат и матросов?

Отчасти этот феномен знаком и россиянам. Сейчас, когда гордиться рабочим происхождением стало странно, а считаться потомком дворянина, наоборот, престижно, мы вдруг обнаружили вокруг себе фантастическое количество представителей дворянских родов. Их сейчас так много, что, как заметила одна ехидная русская журналистка, “создаётся впечатление, что после 1917 г. те самые кухарки, что пришли управлять государством, вдруг прекратили размножаться, оставив это занятие исключительно князь {с.280 – с.281}ям и графьям”. Нынешнее изобилие дворян и процветание “дворянских собраний” выглядит особенно забавно, если вспомнить, что в 1870 г. потомственные дворяне составляли 0,8% населения России (сомневающимся отсылаю к словарю Брокгауза и Ефрона).

Однако надо признать: до Кореи в этом отношении нам далеко. Хотя на дворянское происхождение сейчас и претендует определённно больше, чем 0,8% россиян, но эти “дворяне” составляют в нашей стране всё-таки явное меньшинство. В Корее же буквально каждый кореец уверен в том, что он происходит из того или иного дворянского рода.

Я лично за всю жизнь встретил только двоих корейцев, которые сказали, что их предки были крестьянами, а вот число тех, кто именуется дворянскими отпрысками, среди моих знакомых измеряется многими десятками. Один из корейских историков как-то заметил, что, по его наблюдениям, из 10 студентов 9 считают, что являются потомками дворян! Замечание ироничное (историк знает, о чём говорит), но верное: когда я сам работал в корейском университете, я пару раз поговорил со студентами на эту тему – и столкнулся примерно с такой же пропорцией.

Всё это становится странным, если обратиться к исторической статистике. Хотя особой надёжностью она и не отличается, ясно, что корейские дворяне (их называли янбаны) составляли в начале XIX века от 10% до, самое большее, 20% населения. Цифра эта всё равно очень велика по русским или западноевропейским меркам, и объясняется она тем, что в Корее для дворянина было допустимо самому заниматься сельским хозяйством, так что фактически большинство корейских дворян было просто богатыми крестьянами. От обычных крестьян их отличало лишь образование, престиж, а также то, что они, по крайней мере теоретически, могли занимать чиновничьи и офицерские посты. Ещё одной привилегией янбан было наличие родословной книги. До XIX века только дворянские кланы могли иметь свою родословную. Первая известная нам родословная появилась в XV веке, и она была, разумеется, дворянской (родословная клана Ю из Мунхва, 1423 г.). {с.281 – с.282} Что же до крепостных, которые составляли примерно четверть населения страны, то они не имели не только родословных, но даже и просто фамилий. Подобно российским крепостным, они всю жизнь обходились именами, а то и просто прозвищами.

Но вернёмся к нашему вопросу: куда же делись потомки 80 (а то и 90) процентов тех, кто населял Корею два века назад? Ответ на него очевиден: никуда они не делись, живут, здравствуют и, более того, скорее всего по-прежнему составляют примерно 80-90% современного населения государства корейского. Однако эти потомки отреклись от своих предков и приписали себе более престижное, более знатное происхождение. Когда, как и почему это случилось?

Первый прорыв мещан (а, скорее, мужиков) во дворянство произошёл в XIX веке. В это время корейское государство, которое до этого строго следило за тем, чтобы между дворянами и “подлым людом” сохранялась труднопереходимая грань, ослабило свой бывший контроль. Богатые крестьяне и купцы стали покупать дворянское звание за деньги. Одним из основных способов стало включение своего отца или деда (на деле обыкновенных мужиков-землепашцев) в очередную редакцию родословной книги какого-нибудь дворянского рода. Обедневшие дворяне шли на это спокойно, да и деньги брали за услугу не слишком уж большие. Таких “мещан во дворянстве” было так много, что уже около 1850 г. в иных местностях дворяне (в подавляющем большинстве – свежеиспечённые) составляли без малого половину населения.

В 1894 г. в Корее произошла окончательная отмена крепостного права (государственные крепостные были освобождены ещё в 1801 г.). Тогда же были отменены и дворянские привилегии. Одним из неожиданных результатов освобождения крестьян стало то, что некоторые бывшие крепостные тут же стали брать себе фамилии своих господ и более или менее самовольно включать себя в их кланы. В более спокойные времена государство, которым тогда ещё по-прежнему заправляла дворянская верхушка, возможно, и приняло бы меры против такого самовольства, но в {с.282 – с.283} 1890-е гг. у корейского правительства были заботы поважнее: страна стала игрушкой в руках колониальных держав и стремительно шла к потере независимости. Власть предрержащим приходилось думать о своей шкуре, а не о защите сословных привилегий (вдобавок, только что формально отменённых).

Однако окончательное превращение всех или почти всех корейцев в дворянских потомков случилось уже после войны, в пятидесятые и шестидесятые годы, когда составлением родословных всерьёз стали заниматься все кланы – и дворянские, и простонародные. К тому времени ни реального, ни формального значения дворянское звание уже не имело, однако престиж, с которым оно было связано на протяжении столетий, сохранялся. Вдобавок, во время Корейской войны и сразу после нее, когда миллионы корейцев покинули родные места, поймать за руку самозванцев стало окончательно невозможно. В деревне в 1955 г. ещё можно было найти старика, который помнил, чей дед чьего деда лет этак 60 назад бил палками за плохо обмолоченный рис, а вот в городе, где все были пришельцами, это стало абсолютно невозможно. Впрочем, ловить фальсификаторов никто и не пытался, наоборот – составление “отредактированных” родословных стало выгодным делом. Порою предприниматели даже давали немалые взятки, чтобы им присочинили предка познатнее, желательнее – из числа тех, чьи имена можно найти в учебнике истории для средней школы.

Впрочем, не следует думать, что те корейцы, которые говорят вам, уважаемые читатели, о своём дворянском происхождении, всегда врут сознательно. С тех времен, когда родословные “редактировались” особенно истово, прошло уже три-четыре десятилетия, так что подавляющее большинство корейцев среднего возраста, не говоря уж о молодёжи, искренне верит в своё дворянское происхождение. Иногда они даже имеют для этого основания (примерно в 10% случаев, как мы помним).

Когда в Корее в старину хотели сказать, что в каком-то селе люди отличаются хорошими манерами и культурой, о нём говорили “селение дворян”. В последние десятилетия {с.283 – с.284} вся Корея стала “нацией дворян”. Хорошо это или плохо? Не знаю. Отчасти, наверное, хорошо, ведь это повышает самооценку, воспитывает гордость за свою семью, чувство ответственности перед “своими” (в реальности – чужими) предками. А с другой стороны – грустно, когда подумаешь о тех миллионах корейцев, которые работали, жили, страдали (а временами – и радовались), и которые в конце концов оказались в каком-то смысле преданными их же собственными потомками. Потомки предпочли отречься от своих реальных корней и выбрать себе в предки тех, для кого их прапрадеды и прапрабабки были всего лишь бессловесным “быдлом”, тех самых дворян, что когда-то лупили тех, настоящих, предков палками за непочтительный вид и плохо выстиранные рубашки... {с.284 – с.285}

Кисэн – куртизанки старой Кореи

Сегодня я хотел бы рассказать Вам о знаменитых корейских куртизанках – “кисэн”, упоминания о которых столь часто появляются на страницах корейских классических романов, написанных столетия назад.

Кто такие кисэн? Это – корейский вариант того явления, которое было широко распространено по всему Дальнему Востоку. В Китае, где собственно и возникла традиция, о которой мы ведем речь, этих женщин называли “цзи” (на русский язык традиционно и, на мой взгляд, неудачно это слово переводится как “певичка”). Японским вариантом была гейша и куда менее известная за пределами Японии ойран. В Корею же с незапамятных времён появились кисэн.

Итак, кисэн – это корейская гейша? Такое объяснение, действительно, часто и дают иностранцам, но верно оно только отчасти. Скорее уж кисэн – это китайская “певичка”, но и в России, и на Западе в целом, об этих самых “певичках” слышали куда меньше, чем о гейшах.

Кисэн представляли из себя профессиональных развлекательниц и, одновременно, куртизанок. Именно куртизанок, а не проституток в западном понимании этого слова. Хотя кисэн и могла провести ночь с приглянувшимся ей или же с готовым хорошо заплатить за удовольствие гостем, основой её работы являлась отнюдь не “продажа весны” (так поэтически именуют на Дальнем Востоке проституцию). В этом, кстати, заключается и отличие, которое существовало между гейшей и кисэн. Для корейской кисэн ночь с клиентом, который согласился за это заплатить, была вполне допустима, а вот японская гейша вообще не могла подрабатывать проституцией. В России закрепился стереотип, в соответствии с которым японская гейша – это просто своего рода высокооплачиваемая проститутка, пусть и очень образованная, и с немалыми талантами. Это абсолютно неверно. В старой Японии гейша могла иметь одного или нескольких любовников, получать от них подарки и деньги, но она не могла превращать проституцию в своё коммерческое занятие, это было прямо запрещено законом и наказуемо. Проституцией занимались другие женщины – так называемые ойран, которые тщательно охраняли свою профессиональную монополию на этот прибыльный бизнес.

В старой Корею подобного строгого разделения не существовало. Однако главной функцией кисэн была организация приёмов, а её главным достоинством – умение поддерживать светскую беседу, играть на музыкальных инструментах, петь и писать стихи.

В соответствии с вековыми традициями женщины в дворянских семьях в Корею вели затворническую жизнь. Они редко могли выходить из дома, и им было строго запрещено встречаться с проходящими гостями, если те только не являлись ближайшими родственниками. Женская половина дворянского дома была закрыта для посторонних. Поэтому все встречи и беседы в корейских домах проходили в исключительно мужской компании.

Однако чисто мужская компания, как известно, имеет не только свои преимущества, но и свои недостатки. Богатым и знатым корейцам хотелось порою проводить время не в спорах по вопросам конфуцианской философии или налоговой политики, а в более расслабленной и легкомысленной атмосфере. Женское присутствие было необходимо, но не могло быть и речи о том, чтобы позволить женщинам из приличных семей появляться открыто в кругу посторонних мужчин. Это было бы вопиющим, немыслимым нарушением конфуцианской морали. Поэтому в незапамятные времена в Китае был найден выход из этого положения – профессиональные развлекательницы, которые, неизбежно, являлись и куртизанками. Со временем такие развлекательницы-куртизанки стали появляться и в {с.286 – с.287} других странах, в том числе и в Корею. В отличие от подавляющего большинства остальных корейских женщин, они были хорошо образованы, владели не только родным корейским, но и классическим китайским (язык всей корейской науки и культуры вплоть до конца XIX века), писали стихи, играли на музыкальных инструментах. В то же самое время юридически кисэн были совершенно бесправны. Они приравнивались к крепостным, живодёрам и палачам и, по

крайней мере теоретически, дочь кисэн сама должна была стать кисэн (вокруг этого, в частности, и строится сюжет самого знаменитого произведения корейской классической литературы – “Повести о Чхун Хян”). Мечтой многих кисэн было вырваться из позолоченной клетки, если не ради себя, то хотя бы ради своих детей. Единственной надеждой на освобождение было то, что их согласится взять в жёны или в наложницы какой-нибудь дворянин или богатый купец. Это было не так-то просто, ведь большинство кисэн формально считалось государственными или, много реже, частными рабынями, так что тот, кто желал взять кисэн себе в наложницы, должен был заплатить за свою избранницу немалый выкуп казне или частному владельцу. Кисэн имели дело с элитой корейского общества, остальным даже самое невинное общение с ними было бы просто не по карману, ими восхищались самые образованные и блестящие люди старой Кореи, но, в то же самое время, кисэн всё равно оставались бесправными и, отчасти, презируемыми. Таков парадокс. {с.287 – с.288}

Корейский буддизм: страницы истории

До проникновения европейцев религиозная жизнь государств Дальнего Востока – Китая, Японии, Вьетнама и Кореи определялась взаимодействием трёх религий, которые мирно сосуществовали не только в обществе, но и в сознании верующих. Первой из этих религий было конфуцианство, которое играло роль государственного культа и во многом определяло действия человека в сфере общественных и семейных отношений, политики и права, а также регулировало ритуалы, связанные с культом предков. Вторым компонентом дальневосточной религиозной триады был буддизм, обладавший развитой абстрактной философией и апеллировавший к человеку как к индивидууму, размышляющему о своём месте в мироздании. В роли третьего компонента в разных странах выступали разные доктрины: в Китае – даосизм, в Японии – синтоизм, в Кореи – шаманизм. При всех различиях этих религий, для “третьего элемента” везде была характерна тесная связь с народными верованиями и бытовой магией, со всяческой чертовщиной и волшебством. Подавляющее большинство жителей стран Дальнего Востока преспокойно исповедовало все эти три религии одновременно, не видя никакого противоречия между ними. Один и тот же человек совершал конфуцианские обряды поклонения душам предков, молился в буддийских монастырях и обращался за помощью к чарам даосов или шаманок.

Подобная ситуация всегда приводила в изумление европейцев, привыкших к совсем другим принципам организации религиозной жизни. Европейцам никак не удавалось {с.288 – с.289} понять, каким же образом один и тот же человек может спокойно исповедовать три религии сразу. Для корейца и китайца ничего странного в этом не было, ведь у каждой религии была своя, чётко очерченная, “экологическая ниша”. Когда человек думал о долге перед страной или семьёй, когда его беспокоили этические проблемы, он шёл к конфуцианцам. Буддизм давал ответы на вопросы о смысле жизни и вообще специализировался на всяческих просто высоких и очень высоких материях. Шаманы и шаманки занимались вещами простыми и практически полезными: колдовством, изгнанием злых духов и приворотными зельями (недаром, как и у большинства народов, аудиторию корейских шаманов составляли в основном женщины).

Все три основные религиозные системы старой Кореи – конфуцианство, буддизм и шаманизм – дожили до наших дней, хотя и претерпели определённые изменения, и во многом уступили стремительному натиску христианства.

Буддизм, пожалуй, оказался подвержен переменам в наименьшей степени. Проникновение буддизма в Корею началось ещё в конце IV века н.э. Традиционно отсчёт истории буддизма начинается с появления буддийских проповедников в северокорейском княжестве Когурё. Произошло это, как принято считать, в 372 г. н.э., хотя у некоторых учёных эта дата вызывает сомнения, и они полагают, что всерьёз распространение буддизма началось примерно столетием позже. С самого начала в Корею проникал буддизм более позднего и, в целом, менее строгого направления, так называемой школы Махаяны (“большая колесница спасения”). Классический буддизм (школа Хинаяны) был также известен в Кореи, но распространения не получил и впоследствии исчез. Передача буддизма происходила через Китай. Именно оттуда пришло в Корею большинство первых миссионеров,

именно туда ездили за мудростью прославленных наставников и книгами монахи. Некоторые корейские буддисты, правда, в своих странствиях по священным местам добирались даже до Индии, но таких странников было немного, и в целом буддизм попал в Корею в китайском варианте, так что его священный {с.289 – с.290} языком в корейской традиции является не санскрит и пали, а древнекитайский.

На протяжении правления династий Объединённая Силла и Корё (правили с VII в. по XIV в.) буддизм был государственной религией Кореи. В течение этого тысячелетия была создана замечательная буддийская культура: тысячи храмов, статуй, икон, огромный массив философской и богословской литературы. Замечательным памятником этого буддийского “золотого века” является пещёрный храм Сокурам под Кёнджу. В течение первого тысячелетия корейские проповедники в больших количествах отправлялись в Японию, и именно они стали основателями японского буддизма. Однако с течением времени популярность буддизма стала снижаться. Во многом это объяснялось мирскими ухватками иерархов, которые не только активно вмешивались в политику и окружали себя всей мыслимой роскошью, но и превратили буддийские монастыри в крупных землевладельцев.

Это вызывало недовольство как у дворянства, так и у народа, тем более, что распространившаяся в XII-XIII веках новая разновидность конфуцианства, так называемое “неоконфуцианство”, относилась к буддизму куда критичнее, чем конфуцианство классическое. Пришедшая к власти в 1392 г. ультраконфуцианская династия Ли стала проводить политику ограничения влияния буддизма. Буддийские монахи были включены в состав низшего сословия “чхонмин”, к которому также относились крепостные и проститутки, а храмовое землевладение, которое вызывало особо большое недовольство в конце периода правления династии Корё, было ограничено. Однако династия Ли никогда формально не запрещала буддизм и даже не преследовала его по-настоящему. Из буддистов не делали мучеников, но проводившаяся в течение пяти веков правления династии политика постепенного вытеснения буддизма из общественной жизни оказалась достаточно успешной, и к началу нашего столетия буддизм находился в состоянии глубокого упадка. При всей условности такого сравнения, можно сказать, что отношение корейских властей к буддизму в XIV-XIX веках напоминало отношение советских {с.290 – с.291} властей к православной церкви: она напрямую не запрещалась, и власти в определённых ситуациях были даже готовы сотрудничать с ней, но в целом слишком тесные связи с церковью не поощрялись, её права и влияние – всячески ограничивались, а наиболее политически активные иерархи – устранялись.

В 1910 г. Корея стала колонией Японии – страны, где позиции буддизма в те времена были куда сильнее. Колониальные власти пытались насадить в Корее японские варианты буддизма, но они не очень прижились в стране. Тем не менее, заметная часть буддийских иерархов сотрудничала с колонизаторами, и во время войны буддийские монастыри даже жертвовали немалые суммы на строительство истребителей и танков для японской армии. Это и понятно: поскольку японские колониальные власти стремились представить себя защитниками буддизма, то и буддистское духовенство относилось к колониальному режиму достаточно благосклонно. Вдобавок, японский буддизм к началу нашего века сумел разработать новые богословские концепции, которые куда лучше традиционных сочетались с требованиями современного общества и с достижениями современных наук. Понятно, что эта новая теология привлекла внимание корейских буддийских богословов, перед которыми тогда стояли такие же задачи.

Однако это сотрудничество и прямая поддержка колониальных властей не очень помогли корейскому буддизму вернуть утраченные позиции, а, наоборот, серьёзно повредили ему в долгосрочной перспективе. То, что буддизм в массовом сознании оказался связан с японской колониальной администрацией, в итоге нанесло ему немалый вред. Как это ни странно, но с тридцатых годов роль “национальной религии” в Корее во всё большей степени стало играть христианство, в первую очередь – протестантизм американского образца. Хотя большинство населения вплоть до войны и исполняло буддийские религиозные обряды, мало кто воспринимал их всерьёз. Именно за счёт бывших буддистов, охотно принимавших

христианство, и происходило в тот период быстрое расширение рядов протестантов и католиков. {с.291 – с.292}

1950-е гг. стали для буддизма, как и для других корейских религий, эпохой расколов и внутренних раздоров. Причиной распрей среди буддистов была политика и попытки ответить на извечный вопрос “кто виноват?” Друг против друга выступали те фракции, которые в прошлом сотрудничали с колониальной администрацией и поддерживали насаждавшиеся японцами варианты буддизма, и те, кто в колониальный период стремился сохранять корейскую религиозную традицию, а теперь, после восстановления независимости, рвался расправиться с “коллораборационистами”. Впрочем, в действительности картина была сложнее: многие из поборников национальной чистоты в своё время тоже активно сотрудничали с колониальными властями, и их рвение в борьбе против японского влияния едва ли было таким уж искренним. Формально главным пунктом противоречий стал вопрос о том, могут ли представители буддийского духовенства иметь жён. Японская буддийская традиция обычно разрешала это, в то время как корейская, напротив, запрещала. Конфликт в целом закончился, как и следовало ожидать, победой сторонников исконных начал (хотя некоторые из направлений корейского буддизма так до сих пор и не признали безбрачия), но он во многом отвлек буддийских иерархов от борьбы за паству, которая тем временем во всё больших количествах уходила к христианам.

Положение изменилось только после 1970 г. В середине семидесятых буддисты резко активизировали свою миссионерскую деятельность внутри страны и даже предприняли попытку выйти на международную арену, начав и там пропаганду корейского буддизма. Конечно, и по энергии, и по размаху, и по вложенным средствам и, следовательно, по результатам буддийская миссионерская деятельность существенно уступала христианской, но, тем не менее, она не пропала втуне. Количество храмов стало быстро расти и к 1989 г. достигло 8.892 (против 1.300 в 1950 г.). В настоящее время можно сказать, что буддизм в Корее находится на определённом подъёме, хотя едва ли его скромные достижения можно сравнить с впечатляющими успехами христианства. {с.292 – с.293}

В организационном отношении корейский буддизм состоит из независимых “сект” (весьма неудачный, но закрепившийся термин), которых в конце 1980-х гг. было 18. Каждая из “сект” обладает полной автономией, сама решает все вопросы своей деятельности, хотя при необходимости могут созываться и общекорейские буддийские съезды. По сути, “секта” является самостоятельной автономной церковью. Между “сектами” имеются немалые различия и в ритуалах, и в теологии. Однако, в отличие от направлений христианской церкви, буддийские “секты” не считают друг друга еретическими. {с.293 – с.294}

Корейское христианство: страницы истории

Большинство русских, приезжающих в Южную Корею, быстро убеждаются в том, что это страна, по преимуществу, христианская. Об этом напоминает невероятное обилие церквей, встречающиеся на каждом шагу уличные проповедники, толпы народа на воскресных службах и многое другое. Хотя статистика и утверждает, что христиане составляют чуть менее половины религиозно активного населения страны, эти цифры не отражают главного: характерного для корейских христиан, в особенности – протестантов, “усердия в вере”. Буддисты, которых формально в Корее столько же, сколько и христиан, как правило, ограничиваются тем, что объявляют себя таковыми, и в “своих” храмах никогда не появляются. Христиане же относятся к религиозным обрядам с полной серьёзностью.

А, между тем, христианство – явление для Кореи новое. Распространение этой религии началось сравнительно недавно, в конце XVIII века. В тот период Корея находилась в состоянии тяжёлого морального кризиса. Ортодоксальное неоконфуцианство, которое на протяжении долгого времени играло роль официальной идеологии страны, многим казалось слишком схоластичным, оторванным от реальной жизни и заблудившимся в лабиринтах собственных умозрительных построений. Стремление найти какие-то новые идеи и привело к тому, что некоторые представители конфуцианской интеллигенции стали обращать внимание на христианские католические сочинения, которые (в переводе на хорошо известный всем

образованным корейцам древнекитайский язык) время от {с.294 – с.295} времени попадали в Корею из Китая. В конце 1770-х гг. в Сеуле возник кружок молодых дворян, занимавшихся изучением христианства по находившимся в их распоряжении книгам. В 1784 г. один из членов этого кружка, Ли Сын-хун, сумел добиться права посетить Китай в составе корейской дипломатической миссии. Это было не так просто, ведь в те времена выезд из Кореи за границу был ограничен. Ли Сын-хун встретился в Пекине с иностранными миссионерами, принял крещение, и вернулся на родину с многочисленными католическими сочинениями. Таким образом, в 1984 г. исполнилось 200 лет корейскому христианству – годовщина, которую местные католики отметили с немалой пышностью.

Ли Сын-хун и его единомышленники начали активную миссионерскую работу, и количество сторонников нового вероучения среди корейских дворян стало быстро возрастать. Обеспокоенное проникновением чуждого и странного учения, корейское правительство, обычно отличавшееся веротерпимостью, решило принять решительные меры и под страхом смерти запретило пропаганду христианства. Однако запрет не остановил сторонников новой веры, и в 1791 г. в Корее появились первые мученики. С этого момента корейское правительство на протяжении почти столетия вело отчаянную борьбу с католиками, организовав в 1785-1876 гг. десять крупномасштабных кампаний по искоренению “западной ереси”. Множество корейских христиан погубило на плахе и в тюрьмах. Судьбу их разделили и иностранцы, главным образом французские и китайские католические священники, нелегально проникавшие в Корею из Китая (въезд иностранцев в страну был тогда категорически запрещен) и редко возвращавшиеся назад живыми. Тем не менее, католическая община продолжала существовать и расти. К моменту легализации христианства в 1870-е гг. численность католиков в стране было около десяти тысяч католиков. К середине XIX века появились и первые корейцы-священники, которые были тайно отправлены общиной учиться в семинарию в Макао и, пройдя там подготовку, нелегально вернулись на родину. {с.295 – с.296}

Если сравнивать Корею с другими странами Восточной Азии, то видно, что история раннего корейского христианства достаточно нетипична. Во-первых, католическое христианство проникло в Корею без непосредственного участия западных миссионеров, через книги. Во-вторых, его распространение было достаточно быстрым, успешным и, опять-таки, не являлось результатом деятельности иностранных представителей.

Распространение протестантизма в Корее происходило по более стандартной схеме. Решающую роль в его проникновении в страну сыграли западные миссионеры, деятельность которых началась в Корее в 1880-е гг., вскоре после “открытия страны” в 1876 г. Решающую роль в массовом распространении протестантского христианства сыграли американцы, первым из которых был просвитерианин Гораций Аллен, прибывший в Корею в 1884 г. Кстати, именно Аллен стал основателем первой в Корее современной больницы – заложив таким образом основы тактики протестантских миссионеров, которые занимались не только (и даже не столько) религиозной проповедью, сколько разнообразной просветительской деятельностью. К 1910 г. в стране действовало около двух тысяч иностранных миссионеров, причём 95% среди них составляли протестанты.

В самом конце XIX века появились в Корее и русские православные миссионеры, но успехи их были весьма скромными. Показательно, что сейчас корейцев-православных в двадцать раз меньше, чем... корейцев-мусульман, хотя попавший сюда в 1951 г. ислам – тоже не самая популярная в Корее религия.

Хотя в начале века христиане и составляли сравнительно небольшую часть всего населения страны (1,4% в 1911 г.), они сыграли особую роль в тех многочисленных преобразованиях, что тогда происходили в Корее. Миссионеры открыли в Корее первые западные больницы и школы, способствовали распространению современных научных и технических знаний. В 1911 году в стране действовало 800 миссионерских школ, в которых обучалась 41 тысяча человек. Во всех иных учебных заведениях стра {с.296 – с.297}ны, вместе взятых, было в два раза меньше учащихся! Христианами (в основном протестантами) была очень заметная часть первых корейских “западников”, активным было участие

протестантов и в национально-освободительном движении. Даже основатели коммунистического движения, включая и Ким Ир Сена, вышли из христианских семей.

Любопытно, что протестантство и католицизм в современной корейской статистике рассматриваются как разные религии. Вызвано это, отчасти, и лингвистическими причинами: протестанты именуют своё вероучение “кидоккё” (“Учение Христа”), в то время как католики именуют себя последователями “чхончжугё” (“Учения Небесного владыки”). Сказывается это и на переводах. Когда кореец, говоря по-английски или по-русски, называет себя “христианином”, это почти всегда означает, что он является именно протестантом, а не католиком или, скажем, православным.

В период колониального владычества корейское христианство столкнулось с немалыми трудностями. Японцы с понятным подозрением относились как к самому христианству, опасаясь, что оно может стать источником проникновения западных идей, так и к миссионерам, в которых они видели потенциальных западных агентов. В противовес христианству власти пытались внедрять в Корею японские варианты буддизма, но без особого успеха. Ещё меньшего успеха добились колониальные власти в своих попытках насаждения японского язычества – синтоизма, который оставался для большинства корейцев религией не просто чуждой, а глубоко враждебной.

В двадцатые и тридцатые годы с христианством в Корею произошла важная метаморфоза, которая во многом определила его последующую судьбу: оно стало восприниматься как национальная религия, полностью потеряв тот оттенок “западности” и “чуждости”, который был характерен для него ранее. В этом заключается коренное отличие между судьбами христианства в Корею – с одной стороны, и в большинстве стран Азии – с другой. Во многом это было связано с тем, что в Корею в качестве колонизаторов выступали не европейцы, которые {с.297 – с.298} в те времена очень любили подчёркивать свою приверженность христианству, а язычники-японцы. Поэтому в Корею, в отличие от колоний западных держав, миссионеры подвергались преследованиям и воспринимались народом не как идеологические агенты власти, а, наоборот, как противники колонизаторов. Практически вся новая корейская интеллигенция, включая и большинство лидеров антиколониального движения, состояла из людей, получивших образование в христианских учебных заведениях и, как правило, вынесших оттуда преданность этому вероучению. Наконец, церкви были в колониальный период тем местом, где продолжала звучать корейская речь, а церковные издания выходили на разговорном языке, набранные национальным шрифтом.

1945 г. принёс кардинальные изменения в положение корейского христианства. С этого момента христианство, которое на протяжении почти двух столетий было религией либо прямо запрещавшейся и преследовавшейся, либо же, как минимум, не поощрявшейся властями, приобрело полуофициальный статус. Разумеется, корейская конституция предусматривает отделение государства от церкви, но в условиях огромного влияния протестантско-католической Америки и явных христианских симпатий корейских верхов, христианство, особенно протестантское, оказалось в особо благоприятных условиях. Способствовали этому и проповедники, во множестве прибывавшие в Корею из США. После Корейской войны количество христиан в Корею стало быстро возрастать. Если в 1940 г. христиане составляли только 2,2% населения страны, то в 1962 – 12,8%, а в 1990 – 23% (надо помнить, что примерно половина корейцев не исповедует никакой религии).

В период правых диктатур (1948-1987), отношения христианства и властей были достаточно противоречивыми. С одной стороны, основная масса корейского духовенства придерживалась последовательно антикоммунистических взглядов, чему, в частности, способствовали и гонения на христиан в Северной Корею. Традиционные связи корейских христиан с Америкой также сказывались на политической ориентации протестантских церквей. Наконец, {с.298 – с.299} доля христиан среди корейской экономической и политической элиты после 1945 г. была очень велика и продолжала расти, что тоже делало христианские церкви сторонниками сохранения существующей системы. В то же время, корейское христианство не стало придатком светской власти. На практике корейские христиане, особенно католики, играли самую активную роль в оппозиционных движениях, а

католические соборы, которые в Корее пользуются неофициальным, но на практике обычно соблюдаемым правом убежища, часто становились ареной антиправительственных выступлений. Эти действия существенно поднимали авторитет церкви, особенно среди интеллигенции и извечно оппозиционного корейского студенчества.

Как бы то ни было, но Корея, наряду с Филиппинами, является единственной преимущественно христианской страной Восточной Азии, и это обстоятельство накладывает немалый отпечаток на всю её жизнь. {с.299 – с.300}

Ислам в Корее

Как известно, Корея – страна однонациональная, но при этом многорелигиозная. В последние полвека лидирующие позиции в корейской религиозной жизни занимает христианство протестантского толка, однако среди корейцев немало буддистов и католиков, изредка встречаются православные и представители совсем уж экзотических верований. Есть среди корейцев и мусульмане.

Корни корейского ислама уходят в глубокую древность. VII-X века нашей эры были временем беспримерного развития арабского мореплавания в Индийском Океане. Именно тогда арабские моряки проложили первые регулярные торговые линии вокруг Юго-Восточной Азии и наладили морскую торговлю с Китайской империей (до этого товарообмен между Средиземноморьем и Китаем шёл в основном по суше). Напоминанием о тех временах служат многочисленные китайцы-мусульмане, которые и поныне живут в прибрежных районах Южного Китая. Добрались арабские купцы и моряки и до Кореи, которой в те времена правила династия Силла. Многим коллегам Синбада-морехода понравилась страна и её люди, они осели в Корее, основали там свои торговые поселения, которые впервые упомянуты в арабской лоции IX века. Там говорится: “По ту сторону моря, что за Китаем, лежит гористая и богатая золотом страна, именуемая “Силла”. Многие мусульмане, прибыв туда, остались там навсегда, ибо им очень понравилась красота страны”. Начиная с XI века в корейских хрониках упоминаются и массовые переселения арабов на Корейский полуостров. {с.300 – с.301}

Разумеется, все или почти все арабские торговцы были мусульманами, и они принесли с собой ислам и в Корею. В городе Кэсоне, столице династии Корё (X-XIV вв.), уже существовала мечеть. Однако в XV веке изменения в политической ситуации привели к тому, что контакты между Кореей и странами Ближнего Востока ослабли, а потом – и полностью прекратились. Мусульмане-переселенцы с течением времени оказались ассимилированы корейцами и полностью растворились в местном населении. Впрочем, и поныне жители некоторых корейских деревень помнят о том, что когда-то их поселения были основаны арабскими купцами, и что среди их предков, скорее всего, были мусульмане. По легенде, мусульманами были основатели и довольно большого корейского клана Чан из Токсу (“Чан” – фамилия членов клана, а “Токсу” – его “понгван”, легендарное место основания).

История корейского ислама заново началась в 1950-е годы. Как известно, в Корейской войне на стороне американо-южнокорейской коалиции принимали участие и войска ряда иных государств, стремившихся подчеркнуть свой антикоммунизм и верность идеалам “свободного мира”. Среди этих государств была и Турция, направившая на Корейский полуостров весьма значительный воинский контингент – до 15 тысяч человек, которые, кстати, показали себя хорошими солдатами. Разумеется, турецкие солдаты и офицеры не только открывали на территории своих частей полевые мечети, но и рассказывали корейцам об исламе – насколько, конечно, позволял языковой барьер. Немалую роль играло и то, что турки старались помогать местному населению. В частности, они построили и содержали за свой счёт школу для корейских детей и несколько полевых кухонь, в которых кормили голодающих корейцев. Турецкие военные имамы и занялись миссионерской деятельностью, так что с 1953 г. в пятничных молитвах турецких военных стали участвовать и новообращённые корейцы-мусульмане, которых тогда было около 100 человек.

В 1956 г. открылась первая в современной Корее мечеть – правда, она была временной, так что минарет при {с.301 – с.302}шлось сделать в виде вышки из подручных материалов. Во временных мечетях богослужение шло до 1976 года, когда на помощь корейским мусульманам пришли богатые саудовские единоверцы. Именно на деньги Саудовской Аравии и была возведена та мечеть, что и ныне высится в центре Сеула, на Итхэвоне. Она и поныне выглядит впечатляюще, а в те времена, когда основная часть Сеула была ещё занята трущобами, мечеть производила величественное впечатление. Не удивительно, что само по себе появление храма способствовало росту корейского ислама. В момент открытия мечети в стране было всего лишь 3700 мусульман, а три года спустя, в 1979 г., их число достигло 15 тысяч. Впрочем, этот рост был вызван отнюдь не только возведением мечети. В семидесятые годы корейские фирмы активно строили объекты в странах Ближнего Востока, куда ежегодно направлялись десятки тысяч рабочих. Многие из них возвращались домой, став мусульманами. В некоторых случаях это решение было спонтанным, а в некоторых – являлось результатом целенаправленной миссионерской деятельности, которую вели религиозные организации стран Ближнего Востока.

В настоящее время в Корее проживает около 40 тысяч корейцев-мусульман, действует 5 постоянных и две временных мечети. Значительную часть прихожан составляют не сами корейцы, а многочисленные иностранные рабочие, среди которых немало выходцев из мусульманских стран (Пакистан, Бангладеш, некоторые районы Филиппин).

В целом, несмотря на усилия мусульманских проповедников и их явные успехи, ислам в Корее остаётся явлением побочным, экзотическим, хотя, конечно, количество корейцев-мусульман во много раз превышает количество корейцев-православных. И, тем не менее, мусульманская община Кореи существует и растёт. {с.302 – с.303}

Король и его женщины

Гарем... С давних времён слово это поражает воображение наших соотечественников, которых христианская церковь вот уже тысячу лет упорно (и не всегда успешно) воспитывает в духе единобрачия. Однако за пределами христианского мира гаремы существовали повсюду, и Корея не была исключением. Надо, правда, оговориться: почти везде и почти всегда гарем был привилегией, доступной очень немногим. То, что теоретически мусульманин мог иметь семерых жён, вовсе не означало, что большинство мусульманских мужчин проводило свою жизнь в окружении семи луноликих красавиц. Нет, подавляющее большинство обходилось одной женой (и было зачастую вполне этим довольны), в то время как гаремы могли содержать только немногие сильные мира сего.

В Корее дела обстояли примерно так же. Вплоть до середины нашего века корейские законы разрешали мужчинам иметь наложниц, но на практике этим пользовались немногие, ведь большинству это было просто не по карману. Правда, в некоторых общественных слоях (например, среди богатых купцов) наличие симпатичной молоденькой наложницы в задних покоях особняка было столь же обязательным, как наличие “Мерседеса-500” в гараже любого русского банкира. Как и “Мерседесы” в наши дни, наложницы были тогда предметом роскоши, пусть и несколько своеобразным. Правда, сколько бы наложниц у корейца не было (редко даже самый богатый человек мог содержать больше 2-3), жена у него была всё равно только одна, и только она пользовалась соответствующими юридическими правами. {с.303 – с.304}

Не удивительно, что наибольшее количество наложниц имел король. Однако и у корейского короля была только одна жена. Между женой и наложницами лежала пропасть, которая была практически непроходимой. Конечно, король мог, если уж ему очень этого хотелось, развестись с женой, и официально провозгласить своей новой женой бывшую наложницу. Такие ситуации в корейской истории действительно возникали – например, так поступил король Сукчжон в конце XVII века – однако случалось такое очень редко. Во-первых, королева обычно происходила из влиятельного аристократического рода, и её многочисленные родственники вполне могли за неё постоять. Например, тому же Сукчжону его развод (который в итоге пришлось аннулировать) доставил немало политических проблем самого серьёзного свойства. Наложницы же, как правило, были если и не

простолюдинками, то уж, по крайней мере, женщинами из довольно захудалых дворянских родов, за их спинами не было влиятельных и богатых семей, так что соперничать с королевой на равных они не могли. Во-вторых, такой поступок, как развод с женой, считался не совсем достойным короля. Поэтому, как бы король не относился к королеве, она обычно оставалась его женой, хозяйкой его дома (точнее, дворца), и официальной соправительницей страны.

Впрочем, сказать, что корейская королева была соправительницей – некоторое преувеличение. Она, правда, участвовала во многих официальных или, как бы мы сейчас сказали, “протокольных” мероприятиях, но в целом женщинам в старой Корее в политику открыто вмешиваться не полагалось. Несмотря на это, не для кого не было секретом, что порою королевы обладали огромной реальной властью. В конце XIX века, например, именно королева Мин, жена последнего корейского короля Кочжона, во многом определяла и внутреннюю, и внешнюю политику страны. Кстати сказать, во внешней политике королева находилась на прорусских позициях, что и стало одной из причин её гибели – её в конце концов убили японские агенты. Однако формально, повторяю, жёны корей {с.304 – с.305}ских королей должны были вести себя как тихие затворницы.

Кстати сказать, знаменитая фраза о том, что “жениться по любви не может ни один, ни один король!” вполне относится и к корейским владыкам. Жёну королю подбирали родители или, если король вступил на престол малолетним, регентский совет, и исходили они при этом вовсе не из личных симпатий короля, а из сложных политических расчётов. Если жена королю не нравилась – в его распоряжении были наложницы, которых он выбирал сам, однако оказывать формальное почтение жене он всё равно был обязан.

Итак, наложницы. Часто спрашивают, сколько их было? Никаких ограничений на их число не существовало. Обычно официально признанных наложниц было около 10-15, но в распоряжении короля были также и “кунънё”, то есть, в буквальном переводе, “женщины дворца”. “Кунънё” являлись дворцовыми служанками. Они мыли, убрали, стирали, готовили, делали тысячи иных дел, без которых жизнь в огромном дворцовом комплексе была бы невозможной. Однако “кунънё” не были просто служанками. При “поступлении на работу”, они должны были быть девственницами, и рассматривались как потенциальные наложницы короля. Король, если он только захотел, мог провести ночь с любой приглянувшейся ему служанкой, хотя в действительности в королевской постели смогли побывать лишь очень немногие из них. Любая любовная связь с иным мужчиной для “кунънё” считалась тяжким уголовным преступлением, она приравнивалась к измене супругу, то есть самому королю (даже в том случае, если король и в глаза ни разу не видел виновницу). Набирали “кунънё” раз в десять лет, при этом и они, и их родители должны были обладать хорошим здоровьем, а также не иметь среди своих предков тех, кто когда-либо осуждался за серьёзные уголовные или политические преступления. Обычно на службу во дворец отбирали совсем маленьких девочек, которым было только 5-6 лет, хотя бывали и исключения. Первые 15 лет жизни во дворце считались временем ученичества, а потом девушки официально получали звание “двор {с.305 – с.306}цовой прислужницы”. Любопытно, что проводившаяся по этому случаю церемония была копией свадебного ритуала. Единственное отличие заключалось в том, что на этой “свадьбе”... отсутствовал жених. Дело в том, что женихом (так сказать, “виртуальным женихом”) был сам король, и прошедшие церемонию женщины считались его потенциальными наложницами. Даже в том случае, если “кунънё” с годами покидала дворцовую службу и возвращалась в “большой мир”, вступать в брак она больше не могла, ведь до конца жизни она всё равно формально оставалась как бы “резервной наложницей” Его Величества.

Поэтому, кстати, участь “кунънё” воспринималась в Корее как трагическая. Молодые женщины оказывались запертыми в стенах дворца, обрекались на бездетность и, чаще всего, на пожизненную девственность. Их судьбу оплакивали в поэмах и книгах, а семьи повлиятельнее никогда не допускали того, чтобы их дочери оказались выбранными в качестве “кунънё”.

Однако мечтой большинства “женщин дворца” было стать настоящей наложницей, которую называли “хозяйка задних покоев”. Для этого, во-первых, “кунънё” должна была

провести с королём ночь (кстати, называлось это официально “подняться до королевской милости”). “Подняться до королевской милости” удавалось немногим, ведь для большинства прислужниц жизнь так и проходила на кухнях и в прачечных, в вышивальных мастерских и в кладовых дворца, то есть там, куда Его Величество, понятное дело, не заглядывал, где шансы попасться королю на глаза и как-то привлечь к себе его внимание были практически нулевыми. Однако даже сама ночь или две, проведённые в королевской постели, значили не очень много. Как правило, для того, чтобы стать официально признанной наложницей, женщина должна была родить королю ребёнка. Поэтому из примерно 300-400 находившихся во дворце “кунънэ” полноправными королевскими наложницами обычно становились всего лишь 10-15 женщин. Большинству же “дворцовых служанок” оставалось надеяться на то, что со временем они смогут сделать карьеру и дослужиться, скажем, до “старшей служанки”, своего рода фрей {с.306 – с.307}лины. “Старшие служанки” или непосредственно прислуживали королеве и наложницам, или же были начальницами всяческих дворцовых хозяйственных учреждений (кухни, прачечные, гардеробные и т.д.). И тем не менее, большинство “кунънэ” мечтало о том, что, может быть, и им улыбнётся счастье, что и они тоже когда-нибудь станут матерями королевских сыновей.

Вообще говоря, с политической точки зрения главная задача наложниц заключалась вовсе не в том, чтобы время от времени разделять с королём ложе и радовать его своими прелестями. Им была поручена куда более важная миссия: обеспечивать стабильность династии, производя на свет сыновей – потенциальных наследников престола. По корейским законам, король заранее назначал официального наследника, причём часто делал это почти сразу же после вступления на престол. Наследником мог быть любой из его – обычно многочисленных – сыновей. В отличие от России и Европы, наследником вовсе не обязательно становился старший сын. По подсчётам историков, только четверть корейских королев династии Ли была старшими сыновьями своих предшественников. Традиция, правда, требовала отдавать предпочтение сыновьям от жены (если, конечно, таковые были), а не от наложниц, но правило это часто нарушалось. В исключительных случаях, если король был бездетным, то наследником престола он мог назначить своего брата, или племянника, или иного близкого родственника. Однако подобные шаги были чреваты смутой, их следовало избегать, так что для обеспечения устойчивости династии было необходимо, чтобы король имел как можно больше сыновей. Официально утверждённый наследник ведь всегда мог умереть (детская смертность в те времена была очень высокой), и потенциальная замена ему была жизненно необходима. Именно этим и объясняется наличие многочисленных наложниц, задача которых была проста – рожать резервных наследников (чем больше – тем лучше).

Неудивительно, что корейские короли отличались многодетностью. Например, у Тхэчжона (правил 1400-1418) было 29 сыновей и дочерей, а у Сончжо (правил {с.307 – с.308} 1567-1608) – 25. И это при том, что дети, умершие во младенчестве (а таких в те времена было немало), зачастую не учитывались! Конечно, в этом отношении корейские короли не идут в сравнение со многими владыками мусульманского мира, некоторые из которых имели сотни детей, но ведь и наложниц у иного султана или хана тоже могло быть несколько сотен.

Гарем в его корейском варианте вообще во многом отличался от гарема ближневосточного, который лучше знаком нашим российским читателям. Главное отличие заключалось в том, что корейские королевские наложницы и официально, и по сути были куда менее бесправны, чем женщины султанских и ханских сералей. На Ближнем Востоке наложницы, как правило, были не более чем рабынями, которые находились под полным контролем надсмотрщиков-евнухов. В Корее роль гаремных евнухов была куда скромнее, а сами обитательницы гарема пользовались определёнными правами. Это и понятно: они были не пленницами и даже не крепостными, а происходили, как правило, из дворянских семей, пусть и захудалых, и сохраняли связи с миром за пределами дворца. {с.308 – с.309}

Китайские иероглифы и корейская письменность

Как пишут корейцы? Для большинства россиян, которые побывали в этой стране с кратким визитом, ответ очевиден: как чем? да иероглифами, конечно! Действительно,

повсюду в Корее можно увидеть непонятные знаки, которые по своему виду несколько напоминают китайские иероглифы. Большинство россиян их и принимает за таковые – и совершенно зря.

В действительности же ситуация совсем иная. В Корее параллельно применяются две основные системы письменности: заимствованная из Китая в начале нашей эры иероглифическая письменность (кор. ханчжа) и изобретённая в середине XV века корейская алфавитная письменность (современное южнокорейское название – хангыль). Подавляющее большинство текстов, с которыми встречается живущий в Корее иностранец, написаны на хангыле, то есть, иначе говоря, алфавитом. Да, самым обыкновенным алфавитом, состоящим всего лишь из 24 букв (14 согласных, 10 гласных)! Внешнее сходство корейских письмен с иероглифами, однако же, не случайно. Люди, которые пять с половиной веков назад разрабатывали корейский алфавит, специально стремились к тому, чтобы такое сходство было максимальным, ведь для них, воспитанных на традиционной китайской культуре, иероглиф был основой всей каллиграфической эстетики. Поэтому корейские лингвисты XV века и разработали такой способ компоновки букв, при котором алфавитная письменность внешне выглядит как иероглифическая. {с.309 – с.310}

Однако, помимо алфавита, корейцы пользуются и иероглификой, которая попала сюда из Китая два с лишним тысячелетия назад. Корейский язык не очень походит на древнекитайский, для записи которого иероглифы в своё время и создавались. В древнекитайском языке слово всегда оставалось неизменным. Привычных нам изменений окончаний (русское “человек”, “человек/а”, “человек/у”, “человек/ом”, “человек/е”, “дума/л/а”, “дума/ю”, “дума/ем” и т.п.) в древнекитайском не было, все грамматические отношения выражались исключительно служебными словами. Поэтому один и тот же иероглиф мог легко записывать неизменное слово. Корейский же язык в этом отношении ближе к русскому. В корейском глаголы спрягаются, существительные – склоняются, в нём есть развитая система суффиксов и окончаний. Всё это не позволяет полноценно записывать корейские фразы с помощью одной лишь иероглифики. Поэтому корейское письмо в старые времена тяготело к смешанному типу, который получил распространение и в Японии: корни слов китайского происхождения записывались иероглификой, а суффиксы и слова собственно корейского происхождения писались национальной письменностью. Есть, впрочем, в корейском и японском подходе к иероглифике и немаловажное различие. В Японии иероглифами можно записывать и исконно японские слова, а в Корее – нет. Китайские иероглифы в корейском письме могут быть использованы только для записи китайских заимствований. Однако этих заимствований в корейском очень много, в типичном газетном тексте, например, около 80% слов – китайского происхождения.

Часто спрашивают о том, что же означает иероглиф: слово? слог? звук? Конечно, не звук, а слог. В древнекитайском языке все без исключения слова были односложными (к подобной системе сейчас всё больше тяготеет, например, английский), и каждый иероглиф был выдуман для записи одного односложного слова. С течением времени, однако, слова-однослоги стали сливаться друг с другом, образуя слова, состоящие из нескольких слогов. Эти слова в основном и попали в корейский, а также и в другие {с.310 – с.311} языки Дальнего Востока. Сколько слогов в слове, столькими иероглифами оно и записывается. Во всех языках Дальнего Востока иероглифы одинаковые, китайские, но в каждом языке произносятся они по-своему, хотя имеют одно и то же значение (произношение их, как правило, исторически восходит к ныне забытому древнекитайскому произношению).

Приведу лишь один пример. В древнекитайском языке были три слова, которые в современном северокитайском диалекте – государственном языке Китая – произносятся как “да” (“большой”) и “сюэ” (“учёба”, “учиться”). Они, разумеется, записывались иероглифами. Лет сто назад, то ли в Китае, то ли в Японии из этих двух слогов было “собрано” новое слово. В Японии оно читается “дайгаку”, в Китае “дасюэ”, в Корее “тэхак”, но пишется оно одними и теми же иероглифами значение у него везде одинаковое – “университет” (если переводить по иероглифам – “школа большой учёбы”). В современном корейском его можно записать двумя способами – алфавитом, то есть просто передавая его корейское произношение, или иероглифами, отражая и значение его компонентов.

Другой вопрос, который задаётся очень часто: а сколько всего существует иероглифов? Точного ответа нет. Точнее, ответ, может быть, и есть, но его никто не знает. В самом полном словаре иероглифов, который был подготовлен около тысячи лет назад, было учтено 53 тысячи знаков. Заведомо известно, что некоторые иероглифы не попали даже в этот гигантский словарь, так что иероглифов ещё больше, скорее всего, около 60 или даже 70 тысяч. Однако то, что на свете существует примерно 70 тысяч иероглифов, вовсе не означает, что грамотный человек должен знать их все. Это и невозможно, и не нужно. Большинство русских тоже ведь благополучно живёт, не зная, что такое “реципроктность”, “окоём”, “скуфья” или “радиолярия”. Из 60-70 тысяч иероглифов, подавляющее большинство составляют различные варианты одного и того же знака или же всяческие архаические термины, вроде названия какого-нибудь особого копья, которое использовалось две тысячи лет назад кочевыми племенами Внешней Монголии. {с.311 – с.312} Даже самые образованные люди редко в состоянии запомнить более 10 тысяч знаков, обычному же человеку даже в Китае, где иероглифы используют очень широко, для жизни с лихвой хватает 4-5 тысяч знаков. В Корее и Японии даже хорошо образованный человек редко знает более трёх тысяч иероглифов.

Хотя и в Корее, и в Японии, и во Вьетнаме в своё время выдумали небольшое количество “своих” иероглифов, подавляющее их большинство (99,9%) пишется одинаково во всех четырёх “иероглифических” языках. Точнее, впрочем, будет сказать “писалось”, а не “пишется”, ведь последнее столетие для всех стран региона стало временем реформ. Больше всего пострадала иероглифическая традиция во Вьетнаме, где сто с небольшим лет назад французские колонизаторы и поддерживавшие их католические миссионеры насильственно ввели латинский шрифт. В Японии и Китае после Второй мировой войны тоже были предприняты реформы правописания. В ходе этих реформ (китайская, организованная Мао, была гораздо радикальнее японской) были узаконены некоторые упрощённые, скорописные варианты иероглифов. В Корее же, на Тайване, Гонконге и Сингапуре до сих пор сохраняются исконные полные формы, которые до начала нашего века употреблялись во всей Восточной Азии.

Однако, несмотря на все реформы, большинство иероглифов во всех трёх языках по-прежнему пишется одинаково. Поэтому, увидев записанное иероглифами слово, житель любой из стран региона без труда поймёт его значение. С предложением дело обстоит иначе, ведь здесь большую роль играют не только слова, но и грамматика, которая во всех языках своя и очень разная. Даже если хорошо знающий иероглифику человек увидит записанные иероглифами знакомые слова “университет” и “открыть” в тексте на незнакомом ему языке, он не поймет, что же случилось с университетом: открыли его? не открыли? откроют? хотят открыть? не должны открывать? Все эти “могут”, “хотят”, “должны” и выражаются грамматикой!

Однако общность написания всё равно существенно облегчает взаимные контакты между странами региона. Дело {с.312 – с.313} в том, что не только в корейском, но и в других языках Дальнего Востока заимствований из китайского – фантастическое количество. Обычный корейский газетный текст примерно на три четверти состоит из таких заимствований. Поэтому если все слова китайского происхождения записывать иероглифами, то иероглифы составят примерно половину текста. Именно половину, а не три четверти, поскольку, как мы уже говорили, суффиксы и окончания всё равно записываются корейским алфавитом. Так образованные корейцы и писали до середины нашего века (до конца XIX века они вообще обычно писали на древнекитайском).

Однако после 1945 г. началось постепенное вытеснение иероглифики и укрепление позиций корейского алфавита. С особой скоростью процесс этот пошёл в 1960 и 1970-е годы. Тогда индустриализация привела в город массы крестьян, которые в прошлом не имели возможности изучить иероглифику, но довольно быстро смогли научиться читать и писать на хангыле. Большую роль сыграла и шумная кампания сторонников корейской национальной письменности, объединённых в так называемое Общество хангыля. В результате их активной пропаганды, во многом поддерживаемой как правительством, так и националистической интеллигенцией, многих корейцев удалось убедить в том, что полное вытеснение

иероглифики и переход исключительно на алфавитную письменность является не только безусловным благом, но и проявлением “истинного корейского национального духа”.

В результате этой активной пропаганды удалось добиться изъятия иероглифики из программ начальной школы, хотя в средней школе она изучается по-прежнему (официально утверждённый иероглифический минимум составляет около двух тысяч знаков). Произошёл также и переход на алфавитную письменность почти всех публикаций, предназначенных для “простого народа”. В то же время значительная часть специальной литературы и официальных материалов, адресованных представителям экономической, политической и культурной элиты, по-прежнему пишется смешанным письмом с очень широким использованием иероглифики. Во многих начальных школах учителя также продолжают преподавать иероглифы, делая это как бы полулегально. Вызвано всё это отнюдь не консервативностью и упрямством сторонников старинной письменности.

Дело в том, что, вопреки националистической пропаганде, внедрение алфавита отнюдь не является безусловным благом, на что указывают и продолжающие своё сопротивление сторонники широкого использования иероглифики. В своих статьях и выступлениях они подчёркивают, что иероглифика, во-первых, является системой письменности, общей для всех стран Дальнего Востока – Китая, Японии, Кореи, Тайваня, Сингапура, Гонконга и, исторически, Вьетнама. Сейчас укрепление экономических связей между этими странами является одной из важнейших задач их внешней политики. Однако отказ Кореи от иероглифики во многом подрывает подобные связи и затрудняет взаимопонимание между корейцами и их соседями. Второй аргумент, высказываемый в пользу сохранения иероглифики, заключается в том, что она делает “прозрачной” этимологию слов, позволяет легко понимать их происхождение и, при необходимости, просто создавать новые слова и выражения из китайских корней. По сравнению с новообразованиями из корейских корней или заимствованиями из западных языков такие неологизмы отличаются краткостью и удобством в использовании. В-третьих, без иероглифики понимание специальных текстов попросту невозможно из-за очень распространённой среди научных терминов омонимии (ситуации, когда два слова с разным значением произносятся одинаково). В-четвёртых, наконец, знание иероглифики – это необходимое условие для понимания старой корейской культуры. {с.314 – с.315}

Школы старой Кореи

Как было устроено образование в Корее во времена правления династии Ли, в XV-XIX веках? С определённой долей натяжки можно сказать, что и в те времена в Корее существовали начальные, средние и высшие учебные заведения. Примерным аналогом нынешней начальной школы тогда была деревенская школа “содан”, средней школе более или менее соответствовали уездное государственное училище “хянгё” и частная школа при конфуцианском храме “совон”, а корейским университетом (или, скорее, Академией государственной службы) был Сонгюнван. Разумеется, это сравнение – очень приблизительное. Аттестатов зрелости в старой Корее не выдавали, и решение о том, принять ли ученика в ту или иную школу, зависело в основном от учителя, который при этом в первую очередь обращал внимание на уровень знаний и способностей кандидата.

И тем не менее, что-то в этом сравнении есть. Путь к вершинам знаний для большинства корейцев начинался в их деревенской школе “содан” (в переводе с древнекитайского – “зал книг”). Для подавляющего большинства учеников – детей зажиточных крестьян – этот путь там же и оканчивался, ведь в доиндустриальную эпоху получить полноценное образование и в Корее, и в иных странах могли только очень и очень немногие – от силы 1-2% населения. Тем не менее, в целом по уровню образования страны Дальнего Востока вообще, и Корея – в частности существенно опережали тогдашнюю Европу и Россию. Уже с XVI века начальная школа “содан” была нормой в каждом крупном корейском селе. Содержала школу обычно {с.315 – с.316} сельская община, корейский “мир”, хотя иногда школу основывали местные богачи, чтобы учить в ней своих детей. Впрочем, и в такие частные школы всё равно часто брали способных ребят даже из самых бедных семей. В корейской деревне понимали: выучить способного мальчишку (о девочках, понятное дело,

речи и не было) – это сделать выгодное капиталовложение. Если в будущем мальчишка станет чиновником, затраты вернутся сторицей, ведь он будет помогать односельчанам в решении их дел и проблем, походатайствует за них в губернском городе, а то и в столице. Поэтому-то в старой Корее даже существовало нечто вроде системы стипендий, которые платили крестьянские общины особо одарённым детям из бедных семей.

Из этого, впрочем, уже ясно, чему и зачем учились в старой Корее. Главная цель всей системы образования заключалась в том, чтобы подготовить конфуцианского чиновника, который был бы “слугой королю, отцом крестьянам”, и который владел бы всеми необходимыми будущему управленцу знаниями. Что же требовалось от чиновника и интеллигента (две этих социальных группы в старой Корее практически сливались в одну)? В первую очередь – знание философии, истории, литературы, теории государственного управления. Однако все эти премудрости содержались в книгах, которые были написаны исключительно на древнекитайском языке. Язык этот (в Корее его называли “ханмун”, в Китае – “вэньянь”) вплоть до конца XIX столетия играл в странах Дальнего Востока такую же роль, что и латынь в Европе, был единственным языком высокой культуры, науки и государственного делопроизводства. В этом отношении, кстати, Корея не отличалась ни от Японии, ни от Вьетнама, ни даже от самого Китая, для необразованных жителей которого этот язык уже к X веку стал совершенно непонятен.

Поэтому основное содержание старокорейского “начального и среднего образования” сводилось к овладению древнекитайским языком. Корейской письменностью занимались как бы между делом, особого внимания ей не уделяли. Столь же подчинённую роль играла и арифметика {с.316 – с.317}. Учили древнекитайский способом скучным, тяжёлым, но до крайности эффективным – заучивая наизусть пространные тексты на этом языке. Заодно и иероглифику запоминали, ведь, чтобы владеть древнекитайским на приличном уровне, надо знать не менее 4 тысяч знаков! В школе ученики сидели на полу, перед низкими столиками, и с утра до вечера зубрили тексты, повторяя их вслух десятки и сотни раз. Заунывное бормотание, доносившееся со школьного двора, с давних времён считалось символом мира и процветания: ведь если дети ходят в школу – в стране спокойствие, если деревня может школу содержать – она не так уж и бедна.

Время от времени учитель вызывал ученика ответить выученный (в самом буквальном смысле слова) урок. Любопытно, что, отвечая, ученик должен был повернуться к учителю спиной. Оценивали знания школьников по пятибальной системе.

Сельский учитель жил практически на том же уровне, что и средний крестьянин, его жалования (обычно выплачиваемого натурой) хватало лишь на то, чтобы не голодать и как-то одеть себя и семью. Впрочем, и в те времена тоже можно было немного подрабатывать частными уроками, а также составлением для односельчан всяческих прошений и официальных бумаг. Однако при всей стеснённости материального положения учителя, он был едва ли не самым уважаемым человеком в селе. Местные богатеи при встрече с учителем кланялись ему в пояс. Учитель был воплощением знаний и книжной мудрости, с ним были связаны надежды многих честолюбивых родителей на то, что их детям, может быть, удастся “выйти в люди”. Напоминанием об этом отношении служит китайская пословица, очень популярная и в старой Корее: “Учитель, Государь, Отец – одно и то же”

В школе “содан”, которая, как мы помним, был примерным аналогом начальной школы и где изучение древнекитайского только начиналось, учили тексты попроще. Начинали обычно с “Тысячи иероглифов” – собрания коротких изречений на древнекитайском языке. На этом для большинства мужицких сыновей книжная премудрость {с.317 – с.318} и заканчивалась, им надо было работать, жениться, становиться на ноги, так что задерживаться в школе дольше, чем на два-три года, они не могли. Тысячи иероглифов некоторых знаний древнекитайской грамматики хватало для того, чтобы с грехом пополам разобрать, о чём идёт речь в том или ином несложном документе, а также и самим написать простое письмо или прошение. Для мужика этого было более чем достаточно. Дети побогаче (или, иногда, поспособнее) переходили к более сложным текстам. Поступали в содан дети в возрасте 6-8 лет, а заканчивали лет в 12-14. Впрочем, особых формальных требований не было – всё

зависело от способностей, желаний и трудолюбия ученика, а также от материальных возможностей его родителей.

По окончании начального образования те подростки, которые могли и хотели учиться дальше, поступали либо в государственное училище “хянгё” (в переводе с китайского – “местная школа”), либо в частную школу при конфуцианском храме. Государственные училища в XIV-XIX веках действовали в подавляющем большинстве уездных центров. При таких училищах имелись общежития для студентов (отдельно – для дворян, отдельно – для простонародья), преподаватели являлись государственными служащими, а учащиеся получали стипендии от уездных властей.

С XVI века государственные училища стали постепенно приходить в упадок. Одной из причин этого была конкуренция со стороны “частного сектора” – школ при конфуцианских храмах (храмы эти называли “совон” – “двор книг”). Совоны были частными учреждениями, их основывали местные дворяне в память о каком-то знаменитом деятеле (обычно, но не всегда – своём земляке). Качество образования в совонах было, как правило, лучше, чем в государственном училище. Конфуцианские храмы были не только и не столько учебными заведениями, сколько политическими центрами, отдалённым корейским аналогом российских дворянских собраний. Местная верхушка собиралась там для того, чтобы пообщаться на самые разные темы, поговорить и поспорить о текущей политике, {с.318 – с.319} организовать какую-нибудь интригу (например, изгнать не понравившегося провинциальному дворянству губернатора или добиться снижения налогов). В храме имелаась библиотека, и, часто, небольшая гостиница, а также, конечно, школа. Понятно, что обучение в такой школе давало ученику возможность не только получить образование, но и завязать полезные связи, да и вообще приобщиться к миру местной дворянской политики.

На этом этапе школьники занимались уже не по учебным текстам, а по оригинальным произведениям древнекитайских философов и историков. Они читали великого Конфуция, выдающегося историка Древнего Китая Сыма Цяня, поэтов эпохи Тан и прозаиков времён династии Сун. Большое значение придавалось стихосложению на древнекитайском языке. Некоторые из преподавателей уделяли немного времени и корейским авторам, писавшим на китайском языке, но в целом корейские “учебные программы” (если этот современный термин вообще применим к реалиям средневековья) имитировали китайские. Не было в “программе” и точных наук, так что старое корейское образование носило, как бы мы сейчас сказали, чисто гуманитарный характер.

Вообще в Корее полагали, что для будущего чиновника самое главное – быть образованным человеком и владеть основами единственно правильной конфуцианской философии. Корейские чиновники не были специалистами. Один и тот же человек мог быть отправлен послом в Китай, поработать заместителем министра финансов, поруководить строительством водохранилищ и, наконец, стать начальником уголовной полиции страны. Подобные вещи никого не удивляли, ведь если человек владел конфуцианской философией и хорошо знал труды её классиков, он, как считалось, мог разобраться во всех мыслимых проблемах государственного управления (не правда ли, несколько напоминает подход к подготовке партийных работников в СССР?). Правда, в столице существовали и небольшие учебные заведения, где готовили специалистов по праву, медицине, иностранным языкам, но эти училища особым авторитетом не пользовались, и дети из “хороших” {с.319 – с.320} дворянских семейств туда, как правило, не шли. Особой карьеры “узкому” специалисту было не сделать.

Так что главная цель среднего образования была вполне определённой – подготовка к государственным экзаменам на чиновничью должность. Впрочем, государственные экзамены и “высшее образование” в старой Корее – тема особая и отдельная... {с.320 – с.321}

Рождение корейского кино

Когда же начинается свою историю корейский кинематограф? К счастью, сейчас дата эта известна вполне достоверно. На Западе “движущиеся картины” появились в 1895 году, а

всего лишь через четыре года после первого сеанса братьев Люмьер технология с бульвара Капуцинов добралась и до Кореи. В 1899 г. Корею посетил американский писатель, журналист и фотограф Бартон Холмс, который в те времена был одним из самых известных «пишущих путешественников» мира и автором первых документальных лент о дальних странах (так сказать, далёкий предшественник Сенкевича). Именно Холмс показал королю Кочжону и его придворным несколько коротких лент, которые он снял во время своих странствий по планете. Кстати, именно Холмс несколькими годами позже стал первым иностранцем, познакомившим корейцев с автомобилем – случилось это в 1901 г. Впрочем, первый киносеанс предзначался для избранных и не получил особой огласки, хотя королю, большому поклоннику новых технологий, нововведение понравилось.

Правда, историкам удалось найти на страницах одной старой газеты рекламу, относящуюся к более ранней дате – к 1898 году. В этой рекламе упоминаются некие «живые картины», которые, дескать, будут демонстрироваться для желающих. Что это значит – не совсем понятно, но возможно, что речь идёт о первой попытке провести в Корее киносеанс (хотя нельзя исключать и того, что речь шла просто о слайд-шоу или, как тогда говорили, «волшебном фонаре»).

В 1901 году корейский журналист, рассказав своим читателям о тогда ещё новой технологии кинематографа, {с.321 – с.322} закончил статью грустным замечанием: "Кто знает, когда и мы, корейцы, будем в состоянии пользоваться этим техническим чудом?" К счастью, его пессимизм не оправдался, и первый коммерческий киносеанс состоялся в Сеуле всего лишь два года спустя, в 1903 г.

Первые фильмы демонстрировались на рынке Тондэмун, сеанс начинался в 8 вечера. Так как «кинотеатр» представлял из себя просто огороженную забором площадку, в дождливый день фильмов не показывали. Понятно, что самые первые картины, которые демонстрировались в Корее, были, во-первых, иностранными, а, во-вторых, документальными или видовыми. Так, в общем-то, начиналось кино везде. И во Франции братья Люмьер сняли сначала «Прибытие поезда», а уж потом – первые игровые фильмы.

В Корею первые художественные ленты проникли около 1910 года, и скоро кино завоевало огромную популярность. Любопытно, кстати, что и европейский драматический театр попал в Корею примерно в те же самые годы, но, в отличие от кинематографа, особого развития он не получил. Мне всегда казалось, что в Корее более дешёвое и более эффектное кино если и не убило драматический театр в зародыше, то существенно отсрочило его появление на свет. Только в самые последние годы драматический театр начинает играть некоторую роль в культурной жизни страны, однако по популярности ему далеко до кинематографа.

Поначалу на корейских экранах почти безраздельно господствовали американские кинокартины, однако после того, как в 1910 г. Корея стала японской колонией, новые хозяева превратили её в рынок для своих фильмов. Языковой проблемы в те времена ещё не существовало: кино было немым, а перевести те немногочисленные субтитры, которые иногда вставлялись между эпизодами, было куда легче и дешевле, чем дублировать фильм.

Примерно с 1918 года кое-какие документальные фильмы и рекламные материалы стали снимать и в самой Корее, однако первый корейский художественный фильм был поставлен только в 1923 году. {с.322 – с.323}

Первым собственно игровым фильмом в Корее стала «Граница», снятая в 1923 г. Речь в ней шла чрезвычайно популярных тогда темах: женской эмансипации (она как раз тогда начиналась в корейской элите), связанных с ней изменения в семейной жизни, появлении «новых женщин» – то есть, женщин с современным западным образованием и соответствующими ценностями. Однако особого внимания фильм не привлёк. Более успешным оказался фильм «Сказание о Чхун Хян», снятый совместной корейско-японской группой в том же 1923 г. Именно его, кстати, часто считают первым корейским

художественным фильмом, хотя последние исследования историков кино показывают, что приоритет, кажется, следует отдать “Границе”.

Сюжетом для “Сказания” послужила “Повесть о верной Чхун Хян” – самое, пожалуй, популярное произведение корейской традиционной литературы. Мелодраматическая история о прекрасной девушке, которая среди всех испытаний сохраняет верность своему пропавшему без вести возлюбленному и в конце концов соединяется с ним, всегда была любимым материалом для корейских кинематографистов. Роль Чхун Хян в этой, самой первой, экранизации исполняла красавица Хан Рён, знаменитая сеульская куртизанка (в те времена многие актрисы в Корее были выходцами из куртизанок). Впрочем, фильм 1923 г. не был чисто корейским. Сценарий фильма написал японец, режиссёром тоже был японец Хаягава, да и предназначался фильм в основном для проката в Японии.

Конечно, это были ещё немые фильмы. Любопытно, что первый звуковой фильм, снятый в Корее уже в тридцатые годы, также был очередной экранизацией всё той же “Повести о верной Чхун Хян”.

Однако по-настоящему история корейского кино началась с выхода на экраны в 1926 г. фильма “Ариран”, в котором речь шла о жизни корейской деревни тех лет. Режиссёром фильма стал На Ун-гю, который к тому времени успел накопить более чем разнообразный жизненный опыт. В конце 1910-х гг. он участвовал в антияпонском сопротивлении, эмигрировал в Россию, где, подобно многим корейцам, принимал участие в Гражданской войне на стороне красных, а потом вернулся в Корею, был арестован и провёл полтора года в японской тюрьме. После освобождения, в 1924 г. На Ун-гю, которому тогда было 22 года, приехал в Пусан и стал работать в одной из первых экспериментальных киностудий, возникших в этом городе.

“Ариран” прошёл по экранам с невероятным успехом – только в 1926 г. его посмотрело 1,2 млн. зрителей. Фильм сделал На Ун-гю национальной знаменитостью, главным персонажем светской хроники и весьма обеспеченным человеком. Впрочем, На Ун-гю продолжал успешно работать вплоть до своей ранней смерти в 1937 г. (основатель корейского кино дожил только до 35).

Где-то около 1920 года появились в Корее и первые постоянные кинотеатры. До этого фильмы показывали в передвижных палатках-балаганах. Особо роскошными интерьерами первые кинотеатры не отличались, зрители сидели на простых деревянных скамейках. Когда заканчивалась одна катушка с пленкой и в аппарат вставляли следующую, на несколько минут в зале загорался свет. В те времена в киноаппаратах не было моторов, и приводил их в движение сам механик, который крутил ручку аппарата. Разумеется, делал он это не всегда с равной скоростью, и постепенно даже возникла традиция: к концу сеанса киномеханик вертел рукоятку медленнее, так что неизбежный для фильмов тех времён “хэппи энд”, “счастливый конец” (злодеи посрамлены, герои торжествуют), всегда показывали замедленно, и уже по этому признаку зрители понимали, что сеанс подходит к концу. Поэтому когда в 1925 году корейские зрители впервые столкнулись с замедленной съёмкой, они сначала решили, что дело в том, что киномеханик просто очень устал и медленно крутит свою ручку.

И ещё одна особенность тогдашних корейских кинотеатров. Когда зал был переполнен, в кассе можно было купить специальные, очень дешёвые, билеты, и потом сесть... за экраном, сзади экрана! Экран висел на сцене, и за ним было небольшое пространство, на котором можно было разместить десяток-другой зрителей. Конечно, фильм при этом они смотрели, так сказать, в “зеркальном варианте”. {с.324 – с.325}

Почему Корея называется “Кореей”?

Названий у Кореи – много. При том, что почти во всех языках мира эта страна именуется примерно одинаково – “Корея”, “Кориа”, “Кореа” и т.п., такое единство проявляют только иностранцы. Сами же корейцы и, заодно, их ближайшие соседи на протяжении веков пользовались самыми разными названиями своей страны.

Даже сейчас названия у Северной и Южной Кореи – неодинаковые. Я имею в виду вовсе не официальные названия этих государств, по-разному звучит сам термин “Корея”, который, разумеется, входит и в название Севера, и в название Юга. В Германии и Восточная и Западная Германия включали в своё официальное наименование слово Deutschland. В Корее дела обстоят иначе: Северная Корея именуется “Чосон” (официально – Демократическая Народная Республика Чосон, на русский по традиции переводится как “Корейская Народно-Демократическая Республика”), а Южная – “Хангук” (официально – Республика Хангук, русский перевод – “Республика Корея”). Действительно, эти названия даже на слух ничего общего друг с другом не имеют. Как же так получилось?

Истоки этой ситуации лежат в делах давно минувших дней. Когда-то, примерно три тысячи лет назад, жили у северо-восточных границ Китая некие племена, далёкие предки современных корейцев. Читать-писать они, конечно, не умели, ведь в те времена этим искусством владели немногие жители немногих стран, но как-то они себя называли. С течением времени племена эти стали объединяться в союзы и постепенно там возникло княжество, по уровню своему более или менее напоминающее Киевскую {с.325 – с.326} Русь в IX, перед приходом Рюриковичей. Произошло это примерно два с половиной или три тысячелетия назад. Правда, многие националистически настроенные корейские историки утверждают, что случилось это гораздо раньше, но никаких серьёзных доказательств – (кроме патриотического энтузиазма и веры в то, что “корейское – значит древнейшее”) они не приводят, так что мы лучше будем придерживаться фактов.

Около V века до н.э. узнали об этом княжестве и китайцы. Узнали – и записали его название теми китайскими иероглифами, которые звучали более или менее похоже на это название. Выбраны для этого были два иероглифа, которые в современном китайском языке, в его северном (пекинском) диалекте, произносятся как “чао” и “сянь”, в современном корейском, соответственно, эти же иероглифы читаются как “чо” (означает, среди всего прочего, “утро”) и “сон” (у него тоже несколько значений, одно из них – “свежесть”). Так и получилось – “Страна утренней свежести”, поэтическое название Кореи, о котором знает, наверное, любой человек, хотя бы раз в ней побывавший. Звучит действительно совсем неплохо, но вот беда – это замечательно красивое словосочетание ни малейшего отношения к изначальному названию древних корейских племён не имеет. Дело в том, что китайские иероглифы, которыми (наряду со своей письменностью) пользуются также корейцы и японцы, передают не только звучание слова, но и его смысл, поэтому абсолютно любой иероглиф обязательно имеет хоть какое-то значение. Поскольку падежей (а, строго говоря, и частей речи) в древнекитайском нет, это означает, что любое произвольное сочетание иероглифов, в том числе и любую записанную китайскими иероглифами транскрипцию иностранного названия всегда можно “перевести”, исходя из этих значений. Например, Москву китайцы именуют “Мосыкэ”, что означает что-то вроде “спокойного разрезания злаков”, но понятно, что ни со злаками (“кэ”, другое, более распространённое, значение – “наука”), ни с разрезанием (“сы”), ни со “спокойствием” (“мо”) китайское название российской столицы никак не связано. Просто-напросто в совре {с.326 – с.327}менном китайском языке эти иероглифы звучат похоже на название первопрестольной, вот их и использовали – по принципу ребуса. По тому же самому принципу ребуса и записали китайские писцы три тысячи лет назад некое неизвестное нам древнекорейское название двумя похожими по звучанию китайскими иероглифами.

Вдобавок, надо учесть, что произношение иероглифов не оставалось постоянным: с течением веков оно менялось, и весьма значительно. После того, как корейцы заимствовали китайские иероглифы, в корейском языке их произношение тоже стало эволюционировать, и в конце концов корейское произношение весьма отдалилось как от древнекитайского оригинала, так и от современного китайского чтения этих же иероглифов. Правда, современные методики позволяют приблизительно реконструировать древнекитайские произношения, так что путём сложных расчётов лингвисты установили, что три тысячи лет назад два иероглифа, о которых идёт речь, читались приблизительно как “*trjaw” и “*senx” (запись фонетической транскрипцией, звёздочка “*” означает, что слово реконструировано). Как видите – немного общего с их современными чтениями! Таким образом, неизвестное нам название, некогда записанное этими иероглифами, должно было звучать как-то отдалённо

похоже на “Тряусенх”. Тем не менее, сейчас уже практически невозможно понять, что же оно, собственно, значило.

О проблемах со “Страной утренней свежести” я рассказал так подробно потому, что все остальные названия Кореи, о которых пойдёт речь дальше, возникли по примерно такой же схеме: некое (точно неизвестное) самоназвание какого-то древнекорейского племени ==> его приблизительная транскрипция теми китайскими иероглифами, которые тогда произносились более или менее похоже на это название ==> эволюция произношения этих иероглифов (в корейском, в китайском, в японском – своя).

Итак, вернёмся к нашему рассказу. Древнекорейское государство Чосон (в действительности, как мы помним, его название произносилось скорее как “Тряусенх”) было захвачено китайцами в конце II в. до н.э., однако память о {с.327 – с.328} нём осталась в Корее надолго. Примерно в то же самое время на территории Корейского полуострова и в прилегающей к нему части Маньчжурии жили другие древнекорейские племена (впрочем, среди них могли быть и представители иных народностей, впоследствии растворившиеся среди корейцев). Названия тех племён, что жили на севере, записывались иероглифами, которые в современном корейском произносятся как “Когурё”, хотя в те времена они звучали иначе. Вскоре эти племена образовали мощное и воинственное княжество, которое заняло весь Север полуострова и прилегающую к нему территорию Маньчжурии. Тем временем на Юге полуострова жило множество других племён. На побережье Корейского пролива обитали племена Хан (опять-таки современное корейское чтение), на юго-востоке же быстро крепло княжество Силла.

Разумеется, все эти племена и княжества постоянно воевали друг с другом. В конце концов победа досталась Силла, которое в конце VII века и объединило Корейский полуостров под своей властью. Так возникло первое единое корейское государство, которое именовалось Силла. Что это значит? Вопрос сложный. Если “переводить” по иероглифам, то получится... “новая сеть”. Думаю, что читателю теперь понятно: к “сетям” отношение это название имело ровно столько же, сколько Москва – к “спокойному разрезанию злаков”. Этими иероглифами просто затранскрибировали какое-то древнекорейское (древнекорейское ли?) слово. Какое? Гипотез на сей счёт много, но ни одна из них не является общепризнанной.

Однако “не вечны времена монархий и царей”... В начале X века после короткого периода гражданских войн к власти в стране пришла новая династия. Её основатель Ван Гон происходил из тех земель, на которых когда-то процветало княжество Когурё. Он – сам боевой генерал – очень гордился своими родовыми связями с наиболее воинственным из всех древнекорейских княжеств, поэтому он и решил назвать свою династию “Корё”. Слово это часто считается сокращённой формой Когурё, но в действительности это, кажется, даже не сокращение, а транскрипция того же самого слова, только в его более позднем произношении. Просто в неизвестном нам корейском оригинале, который китайскими иероглифами поначалу записывался как Когурё, где-то в VII-IX веках “выпала” (перестала произноситься) та согласная, которая передавалась иероглифом “ку”.

В те времена в Восточной Азии страну часто именовали по названию правившей в ней династии, так что и сама Корея с X века иностранцы стали называться “Корё”. Именно в те времена слухи о существовании этой страны достигли Европы, поэтому все европейские названия Кореи звучат очень похоже на “Корё”

Однако время шло, и далёкие потомки Ван Гона тоже потеряли власть. Другой генерал, Ли Сон-гье, совершил переворот, и в 1392 г. основал новую династию. Название для неё он решил взять самое древнее – “Чосон” (в других странах её часто называли по фамилии правящего рода – “династия Ли”). Как Вы помните, эти иероглифы использовались для китайской записи названия самого первого из корейских государств, которое существовало тремя тысячелетиями раньше. Это название сохранилось до конца XIX века. После того, как в 1910 г. Корея стала японской колонией, японцы продолжали называть её так (конечно, сами японцы читали эти же иероглифы по-своему – “Тёсэн”). После 1945 г. новое коммунистическое правительство, которое с помощью Советской Армии пришло к власти на

Севере страны, решило не отказываться от ставшего привычным за пять с лишним веков названия, и сохранило его. Поэтому Северная Корея и называется “Чосон”, ну а если использовать полное название – “Демократическая Народная Республика Чосон”. Понятно, что на русский язык “Чосон” переводится как “Корея”, а всё название – как “Корейская Народно-Демократическая Республика”.

Ну а что же с Южной Кореей, с Республикой Корея? В конце XIX века в Корее была предпринята попытка сменить официальное название страны. Она стала называться “Империей Хан”. Как вы, наверное, уже догадались, название это происходит от названия древнекорейских племён, которые жили на самом юге Корейского полуострова два {с.329 – с.330} тысячелетия назад. В 1910 г. колонизаторы вернули старое название “Чосон”, однако многие руководители национально-освободительного движения этого переименования не признали и в пику японским правителям продолжали называть свою страну “Хангук”, то есть – “Страна Хан”. Когда в 1919 г. лидеры антиколониального движения создали корейское правительство в изгнании, они и его назвали: “Временное правительство Республики Хан”. Со временем многие из руководителей этого правительства установили связи с США, и в 1945 г. при помощи американской военной администрации они оказались в Южной Корее. Именно эти люди и стали основателями нынешнего южнокорейского государства, которое также унаследовало это название – “Республика Хан”. На русский язык и это слово, опять - таки, переводится как “Корея”. {с.330 – с.331}

Тяжёлая королевская доля

За время правления династии Ли, с 1392 по 1910 г., на корейском престоле побывало 27 королей. Дольше всего – 52 года – правил страной король Ёнчжо, вступивший на престол в 1724 году, а самое коротким было правление короля Инчжона, который в 1544 году находился на троне в течение всего лишь 8 месяцев. Кстати, Ёнчжо и прожил дольше всех остальных монархов – 82 года. Самым молодым королём был Хончжон, который был возведён на трон в возрасте 7 лет (за него поначалу правили регенты), а самым старым в момент вступления на престол был основатель династии – знаменитый генерал Ли Сон-гье, которому в 1392 году исполнилось 56 лет. Средняя продолжительность жизни в те времена была невелика даже у королей – у властителей династии Ли она составляла всего лишь 46 лет. Впрочем, по тогдашним меркам это было не так уж и мало: простолюдины в среднем не доживали и до 35...

Кроме 27 реально правивших страной королей, в династии Ли было и пять “почётных” королей, которые получили это звание... посмертно, за особые заслуги перед династией (все они тоже были членами правящего рода). В странах Дальнего Востока вообще существовала традиция посмертного назначения на всяческие почётные должности. На наш взгляд она кажется несколько странной, но чем она, по сути, отличается от привычной нам практики посмертного награждения?

По большому счёту, история корейской королевской семьи была довольно спокойной. За пять с лишним веков правления династии в стране произошло только два {с.331 – с.332} государственных переворота (причём в обоих случаях свергнутому королю сохранили жизнь), да пару раз властителей отправляли в лучший мир их рвущиеся к власти родственники. Бывали, конечно, и неудачные покушения, и провалившиеся мятежи, и подавленные крестьянские восстания, но в целом корейская история XIV-XX веков выглядит, на счастье живших в те времена корейцев, стабильно и довольно скучновато. В подавляющем большинстве стран в королевских дворцах лилось куда больше крови...

Это миролюбие особенно любопытно, если принять во внимание корейские законы о престолонаследии, которые, казалось бы, должны были провоцировать постоянные столкновения в окружении короля. В Корее не существовало жёстких законов относительно передачи власти, и король, как правило, назначал себе наследника ещё при жизни, чаще всего – сразу после вступления на престол. Наследником при этом мог стать любой член правящего рода (разумеется, мужчина), а не только старший сын короля, причём правитель в любой момент мог изменить своё решение и остановить выбор на ком-то другом. Вообще

говоря, выбор у короля был велик. Помимо жены, корейские монархи имели в своём распоряжении десятков-другой наложниц. Поэтому число королевских сыновей, братьев и племянников, из числа которых обычно назначались наследники престола, было значительным. У “среднестатистического” короля династии Ли было 9,8 ребёнка (не считая тех, кто умер во младенчестве). Рекорд принадлежит королю Тхэжжону (правил 1400-1418), у которого было 12 сыновей и 17 дочерей.

После того, как король назначал себе наследника, того начинали интенсивно готовить к будущей ответственной работе. Формально наследника тут же зачисляли слушателем в Сонгюнган – Высшую конфуцианскую академию, в которой готовили будущих правительственных чиновников. Это был чисто символический акт, ведь в действительности наследник не посещал лекций в Академии, а занимался дома (то есть, во дворце). Для обучения наследника назначались пять воспитателей из числа высокопоставлен [{с.332 – с.333}](#)ных чиновников, которые славилась знанием конфуцианского канона и успешно сдали государственные экзамены. Вся жизнь наследника проходила в чтении книг на древнекитайском языке, которые часто приходилось заучивать наизусть. Образованные корейцы могли по памяти дословно воспроизвести сотни и даже тысячи страниц классических текстов, и будущий король должен был общаться с ними на равных. Большинство книг, по которым занимался принц, составляли конфуцианские философские трактаты, но временами читал он и более прикладные работы по вопросам государственного управления. Стоит отметить, что военной подготовке наследника особого внимания не уделялось: в отличие от европейских дворян, корейская правящая элита всегда относилась к армии и военному делу с пренебрежением. Не в особой чести был и спорт.

Жизнь наследника была довольно монотонной, но и после того, как он всходил на престол, она не становилась интереснее – скорее, наоборот. Быт корейского короля определялся великим множеством традиций и предписаний. Конечно, то же самое можно сказать и о монархах всех иных стран, но правителям конфуцианских государств приходилось в этом отношении особенно тяжело.

“Рабочий день” корейского короля начинался ранним утром. Нежиться в постели Его Величеству не приходилось. Королю полагалось вставать до рассвета (то есть примерно в 4 утра летом, в 5 или 6 утра – зимой). Проснувшись, он должен был отправиться с приветствиями к старшим членам правящей династии, если таковые ещё жили во дворце. Кто же мог быть старше короля? Как правило, вдовствующая королева, вдова его предшественника (далеко не всегда она была матерью правящего короля). Иногда во дворце жил и сам предшественник короля, ведь время от времени корейские правители добровольно уходили в отставку, ещё при жизни передав дела своему преемнику. После ритуального приветствия, король направлялся на... занятия. Да, традиция требовала, чтобы и после вступления на престол король неустанно повышал свой морально-политический уровень, изучая труды основоположников [{с.333 – с.334}](#) конфуцианства и многочисленные комментарии к ним. Занятия с королём проводили специально отобранные знатоки конфуцианского канона. Продолжалась эта процедура часа полтора, и только после этого король мог отправиться завтракать.

После завтрака короля ждала аудиенция. Четыре раза в месяц ему полагалось давать “большую аудиенцию”, в которой участвовали все высшие и средние столичные чиновники, и которая представляла из себя многолюдное, торжественное, но формальное мероприятие. В остальные дни на утреннюю аудиенцию приглашались только руководители министерств и ведомств, а также высшие чиновники и генералы, с которыми и обсуждались реальные вопросы текущей политики. В обязательном порядке на утренней аудиенции – своего рода “планёрке” – присутствовали главы министерств, которых в старой Корее было шесть: ритуала, юстиции, финансов, администрации, военное, общественных работ.

После аудиенции король отправлялся работать с бумагами, а также принимал представителей различных центральных ведомств. Совещания кончались к полудню, и король отправлялся обедать, а потом – опять на занятия. После дневных занятий король продолжал работать с бумагами, но теперь – с поступившими из провинций, а также

встречался с провинциальными чиновниками и военными, которые вызывались в Сеул для доклада о положении дел на местах.

К тому времени уже приближался вечер, и король лично проверял список заступающих на службу солдат и офицеров охраны дворца, обходил посты и утверждал действующие в ночное время пароли. Хотя на протяжении правления династии Ли ситуация в Корее была обычно очень спокойной, но, как говорится, “бережённого бог бережёт”, так что пренебрегать своей безопасностью и безопасностью династии королю никак не следовало! На проверку охраны уходило часа полтора-два, и заканчивалась она к заходу солнца. На закате король ужинал, а потом отправлялся на занятия – третьи за день, где опять читал и перечитывал всё те же с детства знакомые древнекитайские тексты {с.334 – с.335}. И только после этого у короля наступало “свободное время” – два-три часа перед сном.

Распорядок дня, скорее, напоминает существование солдата первого года службы, а не размеренную жизнь абсолютного монарха, полновластного владыки страны. И, тем не менее, именно так жило большинство корейских королей. Болезнь короля мгновенно нарушала весь ритм работы государственного механизма, ведь решения по всем мало-мальски важным вопросам должны были приниматься или хотя бы утверждаться Его Величеством. Если по болезни король не мог работать хотя бы несколько дней, в канцелярии накапливались груды бумаг, по которым никто не мог принять решения в отсутствие правителя, и тому приходилось, выздоровев, работать с удвоенной энергией. Если болезнь короля оказывалась серьёзной и затягивалась, он передавал свои обязанности заместителю (обычно им был наследник престола).

Конечно, время от времени эта рутина нарушалась теми или иными событиями – в основном религиозными обрядами. По конфуцианским представлениям, король отвечал перед Небом за процветание страны и народа, и должен был лично совершать важнейшие жертвоприношения. Подходили к таким обрядам со всей серьёзностью, ведь считалось, что от правильности исполнения королём всех ритуальных предписаний зависит благосклонность потусторонних сил и, значит, благополучие Кореи.

Впрочем, могли короли и повеселиться – изредка. Временами во дворце устраивались банкеты для придворных, на которых гостей развлекали певицы и танцовщицы. Однако, особо увлекаться всем этим не рекомендовалось: репутация короля, который слишком уж предавался увеселениям, неизбежно страдала, и всегда находились чиновники, которые говорили монарху об этом прямо. Король в Корее не был хозяином страны – скорее, его можно было назвать Первым Чиновником, который своим поведением должен был показывать пример всем прочим чиновникам и простолюдинам.

Иногда король покидал свой дворец и столицу и отправлялся в поездку по стране. Корейские короли, вообщем {с.335 – с.336} еще говоря, путешествовали очень мало, а за границей вообще не бывали никогда. Первые правители династии Ли, люди военные, любили поохотиться в горах, но их штатские преемники со временем отказались от этой забавы, которую сочли неподобающей своему высокому сану. Зато довольно часто выезжали короли полечиться на целебных горячих источниках, которых в Корее имеется немало. Некоторые короли даже специально преувеличивали свои болезни, слегка симулировали, чтобы таким образом получить предлог для частых поездок на источники: это давало им возможность немного отдохнуть от монотонной жизни во дворце. Во время этих поездок королю едва ли удавалось побыть наедине, ведь его сопровождала многочисленная (до 5 тысяч человек!) свита.

И, тем не менее, при всей ответственности, неудобствах и проблемах, власть манила к себе, и добровольно расставались с ней очень редко (хотя такие случаи и бывали). Впрочем, относится это не только к Корее. {с.336 – с.337}

Семья в старой Корее

С незапамятных времён и до начала XX века Корея была страной конфуцианской, а уж эта идеология отводила семье совершенно особое место. Важнейшим и лучшим из всех человеческих качеств в конфуцианстве считалось “хё” (или, в китайском произношении, “сяо”) – термин, который на русский язык слегка неуклюже переводится как “сыновняя почтительность”. О человеке судили во многом по тому, как он относится к своим родителям. В отличие от стран Европы, беспрекословное повиновение родительской воле требовалось даже от давно уже ставших взрослыми сыновей (замужние дочери должны были подчиняться в первую очередь мужу и свёкру со свекровью). Долг человека перед его родителями был выше его долга перед государством, что (нехотя) признавало и само государство. Предания говорят, что Конфуций, в бытность свою чиновником в княжестве Лу, не раз прощал виновных, если те совершили преступления из любви к родителям. Никого в те времена не удивляло, если, скажем, знаменитый генерал, узнав о смерти одного из своих родителей, посреди важной кампании неожиданно уходил со службы, бросал войска и, спешно передав дела преемнику, возвращался домой на несколько лет. Его не осуждали даже в том случае, если подобный отъезд кончался, скажем, падением важной крепости или чем похуже (конечно, при условии, если отставка была оформлена надлежащим образом). Традиция требовала, чтобы после смерти родителей человек соблюдал трёхлетний траур, в течение которого он должен был носить простую одежду, избегать увеселений, и жить поближе к родительской могиле. Чиновник или офицер {с.337 – с.338} в случае смерти отца или матери должен был на некоторое время уйти со службы и провести этот отпуск в родных местах.

Смерть родителей ни в коем случае не освобождала человека от обязанностей перед ними – менялся только характер этих обязанностей. Теперь главными задачами “почтительного сына” было регулярное проведение жертвоприношений на могилах предков. Без этих жертвоприношений души родителей и более далёких предков были бы обречены на голод и страдания в загробном мире. Однако жертвы на могиле мог приносить только прямой потомок по мужской линии. Это означало, что если род вдруг прерывался, то души предков больше не получали необходимого для безбедной загробной жизни довольствия. Это было, разумеется, катастрофой, поэтому другой важнейшей обязанностью конфуцианца было продолжение рода, точнее – его прямой мужской линии (дочери, сколько бы их не было, в счёт не шли, ведь приносить жертвы предкам они не могли).

Идеалом конфуцианства была большая патриархальная семья, в которой под одной крышей жили представители нескольких поколений: родители, их женатые сыновья с невестками, их внуки и даже правнуки. На практике этот идеал удавалось реализовать не так уж часто: не россиянам объяснять, какие проблемы возникают, когда на одной кухне сосуществует не то что шесть или восемь, а даже и две хозяйки. И тем не менее, к этому идеалу стремились, а государство этому в меру сил способствовало, предоставляя, например, всякие льготы большим неразделившимся семьям. Если семья разделялась, то родители оставались жить со старшим сыном, который (вместе со своей женой) должен был обеспечивать их старость.

В конфуцианской Корее не было и не могло быть ни “старых холостяков”, ни “старых дев”. Только самые бедные корейцы, голь перекатная, не женились (потому, что просто не могли прокормить семью). Для подавляющего большинства вступление в брак было обязательным и воспринималось как нечто, само собой разумеющееся. Подходящую пару подбирали родители и иные родственники (иногда с {с.338 – с.339} помощью свах), а мнением жениха и невесты, если они вообще имели какое-либо мнение, никто не интересовался. В семьях побогаче и познатнее в большинстве случаев жених и невеста впервые встречались на своей собственной свадьбе. “Молодые” были действительно очень молоды. По законам династии Ли, в брак можно было вступать по достижении 14 лет – для мужчин и 13 – для женщин, но с разрешения властей можно было заключать и более ранние браки. Разрешения такие давались легко, так что 12-летние супруги в те времена ни у кого особого удивления не вызывали. Только в начале XX столетия средний возраст вступления в брак поднялся до 18-19 лет.

В случае смерти мужа вдова, как правило, не могла опять выйти замуж. Формальных ограничений на сей счёт не было, но повторные браки вдов категорически осуждались общественным мнением, а к детям от таких браков все относились с презрением. Считалось, что женщина должна быть верна памяти своего мужа, и порою выйти замуж не могли даже те молодые корейки, у которых будущий муж умер ещё до формальной свадьбы.

Корейские законы позволяли мужчинам, помимо главной жены, иметь ещё и наложниц. Количество их не ограничивалось, но на практике даже одна наложница была роскошью, которую могли позволить себе только богатые люди, а уж 3-4 наложниц могли содержать лишь представители самой верхушки общества. Для рядового же корейца в старые времена наложница была доступна примерно также, как “Роллс-ройс” – для рядового москвича в наши дни. Существование наложницы существенно увеличивало шансы на появление сыновей, однако в большинстве случаев дети, рождённые наложницами, считались неполноправными, и подвергались в дворянском обществе некоторой дискриминации. Впрочем, дискриминация эта была весьма относительной: наложницы, как правило, были только в дворянских домах, и дети дворян от наложниц всё равно вели такую жизнь, о которой простым крестьянам не приходилось и мечтать. Со временем дети дворян от наложниц даже образовали особое сословие неполноправных дворян – “чуньинов”. {с.339 – с.340}

Даже в том случае, если в доме было несколько наложниц, полновластной хозяйкой оставалась всё равно главная жена. В отличие от мусульманских стран, где жёны были более или менее равноправны, в Корее грань между главной (и, строго говоря, единственной) женой и наложницами была очень чёткой, и закон стоял на страже интересов жены, которой наложницы должны были беспрекословно подчиняться. Старинная корейская литература полна историями о непокорных наложницах, которые осмеливались перечить главной жене и даже интриговать против неё. Разумеется, конфуцианские авторы были возмущены подобным аморальным и разнузданным поведением, так что в романах зарвавшиеся мерзавки всегда в конце концов получали по заслугам.

Вообще старая корейская семья держалась на всепроникающей иерархии. Не случайно в корейском, равно как и в языках иных конфуцианских стран, просто нет слова “брат вообще” или “сестра вообще”: братья или сестры могут быть либо “старшими”, либо “младшими”. Для жены теоретически высшим начальством был её муж, но мужчины редко вникали во внутрисемейные и хозяйственные дела, так что на практике в первые годы семейной жизни молодой жене приходилось подчиняться свекрови. Во многом здесь действовал бессмертный принцип армейской дедовщины: поначалу молодую супругу шпыняли все, кому не лень; после рождения сына её статус существенно повышался; а со смертью свекрови она делалась старшей в доме и со временем, в свою очередь, сама начинала по всем правилам гонять молодых невесток, чтобы тем “служба мёдом не казалась”. Разумеется, люди никогда и нигде не были одинаковыми, так что не надо думать, что для всех корейских невесток в старые времена жизнь в семье напоминала существование солдата первого года службы – бывало и так, что отношения со свекровкой складывались у невестки очень даже неплохо. Однако в целом особой нежности между свекровью и невесткой не было, и подтверждение этому легко найти в корейских поговорках: “Если долго жить – можно и смерти свекрови дожидаться”, “Рисовый хлебец в руках невестки всегда кажется слишком большим”. {с.340 – с.341}

Главная задача женщины в браке заключалась в рождении сыновей, которые потом совершали бы жертвоприношения душам предков и продолжали линию семьи. Дочери считались, скорее, неизбежными отходами производства, и рождение их на положение женщины особо не влияло. Поэтому не удивительно, что в старой Корее существовало великое множество примет, следование которым должно было бы обеспечить рождение желанного сына. Именно этой проблеме – как зачать сына, а не дочь – посвящено большинство дошедших до нас корейских трактатов на сексуальные темы. Авторов этих сочинений, в отличие от их европейских или китайских коллег, наслаждения чувственной любви и прочие глупости волновали явно меньше, чем исполнение главной обязанности конфуцианца – продолжение мужской линии рода.

Традиция требовала, чтобы любые контакты между женской половиной дома и окружающим миром были сведены к минимуму. Как считалось, это было необходимо для того, чтобы предотвратить супружескую измену, за которую – если она всё-таки происходила – наказывали по всей строгости закона. С семилетнего возраста мальчики и девочки воспитывались отдельно друг от друга. В дворянских семьях женщины действительно почти никогда не выходили за пределы усадьбы, а если они всё-таки изредка отправлялись в гости к родным или в буддистский храм, их всегда сопровождали слуги. В богатых усадьбах женские и мужские покои были часто отделены друг от друга высокой каменной стеной с воротами, причём даже мужчинам – членам семьи запрещалось без особой надобности заходить на женскую половину. В таких семьях не могло быть и речи о самостоятельном передвижении женщин по городу. Как правило, женщинам дворянского рода разрешалось выходить за пределы усадьбы лишь в вечернее время, закутавшись с головы до ног в специальное покрывало чанъот – отдалённый корейский аналог мусульманской паранджи.

Крестьяне или, скажем, мелкие торговцы не могли соблюдать эти запреты со всей строгостью, ведь женщина в таких семьях должна была и в поле поработать, и за во {с.341 – с.342}дой сходить, и в лавке за товаром присмотреть. Однако и в семьях простонародья считалось, что муж не должен без крайней надобности обсуждать с женой свои дела и заботы. Женщинам тоже не следовало втягивать мужчин во всяческие домашние проблемы, с которыми они должны были разбираться сами. Отсюда, между прочим, и распространённый в корейском языке термин для жены – “человек нашего дома”. Традиция требовала, чтобы “жена почитала мужа как само Небо”. Как с почитанием обстояло дело в действительности – за давностью лет сказать сложно, но ко многим корейским семьям была применима мудрая поговорка: “муж – голова, а жена – шея: куда захочет, туда и повернёт”...

Мальчиков по возможности старались учить, хотя для большинства крестьянских детей вся эта учёба ограничивалась парой лет в местной школе, где ребята в свободное от сельскохозяйственных работ зимнее время выучивали несколько сотен иероглифов и основы древнекитайского языка. Порою учились они и корейской грамоте, но особого проку в ней не было: ведь до конца XIX века все официальные документы и большинство книг в Корее выходили на древнекитайском языке (ханмуне, в самом Китае известном как “вэньянь”). В полной мере владели этим языком только дворяне, дети которых проводили в школе не один год. Для девочек – даже дворянок – образование ограничивалось корейской грамотой, ведь иероглифы и древнекитайский язык были им ни к чему. Зато их учили готовить, прясть, ткать, шить и делать множество иных домашних дел. Впрочем, время от времени попадались в Корее и хорошо образованные женщины, хотя всю книжную премудрость им приходилось усваивать дома, ведь девочек в школу не отправляли никогда.

Такова была жизнь патриархальных семей в Корее времён династии Ли (XIV-XIX века), и только в колониальный период стала она постепенно меняться. Однако, как читатели уже заметили, перемены эти затронули далеко не все стороны семейной жизни. Немало традиций многовековой давности живо и в наши дни... {с.342 – с.343}

Корея мужицкая

Статистика населения для Кореи времён династии Ли (1392-1910) не слишком надёжна, но представление об общей картине она всё-таки даёт. В XVII веке дворяне составляли примерно 3-5% всего населения страны, а в начале XIX столетия их доля возросла до 10%. Это, кстати сказать, по мировым меркам считается очень высоким показателем (в России, например, доля потомственных дворян никогда не превышала одного процента). Ещё 3-5% населения были торговцами и ремесленниками, а остальные – около 90% – являлись крестьянами (примерно две трети их считалась лично свободными, а треть была крепостными). Именно о крестьянах, которые до недавнего времени составляли подавляющее большинство населения Кореи, и пойдёт у нас рассказ.

Отношение к крестьянству в старой Корее, как и в других странах конфуцианской Восточной Азии, было куда более почтительным, чем, скажем, в средневековой Европе или России. Конфуцианская традиция выделяла четыре вида занятий: государственную службу,

крестьянствование, ремесло, торговлю. Перечислялись они именно в таком порядке – по мере убывания престижа. Крестьянин считался вторым по значению человеком в государстве, он уступал только бюрократу-интеллигенту, представителю собственно правящей элиты. Если в старой России или Европе для помещика было немыслимо самому идти за плугом (“не дворянское это дело”), и поведение Льва Толстого даже в просвещённом XIX веке воспринималось как неуместное оригинальничанье, то на Дальнем Востоке никто не видел ничего зазорного в том, что какой-нибудь {с.343 – с.344} крупный чиновник сам пахал землю, а его жена лично пряла или ткала. Зачастую такие вещи делались демонстративно, чтобы показать ту “суровую простоту нравов”, которую так ценило официальное конфуцианство. С другой стороны, для многих бедных корейских дворян-янбанов никакого спектакля, никакой демонстративности в таком поведении не было: им действительно приходилось кормиться с земли своим трудом. Заниматься торговлей или ремеслами янбанам запрещалось, а вот сельскохозяйственный труд считался вполне приличествующим их “благородному” положению.

Однако уважение – уважением, а деньги – деньгами. В своей массе крестьяне старой Кореи были куда беднее, чем их европейские или русские собратья. Отчасти вызвано это было высокой плотностью населения и, следовательно, хронической нехваткой пахотных земель, а отчасти – и низким уровнем сельскохозяйственной техники, её заметным отставанием от того уровня, который существовал у соседей. Современные корейские националисты, само собой, обычно отрицают, что такое отставание вообще имело место, но этот факт не вызывал никаких сомнений у корейских интеллигентов XVII-XIX веков, которые старались внедрять в Корею китайские агротехнологии.

С точки зрения государства, свободные крестьяне, которые составляли примерно 70% населения страны (ещё 20% было крепостными), были, в первую очередь, налогоплательщиками. Именно крестьяне несли на себе основные повинности, от которых дворянство было освобождено. Этих повинностей было три – земельный налог, воинская обязанность и трудовая повинность. Главной проблемой был, конечно, налог, который взимался в зависимости от урожая. Чиновники периодически составляли подробную опись всех обрабатываемых земель страны. В зависимости от плодородия, земельным участкам присваивалась определённая категория. Чем плодороднее была земля, тем больше с неё следовало платить. Принималось во внимание и то, урожайным ли был год (налог собирали по осени). В зависимости от урожайности годы делились на 9 категорий. Существовали таблицы, которые {с.344 – с.345} объясняли, сколько налога полагается брать с единицы площади земли такого-то качества, если данный год был годом такой-то категории. В принципе идеалом считалось, когда налог составлял 10-15% урожая, но в реальности он был, как правило, куда больше.

Кроме налогов, крестьянину теоретически полагалось отслужить в армии, пройти то, что у нас называли бы “срочной службой”. Однако на практике крестьян в армию практически не призывали, ведь на протяжении почти всей истории династии Ли корейские вооружённые силы были в десятки раз меньше своей теоретической штатной численности. Со временем власти ввели систему, в соответствии с которой вместо действительной службы военнообязанный крестьянин просто платил дополнительный денежный налог, шедший на нужды армии. Наконец, существовала и трудовая повинность – набор крестьян в строительные подразделения, которые трудились на возведении дворцов, каналов и крепостей. Происходили такие наборы довольно редко, но у крестьян они вызывали особое недовольство.

Однако главной проблемой корейского мужика были не государственные налоги и повинности, а арендная плата. Земли в Корею хронически не хватало, и редкий крестьянин мог прокормить себя и свою семью с собственного участка. Большинству приходилось прибегать к аренде дополнительной земли. Обычно владельцем земли был янбан-помещик, а иногда – и просто сосед-крестьянин побогаче. Главная проблема заключалась в том, что арендная плата была, по европейским или русским меркам, несуразно высока. Обычно она равнялась 50% урожая, но иногда могла быть и ещё выше. Даже корейские помещики не отличались особым богатством, а крестьяне жили в полной нищете, которая в своё время, в

конце XIX века, поражала русских путешественников. До весны продуктов не хватало, и голод был постоянной частью корейской крестьянской жизни не только во времена династии Ли, но и позднее – вплоть до середины 1960-х годов. Корейские поговорки и поныне отражают это положение вещей, напоминая, что весна – это время голода. Мясо было роскошью, которую крестьянин мог позволить себе только по большим праздникам, да и чистый рис круглый год могли есть далеко не все. Питание бедноты состояло из ячменя, который по весне порою приходилось смешивать с травой или сосновыми иголками.

Хотя большинство корейских крестьян было свободными, но это не означало, что они могли легко продать землю и уйти куда-то. Во-первых, правительство осуществляло довольно строгий контроль за передвижением по стране и требовало от всех корейцев постоянно носить специальные таблички, которые служили удостоверениями личности. Во-вторых, в небольшой и густонаселённой Корее бежать было особо-то некуда, это не Россия, где всегда можно было уйти на Дон или в Заволжье. Поэтому деваться крестьянину было некуда, и ему оставалось только как-то выживать на своей земле и как-то налаживать отношения с властью.

Выживать нужно было вместе. Для старой корейской деревни был очень характерен коллективизм. Во многом это связано с самим характером корейского крестьянского хозяйства. Главной культурой был рис, а вырастить рис без сложной системы ирригации невозможно. В России крестьянская семья могла существовать более или менее за счёт своих собственных сил, хотя помощь соседей была часто необходима и у нас. На Дальнем Востоке дела обстояли иначе: поддерживать сложную систему каналов и водохранилищ там мог только совместный труд больших коллективов. Отсюда – неизбежность всяческих групп взаимопомощи. Всей деревней строили и ремонтировали каналы и дамбы, возводили общественные здания, помогали друг другу в работе на полях, в строительстве и ремонте домов, создавали деревенские школы, храмы и даже нечто вроде общественных ссудных касс на случай семейных проблем. К последним, кстати, относились свадьбы и, особенно, похороны, которые в старой Корее были очень дорогими.

Основной сельскохозяйственной культурой в Корее был рис. Рис – это очень эффективное растение с точки зрения его “пищевой эффективности”. Один гектар рисового поля {с.346 – с.347} производит куда больше калорий (и, следовательно, кормит больше людей), чем гектар пшеничного поля или, тем более, гектар пастбища. Это означает, что рис является идеальной культурой для стран с большой плотностью населения. Однако рис – это очень трудоёмкая культура. Рис не высевают на ровные сухие поля, как пшеницу, а высаживают вручную, в виде рассады, на залитые водой поля, причём высадка должна быть проведена в минимальные сроки. И строительство ирригационных сооружений, и их поддержание в рабочем состоянии, и сама ежегодная высадка рисовой рассады (каждый кустик – вручную, по колено в воде, согнувшись, под палящим солнцем) требуют огромного труда. Иначе говоря, рис может прокормить очень много людей, но только если эти люди согласны много и тяжело работать. Именно этим и приходилось заниматься корейским крестьянам.

Помимо свободных крестьян, существовали в Корее и крепостные. Кстати, в этом отношении Корея весьма похожа на старую Россию, где крепостными являлась примерно половина населения. Об этом обстоятельстве у нас сейчас модно забывать, представляя Россию начала XIX века страной поручиков Голицыных и корнетов Оболенских. Впрочем, кто знает: может быть, через пару столетий наши отдалённые потомки будут рисовать в своём воображении Россию начала XXI века как страну, населённую исключительно олигархами, суровыми строителями финансовых империй, злодейски-обаятельными “политтехнологами” в чёрных лимузинах, киллерами со снайперскими винтовками? Не удивлюсь – те образы прошлого, что с помощью литературы и кинематографа овладевают массами, зачастую имеют мало общего с исторической реальностью. Касается это не только нашей страны, мне уже приходилось писать о произошедшей в первые послевоенные годы в Корее массовой фальсификации родословных, в результате которой 9/10 населения страны уверовало то, что является потомками дворянских родов. В реальности же примерно треть населения

Кореи при династии Ли составляли крепостные, которые получили свободу только в конце XIX века. {с.347 – с.348}

Крепостные в Корее были как частными, так и государственными. Государственных крепостных было немного, и по большей части они являлись обслуживающим персоналом всяческих учреждений. Как и в России, частные крепостные – в Корее их называли “ноби” – делились на две группы. Часть из них составляли “дворовые”, которые жили в помещичьих усадьбах и выполняли там всяческие хозяйственные работы, а также прислуживали господам. Другая, большая, часть занималась нормальным сельскохозяйственным трудом на землях своих хозяев, которым они выплачивали оброк (барщины в российском понимании этого слова в Корее почти не было). По сути, они были такими же арендаторами, как и большинство свободных крестьян, разница заключалась лишь в том, что им приходилось платить хозяину больше, чем платил бы свободный арендатор и, кроме того, они находились от него в полной зависимости. Их можно было продать, купить, превратить в дворовых, отправить в другое поместье или другую усадьбу. Крепостные не имели фамилий, а только имена или прозвища, в то время как свободные крестьяне фамилиями обзавелись уже в XV-XVI веках.

Понятно, что времена изменились. Потомки крепостных и свободных крестьян стали инженерами и врачами, живут в современных городах, и, как правило, даже приписали себе дворянское происхождение. Никто больше не голодает весной в Южной Корее, которая занимает 12-13 место в мире по объёму своего ВВП. Однако многие традиции, заложенные веками крестьянской жизни, дожили до наших дней. В привычке к коллективному труду и коллективному отдыху, в готовности работать с полной отдачей сил, в склонности подчиняться власти, какой бы она не была – во всём это можно увидеть следы старой корейской деревенской жизни. {с.348 – с.349}

Бюрократы былых времён

Как и большинство конфуцианских стран, Корея при династии Ли (1392-1910) обладала очень совершенным для тех времён государственным аппаратом. Если сравнивать Корею со странами средневековой Европы или Ближнего Востока, нельзя не отметить рациональность, регламентированность и некое, я бы сказал, “бюрократическое изящество”, которым отличалась корейская государственная машина. Построена эта машина была во многом по китайским проектам, хотя, конечно, и с учётом местной корейской специфики.

Вообще говоря, Корея XV-XIX веков была государством бюрократическим (в данном случае в слове “бюрократ” нет ничего ругательного). Армия в старой Корее была не в чести, и в этом отношении Корея мало походила на хорошо нам известные государства европейского средневековья, к которым, пусть и с оговорками, относится и Россия. Во всех этих странах правящее сословие было, по преимуществу, сословием военным, а типичным представителем верхов был рыцарь, витязь, богатур – короче говоря, воин (и, если уж быть честным, по совместительству немножко бандит). В Корее дела обстояли иначе. Армия, конечно, существовала и там, но офицерство находилось в подчинённом по отношению к чиновничеству положении. Даже главой военного министерства обычно являлось гражданское лицо. Офицеры подвергались всяческой дискриминации по сравнению с гражданскими чиновниками, так что честолюбивые молодые дворяне избегали армейской службы, предпочитая сдавать гражданские экзамены и делать штатскую карьеру – более престижную и лучше оплачиваемую. {с.349 – с.350}

Во главе корейского правительства стоял премьер-министр – “рёньыйчжонь” (в буквальном переводе – “главный в обсуждении дел правления”), и его два заместителя – “левый” и “правый”. “Первым вице-премьером” считался “левый” заместитель, ведь испокон веку левая сторона считалась на Дальнем Востоке более почётной, чем правая.

Главными органами отраслевого управления служили министерства, которых в старой Корее, как и в Китае, было шесть. Всегда – ровно шесть. Система эта была введена в VII веке нашей эры и с тех пор без изменений просуществовала до конца XIX столетия, то есть

тринадцать веков. Самым важным из министерств было Министерство по делам чиновников, в ведении которого находились вопросы назначений и перемещений всех корейских государственных служащих. За ним следовало Министерство финансов, которое в Корее называлось Министерством налогов. На третьем месте стояло Министерство церемоний. Для нас, грешных не-конфуцианцев, бывает трудновато понять важность этого ведомства, но в старой Корее к нему относились со всем почтением. Министерство церемоний отвечало за правильное проведение конфуцианских обрядов. Его чиновники следили за тем, чтобы вовремя и в полном соответствии с вековыми правилами приносились жертвы духам неба и земли, душам предков правящей династии и знаменитых чиновников. К ведению Министерства церемоний относились и вопросы внешней политики. Кроме этого, были в Корее Военное министерство и Министерство наказаний (то есть юстиции). Замыкало список Министерство общественных работ, которое занималось в основном строительством дворцов, крепостей и ирригационных сооружений, а также управлением государственными мануфактурами и мастерскими. С министерствами были тесно связаны и королевские секретариаты.

Важными органами власти были Цензораты. Несмотря на закрепившееся за ними в западной и российской традиции название, никакого отношения к цензуре в нынешнем смысле слова эти учреждения не имели. Скорее, {с.350 – с.351} по своим функциям они были ближе к нынешней Генеральной прокуратуре или Конституционному суду, ведь в их задачи входило наблюдение за соблюдением законности чиновниками и самим королём. Впрочем, Цензораты не ограничивали себя юридическим контролем: они также следили за нравами и поведением своих подопечных, стремясь выявлять и пресекать то, что по понятиям тех времён считалось “аморальным поведением”. Цензоратов было два. Один из них следил за чиновниками, а другой – за самим королём и его семьёй. Сотрудники этого учреждения имели право и, более того, были обязаны систематически критиковать действия монарха – именно за это они и получали свою зарплату! Разумеется, чаще всего критика была, мягко скажем, не слишком суровой, но из этого понятного правила бывали и исключения. Порою излишняя принципиальность стоила карьеры или даже жизни, но именно такие неустрашимые чиновники от века воспринимались конфуцианской традицией как мученики и герои.

Другим своеобразным учреждением был “Кёнъён”. Он представлял из себя учебное заведение, в котором был только один студент – сам король. В соответствии с конфуцианскими традициями, корейский монарх должен был два-три раза в день посещать специально организуемые для него занятия по конфуцианской философии, истории и теории государственного управления. Занятия эти вели лучшие учёные страны, а по форме они несколько напоминали нынешние вузовские семинары – тексты конфуцианских классиков подвергались там всестороннему обсуждению. Порою король задавал своим наставникам довольно каверзные вопросы, и тем приходилось лихорадочно искать правильные ответы – ситуация, хорошо знакомая преподавателям и в наши дни.

Был в старой Корее и государственный Институт истории, который тоже считался правительственным учреждением. Назывался он “Чхунчхугван” – “Палата Весны и осени” (в названии содержится намёк на знаменитую древнекитайскую летопись “Вёсны и осени”, которую когда-то редактировал сам Конфуций). Отношение к исто {с.351 – с.352}рии в странах Дальнего Востока было всегда особым, и дело сбора и хранения исторических документов находилось там на такой высоте, о которой в средневековой Европе или России никто не мог и мечтать. В задачу “Палаты Весны и осени” входило составление подневных хроник деяний монарха, на основании которых впоследствии, уже после смерти короля, готовились т.н. “Правдивые записи” (“Силлок”) – исключительно подробная хроника его правления.

Со времён Древнего Египта ни одно государство не обходилось без полиции и спецслужб. В Корее полицейские функции в основном выполняли подразделения Министерства наказаний и местная администрация, однако для расследования политических преступлений существовало специальное полицейское агентство – Ыйгымбу, нечто вроде службы безопасности. Помимо государственных преступлений, оно расследовало и все преступления, совершённые дворянами.

Ещё в самом начале XV века страна была разделена на восемь провинций, границы которых оставались неизменными на протяжении четырёх столетий. Только в самом конце XIX века большинство провинций было разделено на две части (так появились, например, провинции Северная и Южная Чолла, Северная и Южная Кёнсан и т.д.). Кроме того, особым статусом пользовались города Сеул и Кэсон – вторая столица страны (сейчас на территории Северной Кореи). Во главе каждой провинции стоял губернатор, которого по закону полагалось сменять не реже, чем раз в два года. Корейские законодатели опасались, что слишком долго просидевший на своём месте губернатор начнёт или взятки брать, или поддерживать какие-то местные группировки в ущерб государственным интересам. Губернатору провинции и его небольшой канцелярии подчинялись уезды, которых в стране было более 300. Во главе каждого уезда стоял уездный начальник, которого также полагалось сменять раз в несколько лет (вдобавок, чиновникам, как правило, запрещалось служить в своих родных местах). Уезды состояли из волостей, но в волостях уже никаких правительственных чиновников не было. Все воп [{с.352 – с.353}](#)росы на этом уровне решались местным самоуправлением, в котором основная роль принадлежала дворянам и их ассоциациям.

Нельзя не отметить, что чиновничий аппарат старой Кореи отличался очень небольшими размерами. При том, что население страны за пять веков правления династии Ли возросло от примерно 7-8 до примерно 15 миллионов человек, во всех центральных министерствах и ведомствах, вместе взятых, насчитывалось менее двух тысяч чиновников! В провинции чиновников было ещё меньше, около пяти сотен. Это означает, что в среднем на 7 тысяч корейцев приходился только один профессиональный бюрократ – пропорция, делающая честь эффективности государственного аппарата. Правда, кроме штатных чиновников, в стране были ещё и писари и счетоводы, охранники и тюремщики, которые не имели формальных чиновничьих рангов, но получали государственное жалование и фактически тоже были государственными служащими. Не исключено, что их было даже больше, чем чиновников в точном смысле слова, однако даже с учётом этого обстоятельства нельзя не признать – корейский государственный аппарат был маленьким и, следовательно, дешёвым. Для сравнения: в Российской Федерации сейчас насчитывается примерно 4 миллиона чиновников, то есть по одному на 40 россиян – примерно в 200 раз больше, чем в старой Корее.

Впрочем, не всё было так уж идеально в Корее. Например, все высшие чиновники менялись там с прямо-таки калейдоскопической быстротой. В этом отношении Корея времён династии Ли напоминала Италию семидесятых годов с её непрерывными правительственными кризисами. Подсчитано, например, что сеульский градоначальник (немаловажная в те времена должность министерского уровня) в 1392-1910 годах в среднем находился на своём посту всего лишь 5 месяцев. Рекорд принадлежит У Ок-рёну, который пробыл мэром столицы 13 лет, с 1610 по 1623 год, однако пять сеульских градоначальников были сняты в день своего назначения, 10 человек пробыли на этом посту два, а 11 – целых три дня... Примерно такая же [{с.353 – с.354}](#) министерская чехарда была характерна для всех высших постов. Как ни парадоксально, эта кажущаяся нестабильность (к которой на деле в старой Корее как-то сумели привыкнуть и приспособиться) во многом была связана с малочисленностью государственного аппарата. Чиновников действительной службы было, от силы, две тысячи, а дворян, которые поголовно стремились к чиновничьим местам, – десятки тысяч. Отсюда – желание властей “пропустить” через высшие должности как можно больше дворян, дав им, таким образом, возможность подтвердить свой привилегированный статус.

Чиновники набирались из числа правящих сословий, в первую очередь – из дворян, и занятие государственного поста уже само по себе давало право на дворянское звание. Впрочем, корейское дворянство – это уже тема особого разговора... [{с.354 – с.355}](#)

Старые стены

В течение тысячелетий самой важной особенностью города было наличие у него защитных стен. Именно этим город отличался от деревни или посёлка. Не случайно, что само

слово «город» в русском (как и во многих других языках) связано с идеей некоего огороженного стенами места.

Сеул не был исключением. В течение многих столетий корейская столица была защищена невысокой каменной стеной, построенной на рубеже XIV и XV веков. Стена эта имела длину 18 км – не так уж мало по тогдашним корейским меркам. В город можно было попасть через восемь ворот: четверо ворот считались «большими», а четверо других – «малыми». Ворота именовались по сторонам света, хотя при этом они также имели и пышные официальные названия, почти не использовавшиеся в повседневной жизни. Например, Намдэун (буквально «Большие Южные Ворота») были официально известны как Санъриемун, или «Ворота Уважения к Ритуалу».

Откровенно говоря, военная эффективность сеульских укреплений оставляла желать лучшего. Правители страны всегда знали, что Сеул не в состоянии выдержать серьёзную осаду. Поэтому в случае серьёзного вторжения, первая реакция правительства состояла в том, чтобы бежать из столицы и укрыться на острове Канхва-до или в какой-нибудь горной крепости. Вероятно, единственная серьёзная попытка оборонять Сеул была предпринята в сентябре 1950 г., когда коммунистические части сумели удержать город в течение десяти дней, отражая атаки превосходящих сил американской армии. Но это было исключение {с.355 – с.356}ем: обычно, в случае главного конфликта столица меняла хозяев без особой борьбы. Впрочем, занятие Сеула особого влияния на исход борьбы не оказывало: во время внутренних смут и внешних вторжений не раз побеждала сторона, в какой-то момент потерявшая контроль над традиционной столицей.

Но это не означает, что городские стены были бесполезны. Они не могли защитить город от хорошо обученной армии, но вполне могли остановить толпу восставших крестьян или отряд наёмников. Стены помогали также поддерживать общественный порядок и бороться с преступностью в городе. На ночь ворота закрывали, так что никто не мог ни покинуть город ни проникнуть в него без специального разрешения.

Лишь в немногих городах мира средневековые укрепления сохранились до наших дней. К началу XIX века развитие военной технологии сделало городские стены бессмысленными. Защиту городов в новых условиях стали обеспечивать линии фортов, вынесенные на многие километры от городских окраин. Стены и узкие извилистые улицы превратились в немалое препятствие для транспорта. Поэтому в течение XIX века старые европейские города стали терять свои былые укрепления, которые беспощадно сносились во время перепланировок. Стены уцелели только в тех городах, которые пришли в упадок и не имели ни денег, ни необходимости приспосабливаться к новым условиям (это позднее превратило их в важные туристские объекты – наподобие Суздаля).

В начале XX века корейское правительство и генералы тоже понимали, что с военной точки зрения сеульские стены потеряли своё былое значение. Однако правительство знало, что простые люди по-прежнему не имели представления ни о пулемётах, ни о динамите, и продолжали верить в военное значение старых стен. Снос стен мог привести к беспорядкам, и власти оттягивали политически опасное решение.

Поэтому, когда в 1901 г. трамвай впервые соединил центр города с его северными предместьями, было решено не делать для трамвайной линии проёма в городской {с.356 – с.357} стене. Трамвайные вагоны должны были пользоваться узкими воротами Намдэун. Это было политически важное, но технически непростое решение: вагоны еле проходили в ворота, между бортом вагона и стеной оставалось 30-40 сантиметров! Ситуация осложнилась, когда в 1905 г. начала действовать железнодорожная линия Сеул-Пусан. Железнодорожная станция располагалась вне городских стен, на месте современного Сеульского вокзала. Это привело к резкому увеличению транспортного потока, проходившего через ворота Намдэун. Именно тогда в столице появились первые пробки.

Чиновники городской администрации подавали прошения, предлагая снести старые стены, но эти предложения не раз отклонялись. Только в 1907 г., когда Корея уже фактически

потеряла независимость, соответствующее решение было наконец принято. Работы по разборке стен начались около ворот Намдэмуна. Сами ворота, к счастью, были сохранены, но вот примыкавшие к ним участки стен были уничтожены. В результате возникла большая площадь, которая и поныне окружает ворота Намдэмуна. Новая широкая улица соединила эту площадь с Сеульским вокзалом. Другим городским воротам повезло меньше – например, Содэмуна (Западные Ворота) были уничтожены в 1915 г., когда проводился очередной этап работ по сносу городских стен.

Только 2,5 км старых стен – около 15% их первоначальной длины – сохранились до наших дней. В последние годы, правда, предпринимались попытки восстановить сеульские стены. В Корее медленно растёт интерес к архитектурным памятникам. Но это – другая история... {с.357 – с.358}

Внешняя политика старой Кореи

Внешняя политика старой Кореи (то есть Кореи XIV-XIX веков) во многом не походила на внешнюю политику государств европейского средневековья. Корее приходилось действовать в совершенно другой ситуации, ведь Дальний Восток тех времён был мало похож на современную ему Европу или Россию.

В чем же заключались основные различия? Во-первых, на Дальнем Востоке всегда было много меньше независимых государств, чем в Европе. Европа XIV-XVI века – это море мелких княжеств, королевств, курфюрств и вольных городов, количество государственных образований на этом континенте до середины XIX века исчислялось сотнями. В Восточной же Азии на протяжении последнего тысячелетия мы имеем дело, по сути, с одними и теми же игроками – Японией, Китаем, Кореей, Вьетнамом и, до недавнего времени, парой кочевых государств на территории Маньчжурии или Монголии (в различные эпохи это были государства монголов, чжурчженей, киданей). Конечно, в отдельные периоды картина была несколько сложнее: например, тот же Китай мог быть раздроблен на несколько отдельных – и враждующих – государств, а Япония могла представлять из себя конгломерат княжеств под чисто номинальной властью императора или сёгуна. Однако в целом за последние 10 веков в Восточной Азии едва ли когда-либо существовало более полутора десятков стабильных государств – и это при том, что и по размерам, и по населению Восточная Азия заметно превосходит Европу. Немногочисленность государств во многом лишала дипломатов возможности маневра: традиционная европейская дипломатия была, в первую очередь, искусством построения сложных коалиций, а на Дальнем Востоке для подобных мероприятий было куда меньше возможностей.

Во-вторых, крупнейшие европейские государства были более или менее равны по своему военному и экономическому потенциалу. Конечно, время от времени то одна, то другая держава вырывалась вперёд, но отрыв её от соперников обычно был не слишком велик: добиться полного господства в Европе не смог никто. На Дальнем Востоке ситуация была иной: когда Китай находился под властью единого и компетентного правительства, он доминировал в регионе практически безраздельно, заметно превосходя по своему потенциалу все остальные страны, вместе взятые. Отражением этой реальности и стала китайская внешнеполитическая доктрина. Согласно ей, все народы мира делились на три группы. К первой принадлежали “цивилизованные люди”, то есть те, кто владели иероглифической письменностью, следовали заветам Конфуция и подчинялись непосредственно императору, который был не просто правителем Китая, но и Императором Вселенной. Как легко догадаться, в эту группу входили только сами китайцы. Вторая группа включала “полуцивилизованные” (или “полудикие” – дело вкуса) народы. У этих народов образованные люди также владели человеческой (то есть китайской) речью и следовали заветам Конфуция, но простонародье жило по старинке и оставалось, таким образом, дикарями. Властители этих стран сами правили своими не совсем очеловечившимися подданными, но от них также ожидалось, что время от времени они будут выражать свою покорность Императору Вселенной. В эту группу входили корейцы, японцы, вьетнамцы, а также некоторые иные народы Северного и Юго-Восточного Китая. Наконец, третья группа включала в себя безнадёжных дикарей, которые, строго говоря, не являлись людьми в

точном смысле слова: древнекитайского они не знали, Конфуция не почитали и правильных, Конфуцием предписанных, ритуалов не соблюдали. К этим народам относились тибетцы, индийцы, арабы, русские, немцы – список можно продолжать до бесконечности. Система эта не была расистской в нынешнем понимании: если {с.359 – с.360} дикарь выучивал “правильный” язык и осваивал “правильную” культуру, его считали вполне человеком, но отношение к его непросветившимся соплеменникам от этого не менялось.

Все соседи Китая, среди которых преобладали “получившие цивилизованные” народы, должны были учитывать эту доктрину в своей внешней политике. Реагировали они на неё по-разному. В некоторых случаях (в Японии, например) местная власть, при всём уважении к конфуцианству и китайской культуре, наотрез отказывалась признавать китайского императора Повелителем Вселенной. В этих странах тогдашние политтехнологи не уставали заявлять, что их собственные правители ничем не хуже (и даже, если вдуматься, лучше) китайских. В других же случаях местные властители соглашались играть по китайским правилам, и заверяли всех – искренне или не совсем – что они изо всех сил стараются цивилизоваться и со всем почтением относятся к свету разума и культуры, который сияет, конечно же, из дворца китайского императора. Корея пошла именно по этому пути, который и получил название “садэ” – “служение большому”.

В современном корейском языке само словосочетание “садэ” стало почти что ругательством. Корейские историки утверждают, что именно этот треклятый принцип стал первопричиной всех корейских проблем и несчастий. Однако нам не мешает отнестись к этому вопросу спокойнее. Нельзя не признать, что прокитайская внешняя политика, последовательный союз с Китаем были для Кореи правильным стратегическим решением. Конечно же, союз этот был неравноправным – и не мог быть таковым, ведь и по населению, и по основным экономическим показателям Китай превосходил Корею в десятки раз. Однако союз этот немало давал Корее. Самым главным из его плодов была внешняя безопасность. Хорошие отношения с Китаем означали, что опасаться нападения с его стороны Корее не приходится. Вдобавок, Китай неоднократно подчёркивал, что в случае любого нападения на Корею он придёт ей на помощь, и это обещание в целом соблюдалось – ведь Корея представляла из себя важный буфер, защищающий Ки {с.360 – с.361}тай от нападения с северо-востока. В конце XVI века китайские войска внесли огромный (и теперь неохотно признаваемый) вклад в разгром японского вторжения. В конце XIX века Китай опять попытался оказать помощь Корее, хотя и неудачно – слишком уж был он в тот момент слаб сам. В результате при династии Ли (1392-1910) Корея могла позволить себе иметь очень небольшую армию, которая, по сути, представляла из себя внутренние войска, предназначенные только для выполнения полицейских и охранных функций. Расчёт был на то, что в случае серьёзной войны на помощь придут китайцы. Правда, Корее приходилось держать сильный флот, чтобы отбиваться от набегов японских пиратов, но военные расходы всё равно оставались низкими. Наконец, на протяжении большей части только что завершившегося тысячелетия Китай был одной из самых передовых в культурном и технологическом отношении стран мира, так что дружественные отношения и активная торговля с этой страной немало способствовали развитию корейской науки, техники и культуры.

В чем конкретно выражалась зависимость Кореи при династии Ли? В основном – в чисто символических актах. В частности, китайский император утверждал нового корейского короля. Однако на деле это утверждение ничем не отличалось от, скажем, “утверждения” нового британского премьер-министра королевой. Китайский император просто автоматически утверждал ту кандидатуру, которую ему представляли сами корейцы. Кроме того, полагалось отправлять в китайскую столицу специальные регулярные посольства, в состав которых входило обычно 100-200 человек. Эти посольства посещали Китай три раза в год: на новый (лунный) год, на день рождения императора и на день рождения наследника престола, и их задачей было вручение дорогих подарков по этим знаменательным датам. В официальных материалах эти подарки именовались “данью”, а ответные китайские подарки – “пожалованиями”, но по цене “дань” ненамного превосходила “пожалования”, так что речь здесь идёт просто о межгосударственной торговле. Китайские посольства посещали Сеул гораздо реже – по {с.361 – с.362} случаю вступления на престол нового монарха или

назначения наследника, а также в случае каких-то особых ситуаций. Пребывание этих посольств обставлялось с большой помпой, король и высшие чиновники выражали посланцам Императора своё почтение, устраивали для них банкеты и увеселения, подносили подарки.

Однако pompa эта сопровождалась и иными мероприятиями, которые особо не афишировались. Перед прибытием послов правительственные инструкции напоминали чиновникам, что распускать язык в присутствии иностранцев не рекомендуется. В частности, на протяжении почти столетия Корея скрывала тот факт, что наряду с китайским законодательством у неё имелся и собственный кодекс законов – “Кёнгук тэчжон”. Все экземпляры этого кодекса требовалось убрать подальше, чтобы они часом не попались на глаза послам. Иногда инструкции требовали, чтобы стены помещений, в которых будет останавливаться китайская миссия на пути в Сеул, оклеивались только чистой бумагой. Дело в том, что бумага тогда была довольно дорога, и в качестве обоев в те времена часто использовали ненужные документы. Корейские “особисты” полагали, что некоторые из этих документов совсем ни к чему видеть представителям союзника. Всё это (а также и жёсткий запрет на частные поездки в Китай, действовавший с 1630-х годов, и тщательная охрана северной границы) не означает, что корейцы относились к Китаю плохо. Просто они были трезвомыслящими политиками, и понимали, что интересы даже двух очень близких союзников не могут совпадать на 100%. Поэтому корейские власти делали то, что они и должны были делать – защищали интересы своей страны.

Впрочем, отношениями с Китаем внешняя политика династии Ли не ограничивалась. Существовало ещё два важных направления – японское и “степное”, причём на обоих направлениях корейским дипломатам приходилось иметь дело с потенциальными источниками военной угрозы.

Отношения с Японией у Кореи никогда не были особо простыми. Главную проблему в XIV-XVI веках представляло японское пиратство, набеги морских разбойников на побережье Корейского полуострова, за которыми после {с.362 – с.363} довала разрушительная Имчжинская война 1592-1598 гг. В результате корейцы относились к японцам с немалым подозрением. Японским торговцам разрешалось посещать Корею, но жить и вести торговлю они могли только в нескольких специально отведённых портах, причём со временем количество этих портов сократилось до одного – нынешнего Пусана. Объём торговли также ограничивался специальным соглашением. Корейские посольства посещали Японию, когда на престол всходил очередной сёгун (наследственный военный правитель страны), но неофициальные поездки в Японию были запрещены.

Отношения с кочевыми народами Великой степи всегда были важны для Кореи по военно-стратегическим соображениям. Относительно немногочисленные, но воинственные степняки были главной внешней угрозой, с которой Корею приходилось сталкиваться. В большинстве случаев корейская дипломатия стремилась нейтрализовать эту угрозу мирными методами – подкупая вождей племён, сталкивая друг с другом различные группировки, манипулируя разрешениями на торговлю с корейскими купцами (кочевники в такой торговле очень нуждались). Обычно такая тактика работала, но бывали и сбои. Например, в 1620-е и 1630-е годы Корея пережила два крупных и разрушительных вторжения маньчжурских армий, причём во многом эти вторжения стали результатом серии дипломатических ошибок Сеула. В результате Корею пришлось разорвать союз с китайской империей Мин, и признать свою зависимость от маньчжурского государства Цин, владыки которого, впрочем, вскоре завоевали и весь Китай.

Как мы можем оценить действия корейских дипломатов на протяжении пяти веков династии Ли? Я бы поставил им “пятерку” или, по крайней мере, “четыре с плюсом”. Корея всегда воспринимала себя как “креветка среди китов”, как маленькое и, в общем, слабое государство, окружённое сильными и агрессивными соседями. Уже тот факт, что в таких непростых условиях Корея сохранила свою государственность является свидетельством тому, что свою зарплату корейские дипломаты старых времён отработали сполна. {с.363 – с.364}

Преступление и наказание при династии Ли

Классики марксизма ныне не в моде, но я рискну напомнить старую и мудрую формулу, принадлежащую одному из них “государство – это аппарат насилия”. Насилия, добавим, порою неизбежного и необходимого, но всё равно – насилия. И одной из важнейших задач любого государства с незапамятных времён было поддержание в стране общественного порядка. В этом была заинтересована верхушка, но, чаще всего, в конечном счёте шло это на пользу и простому народу. Принцип “преступник должен сидеть в тюрьме” был известен задолго до Шарапова, и все государства в меру своих сил стремились претворять его в жизнь. Понятно, однако, что преступники редко разделяют взгляды Шарапова и в тюрьму добровольно не стремятся, так что отправить их туда можно только с помощью полиции и суда. Именно поэтому суд и полиция с давних времён были важной частью любого государства. Как же работала судебная система в Корее старых времён, в период правления династии Ли (1392-1910)?

Начнём с того, что привычной нам отдельной системы судов и профессиональных судей в старой Корее не было. Вершить суд должен был глава местной администрации, это была одна из его важнейших обязанностей. В уезде верховным судьёй был, по совместительству, начальник уезда, в провинции – губернатор, а приговоры по важнейшим делам выносились или, по крайней мере, утверждались самим королём. Такая же система, кстати, существовала и в Китае. Любители детективов ван Гулика, повествующих о похождениях проницательного судьи Ди (реаль [{с.364 – с.365}](#)ная, кстати, историческая фигура), наверняка помнят, что главный герой этих историй является не только судьёй, но и правителем уезда. Не существовало в Корее и следствия в современном понимании этого слова. В задачу полиции входил арест преступника или подозреваемого, а заодно, при необходимости, и возможных свидетелей преступления, но никак не проведение “следственных мероприятий”. Следствие и суд вершились под непосредственным руководством главы местной администрации, чаще всего – начальника уезда. По сути, следствие и суд были нераздельны, представляли из себя один процесс. Начальник допрашивал подозреваемых и свидетелей до тех пор, пока не уяснял для себя картину происшедшего, а потом выносил приговор. Как и во всех странах в те времена, допрос сопровождался пытками. Пытки в Корее не отличались особым разнообразием, и в большинстве случаев дело сводилось к избиению подозреваемого палками. Судья (он же следователь) отвечал за то, чтобы подозреваемый не умер под пытками, так что “меры физического воздействия” применялись с определённой осторожностью.

Верховный контроль над всей деятельностью корейской юстиции осуществляло Министерство юстиции (в более буквальном переводе – “министерство наказаний”). В том случае, если преступление носило политический характер или если в нём были задействованы чиновники, расследованием занимались в специальном судебно-следственном учреждении Ыйгымбу – отдалённом аналоге службы безопасности или тайной полиции.

Не было в старой Корее и тюремного заключения в нынешнем смысле слова. Тюрьмы, имевшиеся при каждой уездной или провинциальной управе, играли роль нынешних КПЗ. В них держали только подозреваемых и подсудимых, причём срок содержания ограничивался законом. Срок предварительного заключения мог, в зависимости от тяжести обвинения, составлять 10, 20 или, самое большое, 30 дней. Престарелые (от 69 лет) и малолетние (до 14 лет) подозреваемые в тюрьму не заключались, а на арест находящегося на действительной службе чиновника, буддийского монаха или женщины из дворянского со [{с.365 – с.366}](#)словия требовалось испросить разрешение самого монарха. Исключением из этого правила были случаи, когда обвинение, выдвинутое против подозреваемого, грозило смертной казнью. В том случае, если подозреваемый заболел в тюрьме, его разрешалось освобождать под залог. Заболеть в старой корейской тюрьме было действительно легко. Типичная тюрьма представляла из себя глинобитное строение, одна из стен которого была заменена деревянной решёткой. Внутренняя стена отделяла женское отделение от мужского – арестованных разного пола категорически запрещалось содержать вместе. Заключенные, как правило, проводили всё время, закованные в тяжёлые шейные колодки весом в 10-20 кг

(такие колодки в Китае называли “каньга”). Шейные колодки делали невозможным побег, но они также не давали заключённому нормально спать – закованный в шейную колодку человек не мог лечь и был вынужден проводить все время, сидя на корточках. Об отоплении, понятно, речи не шло, и зимой заключённые жестоко страдали от холода.

Функции охраны общественного порядка брала на себя полиция, которая, как правило, была составной частью вооружённых сил. В распоряжении местного начальника часто имелся небольшой отряд, в обязанности которого входила не столько защита от внешнего неприятеля, сколько поддержание на вверенной территории порядка и исполнение полицейских функций. Работа эта была куда менее рискованной чем, скажем, в Японии (где полиция играла с давних времён очень заметную роль). Связано это было с тем, что Корея всегда была страной довольно мирной, со слабой военной традицией. Население в своём большинстве оружия не носило, военного обучения не проходило, да и в драки особо не лезло. В целом средневековая Корея была, по меркам тех времен, довольно безопасным местом. В отличие от Европы или России, где разбой на дорогах был явлением обычным, и путнику не рекомендовалось путешествовать в одиночку, в Корее нападения разбойников были довольно редким явлением, и дороги (а также и улицы городов) были спокойными, и ходить по ним без риска можно было в любое время су {с.366 – с.367}ток. Впрочем, по ночам по улицам корейских городов как раз особо-то и не бродили. С начала XV века ворота корейских городов закрывались с наступлением темноты, и после этого в самих городах наступал, как бы мы сейчас выразились, комендантский час. Всякое движение прекращалось, и с 10 часов вечера и до 4 утра всем горожанам следовало оставаться в своих домах. Лишь патрули медленно ходили по улицам, проверяя, всё ли спокойно в Сеуле и Кэсоне, Пусане и Пхеньяне...

В основе корейского законодательства при династии Ли лежало два кодекса. Одним из них было уголовное законодательство китайской династии Мин, которое использовалось и после падения этой династии, вплоть до 1894 г., а другим – собственно корейский кодекс “Кёнгук тэчжон”, принятый в XV веке. Строго говоря, “Кёнгук тэчжон” не был уголовным кодексом, скорее, он напоминал Конституцию страны, так как в нём содержались установления, касавшиеся государственного устройства Кореи и деятельности её важнейших учреждений. Использование китайского законодательства не должно вызывать особого удивления: влияние Китая на все сферы жизни Кореи было огромным, а древнекитайский литературный язык (вэньянь или, как его называли в Корее, ханмун) был государственным языком страны.

По традиции, восходящей ещё к древнему Китаю, в Корее было принято выделять “пять видов наказаний”. Конкретное значение этого термина в разные эпохи было разным. При династии Ли (1392-1910) к “пяти видам наказаний” относились (в порядке возрастания тяжести): 1) “малые палки”; 2) “большие палки”; 3) “ближняя ссылка”; 4) “дальняя ссылка”; 5) смертная казнь. Первые два наказания едва ли нуждаются в особых объяснениях – осуждённого клали на землю и били палками по бедрам и прочим филейным частям тела. Размер палок был установлен законодательством – длина 105 см, диаметр от 0,7 до 1,0 см. Разница между “большими” и “малыми” палками заключалась не в размере самих палок, а в числе ударов: от 10 до 50 ударов – “малые палки”, от 50 до 100 ударов – “большие”. Больше 100 ударов не давали – это счи {с.367 – с.368}талось опасным для жизни. От наказания палками можно было вполне официально откупиться, заплатив большой штраф, но он был так велик, что по карману эта привилегия была лишь очень богатым людям.

Ссылка в старые времена была серьёзным наказанием. Отправленный в ссылку человек оказывался оторван от семьи, родных, соседей, всего своего привычного окружения. Любые проблемы становились неразрешимыми, и даже лёгкое недомогание было смертельно опасно. Для дворян такие проблемы стояли не столь остро, но зато для них ссылка означала бесповоротное отстранение от политической жизни и рычагов влияния, равно как и полный отрыв от всех центров культуры и образования. Поначалу всех сосланных подвергали предварительному наказанию палками, но со временем от этого были освобождены дворяне, которых стали отправлять в ссылку непоротыми. Любопытно, что одним из самых “популярных” мест ссылки в старой Корее был остров Чечжудо. С нашей

нынешней точки зрения выбор кажется странным: курорт как место ссылки? Однако не надо забывать о том, что до появления пароходного сообщения в начале XX века Чечжудо был самым удалённым от “большой земли” районом Кореи. Путешествие туда было долгим и даже опасным, а сам остров представлял собой наиболее бедную часть Кореи. Легко представить себе ощущения какого-нибудь сеульского дворянина, который вдруг оказывался заброшен на этот, в буквальном смысле слова, край корейской земли. Другим районом ссылки был крайний север страны, таёжные районы вблизи корейско-китайской границы. На наш взгляд это, конечно, выглядит логичнее, чем ссылка на субтропический остров Чечжудо: климат на севере суровый, с морозами до –25 градусов, да и места там довольно дикие даже сейчас, не говоря уж о временах средневековья.

Самым тяжёлым наказанием в старой Корее была, разумеется, смертная казнь. В соответствии с законодательством, в Корее времён династии Ли существовало три вида смертной казни: удушение, обезглавливание и четвертование. На практике изредка применялись и иные способы {с.368 – с.369} казни, но они в законах не упоминались и были, в целом, редкостью. Любопытно, что в Корее, как и в Китае, обезглавливание считалось куда более тяжёлым наказанием, чем удушение, хотя на практике оно было более мучительным. Связано это было с религиозными представлениями. В старину корейцы верили, что человек попадает на тот свет в том виде, в котором он встретил смерть, поэтому расчленение тела вело к своего рода “загробной инвалидности”, и его старались всячески избегать. Никому не хотелось бродить по дорогам загробного мира, неся собственную голову в котомке. Именно поэтому обезглавливание, не говоря уж о четвертовании, считалось очень тяжёлым наказанием.

В целом, отношение к смертной казни в Корее было осторожным. После вынесения смертного приговора его приводили в исполнение далеко не сразу. Сначала местный суд отправлял материалы дела в Министерство юстиции, где материалы рассматривали заново. В том случае, если Министерство подтверждало приговор, материалы отправлялись в высшую инстанцию – самому королю. Только в том случае если и монарх также соглашался с приговором, его приводили в исполнение. Впрочем, у монарха было право помилования, которым он пользовался очень широко: приговоры часто смягчались, и смертная казнь заменялась ссылкой. Исключением была армия: в условиях военного времени офицеры имели право сами выносить смертные приговоры и приводить их в исполнение на месте и немедленно, без обычного согласования с высшими инстанциями и монархом.

Конечно, система правосудия в старой Корее не была идеальной. Однако она работала, и, наверное, вполне отвечала требованиям своей эпохи. По крайней мере, пять веков правления династии Ли были временем на редкость спокойным... {с.369 – с.370}

Корейская монархия: “мандат Неба с местной спецификой”

Сейчас, когда монархизм в России постепенно перестает быть политической экзотикой, и когда идея реставрации монархии нет-нет да и появляется на страницах газет, нередко слышишь вопрос о том, как обстоят дела с монархизмом в Корее. Часто интересуются и тем, что же случилось с низложенной корейской династией и есть ли в Корее претенденты на престол.

Из всех “малых” государств Восточной Азии, Корея традиционно была наиболее близка к Китаю. Япония (до конца XIX века, бесспорно, не более чем одна из “малых” стран) всегда подчёркивала свою особость и, действительно, не была ортодоксально-конфуцианской страной во многих областях – в том числе и в области отношения к монархии и обоснования легитимности правящей династии. Вьетнам, несмотря на огромное культурное влияние великого северного соседа, всегда воспринимал Китай как потенциального агрессора и “вероятного противника”. В Корее же и к китайской классической культуре относились с почтением, и с самим реальным Китаем поддерживали неплохие отношения.

Не удивительно, что в Корее безо всяких оговорок и сомнений была принята китайская конфуцианская концепция “мандата Неба”. Эта концепция, разработанная ещё Мэн-цзы,

утверждала, что право на управление Поднебесной та или иная династия получает по воле Неба в награду за свою мудрость и моральные качества своего основателя и его непосредственных предков. Однако “мандат Неба” не является бессрочным. Рано или поздно происходит моральная деградация династии, и тогда Небо решает сменить её, возведя на престол новую семью. Падение династии, таким образом, служит наглядным подтверждением того, что династия утратила “мандат Неба” и не может больше управлять страной. В соответствии с этой концепцией, право на власть не вечно, но от достойной своего места династии Небо не отворачивается по определению.

С 1392 г. в Корее правила династия Чосон, которую часто называют династией Ли, по фамилии её правящего клана. Строго говоря, это закрепившееся в литературе название самой династией никогда не использовалось. Дальневосточные династии никогда не именовались по фамилиям своих основателей. В раннюю эпоху названием династии служило наименование местности, из которой произошли её основатели, а в более поздние времена основатели очередной династии сами выдумывали для неё подходящее величественное имя (китайские династии “Юань” – “изначальная”, “Мин” – “светлая”, “Цин” – “чистая”).

Основателем династии Ли был удачливый генерал Ли Сон-гье, который в 1389 г. совершил военный переворот и сверг с престола предшествующую династию Корё. Последний правитель династии Корё и его родственники были отправлены в ссылку и там, спокойствия ради, тайно убиты, но подавляющее большинство членов фамилии Ван, из которой происходил правящий род династии Корё, не пострадало и превратилось в обычных подданных новой власти. Подобно своим предшественникам, монархи династии Ли именовали себя “королями” (ванами) – титул, который подразумевал их зависимость от Императора (ди или хуан-ди). По конфуцианским представлениям, во всей Вселенной мог быть только один Император – тот, который правил собственно Китаем. Все остальные владыки мира являлись вассалами Императора, платили ему символическую дань и утверждались им при вступлении на престол. Корея вполне соглашалась с этими представлениями, так что каждый новый корейский король утверждался в Пекине. Правда, утверждение это носило автоматический характер и была чисто ритуальным актом, а на “дань”, отправляемую в Пекин, китайский двор отвечал “пожалованиями” примерно равной стоимости.

Династии Ли принадлежит рекорд продолжительности правления в конфуцианском мире. Она продержалась у власти до 1910 г., то есть 518 лет – больше, чем практически любая династия региона. Строго говоря, японская императорская династия у власти находилась заметно дольше, но она, как мы увидим, не может считаться конфуцианской монархией в точном смысле слова – идеология власти была там совершенно другой. Другая династия, которая превзошла по продолжительности правления династию Ли – это древнекитайская династия Чжоу, правившая около 800 лет (XI-III вв. до н.э.). Однако на протяжении большей части этого времени Поднебесная была раздроблена и власть Чжоу оставалась, таким образом, чисто номинальной. Корейские политики и мыслители хорошо осознавали эту уникальную особенность своей династии. Поскольку в среднем и китайские, и более ранние корейские династии правили около 300 лет, то в самой Корее с некоторой тревогой встретили трёхсотлетний юбилей династии Ли, пришедшийся на 1692 г. Многие тогда ожидали разного рода неприятностей от роковой даты – тем более, что в Китае только что пала династия Мин, ровесница династии Ли. Однако роковой рубеж был преодолен без каких-либо заметных проблем. Вплоть до конца XIX века в стране сохранялись редкостное спокойствие и стабильность. Династия Ли стала жертвой внешнего вторжения, а не внутреннего кризиса.

С конца XIX века японское влияние на полуострове возрастает. В 1905 г., после победы в Русско-японской войне, японское правительство фактически аннексирует Корею. А в 1910 г. происходит и формальная аннексия страны. В 1905 г. Кореей правил король Кочжон, 26-й монарх династии Ли, который вступил на престол малолетним ещё в 1863 г. В 1907 г. Кочжон был вынужден отречься от престола после того, как он попытался добиться международной поддержки сохранения корейской независимости. Его неудачная тайная дипломатия вызвала гнев японских властей, и в результате на корейский престол вступил его наследник Сунчжон (все корейские короли по традиции именуются не личными, а

посмертными “храмовыми” именами). Именно ему в 1910 г. выпала сомнительная честь подписать договор об отказе Кореи от государственной независимости и утвердить её превращение в японскую колонию.

После отречения династии Ли, её члены сохранили в своей собственности несколько королевских дворцов в центре Сеула. Формально им полагались такие же привилегии, как и младшим членам японской императорской фамилии. Кроме того, колониальные власти стали выплачивать им немалое содержание, которое позволяло экс-королевскому клану по-прежнему содержать большой дворцовый штат и вообще жить на широкую ногу. Такая щедрость была вызвана как монархической солидарностью, так и политическими расчётами. Свергнутая династия сохраняла тогда своё влияние среди конфуцианских традиционалистов, которые по-прежнему играли немалую роль в антияпонском сопротивлении, да и в целом пользовались заметным влиянием. Поэтому колониальные власти стремились найти общий язык со свергнутыми владыками и таким образом предотвратить их активное участие в антиколониальной борьбе. В целом это удалось, но оба короля всё равно долго оставались важными символами корейского национального самосознания. Когда в 1919 г. умер Кочжон, его похороны превратились в массовую антияпонскую демонстрацию и стали началом т.н. “Первомартовского восстания”, самого крупного антияпонского выступления за весь колониальный период. В 1926 г. к похожим, хотя и менее масштабным, демонстрациям привела и смерть его сына Сунчжона.

Однако уже к началу 1920-х гг. монархистов среди участников антиколониального движения было сравнительно немного. Старая конфуцианская идеология оказалась в глазах молодёжи безнадежно скомпрометированной, а сами её носители потихоньку старели и вымидали. Основную роль в антиколониальном движении стали играть либо прозападные либералы, выпускники миссионерских школ, либо социалисты и коммунисты. И те, и другие были {с.373 – с.374} решительными республиканцами, и относились к монархии как к явлению архаичному, отжившему свой век (хотя, по иронии судьбы именно коммунисты со временем фактически восстановят монархию в Северной Корее).

После смерти обоих монархов, во дворце продолжали жить члены их семьи, включая жён, многочисленных наложниц и детей. Ещё в 1907 г. наследником корейского престола был провозглашён Ли Ын, десятилетний сын Кочжона от одной из его наложниц. В Корее, как и в других монархиях региона, не было строгого порядка престолонаследия. Восходя на престол, монарх назначал себе преемника из числа членов клана Ли, причём таким преемником далеко не всегда становился сын короля. В том же 1907 г. малолетний наследник престола был вывезен японскими властями в Токио. Там Ли Ын воспитывался вместе с членами японской императорской фамилии, окончил военное училище и стал офицером императорской армии, дослужившись там к 1945 г. до звания генерал-лейтенанта (во время войны он командовал дивизией на китайском фронте). Японское правительство женило его на девушке из правящего императорского рода – принцессе Масако, рассчитывая таким образом ещё крепче привязать его к Японии. Сам по себе этот брак в своё время вызвал в Японии немалые насмешки – тут сказались традиционно-пренебрежительное отношение японцев к корейцам. Брак был, как и полагается королевскому браку, заключён без малейшего учёта мнения молодых, но оказался на удивление крепким.

После 1945 г. Ли Ын неоднократно пытался вернуться в Корею, но правительство Ли Сын-мана постоянно отклоняло эти просьбы. Не исключено, что властолюбивый и подозрительный Ли Сын-ман просто боялся появления потенциального соперника, но формально от Ли Ына в качестве своего рода “платы” за право на возвращение требовали передать в собственность корейского правительства его огромный особняк в Токио. Ли Ын на это не шёл, и только в 1963 г., уже после свержения Ли Сын-мана, тяжело больной Ли Ын, Масако и их сын Ли Ку смогли вернуться в Сеул. Когда самолёт уже заходил на посадку в Се {с.374 – с.375}уле, у Ли Ына произошёл инсульт, от которого он так никогда полностью и не оправился. В корейской столице Ли Ын поселился в одном из королевских дворцов, часть которого по-прежнему оставалась собственностью экс-королевской семьи.

Последний официально провозглашённый наследник корейского престола, Ли Ын, умер в 1970 г. и был торжественно похоронен на родовом кладбище. По распоряжению президента, на его похороны была отправлена рота почётного караула, а немалые траурные расходы взяло на себя правительство. Его жена, принцесса Масако, принявшая корейское гражданство, надолго пережила своего мужа и умерла в Сеуле в 1989 г. До самой своей смерти она продолжала жить в дворцовой резиденции Наксончжэ.

Сын Ли Ына и Масако, нынешний глава корейской экс-королевской фамилии Ли Ку (р.1930) оказался довольно непутёвым человеком. Окончив престижный Массачусетский Технологический Институт (MIT) в США, и женившись на американке русского происхождения, Ли Ку получил американское гражданство. В 1963 г. он вместе с родителями приехал в Сеул, где работал по специальности, как инженер-строитель, и одно время руководил небольшой строительной фирмой. В конце 1970-х гг. фирма прогорела, и наследник бежал в Японию, после чего следы его были потеряны всеми – даже его матерью. Только через несколько лет Ли Ку вновь дал о себе знать, а в 1996 г. он опять ненадолго вернулся в Корею. О его возвращении тогда писали многие газеты. Однако жизнь на родине предков у принца почему-то не заладилась, и вскоре он опять уехал в Японию, в которой живёт и сейчас.

Из всех внуков короля Кочжона в Корею в настоящее время проживает только один – Ли Сок. Когда-то он был известным певцом, а последнее время взял на себя обязанности полуофициального представителя рода Ли в Корею. Нельзя сказать, чтобы Ли Сок относился к числу звёзд первой величины на корейском политическом небосклоне, однако слышали о нём многие.

Ни о каком реставраторски-монархистском движении в современной Корею речи не идёт. С точки зрения кон {с.375 – с.376}фуцианских традиционалистов, потеряв власть, династия Ли также потеряла и “мандат Неба”, так что восстановление её на престоле не просто бессмысленно, но идёт против явно и недвусмысленно выраженной воли высших сил. Других же претендентов на престол тоже не наблюдается. В Южной Корею не существует никаких, даже самых маргинальных, организаций, которые ставили бы перед собой задачу восстановления монархии. С точки зрения подавляющего большинства корейцев, монархия – это не более чем архаическая экзотика, и даже мысль о её восстановлении вызывает смех. {с.376 – с.377}

Ким Ын-сэн или Унг Саинг Ким? О русской транскрипции корейских имён и названий (или, скорее, об её отсутствии).

В последнее десятилетие “корейское присутствие” в России стало ощущаться всерьёз, и корейские товары стали всё чаще появляться в русских магазинах, а корейские имена – на страницах русских газет. Однако, как заметил, наверное, любой внимательный читатель, сплошь и рядом имя одного и того же человека (или название одной и той же компании) записывается по-русски самыми разными способами. Желаящим я могу посоветовать, например, провести маленький эксперимент и попытаться найти в серьёзных русских справочниках такую, казалось бы, всем хорошо известную компанию как “Самсунг”. Заверяю: ни в одной серьёзной книге, написанной профессиональным корееведом-экономистом, Вы такой компании не найдёте. На страницах таких книг, правда, не раз будет упомянута другая компания – “Самсон”, но далеко не все поймут что это – та же самая фирма “Самсунг”, только в другой (кстати, более правильной) транскрипции. Впрочем, это ещё не самый сложный случай. Догадаться о том, что “Дайву” и “Тэу” – это одна и та же фирма, будет, наверное, потруднее.

Итак, с передачей корейских имён и названий по-русски далеко не все в порядке. Я бы, пожалуй, даже сказал, что история передачи корейских имён, корейских географических названий, и, особенно, названий корейских ком {с.377 – с.378}паний в русской печати – это история ошибок и недоразумений. Когда я вижу в газете или в популярном журнале правильно написанное корейское имя, я просто удивляюсь этому. Впрочем, удивляться мне приходится редко: подавляющее большинство имён передано с ошибками.

В чем же причины такой ситуации? Причин этих много. Начну с того, что фонетические системы русского и корейского языков очень отличаются друг от друга. В корейском встречаются звуки, которым в русском просто нет аналогов. Например, в корейском языке есть два звука “о”, два звука “н”, два звука “ё”, часто встречается специфический звук, который обычно передаётся как “ч”, но в действительности от него весьма отличается (на русский слух он звучит то ли как “ть”, то ли как “чь”, то ли как “дж”). Человек, который сам не владеет корейским, едва ли сумеет на слух отличить “огубленное О” от “неогубленного О” или “заднеязычное Н” от “переднеязычного Н”.

Поскольку до начала шестидесятых годов даже среди работавших в Корее журналистов и дипломатов корейский знали немногие, то и записывались корейские имена по принципу “как слышится”, то есть – весьма неточно. Соответственно, в таком искажённом виде появлялись они и в наших газетах и книгах.

Вдобавок, на протяжении почти столетия – с 1870-х и до 1960-х гг. – профессиональных корееведов в России было очень мало, а переводчиками и посредниками при всех контактах с Кореей неизменно служили многочисленные советские/российские корейцы. Они внесли немалый вклад в развитие советско-корейских связей. Большое им за это спасибо, однако надо помнить, что советские корейцы говорят на особом диалекте. Иногда они сами думают, что это, дескать, “испорченный” от долгого проживания за рубежом корейский, однако это совсем не так. В корейском языке множество диалектов, которые очень непохожи друг на друга. В последние десятилетия “правильным” корейским объявлен диалект столицы – Сеула, а советские корейцы просто говорят на другом диалекте, который был распространён в тех местах, откуда в Россию когда-то отправились их предки, то есть на диалекте се {с.378 – с.379}веро-восточной провинции Хамгён, пограничной с Россией (это не относится к корейцам Сахалина – недавним выходцам из южных провинций Кореи). Считать этот говор “испорченным” нельзя, наоборот, он даже сохранил некоторые древние особенности, утраченные в сеульском диалекте. Однако этот диалект отличается от сеульского корейского примерно так же, как русский от украинского (если даже не больше).

Понятно, что русские, а потом – и советские чиновники и дипломаты обычно записывали имена и названия так, как их произносили работавшие с ними переводчики. Один из многих примеров – история очень распространенной корейской фамилии “Цой”. В сеульском диалекте она произносится как “Чхве”, в то время как в провинции Хамгён сохранилось более старое произношение, которое русскими буквами можно примерно передать как “Цхой”. Под влиянием “советско-корейского” произношения всех обладателей этой фамилии у нас и окрестили “Цоями”.

Эти две особенности – отсутствие подготовленных корееведов и влияние северо-восточного диалекта, на котором говорило большинство переводчиков – и привели к тому, что вплоть до начала шестидесятых годов имена корейцев появлялись на страницах советской печати в малопонятном виде, так что сами корейцы (особенно в Сеуле) зачастую, прочтя записанное по-русски корейское имя или слово, просто не могли понять, о ком или о чём идёт, собственно, речь. Достаточно напомнить в этой связи имена некоторых северокорейских политиков, которых тогда часто упоминали в нашей печати и которые, наверное, до сих пор памяты некоторым нашим читателям старшего поколения: Цой Ен Ген (упрощённый вариант – Чхве Ён Гон, точный - Чхве Ён-гён), Ким Ир Сен (упрощённый вариант – Ким Иль Сон, точный - Ким Иль-сён), Пак Ден Ай (упрощённый вариант – Пак Чжон Э, точный – Пак Чжён-э).

Вскоре после войны в СССР была разработана система научной транскрипции корейских слов. Автором её был ленинградский лингвист А.А.Холодович (несколько позд {с.379 – с.380}нее она была модернизирована москвичами Л.Р.Концевичем и Ю.Н.Мазуром). Назвать эту систему идеальной нельзя, однако она предлагала более или менее стандартную схему транскрипции, при которой одно и то же корейское имя или название всегда записывалось одинаково. Это, собственно, в первую очередь и требуется от транскрипции. Правда, на практике в неспециальных изданиях стал использоваться её

упрощенный вариант, в котором не отражаются различия между двумя звуками "н" и двумя звуками "о", существующими в корейском языке.

В шестидесятые годы, после того, как стало активно работать первое поколение корееведов, привыкшее к системе Холодовича, ситуация с транскрипцией корейских имён нормализовалась, но, как оказалось, ненадолго. Ситуацию изменило появление на российском горизонте Южной Кореи. С конца восьмидесятых годов к нам хлынули корейские изделия с надписями на английском, и корейцы, с визитками – тоже на английском. И тут опять началась великая путаница. Понятно, что когда какому-то российскому журналисту (или бизнесмену) дают визитку, на одной стороне которой стоят какие-то странные непонятные буквы, а то и просто иероглифы, а на другой – всё написано по-английски, то этот журналист обычно не отправляется на поиски ближайшего доцента кафедры корейской филологии, а просто переписывает русскими буквами то, что написано по-английски, и в дальнейшем именует своего корейского собеседника так, как было написано на "английской стороне" его визитки.

Однако вот тут незадачливого журналиста и подстерегает ловушка. Дело в том, что базовые принципы английской и русской транскрипции – очень разные. Система Холодовича – это транскрипция, её основная задача – передать *произношение* корейского слова. Английская же система Рейшауэра, которую хорошо знают и которой пользуются корейцы – это транслитерация, и её основная задача – дать возможность легко восстановить правильное корейское *написание* слова. Поэтому многие корейские буквы передаются в английской "транскрипции" парами английских букв. Например, звук, который очень {с.380 – с.381} похож на русское "э", записывается в корейском письме сочетанием двух букв: одна означает "А", а другая – "И" (когда-то, много веков назад, "предок" нынешнего звука "э" действительно представлял из себя дифтонг, то есть сочетание этих двух гласных звуков). Поэтому и в английской системе "Э" вполне логично записывается как "AI". Звук, похожий на русское "е", записывается сочетанием двух корейских букв, которые в отдельности читаются как "о" и "и", так что и в английской транскрипции он естественным образом передаётся как "OE". Есть и другие особенности, которые ведут к недоразумениям. Например, "заднеязычный н" есть не только в корейском, но и в английском, так что понятно, что в английской транскрипции корейского этот звук передаётся так же, как и в английском – сочетанием "NG", в то время как буква "N" передаёт звук, очень похожий на русское "н". В русском же языке, как известно, есть только один звук "н". Впрочем, особенностям английской транскрипции и её отличиям от русской системы можно посвятить не одну страницу – так этих отличий много.

К чему это приводит на практике? Если коротко, то к путанице. Например, есть в Корее огромная фирма, которая называется "Хёндэ" (название её заимствовано из китайского и означает "современность"). Корейцы действительно произносят её название примерно как "хёндэ", но по-английски, в соответствии с правилами системы Рейшауэра, транскрибируют его как "Hyundai". Разумеется, 99% русских, впервые увидев это название, переписывают его русскими буквами как "Хьюндай". Корейцы же, конечно, обычно этого самого "хьюндай" на слух просто не понимают, да и в большинстве русских справочников (их пишут, конечно же, специалисты-корееведы) никакой фирмы "Хьюндай" нет и в помине. Или другой пример. В английском языке, как известно, нет звука "Ы", поэтому корейский звук "Ы" передаётся как "U" со скобочкой сверху. При перетранскрипции на русский эту "непонятную" скобочку, конечно же, убирают, и кореец Ким Ын-сэн становится Ун Саинг Ким'ом (не слишком-то похоже на оригинальное произношение!). {с.381 – с.382}

Итак, путаницы с транскрипцией немало. Боюсь, однако, что проблема эта не разрешима, по крайней мере, в ближайшем будущем. С одной стороны, не переходить же нам на английскую транскрипцию и не начинать же писать корейские слова латинскими буквами! С другой стороны, людей, которые знакомятся с корейскими именами и названиями через английские тексты, неизмеримо больше, чем тех, кто читает по-корейски. Так что похоже, что все эти "Самсунги" и "Хьюндай" будут ещё очень долго сосуществовать с "Самсон" и "Хёндэ", создавая немало проблем и недоразумений. {с.382 – с.383}

Корея за обедом {с.383 – с.384}

Вилка, палочки (и нож!)

Чем едят корейцы? Разумеется, в основном – палочками, как и большинство их соседей по Восточной Азии. Для нас, конечно, палочки как инструмент еды – вещь странная и экзотическая. Иногда привычка есть палочками становится даже объектом насмешек (дурацких, как и все насмешки по адресу чужих традиций). Помнится, в своё время известный наш китаевед академик В.М.Алексеев часто приходил в бешенство от шуточек по адресу китайцев, которые, дескать “такие некультурные, что едят палочками”, и в ответ задавал риторический вопрос: “Так... Значит, палочки – это некультурно... А засовывать в рот предмет с острыми длинными зубцами – это культурно?!” Под “предметом с острыми длинными зубцами” академик Алексеев имел в виду, конечно же, вилку.

При том, что палочками для еды пользуются все народы Дальнего Востока, в каждой стране этот инструмент выглядит по-своему. В Китае традиционно применялись деревянные палочки, которые для красоты и долговечности покрывали лаком, сейчас же им на смену пришли пластиковые. По сравнению с корейскими, китайские палочки довольно длинные, сантиметров 15-20, и толстые. Кстати, китайские палочки можно увидеть и в Корее – их часто подают в дорогих китайских ресторанах. У японцев палочки тоже деревянные, но простые, часто – вообще одноразовые. Вдобавок, японские палочки обычно короче китайских. Корейцы же едят в основном длинными и очень тонкими металлическими палочками. Это – чисто корейская особенность, нигде больше на Дальнем Востоке палочки для еды из металла не изготавливают. Раньше палоч {с.385 – с.386}ки делали в основном из латуни, сейчас ей на смену пришла нержавеющая сталь. В старину в самых богатых домах любили палочки из серебра, так как считалось, что серебро темнеет при соприкосновении с ядом (а у обитателей богатых домов обычно есть основания бояться яда). Наверное, это предрассудок, но, впрочем, кто знает, какие яды использовали древние корейские отравители? Не исключено, что некоторые из них действительно вызывали потемнение металла.

Есть в Корее и ещё одна особенность: корейцы часто используют ложку. Ложка известна и в Китае, и в Японии, но пользуются ею там много реже. Корейцы – это единственный народ Дальнего Востока, который ест ложкой даже рис!

Помнится, как я попал впросак в свой самый первый приезд в Корею в 1984 г. (это была, разумеется, Северная Корея). Начитавшись книг о Китае (а книг о Корее тогда особо и не было), мы – студенты из Ленинграда – стали есть рис палочками. Это, вообще-то, не такая трудная процедура, как может показаться некоторым из читателей. На Дальнем Востоке рис липкий, с очень большим содержанием клейковины, поэтому рисинки слипаются в небольшие комочки, которые довольно подхватывать палочками не так уж и сложно. Я довольно быстро научился делать это без особого труда. Питались мы там отдельно от корейцев (Северная Корея – питание у иностранцев там особое), и когда мы впервые стали есть в их присутствии, я вдруг заметил весьма удивлённые взгляды своих соседей. Кто-то сказал: “А мы думали, что только китайцы и японцы едят рис палочками! Оказывается, и русские тоже...”

Корейцы же, повторяю, обычно едят варёный рис ложкой. Едят ложками и суп, который в Корее очень популярен (есть даже поговорка, по-корейски звучащая в рифму: “Корейцы – нация супа”). Корейская ложка – металлическая (китайцы пользуются керамическими ложками) и по виду весьма напоминает европейскую. Разница в том, что корейская ложка круглой, а не яйцевидной формы, и в том, что черенок у неё очень длинный и тонкий. Кстати сказать, древнейшие корейские ложки, сохранившиеся до {с.386 – с.387} наших дней, были изготовлены полтора тысячелетия назад, но внешне они не очень отличаются от современных.

И ложка, и палочки упоминаются во многих корейских поговорках и выражениях. В старину, например, когда хотели спросить, сколько человек у кого-нибудь в семье,

спрашивали “а сколько у вас в доме ложек?”. Выражение “отложить ложку” означало “умереть”.

Правда, сейчас европейский прибор – вилка и нож – всё больше теснит традиционные палочки. Попала вилка в Корею только в конце XIX века, а по-настоящему её распространение вообще началось только в семидесятые годы, когда в корейскую жизнь стали всё шире входить европейские блюда. Постепенно возникла традиция, которая предписывает есть европейские блюда ножом и вилкой, а для корейских, японских и китайских блюд использовать палочки. В любом случае, вилки сейчас есть почти во всех городских домах, да и в большинстве деревенских. Вошли в обиход и чайные ложки, которые раньше были неизвестны, да и просто не нужны: добавлять сахар в чай, кофе или иные напитки в Корею стали совсем недавно, под западным влиянием.

И, тем не менее, для большинства корейцев и поныне еда прочно ассоциируется именно с палочками. {с.387 – с.388}

Что едят корейцы?

Этнографам хорошо известно, что в любой стране и в любую эпоху традиции питания являются одним из наиболее консервативных и устойчивых элементов быта. Относится это и к Корее. В целом питание в большинстве корейских семей остаётся традиционным, немногим отличаясь от того, каким оно было 50 или 100 лет назад. Изменения, конечно, есть, но связаны они в первую очередь с тем, что многие продукты, которые до недавнего времени были малодоступны для большинства в силу своей дороговизны, в результате стремительного роста уровня жизни превратились в часть повседневного питания. Относится это, например, к мясу, которое до конца семидесятых годов было редкостью на корейском столе (только очень богатые люди могли есть мясо регулярно). Кроме того, в Корею получило распространение простое и удобное кухонное оборудование западного образца: газовые плиты, холодильники, микроволновые печи, всяческие бытовые электроприборы. Что же до проникающих в Корею иностранных блюд, то они, за некоторыми исключениями (шницель, пицца), не становятся частью обычного домашнего уклада, а остаются некоей экзотикой.

Подтверждается это, в частности, данными проведённого в 1993 г. Институтом Гэллопа опроса. Тогда самой популярной среди сеульцев была корейская кухня, которая, так сказать, “лидировала с большим отрывом”: её предпочли всем прочим 77,9% опрошенных. За ней следовала европейская – 12,1%, а потом китайская и японская, которые набрали по 4,7% каждая. Тем не менее, многие корейские публицисты выражают сейчас беспокойство в связи с {с.388 – с.389} тем, что традиционная корейская культура питания уходит в прошлое. Автор одной из таких статей, которые обычно пишутся в весьма патетическом стиле, заявляет: “Если мы изменим наши вкусы и привыкнем к гамбургерам и пицце, то и наше сознание станет западным... Поскольку изменившееся сознание уже не вернуть к старому, то велика опасность того, что нашей национальной идентичности будет нанесён ущерб”. Оставляя в стороне спорный вопрос о том, насколько распространение новых видов выпечки опасно для судеб национальной культуры, заметим, что для опасений за судьбу корейской кухни нет особых оснований. Распространение зарубежных кулинарных традиций в стране, ранее с ними совершенно не знакомой, идёт довольно быстро, однако оно не ставит под угрозу доминирующее положение корейской кухни. Просто в силу своей крайней специфичности корейская кухня остаётся единственно приемлемой для большинства корейцев.

То, что в современной Корею считается “традиционной кухней”, сложилось в начале XVIII века, когда в Корею попали и получили распространение некоторые виды продуктов, ранее там неизвестные. Относится это, в первую очередь, к красному перцу. Перец является неотъемлемой частью современной корейской кухни и трудно поверить, что появился в Корею он сравнительно недавно. Первые упоминания перца в корейской литературе относятся только к концу XVI – началу XVII вв., когда это растение – южноамериканское по своему происхождению – сложными путями добралось до Корейского полуострова. В XVIII веке окончательно сформировались также многие рецепты и кулинарные приёмы, которые являются неотъемлемой частью традиционной корейской кухни в современном понимании.

Корейская кухня очень специфична и имеет мало общего с кухнями Японии и Китая – двух соседних стран, которые оказали на Корею немалое влияние (в случае с Японией это влияние было взаимным). Именно отсутствие привычной пищи становится для корейцев, которые оказались за рубежом, одной из самых острых проблем. Вы {с.389 – с.390}езжая за границу даже на несколько дней, корейцы берут с собой набор корейских консервов, соусов и приправ, без которых зарубежные кушанья – китайские, русские, японские, американские – представляются многим из них практически несъедобными. Любая туристская фирма, работающая с корейскими клиентами, вынуждена учитывать это обстоятельство и кормить путешествующих по Европе или Америке туристов преимущественно в корейских ресторанах. В свою очередь, лишь немногие из живущих в Корее иностранцев в состоянии постоянно питаться по-корейски, хотя в удовольствии время от времени попробовать корейскую кухню они себе не отказывают. Мне не раз приходилось слышать мнение (с которым я и сам вполне согласен), что на свете трудно найти ещё один народ, кулинарные традиции которого были бы столь же несовместимы с иностранными.

Многие корейцы знают, что иностранцы не всегда могут привыкнуть к корейской кухне, поэтому вид иностранца, с аппетитом поглощающего корейские блюда, вызывает у них настоящий восторг, который особенно усиливается, если иностранец при этом ещё и пользуется палочками. Одним из первых вопросов при знакомстве с иностранцем, живущим в Корее, является вопрос об отношении к корейской пище и связанными с этим неудобствами.

Главная причина подобной несовместимости заключается, разумеется, во вкусовой гамме. С русской точки зрения, корейская кухня отличается феноменальной остротой, оставляя далеко позади кухню грузинскую (пожалуй, только мексиканцы могут соперничать с корейцами в любви к острому). При приготовлении большинства блюд корейской кухни красный перец используется в фантастических, по нашим меркам, количествах. Исторически это вполне объяснимо, ведь большинство корейских блюд создавалось как приправы к варённому рису – еде питательной, но весьма пресной. Сами корейцы признают, что любят острую пищу, это подтверждается и данными опросов. В 1989 г. о своём пристрастии к “острой пище” заявили две трети (точнее говоря, 64,4%) опрошенных сеульцев. Если {с.390 – с.391} же учесть особенности корейских гастрономических привычек, то, с российской точки зрения, на место слова “острая” в этом опросе следовало бы поставить “очень острая”. Даже в рекламе слова “острый” и “вкусный” порою выступают как синонимы. Для непривычного человека многие блюда корейской кухни кажутся состоящими из одного красного перца. Не случайно, что “зарубежный” вариант корейской кухни, который предлагается посетителям ресторанов, созданных корейскими эмигрантами в Китае, Америке или России, отличается от оригинала, в первую очередь, куда меньшей остротой (впрочем, “советско-российская кухня”, то есть кулинарные традиции корейцев СНГ – вопрос отдельный и интересный). С другой стороны, китайская кухня большинству корейцев кажется “приторной”, а европейская или, скажем, русская почти единодушно характеризуется как “жирная” (корейцы не привыкли к сливочному маслу и иным животным жирам), “пресная” (то есть не острая) и, опять-таки, “приторная” (сладкие блюда в корейской кулинарии практически неизвестны).

Корейские специалисты по питанию часто утверждают, что корейская пища является идеальной по своей сбалансированности. Насколько все эти утверждения справедливы – сказать трудно, но, тем не менее, низкое содержание жиров и сахара в корейской пище – очевидный факт. Доля жиров в корейском питании – в два раза ниже, чем в американском (14% против 36%). Что же до крайней остроты корейских блюд, которая часто делает их неприемлемыми для жителей многих иных стран, то большинство корейцев, похоже, привыкает к острому с ранних лет. По крайней мере, кимчи (острую маринованную капусту) детям начинают давать примерно с трёхлетнего возраста. Правда, пока им не исполнится 5-6 лет, матери обычно прополаскивают кусочки кимчи в воде, что несколько смягчает остроту этого блюда, хотя и после этой процедуры оно всё равно остаётся очень острым. Впрочем, есть сомнения в том, что корейская пища столь уж безобидна для самих корейцев – не случайно, что в 1994 г. Корея занимала в мире первое место (!) по числу смертей от рака {с.391 – с.392} печени. Как легко догадаться, местные пропагандисты не связывают это обстоятельство с особенностями корейского питания. С другой стороны, несомненным фактом является и отсутствие в Корее ожирения, равно как и относительная редкость

диабета. Правда, диабет сейчас быстро распространяется среди молодёжи, которая излишне увлекается западными сладостями и выпечкой. Вдобавок, почти половина животной пищи, которую потребляют корейцы – это рыба и морепродукты, которые существенно полезнее, чем привычное нам мясо.

В целом же корейская пища довольно калорийна, но не способствует полноте. Увидеть в Корее по-настоящему толстых людей трудно. Это субъективное впечатление подтверждается результатами обследований, которые говорят, что в среднем объём талии у корейцев примерно на 30% меньше, чем у европейцев того же возраста. В последнее время положение, правда, несколько меняется из-за постепенного распространения в Корее западных традиций питания. Молодёжь, особенно городская, стала толстеть, ибо ест хлеб и сладости, почти совершенно незнакомые их родителям. В результате многие корейки начали всерьёз думать о диете. 59% опрошенных в 1993 г. студенток сказали, что беспокоятся о своём весе и стараются ограничивать себя в еде. Это – сравнительно новое явление, ибо по традиционным корейским представлениям о красоте именно пухленькие барышни считались наиболее симпатичными.

Итак, хороша корейская кухня или нет? Каждый должен ответить на этот вопрос сам. Попробуйте! Но не забывайте об осторожности – не всем русским излишнее увлечение очень острыми корейскими блюдами сходит с рук. {с.392 – с.393}

Корейские кафе

Жизнь современного корейского города трудно представить без традиционных корейских чайных – табанов (букв. “чайных домиков”). Впрочем, слово “чайная” не совсем подходит к этим корейским кафе, ведь в табанах пьют, как правило, не чай, а кофе. Как бы то ни было, количество этих заведений просто поражает. Нет, наверное, ни одного среднего или крупного посёлка, в котором не было бы своей чайной, а в крупных городах чайные попадаются буквально на каждом шагу, через три-четыре дома. В 1988 г. в Корее действовало 39.128 табанов, что означало, что одна чайная приходилась примерно на каждые 1.100 жителей страны. В одном Сеуле в 1987 г. насчитывалось 9.177 табанов, то есть одно заведение приходилось на 1000 жителей.

Хотя табаны представляют собой заведения, очень корейские по духу и кажущиеся вполне традиционными, появились они сравнительно недавно, около столетия назад. Ведут своё происхождение табаны от тех кофейных и чайных, что существовали при первых гостиницах европейского типа. Любопытно, что история такого, казалось бы, типично корейского заведения как табан, связана с Россией. Первый в Корее табан появился в гостинице, которая принадлежала госпоже Зонтаг, сестре жены Карла Вебера, первого российского посланника в Сеуле. Вообще говоря, госпожа Зонтаг сыграла немалую роль в истории корейского быта. В частности, в своё время именно она познакомила корейский двор с кофе и пристрастила к этому напитку короля Кочжона. Она же первая научила корейских придворных дам готовить европейские блюда и {с.393 – с.394} пользоваться западной косметикой. В награду за всё это ей в начале века и была пожалована привилегия открыть в Сеуле первую корейскую гостиницу западного типа. Эта гостиница – тема для особого рассказа (надеюсь, мы к этому ещё вернёмся), но сейчас для нас важно, что при ней и был открыт первый в Корее табан. Таким образом, традиция табанов – русская по происхождению, хотя, конечно, и корейизированная.

В начале века табаны воспринимались как заведения иностранные и, значит, экзотические. Были они тогда очень дороги, так что регулярно посещать их могли лишь немногие. Табаны в современном смысле слова, то есть относительно дешёвые заведения, где можно было назначить встречу, попить чай или (гораздо чаще) кофе, стали появляться только в двадцатые годы. Количество их быстро росло, и в 1944 г. в Сеуле действовало уже 60 чайных этого типа. В то время табаны всё-таки оставались довольно дорогими заведениями, в некоторых из них даже играли пианисты или скрипачи, а в остальных стояли патефоны – тоже недешёвый аппарат по тем нищим временам. Многие из существовавших в то время табанов оставили немалый след в корейской культуре. Редкая публикация по

истории корейского театра или кинематографа в колониальный период обходится без упоминания табана “Какаду”, который открыл в 1927 г. режиссёр Ли Кён Сон, и который был одним из излюбленных мест встреч тогдашней сеульской богемы.

Говоря о роли табанов в колониальном Сеуле, не следует забывать, что в те времена в городе почти не было ресторанов и кафе, которые были бы доступны по ценам рядовому корейскому интеллигенту. Корейский литературовед О Сэн-гён пишет о табанах колониальных времен: “Табан, где можно было пить кофе или чай, слушать музыку, мечтать или писать был, возможно, единственным местом, где интеллигент в те времена мог почувствовать некую примиренность с жизнью. Туда шли те, кто терпел материальные и духовные неудачи, это было место усталых и подавленных, любимое пристанище интеллектуальных бродяг”. {с.394 – с.395}

Резкое удешевление и упрощение табанов произошло после Освобождения страны в 1945 г. Удешевление пошло чайным на пользу и привело к их стремительному распространению. Во многом популярность табанов была вызвана именно тогдашней корейской нищетой. Чашка кофе в табане стоила (и стоит) немало, но всё равно она обходится много дешевле, чем обед или ужин в “настоящем” ресторане. В разоренной стране не хватало мест, куда могли придти небогатые люди, где можно было бы переговорить двум мелким торговцам или посидеть молодёжной компании (часто – безработной, и почти всегда – весьма ограниченной в средствах). После освобождения численность табанов начала стремительно возрастать: в 1950 г. в Сеуле их было 286, в 1960 г. – 1041, в 1977 г. – 3351, в 1983 г. – 7026, а в 1987 г. – 9177. Таким образом, они быстро превратились в массовые учреждения. Впрочем, остались среди них и табаны “со своей публикой”, местные варианты доперестроечного ленинградского “Сайгона”, в которых охотно собираются всяческие непризнанные литературные гении и те, кто считает себя таковыми.

Типичный корейский табан – просторное помещение, чаще всего тонушее в специально созданном полумраке. Обычно табаны, как, кстати сказать, и рестораны европейской кухни, находятся не на первых этажах домов, а либо в подвальных помещениях либо же на втором, а то и на третьем этаже. Столики, окружённые массивными низкими креслами или диванами, обычно отгорожены один от другого невысокими перегородками, так что разговоры посетителей не мешают их соседям. Однако эта предосторожность излишняя, ибо в дневное время (за исключением обеденного перерыва, который в корейских учреждениях начинается в 12:00 и заканчивается около 13.00) табаны пустуют и в них редко бывает занято больше двух-трёх столиков. В некоторых табанах тихо играет музыка. Любопытно, что, по воспоминаниям старых сеульцев, в чайных двадцатых годов музыка была очень громкой, а тихие мелодии вошли в моду лишь к концу японского правления. Интерьер чайных обычно оформляется с некоторой претензией на “западность” (сказывается их полу {с.395 – с.396} забытое уже русско-европейское происхождение): неяркие светильники, низкая мягкая мебель, картины на стенах. Как и в ресторанах, на которые табаны немного похожи по своему оформлению, там нет мест для сидения на полу и все посетители располагаются на заморский лад в креслах или на диванах. Наконец, и называются работницы табанов “по-западному”: официантку именуют “речжи” (то есть lady), а управляющую – “мадам”.

Пришедшему в табан посетителю официантка (самообслуживание в традиционных чайных не практикуется) сразу же приносит на подносе стакан воды или, реже, ячменного отвара: зимой – горячего, летом – холодного. Собственно говоря, некоторые посетители так ничего и не заказывают, а проводят время, потягивая этот отвар, который подаётся бесплатно, однако в целом так вести себя не принято. Меню, которое не отличается особым разнообразием, лежит на каждом столике. В “классических” табанах нет ни выпечки, ни вообще каких-либо закусок, равно как и спиртного – там подают только безалкогольные напитки. В таком табане посетителям предлагают кофе, женьшеневый чай, три-четыре вида травяных настоев, которые в Корее, собственно, и называются “чаем”, и сок или прохладительные напитки. Чай в нашем понимании – чёрный ли, зелёный ли – можно найти далеко не во всех табанах, так как корейцы, в отличие от своих соседей – китайцев, японцев и русских – отнюдь не являются горячими приверженцами этого напитка.

Кофе в традиционных чайных подают только растворимый, варить его там не принято. Обычно официантка не только насыпает в чашку порошок растворимого кофе, но и добавляет туда по своему разумению сахар и сухие сливки (настоящее, “живое” молоко в Корее в кофе добавляют редко). На столе в табанах всегда стоят пепельницы, и большинство посетителей-мужчин там курит. Вообще заметим, что западная кампания по борьбе с курением только начинает ощущаться в Корее, так что специальные отделения для курящих можно встретить только в некоторых дорогих ресторанах подчёркнуто западного типа. {с.396 – с.397}

Цены в табанах довольно значительные – чашка чая или кофе стоит от одной до двух тысяч вон, в то время как пакетик, из которого сделан этот напиток, в любом магазине можно купить за несколько десятков вон. Тем не менее, табаны очень популярны как место встреч, коротких деловых бесед, просто отдыха. Коллективный обед в корейском ресторане часто завершается походом всей компании в один из ближайших табанов. Эта привычка становится ещё более понятной, если учесть, что в корейских ресторанах (за исключением тех из них, которые специализируются на европейской кухне) практически никогда не подают ни кофе, ни иных напитков, ни десерта, а еду запивают ячменным отваром или просто водой.

В начале восьмидесятых у классического табана появился серьёзный конкурент – американская кофейня. Эти кофейные, которые за последние два десятилетия получили большое распространение в Корее, там называют на английский лад “кофе-шоп” (англ. “coffee-shop”). Появились они только после 1980 г., однако в последние годы они активно вытесняют традиционные табаны. “Кофе-шопы” пользуются особой популярностью среди городской молодёжи, для которой они символизируют приобщённость к столь престижной в этой среде западной, американской цивилизации. Корейский “кофе-шоп” старательно имитирует американскую кофейню: современный дизайн, яркое, но тщательно продуманное освещение, лёгкие столики, хороший (не растворимый) кофе, чёрный чай и, даже, немного кондитерских изделий или сладостей в сияющей стеклянной витрине. Важной особенностью кофе-шопов является то, что там подают настоящий, сваренный из зёрен, а не растворимый кофе, причём обычно посетителям предлагается довольно большой, до десятка наименований, выбор различных видов кофе. Иногда там можно попробовать “капучино” или “мокко”, хотя качество его, увы, куда ниже, чем у германского или итальянского оригинала. Цены в “кофе-шопах” несколько ниже, чем в традиционных табанах, так как там обычно нет официанток, и работа идёт по принципу самообслуживания. Если уж в “кофе-шопе” западного образца есть ещё и официантки, то будьте уверены: цены в таком заведении будут заоблачными (чашка кофе – не менее 3 долларов). В отличие от табанов, обнаружить которые во многих случаях можно только по вывеске, “кофе-шопы” обычно располагаются на первых этажах домов, за яркими зеркальными окнами. Всем своим щеголеватым видом они подчёркивают роль своеобразных форпостов западной потребительской цивилизации.

Есть в Корее и ещё один вид чайных – традиционные корейские чайные, которые являются прямыми потомками подобных заведений, существовавших при династии Ли. В них подают не стандартные кофе, соки или изготовленный из порошка женьшеневый чай, а разнообразные традиционные настойки, многие из которых принято считать лекарственными и которые готовятся по старинным рецептам. Сейчас подобные чайные встречаются довольно редко, так как они рассчитаны на любителей и ценителей традиционных напитков, которых остаётся все меньше и меньше. {с.398 – с.399}

Дары моря

Корея – это полуостров, и полуостров, я бы сказал, ярко выраженный. Ширина его – не более 350 километров, а в море он вдаётся на добрую тысячу. До моря, по сути, рукой подать из любой точки Кореи, так что не удивительно, что морские продукты с давних времён играли в питании корейцев особую роль. Эта роль становилась в старые времена ещё более значительной потому, что пастбищ в Корее всегда было очень мало, вся пригодная к обработке земля с давних времён использовалась под поля, так что мяса в старину подавляющее большинство корейцев почти и не видело (раз или два в год, в лучшем случае). В старые времена почти весь животный белок – а без животного белка более или менее

полноценное питание невозможно – в корейской диете был, так сказать, морского происхождения.

Обратимся к медицинской статистике корейского питания. В настоящее время среднестатистический кореец потребляет 2900 килокалорий в день. В 1965 г. кореец потреблял в день 9 г. животного белка. В 1995 г. – 35 г., то есть почти в четыре раза больше. При этом в 1965 г., когда питание большинства корейских семей было ещё вполне традиционным, 69% всего этого белка поступало из морепродуктов. Сейчас удельный вес морепродуктов в корейской диете несколько снизился: они дают примерно 45% всех потребляемых белков. Вызвано это, как ни парадоксально, стремительным повышением уровня жизни в последние десятилетия: мясные продукты, которые ещё недавно были доступны только верхушке, стали частью повседневного питания, и в результате роста потреб [{с.399 – с.400}](#)ления мяса снизился удельный вес рыбы в корейской диете. Однако, хотя удельный вес морепродуктов в питании и сократился, их абсолютное количество существенно выросло.

Я, кстати, не случайно говорю о “морепродуктах”. Слово это, не спорю, сухое и казённое, однако без него здесь не обойтись. Дело в том, что для русского “морепродукты” – это в первую очередь (а то и просто исключительно) рыба. В Корее же ситуация другая. Конечно, корейцы едят и рыбу. Едят много и с удовольствием. Потребляют в Корее тунца (сейчас почти все рыбные консервы делаются из этой рыбы) макрель, минтай. Однако, помимо рыбы, корейцы едят и многие другие “дары моря” – кальмаров и осьминогов, например, да так много, что кальмар стал чуть ли не главным национальным рыбным блюдом. В нищем 1948 г. сушёные кальмары были – трудно в это сейчас поверить – главной статьёй корейского экспорта. Широко употребляется в пищу “морская капуста” ламинария, и иные водоросли, без которых просто немислима корейская кулинария. Суп из морской капусты – один из самых популярных видов супа в Корее. Деликатесами считаются и многие виды моллюсков, особенно двухстворчатых (в том числе и устрицы).

В 2001 г. среднестатистический кореец потреблял 66,9 кг морепродуктов. Это означает, что корейцы – главные в мире любители даров моря. Даже японцы, пристрастие которых к рыбе общеизвестно, отстали от них на 100 гр. – в 2001 г. среднестатистическое потребление морепродуктов в японии составило 66,8 кг на человека.

В 1995 г. добыча всех видов морепродуктов в Корее составила три с половиной миллиона тонн. Я хотел было сказать “улов”, но подумал, что весьма казённое выражение “добыча морепродуктов” в данном случае будет опять-таки точнее, просто потому, что в эти три с половиной миллиона тонн входят (причём в немалых количествах) и водоросли, и морские раковины, и достаточно экзотические на наш взгляд морские животные, типа, например, трепангов (“морских огурцов”). Вдобавок, нельзя в данном случае говорить об “улове” и ещё по одной причине: толь [{с.400 – с.401}](#)ко 75% всех морепродуктов было добыто в море, в то время как примерно 25% – выращено. Та самая “марикультура”, то есть сельское хозяйство на море, о которой у нас говорят как о задаче далёкого будущего, в Корее уже – часть повседневной жизни. Четверть всех морских продуктов на корейском столе – производство морских фермеров. В частности, на морских фермах выращены почти все водоросли и почти все моллюски, потребляемые в Корее в пищу.

Условия для разведения рыбы и, особенно, водорослей и раковин, в Корее очень благоприятны. Берега полуострова изрезаны, его окружают сотни островов, есть множество удобных для устройства морских плантаций хорошо защищённых бухт. Примерно треть всей продукции морских ферм экспортируется, главным образом – в Японию, жители которой являются сейчас самыми активными в мире потребителями всяческой морской пищи.

Замечу кстати, что пресноводная рыба в питании корейцев особой роли не играет. Хотя посидеть с удочкой на берегу горного озера или водохранилища – любимое времяпрепровождение многих корейских мужчин, особенно пожилых, доля пресноводной рыбы в корейском улове ничтожна, менее 1%.

Основная масса рыбы в Корее вылавливается в открытом океане. По ежегодному улову рыбы Корея, несмотря на свои скромные размеры и население, находится в мире где-то в конце первой десятки. Она обладает и внушительным океанским рыболовным флотом, хотя значительная часть рыбы, крабов и кальмаров добывается в прибрежных морях с небольших кораблей и катеров и с помощью достаточно традиционных приёмов лова.

А в общем без рыбы, кальмаров, крабов, морской капусты корейскую кухню и не представить. {с.401 – с.402}

Корейский рис

Наверное, все знают, что Восточная Азия — это цивилизация риса. Многие века именно рис является основой питания корейцев и японцев, китайцев и вьетнамцев, всего полтора миллиарда населения региона.

Любопытно, кстати, что рис — это вовсе не исконная культура этих мест. В Древнем Китае, например, риса не знали. Не выращивало его и древнейшее население Корейского полуострова. Рис одомашнили в Южном Китае (в те времена собственно китайцев-ханьцев там ещё не было, так жили другие племена), и в Корею он попал только в середине I тыс. до н.э. Однако, раз попав на полуостров, рис стал основой питания корейцев, да и вся жизнь страны на протяжении многих веков подчинялась ритму жизни рисовых полей. Главное преимущество риса — это его высокая пищевая эффективность. Гектар рисового поля обычно даёт больше калорий, чем гектар пшеничного поля, не говоря уж о гектаре пастбища. Это означает, что при равной площади полей с рисовых посадок может прокормиться гораздо больше людей. Конечно, рис — это чрезвычайно трудоёмкая культура. Каждый его кустик приходится высаживать вручную. Однако в густонаселённой Корее всегда были проблемы с землёй, которую можно использовать под пашню, и никогда — с людьми, которые должны были бы эту пашню обрабатывать.

Варёный рис (пап) играет в корейской традиции примерно такую же роль, какая принадлежит хлебу в России. Когда корейцы спрашивают друг друга, ели ли они, они говорят: “Пап-ыль могосымникка?”, т.е., если переводить буквально: “Ели ли Вы варёный рис?” В традиционном ко {с.402 – с.403}рейском питании рис служил главным источником калорий, в то время как все прочие кушанья играли лишь второстепенную роль. Все эти закуски, в том числе и самая знаменитая из них — острые ферментированные овощи кимчи — предназначались в первую очередь для того, чтобы разнообразить вкусовые ощущения и давать витамины. Необходимые для жизни калории давал именно рис. В этом отношении роль риса действительно вполне может быть сравнима с ролью хлеба в старой России. Однако здесь существует и немалая разница. Как вы все хорошо знаете, в современной России хлебу принадлежит лишь вспомогательная роль, и он более не относится к числу важнейших продуктов питания. Как бы мы не любили хлеб, но главным поставщиком калорий в нашем нынешнем питании является, пожалуй, картофель. А вот в Корее рис по-прежнему остаётся главным блюдом, основой любой или почти любой трапезы. Как и столетия назад, все остальные блюда рассматриваются лишь как добавки к рису. По данным опросов, 80% корейцев считают, что рис нужно обязательно есть при каждом приёме пищи (то есть три раза в день: на завтрак, на обед, и на ужин).

В последнее время его значение потихоньку снижается, но и в 1987 г. рис давал среднестатистическому корейцу 67% всех получаемых им калорий (в 1969 г. — 80%). Кроме риса, корейцы выращивают и другие злаки: ячмень, пшеницу, гречиху. Кстати, гречиха используется в корейской кулинарии исключительно в виде муки, из которой изготавливают некоторые виды лапши и пельменей, а вот привычной нам гречневой крупы в Корее нет. Однако значение всех этих злаков невелико, все они далеко уступают рису. В 1990 г. потребление злаков в Корее равнялось 300 г в день на человека, причём из этих 300 г — 280 г (то есть более 90%) составлял рис.

Из риса в Корее мелют муку, но чаще всего его просто варят. В отличие от тех рисовых каш, которые время от времени делают русские хозяйки, корейская “каша” (пап) — абсолютно

пресная, в неё нельзя добавлять ни масла, ни соли, ни, упаси господь, молока. Все дополнительные вкусовые ощущения в корейской кулинарии привно {с.403 – с.404}сятся закусками (их называют панчхан), в то время как рис должен создавать идеально ровный, незамутнённый вкусовой фон для восприятия этих закусок. Маленькие тарелочки с закусками расставляются вокруг большой миски с рисом.

В качестве исходного продукта используется дальневосточный рис. У него крупные продолговатые зёрна с высоким содержанием клейковины, поэтому в варёном виде рис не рассыпается на отдельные зёрнышки, а слипается, образуя достаточно большие комки. Иногда в рис перед варкой добавляется немного ячменя, соевых бобов или фасоли, но чаще всего корейцы едят всё-таки простой варёный рис.

Корейский жидкий суп – кук неизменно подаётся к варённому рису. Кук очень популярен в Корее, и там даже возникла поговорка “народ Кореи – народ супа”. Суп может быть постным, а может и готовиться на мясном или рыбном бульоне (в последнем случае для изготовления бульона обычно используют мелкую сушёную рыбу). Суп корейцы едят вместе с рисом, и тоже три (или, по крайней мере, два раза) в день.

Однако и сейчас, как и столетия назад, рис для корейцев остаётся основной основ. {с.404 – с.405}

Сеул ресторанный

Едва ли не самой бросающейся в глаза иностранцу особенностью жизни Сеула (как, впрочем, и любого другого корейского города или посёлка) является удивительное обилие ресторанов, столовых, закусовых самого разного профиля, рассчитанных на любой вкус и кошелёк. И в центре столичного мегаполиса, и на его окраинах, и в маленьких провинциальных городках разнообразные учреждения общепита попадаются буквально каждые несколько десятков метров, а местами – и чаще. Поест в Сеуле можно не только везде, но и всегда, ибо многие столовые (именно столовые, а не дорогие рестораны) работают всю ночь.

Современный корейский горожанин часто бывает в ресторанах, столовых, закусовых, эти посещения стали частью повседневной жизни. Особенно относится это к служащим, которые почти поголовно вынуждены обедать (а часто – и ужинать) за пределами дома. Доступности общественного питания способствует, в первую очередь, его относительная дешевизна. Цена достаточно сытного обеда не превышает 6-7 тысяч вон (5\$) на человека, а скромно перекусить можно и за 4 тысячи вон (3\$). Если учесть, что средняя зарплата в Корее сейчас приближается к двум миллионам вон в месяц, то понятно, что подобные суммы большинству корейцев не кажутся столь уж большими. Одна из особенностей Кореи – это то, что разница в цене между питанием дома и питанием в ресторанах сравнительно невелика. Вдобавок, учреждения корейского общепита по старой традиции являются обычным местом проведения деловых бесед, встреч, банкетов. Коллективные {с.405 – с.406} посещения ресторанов или пивных после работы, всем отделом или всей бригадой – это тоже характерная черта современного корейского городского быта.

В то же самое время, разговаривая с иностранцами, долгое время живущими в Корее (в основном это американцы), то и дело приходится слышать жалобы на некое однообразие, которое, дескать, свойственно корейскому общепиту. Как ни парадоксально, эти жалобы обоснованы – по крайней мере, отчасти. Американцы привыкли к тому, что в их родной стране буквально на каждом углу можно увидеть ресторан какой-нибудь национальной кухни, зачастую – довольно экзотической. В Корее же, несмотря на поразительное обилие ресторанов и кафе, представлены по сути лишь четыре национальных кухни: собственно корейская, китайская, японская и “западная” (под которой понимается некий усреднённый вариант, ставший результатом взаимодействия американской кухни с японизированным вариантом немецкой), либо же рестораны быстрого питания и пиццерии. Конечно, при желании в Сеуле можно найти и тайский, и индийский, и вьетнамский ресторан, но такие заведения, во-первых, немногочисленны, и, во-вторых, обычно дороги. 95% учреждений

корейского общепита относится к четырём вышеназванным категориям. В 1994 году в корейской столице было 29.218 корейских, 4.074 китайских, 2.637 японских и 7.629 “западных” ресторанов.

Последние два десятилетия стали временем стремительного развития индустрии общественного питания. До этого она практически отсутствовала, ведь примерно до 1980 г. только немногие корейцы могли позволить себе поход в ресторан. Во-первых, это было слишком дорого, абсолютно не по карману подавляющему большинству рабочих и служащих. Во-вторых, тогда традиция предписывала солидному человеку обедать дома. Наконец, даже самые крупные корейские города были ещё невелики и большинство людей жило сравнительно недалеко от места своей работы, так что они могли просто сходить домой на обеденный перерыв. Те, кто не мог позволить себе такой роскоши, брали еду с собой. {с.406 – с.407}

С начала восьмидесятых годов, однако, общественное питание в Корее вступило в эпоху бума, который не завершился и поныне. Корейцы (надо сказать, большие любители вкусно поесть) получили возможность тратить свои резко выросшие доходы более свободно, и среди трат, которые они стали делать в ту эпоху, расходы на рестораны занимали не последнее место. В результате объём продаж корейского общепита за 1982-1993 гг. вырос с 2.616 млрд. вон до 12.500 млрд. вон, то есть примерно в пять раз (в реальном выражении, с учётом инфляции – в два с половиной раза). Судя по увеличению числа ресторанов, этот рост и впоследствии продолжался сравнимыми темпами.

Посещение ресторана – важная часть корейской жизни. По русским меркам, корейцы приглашают друг друга домой довольно редко. Поэтому именно рестораны – обычное место для бесед в неофициальной обстановке. Именно в ресторан, скорее всего, пригласят делового партнёра, именно там обсудят новый совместный проект и сплетут сети очередной учрежденческой интриги. Надо отметить, что четыре основных вида корейских ресторанов отличаются не только тем, какую в них подают пищу. Разные типы ресторанов посещают разные люди и по разным поводам.

Японские рестораны – самые дорогие и самые престижные. Они посещаются преимущественно представителями элиты и, как правило, служат местом деловых встреч и обедов. Поэтому и располагаются японские рестораны не в жилых районах, не на окраинах, а там, где сосредоточены основные учреждения и крупные фирмы. Периодически в корейской прессе, особенно в националистических, и, следовательно, антияпонски настроенных изданиях появляются инвективы по адресу столь распространённой среди корейской элиты антипатриотической и пагубной привычки посещать японские рестораны. Однако эти инвективы остаются безрезультатными. В японские рестораны посетители ходят не только для того, чтобы насладиться экзотической, качественной и дорогой кухней, но и для того, чтобы показать окружающим, что подобное удовольствие им доступно. Китайские рестораны – {с.407 – с.408} это место, где проводят встречи люди рангом пониже, туда иногда ходят и просто поесть что-нибудь не слишком, на корейский вкус, экзотическое, но сравнительно дешёвое. Европейский ресторан – это место, куда идёт человек среднего достатка, когда ему хочется поесть чего-нибудь чуточку необычного. Это, вдобавок, вполне респектабельное место для деловых и, особенно, любовных свиданий (подходящая атмосфера – музыка, полумрак, да и ассоциации с западными фильмами, в которых влюблённые встречаются именно в подобных местах). Рестораны корейской кухни, как можно легко догадаться – наиболее универсальный вид учреждений общественного питания. Большинство из них – это, в первую очередь, место, где едят, утоляют голод.

В силу своей “культурной маркированности” рестораны основных четырёх типов – корейские, китайские, европейские и японские – неравномерно распределены по Сеулу. В зависимости от того, кто живёт или работает в данном районе, состав находящихся там ресторанов может существенно меняться. Так, в окраинных “спальных” районах, застроенных преимущественно дорогими “апартаментами”, где живут представители в основном средних и, частично, высших слоёв корейского общества, практически отсутствуют корейские и европейские рестораны, мало японских, но зато часто попадаются китайские. Это

объясняется тем обстоятельством, что корейскую и европейскую (т. е. “европейскую” в корейском понимании) еду хозяйки могут легко приготовить дома сами или из полуфабрикатов. Японский ресторан подходит, скорее, для делового обеда или ужина и в силу этого ему тоже не место в жилом районе. Китайская же кухня весьма сложна в “технологическом” плане, её не так-то просто воспроизвести дома, но, в то же время, она достаточно дешёва для того, чтобы поход в китайский ресторан стал видом отдыха, вполне доступным для корейской семьи среднего достатка. Вдобавок, в китайском ресторане всегда можно заказать еду на дом: её безо всякой дополнительной платы доставит курьер на мопеде или мотороллере. Бедные торгово-ремесленные районы Сеула и других городов отмечены {с.408 – с.409}ны множеством корейских ресторанов при почти полном отсутствии японских и небольшом количестве китайских и европейских. Связано это с тем, что большинство небогатых корейцев не слишком жалуют экзотическую “заморскую” пищу, предпочитая ей более привычные и, в целом, более дешёвые корейские блюда.

В деловых отношениях приглашение в ресторан в целом приравнивается к подарку, и в отдельных случаях может просто служить формой взятки. Не случайно, что корейское правительство во время очередной кампании по борьбе с коррупцией пытается запретить чиновникам ходить по ресторанам со своими клиентами (особенно из числа бизнесменов). Совместные посещения ресторанов сослуживцами или деловыми партнёрами – явление почти ритуальное, без подобных посещений успешные переговоры по какому-либо вопросу вообще невозможны. Вопрос о том, кто будет платить за обед или ужин в ресторане, часто становится объектом препирательств, в ходе которых обе стороны добиваются для себя этой почётной обязанности. Отчасти эти препирательства являются наигранными, но временами они носят и вполне искренний характер. Не редкость увидеть сцену, когда двое солидных пожилых корейцев в дорогих костюмах достаточно всерьёз толкаются около стойки кассира (в корейских ресторанах она всегда находится у выхода), споря, кому же из них следует заплатить за только что съеденный обед (оба участника добиваются этой чести для себя). Западная привычка делить расходы более или менее пропорционально между всеми участниками застолья в Корее отсутствует совершенно. В целом подразумевается, что за еду будет платить пригласивший (обстоятельство, которое ставит в тупик расчётливых выходцев с Запада). В тех же случаях, когда приглашения в явном виде не было, расходы, как правило, берёт на себя старший по возрасту и положению участник застолья, для которого это является как бы почётной обязанностью. Поскольку нынешняя западная феминистская истерия ещё пока не добралась до Кореи, то подразумевается также, что в случае совместного посещения ресторана или кафе за женщину должен платить мужчина. {с.409 – с.410}

Шведский стол по-сеульски

Распространение европейской кухни в Корее началось сравнительно поздно, уже в нашем столетии. Западные кулинарные традиции до 1945 г. проникали в Корею почти исключительно через Японию, так что поначалу корейцы ознакомились не с собственно европейской кухней, а с её японским вариантом. Этот вариант, в свою очередь, восходит по преимуществу к немецкой кулинарной традиции, но немало отличается от оригинала. Надо, впрочем, отметить, что некоторую роль в распространении среди корейцев европейских блюд сыграли и русские, и в первую очередь – сестры Зонтаг, одна из которых была женой русского посланника К. Вебера. Именно они в 1895-1896 гг. не раз угощали корейского короля русскими блюдами. Впоследствии всё та же госпожа Зонтаг открыла в Сеуле первый ресторан европейской (точнее – французской) кухни: который действовал при принадлежащей ей гостинице. После 1945 года большое влияние на Корею стали оказывать и американские традиции, однако, по-прежнему, под понятием “западная кухня” большинство корейцев подразумевает в первую очередь именно японизированно-кореизированную немецкую кухню, блюда которой и предлагаются в многочисленных европейских ресторанах.

Впрочем, многочисленными стали они сравнительно недавно. Ещё в конце 1970-х г. путеводители, предназначенные для западных туристов, в один голос отмечали, что достать западную еду в Сеуле можно только в дорогих ресторанах при крупных гостиницах. Мои корейские знакомые также рассказывали мне, что впервые вывеска со {с.410 – с.411}

словами “западный ресторан” стала часто попадаться на глаза на сеульских улицах только около 1980 г. В те времена, всего лишь каких-нибудь 15-20 лет назад, даже простейший шницель – тонккасы был редкостью. Не было, разумеется, и ресторанов быстрого питания, проникновение которых в Сеул началось только в середине восьмидесятых, в предолимпийские годы.

Меню в большинстве ресторанов западной кухни не отличается излишним разнообразием. Основным и, зачастую, единственным блюдом является т.н. тонккасы (искажённое японское слово “тонгацу”) – род шницеля, запечённого в тонком слое теста. Обычно тонккасы готовят из свинины, реже – из говядины. Кроме тонккасы, в ресторанах “заморской кухни” предлагают посетителю и изготовленные на американский лад бифштексы (“стейк”), однако заказывают их сравнительно редко из-за солидной цены: даже в скромном ресторане такой бифштекс стоит 14-18 тысяч вон. Гарнир, подаваемый к шницелю, обычно состоит из “макаронного салата”, мелко нарезанной свежей капусты, приготовленных по американскому образцу консервированных бобов в томатном соусе и, временами, нескольких ломтиков пожаренной в масле картошки. Кстати сказать, примерно так же выглядит и “западный обед”, приготовленный в домашних условиях – в основе его лежит всё тот же тонккасы, купленный в отделе полуфабрикатов ближайшего универсама и разогретый дома на сковородке.

Посетителю в европейских ресторанах обычно подают не сам по себе шницель или иное заказанное им блюдо, а своего рода комплексный обед, в большинстве случаев состоящий из овощного салата, маленькой порции супа-пюре (разумеется, суп этот заваривается тут же, из порошка), собственно мясного блюда и кофе или чая. Само собой, на столе оказывается и рис с кимчи, без которых никакая корейская трапеза просто невозможна. Впрочем, обычно официант предлагает посетителю сделать выбор между рисом и хлебом. По-видимому, и сам стандартный обеденный набор, и выбор между рисом и хлебом являются традициями, восходящими ещё к колониальным времён {с.411 – с.412}менам, так как в ресторанах западной кухни, действующих в Японии, существуют те же порядки.

Кроме шницеля – тонккасы, в некоторых ресторанах западной кухни посетителю предлагают и другое, весьма распространённое в Корее, блюдо – рис с соусом карри. По своему происхождению это индийское кушанье, но в Корею оно попало через США и поэтому воспринимается как европейское. В общем-то эту точку зрения нельзя не считать оправданной, ибо по своей вкусовой гамме индийская и ближневосточная кухня, конечно, ближе к европейской, нежели к корейской.

Оформлены рестораны “заморской кухни” с немалыми претензиями. Обычно это довольно просторные залы, неярко освещённые, с причудливым дизайном, который его создателям кажется европейским (особо популярны всяческие вариации на тему барокко и рококо). Большие столы и низкие, массивные мягкие кресла или диваны тоже почти обязательны для интерьера подобных заведений.

К учреждениям европейской кухни можно отнести и “рестораны быстрого питания” (fast food), всяческие “МакДональдсы” и “Кентукки Фрайд Чикен”, которые получили большое распространение в Корее в последние десять лет. Проникновение их в страну началось в предолимпийские годы, и с тех пор идёт по нарастающей. За 1986-1992 гг. их доля в корейском общепите утроилась, причём в течение этого времени объём продаж в этих ресторанах возрастал на 20-30% в год. В отличие от ставших привычными “ресторанов заморской еды”, которые предлагают весьма корейизированный вариант западной кухни, в ресторанах fast food питание вполне аутентичное, ничем не отличающееся от западного оригинала. Гамбургер от “МакДональдса” остаётся одинаковым на всех широтах.

Обычно для русских рестораны быстрого питания ассоциируются с “МакДональдсом”, однако в Корее куда большей популярностью (на мой субъективный взгляд – заслуженной) пользуется торговая сеть “Кентукки Фрай Чикен”, обычно сокращённо именуемая KFC. В 1995г. она находилась на втором месте по суммарному объёму про {с.412 – с.413}даж. Наиболее массовой среди всех сетей быстрого питания в 1995 г. была система ресторанов

“Лоттерия”, принадлежащих корейскому (хотя и тесно связанному с Японией) концерну “Лотта”. За небольшими исключениями, эти сети принадлежат крупным международным компаниям американского происхождения и, соответственно, придерживаются стиля и технологии, принятых в ресторанах этих компаний в любой точке земного шара. Местный колорит корейских ресторанов быстрого питания сказывается разве что в отсутствии чёрного чая, ибо в остальном они копируют стандартное для подобных американских заведений меню: гамбургеры, яблочные пироги, мороженое, жареный картофель, кофе и кока-кола.

У себя на родине, в Америке, “рестораны быстрого питания” предназначены в первую очередь для того, чтобы дать возможность быстро и сравнительно дёшево перекусить спешащим и небогатым людям. В Корее (как и в России) их роль иная: они являются местом проведения отдыха в приятной компании, выполняя, таким образом, функции обычных ресторанов. На это есть ряд причин. Во-первых, рестораны этого типа по корейским меркам довольно дороги (5-7 тысяч вон, то есть 4-6\$), так что голодный, спешащий и ограниченный в средствах человек всегда найдёт что-нибудь подешевле. Во-вторых, предлагаемые там блюда, вполне заурядные на Западе, для корейцев во многом остаются экзотическими. В-третьих, сама атмосфера подобных заведений, которая тоже показалась бы самой обычной где-нибудь в Америке, для корейцев, особенно молодых, представляется необычной и праздничной. Поэтому неудивительно, что в 1991 г. 53 % опрошенных сеульских студентов сказали, что ходят в рестораны быстрого питания в первую очередь для того, чтобы провести время с друзьями, и лишь 27% заявили, что главная причина их появления там – это вкусная еда. Для многих молодых корейцев рестораны этого типа стали воплощением американской бытовой культуры, столь притягательной для многих. Для американцев “МакДональдс” – место, где сидящие на пособии безработные и лоботрясы поглощают нездоровую высокохолестерольную пищу, а {с.413 – с.414} вот для корейцев (как, пожалуй, и для русских) “МакДональдс” – это “немного Америки”.

Кроме ресторанов быстрого питания, главным блюдом в которых является гамбургер, есть в Корее и заведения того же типа, но подороже, где предлагают в первую очередь пиццу. Пицца в Корее считается экзотическим лакомством, и в качестве такового стоит она немало, не менее 9-10 тысяч вон (7-8\$). Это обычно удивляет приезжающих в Корею американцев и жителей Западной Европы, для которых это изделие итальянской кухни относится к числу самых дешёвых и повседневных. В Корее же пиццерия – заведение дорогое, и по карману оно далеко не всем... Тем не менее, стремительный рост популярности пиццы очевиден. Всего лет двадцать назад один американский журналист с уверенностью предсказывал, что пицца “никогда” не приживётся в Корее, поскольку корейцы, дескать, не переносят ни сыра, ни томатного соуса. В те времена это было чистой правдой, но всего лишь за два десятилетия вкусы радикально изменились, и сейчас замороженную пиццу можно купить в любой сельской лавчонке.

Для семейного посещения в праздничные дни предназначен ещё один тип западных ресторанов – т.н. “семейный ресторан”. Появились они лет десять назад и популярность их быстро растёт. Рестораны этого типа чем-то похожи на традиционные закусочные быстрого питания. В частности, они также объединены в цепи со стандартными меню и центральной кухней, на которой изготавливаются необходимые полуфабрикаты. Однако выбор там много разнообразнее, вместо гамбургеров основными блюдами являются всяческие шницели и бифштексы, а также кушанья итальянской или мексиканской кухни. Оформлены “семейные рестораны” именно как рестораны – с немалым вкусом. В их просторных и удобных залах приятно сидеть часами, на что они, собственно, и рассчитаны. Стандартное время обслуживания там существенно больше, чем в ресторанах быстрого питания (15 минут против 1-2 минут), но всё равно существенно меньше, чем в обычных ресторанах. {с.414 – с.415}

Ещё одним специфическим видом ресторанов являются “шведские столы” (в Корее их обычно называют “буфеты”). Некоторые из этих шведских столов предлагают блюда корейской или японской кухни, но подавляющее их большинство носит смешанный характер при ориентации в целом именно на западную кулинарию. Любопытно, что китайская кухня в подобных ресторанах почти не представлена, что вызвано её, так сказать, “технологическими

особенностями” – большинство китайских блюд должно подаваться на стол прямо с плиты и очень плохо переносит долгое хранение в подогретом виде, неизбежное в ресторанах такого типа. Шведские столы обычно дороги – от 12 до 30 тысяч вон (10-25\$), поэтому они, конечно, не служат местом повседневного питания. Деловые встречи там тоже назначают довольно редко, ибо большие, шумные, ярко освещённые залы подобных ресторанов создают обстановку, не очень подходящую для ведения серьёзных разговоров. В то же время “шведские столы” – одно из самых популярных мест для проведения семейных или учрежденческих торжеств, или просто праздничных выходов “в люди” всей семьёй. По данным проведённого в 1995 г. опроса 16,8% сеульцев назвали “шведские столы” своим самым любимым видом ресторанного питания. {с.415 – с.416}

Корейцы и табак

Корейцы в своём большинстве – страстные курильщики, и мне за все годы жизни в Корее почти не приходилось видеть там некурящих мужчин, хотя курящая кореянка, наоборот – крайняя редкость. Статистика утверждает, что почти 89% взрослых мужчин в Корее либо курят, либо курили раньше, но были вынуждены отказаться от этого по медицинским причинам. Среди женщин курильщицы составляют лишь 8%.

Табак в Корее появился три столетия назад. Табак – это, как известно, американское растение. Когда испанские конкистадоры, по стопам Колумба двинувшиеся в Америку, впервые увидели курящих индейцев, они были немало удивлены, однако вскоре сами переняли эту привычку. Из Испании она распространилась сначала по Европе, а потом – и по всему миру. Поскольку в конце XVI века Япония вела активную торговлю с Европой (впоследствии эта торговля была запрещена японским правительством), то табак в 1590-е годы оказался занесён в Японию, а вскоре оттуда попал и в Корею. Впервые в Корее табак упоминается в одном из документов, датированных 1618 годом. Называли тогда его “японской травой” или “южным зельем” – в память о происхождении (“южное” потому, что португальцы и испанцы приплывали в Корею и Японию с юга, и часто именовались “южными варварами”). Впрочем, ввозили табак и из Китая, куда он попал в то же самое время. Вскоре, когда к курению пристрастились в Корее многие, табак стали выращивать и на полуострове. Однако корейский климат не очень подходит для этого теплолюбивого растения, так что местный табак – не самого хорошего качества. {с.416 – с.417}

В давние времена корейцы курили трубки. И сейчас такие трубки часто можно увидеть в сувенирных магазинах, хотя по прямому назначению их уже давно не используют. Корейские трубки были тонкими и очень длинными (до метра, а то и больше в длину), на конце деревянного чубука располагалась небольшая металлическая чашечка. Чем богаче был человек, тем длиннее была у него трубка. Полутораматровую трубку просто невозможно закурить без помощи слуги, так что прогуливавшийся с таким устройством человек своим видом демонстрировал, что содержать слугу ему вполне по карману!

Вплоть до начала нашего века большинство корейцев не расставалось с трубками ни на минуту. На старинных рисунках часто можно увидеть группы неспешно попыхивающих трубками курильщиков. В те времена в Корее много курили и женщины, в особенности пожилые. Любопытно, что когда в конце века японцы, постепенно устанавливавшие контроль над страной, начали кампанию по искоренению корейских обычаев, они, среди всего прочего, стали запрещать и курение длинных корейских трубок.

В старые времена курить в присутствии старшего считалось в Корее верхом невоспитанности. Если же речь шла о курении в присутствии высокопоставленного чиновника, то это было уже просто правонарушение. Простолюдина, который не вынул трубку изо рта в тот момент, когда мимо него по улице проезжал сановник высокого ранга, ждало наказание. Остатки такого отношения к курению сохраняются и в наши дни. И сейчас, например, студенты (которые, напоминая, в своём подавляющем большинстве курят), увидев профессора, спешно вынимают сигареты изо рта.

Сигареты и папиросы появились в Корее ещё в начале XX века, но по-настоящему вошли они в быт уже после войны, в последние несколько десятилетий, когда они окончательно вытеснили трубки. Сейчас корейцы курят в основном сигареты с фильтром. Цена пачки сигарет в Корее колеблется от одного до полутора долларов, что очень мало по меркам большинства развитых стран, в которых {с.417 – с.418} борьба с курением привела к тому, что табачные изделия облагаются огромными налогами.

Среди мужчин курение до недавнего времени было незыблемой традицией, а вот сигарета в руках женщины вызывала (и, в целом, до сих пор вызывает) немалое осуждение. И поныне курят только 8% корейцев. Это, в основном, представительницы одной из трёх категорий: либо пожилые крестьянки, которые сохраняют верность вековым традициям; либо лихие девицы из всякого рода подозрительных заведений; либо, наконец, эмансипированные барышни из местной богемы, для которых курение – это способ эпатировать публику, демонстративный вызов истэблшменту и тому, что сии девицы считают “консервативными конфуцианскими традициями”. Правда, в последнее время затянуться сигаретой допустимо и для “барышни из приличной семьи”, но при одном условии: она может курить только в помещении, и в узком кругу знакомых. Допустимо для женщины затянуться сигаретой и в кафе, но вот курение на улице (да и на работе и вообще в общественных местах) – по-прежнему мужская привилегия.

Только в последнее время в Корею стала проникать кампания по борьбе с курением, которая с конца восьмидесятых годов с успехом проходит в большинстве развитых стран, в первую очередь – в Америке. В девяностые годы в Корее стали по американскому образцу всё чаще запрещать курение в общественных местах. Так, нельзя курить в метро, в аэропортах, в некоторых учреждениях. Кроме того, было решено убрать с улиц автоматы по торговле сигаретами, которые раньше попадались на глаза очень часто. Объясняется это тем, что в автоматах сигареты могли покупать и подростки, в то время как продажа табачных изделий в Корее разрешается только лицам, достигшим 18-летнего возраста (нарушившего запрет торговца ждёт немалый штраф). Все эти меры, кажется, дают определённый эффект, и доля курильщиков, равно как и количество связанных с курением заболеваний, понемногу идёт вниз. Однако до американского размаха Корее пока очень далеко. {с.418 – с.419}

А где чай?

Корейцев трудно назвать любителями чая. Это даже странно – ведь соседями их являются три великие чайные культуры. Не случайно Япония прочно ассоциируется с чайной церемонией, Россия – с самоваром, а Китай – с чаем как таковым. Тем не менее, в Корее чай почти не пьют. Конечно, многие корейцы станут протестовать против такого категорического заявления. Они – совершенно справедливо – напомнят о том, что своя чайная церемония существует и в Корее. Они процитируют корейских поэтов и философов, которые посвятили чаю немало восторженных строк.

Что же, всё это так. Однако трудно отрицать, что чай играет в корейской культуре куда меньшую роль, чем в культуре японской, русской или китайской. Статистика подтверждает это наблюдение. В 1999 году среднестатистический кореец использовал 31 г сухого чая. Это в 35 раз меньше потребления чая среднестатистическим японцем, а от мировых чемпионов – британцев и ирландцев – корейцы вообще отстают более чем в 100 раз (в этих странах на душу населения приходится более 3 кг сухого чайного листа).

Конечно, кроме чая в точном смысле слова – то есть напитка из листьев чайного куста, корейцы, пьют разнообразные травяные “чаи”. Пожалуй, трудно найти страну, где все эти отвары пользовались бы такой популярностью, как в Корее. Однако “чаем” в точном смысле слова я бы эти напитки называть не стал. Чай, знаете ли, делается из чая...

Чай известен в Корее по меньшей мере с VI-VII веков. Как и японцы, корейцы потребляли зелёный чай. Главными центрами корейской культуры чая были монастыри, и с течением времени чай стал восприниматься как напиток {с.419 – с.420} буддистских монахов. Это обстоятельство чуть не погубило чайную культуру, когда в конце XIV века в Корее к

власти пришла новая династия Ли. Новые правители страны были убеждёнными конфуцианцами, и на буддизм смотрели с подозрением, как на собрание странных суеверий. До прямого запрещения буддизма дело не дошло (у власти хватило ума не плодить мучеников), однако монастыри и монахи столкнулись с разнообразными и весьма унижительными ограничениями, а отношение к буддизму среди элиты стало, в целом, весьма негативным. Чай, который к тому времени воспринимался как "буддистский напиток", стал жертвой новых веяний. Хотя любители чая временами и попадались среди образованных корейцев, в целом его потребление стало постепенно сокращаться.

Немалую роль а "античайной" политике сыграли и экономические соображения. В те времена корейское правительство пыталось ограничить экспорт "предметов роскоши" – то есть тех товаров, без которых Корея могла обойтись. Климат Кореи слишком холоден для большинства сортов чая, поэтому ограничение его импорта означало, что чай стал малодоступен (собственные плантации в южной части полуострова производили не так уж много чайного листа).

Некоторые перемены начались только в конце XIX века, когда правительство стало закупать саженцы в Китае. С приходом японцев зелёный чай стал появляться и в корейских магазинах: новые правители не могли жить без привычного им напитка. В корейских женских школах и колледжах было введено обязательное изучение чайной церемонии, которая считалась важнейшим элементом японской культуры. Существенно увеличилась и площадь чайных плантаций. Однако корейцы продолжали игнорировать чай, и со всё большим увлечением поглощали новый напиток – кофе, с которым корейцев впервые познакомила госпожа Зонтаг, родственница тогдашнего российского посланника Карла Вебера.

Освобождение 1945 г. не принесло существенных перемен. Скорее, наоборот: с уходом японцев потребление чая сократилось. Американские солдаты познакомили корейцев с растворимым кофе, который к 1960-м годам и стал {с.420 – с.421} главным напитком страны. Выросла популярность и некоторых травяных настоек – в особенности, "женьшеневого чая".

Ситуация стала меняться только в начале 1980-х годов – главным образом, в результате действий ассоциаций и клубов любителей чая, которые тогда стали распространяться по стране. Немалое значение имела и публикация статей о пользе чая для здоровья. Наконец, свою роль сыграл и рост доходов населения. Стремясь защитить тех корейских фермеров, которые выращивали чай в южных провинциях и на острове Чечжудо, правительство установило на импортный чай огромные пошлины, которые достигали 500%! Это означало, что корейцам приходилось покупать отечественный чай, который стоил очень дорого (при не самом лучшем качестве).

Усилиями энтузиастов произошло возрождение почти забытой корейской чайной церемонии (подозреваю, что немалую роль тут сыграл пример японцев – но в Корею о таких вещах вслух не говорят). Появились журналы и книги, посвящённые чаю. Наконец, зелёный чай стал обычным товаром в любом, даже маленьком, корейском магазине – хотя покупают его немногие.

Корейцы по-прежнему потребляют в основном зелёный чай. Чёрный чай, более привычный россиянам, в Корею встречается редко, и воспринимается как западный напиток. Я ещё хорошо помню времена (начало 1990-х годов), когда чёрный чай продавался только в универсамах – да и то не во всех.

При всех разговорах о чайной церемонии, корейцы – как и большинство прочих народов – в наше время в основном пьют чай в пакетиках (71% всего потребления). В последние годы, правда, всё большей популярностью пользуется чай в жестяных баночках – наподобие тех, в которых десятилетиями продают пиво. Однако если вы попросите чая в каком-нибудь корейском учреждении, вам, скорее всего, принесут чашку с кипятком – и пакет зелёного чая местного производства. Не слишком утончённо, конечно. Тем не менее, ясно: корейский чай тяжёлые времена пережил. {с.421 – с.422}

Кофейный глобализм

Сейчас кофе – самый популярный горячий напиток в Корее. Появился он здесь только в самом конце XIX века, с лёгкой руки госпожи Зонтаг, сестры жены тогдашнего русского посланника – легендарного Карла Вебера. Когда-то она сварила кофе для корейского короля Кочжона. Тому напиток понравился, и вскоре Кочжон стал начинать свой день с чашки кофе. В 1898 г. этим даже воспользовались заговорщики, которые подсыпали яд в чашу этим экзотическим напитком (король не пострадал, но его наследник, сделавший несколько глотков отравленного кофе, потом долго болел).

Понятно, что примеру короля были вынуждены последовать чиновники, которым со временем стали подражать простолюдины. Ставший сейчас обычным в Корее растворимый кофе проник сюда только в первые послевоенные годы. Принесли его с собой американские солдаты. При этом до конца 1968 г. импорт растворимого кофе в Корею был запрещён. В те времена корейские власти стремились беречь иностранную валюту и не допускали импорта предметов роскоши, к числу которых относилди и кофе. Тем не менее, в шестидесятые годы кофе продавали везде. Часть его попадала в страну контрабандой через Японию, а другая часть – вывозилась из американских баз. Расположенные на их территории специальные магазины, американский аналог “военторга”, играли тогда в тогдашней Корее примерно ту же роль, что валютно-чековые “Берёзки” в Советском Союзе брежневских времён. Те корейцы, у которых имелся “блат” на американской базе, использовали это обстоятельство, чтобы получить доступ ко всяческим дефицитам. {с.422 – с.423}

Надо признать: с точки зрения человека, привыкшего к европейской “культуре кофе”, в Корее этот напиток готовят не лучшим образом. В Корее же до недавнего времени – примерно до 1990 года – даже в дорогих кафе сей напиток “готовили”, насыпая в чашки растворимый кофе-порошок. Чёрный кофе был редкостью, и официантки, не задавая лишних вопросов, приносили посетителям кофе с молоком (точнее, искусственными сливками). Правда, надо отдать должное корейцам: большинство потребляемого в Корее растворимого кофе отличалось весьма высоким качеством. И тем не менее, до настоящего, свежесваренного кофе ему было весьма далеко.

Ситуация стала меняться в самом конце 1980-х годов, когда в Корее появились первые кафе нового, “западного” типа. Кафе эти стали быстро теснить традиционные корейские табаны. Отличительными их чертами были самообслуживание, подчёркнуто современный дизайн, безукоризненная чистота и, конечно, свежесваренный кофе. Готовили его, правда, не под давлением в кофеварках “эспрессо”, а просто варили старым добрым способом в больших кофейниках. В этих “кафе нового типа” была даже предпринята попытка предлагать посетителям не один сорт кофе, а несколько. Стали там делать “капучино” или “кофе латте”, и уж, по крайней мере, прежде чем налить в кофе сливок, у посетителя спрашивали, хочет ли он пить кофе с молоком или, всё-таки, предпочитает чёрный. Качество этих напитков по западноевропейским стандартам оставляло желать лучшего, но всё равно это был несомненный шаг вперёд.

В самом конце 1990-х гг., кажется, в корейской “культуре кофе” началась новая революция. Связана она была с проникновением в Корею новых американской “культуры кофе”.

В июле 1999 года в Сеуле открылось первое кафе, принадлежащее знаменитой американской компании “Старбакс” (Starbucks). Почти сразу же стало ясно, что в Корее появился новый тип кафе, который во многом отличается и от традиционного “табана”, и от “кафе самообслуживания”, и, добавлю, от столь любимых мною кафе запад {с.423 – с.424}новропейского типа. Фирма Starbucks – одна из самых быстрорастущих транснациональных компаний, которой сейчас принадлежит около 3000 кафе по всему миру. В США её считают одним из лучших образцов современного менеджмента, и не случайно её магазинам особо досталось во время погрома, который пару лет назад “антиглобалистское” хулиганье учинило во время конференции ВТО в Сиэттле.

Основное внимание Starbucks уделяет качеству используемого сырья – то есть кофейных зёрен. Молотый кофе может храниться не больше одного часа, а вскрытый пакет с зёрнами должен выбрасываться (со всем содержимым) через неделю. Разумеется, кофе готовится по разнообразным рецептам ("каппучино", "по-венски" и т.д.), о которых раньше в Корее и не слыхивали. Готовый кофе наливают в розовые бумажные стаканчики, и, как правило, пьют его уже не в самом помещении, а на улице. Последнее, признаться, у меня особого восторга не вызывает, но такова уж американская культура потребления кофе.

Надо сказать, что корейцы за последние десятилетия привыкли к кофе и, более того, научились разбираться в его качестве. Кофе постепенно стал частью корейской пищевой традиции. Это и понятно: пьют его корейцы уже более сотни лет (для сравнения: кимччи в привычном нам остром виде стали есть 250 лет назад, а корейский шашлык пульткоги приобрёл свой нынешний характерный вкус в самом начале XX века). Поэтому появление Starbucks в Корее пришлось очень кстати. Корейские потребители "почувствовали разницу". Компания, вдохновившись успехом, заявила, что к 2004 г. в Корее будет действовать 45 принадлежащих ей кафе. Весной 2000 г. открылось кафе Starbucks в центральном сеульском районе Мёндон, которое является крупнейшим кафе этой фирмы во всём мире.

Вторжение Starbucks на корейский рынок стало только частью процесса перемен в корейской "культуре кофе". Под влиянием успеха американских конкурентов, многие корейские кафе (как индивидуальные, так и объединённые в цепи) стремятся имитировать новые формы и уделять большее внимание качеству самого кофе. Нет сомнений, {с.424 – с.425} что Starbucks не долго сможет наслаждаться единоличным лидерством. Первые признаки этого уже появились: в 2000-2002 гг. все центральные улицы Сеула покрылись сетью маленьких киосков, в которых желающим продают "настоящий кофе" в бумажных стаканчиках.

Боюсь, что история старого доброго "табана" с его полумраком, табачным дымом и стандартным растворимым кофе подходит к концу, а с ней уходит в небытие и своеобразная часть корейской культуры. Впрочем, не надо грустить – такова жизнь. Что-то старое уходит, что-то новое приходит на смену. Сейчас новые кафе кажутся подчеркнута американскими, чужими, но ведь и "табан" когда-то был иностранным, русским изобретением... {с.425 – с.426}

Вездесущие автоматы

Как знает любой, кому доводилось провести в Корее хотя бы несколько дней, "страна утренней свежести" – это ещё и страна кофейных автоматов. Они есть практически везде: на городских улицах, в учрежденческих коридорах, в заводских курилках и у небольших сельских магазинчиков.

Автоматы эти продают кофе в небольших бумажных стаканчиках – 50 граммов порция. При этом покупатель может выбрать, желает ли он кофе чёрный или с молоком, с сахаром или без него, а в более продвинутых устройствах – ещё и отрегулировать крепость напитка.

Конечно, похожие автоматы есть и во многих иных странах, но мало где они пользуются такой же популярностью, как и в Корее. Кроме того, с качеством самого кофе тоже бывают серьёзные проблемы. Я, например, хорошо помню свой первый контакт с американским автоматом: заплатив почти доллар, я потом долго пытался заставить себя выпить ту стирную коричневатую жидкость, которой это устройство наполнило мой стаканчик. Мне это так и не удалось, и с тех пор в США кофейные автоматы я обхожу стороной.

Впрочем, по своему устройству американские аппараты весьма отличаются от корейских. Американские автоматы пытаются варить кофе – и делают это, прямо скажем, довольно плохо. Корейские же устройства предлагают, по сути, растворимый кофе: порошок, сухие сливки и сахар в заданной пропорции смешиваются с горячей водой. Ближайшие аналоги корейского кофейного автомата можно, разумеется, найти по соседству – в Японии. Дей {с.426 – с.427}ствительно, как и многие другие традиции современной Кореи,

пристрастие к кофе из автоматов пришло в Корею из Японии. Произошло это сравнительно недавно, в конце 1970-х годов.

В самой Японии автоматы привычного в Корее типа – с бумажным стаканчиком – появились в начале 1960-х годов. Сейчас, кстати, ими пользуются реже: японцам подобная система стала казаться недостаточно гигиеничной. Однако в своё время кофейные автоматы пользовались в Японии огромным успехом, и не удивительно, что корейцы решили этот успех повторить.

В 1977 году концерн "Лотта", который традиционно имеет очень близкие отношения с Японией, закупил первые 400 автоматов, которые и были тогда установлены в Сеуле. Вскоре и две другие крупные корейские фирмы приобрели у японцев лицензии на изготовление кофейных автоматов: LG (в те времена известный под своим старым названием "Кымсон") приобрёл лицензии у Fuji, а Samsung договорился с Sanyo. Кстати, эти две фирмы и поныне являются главными производителями кофейных автоматов в Корее.

Поначалу автоматы стоили дорого, и встречались на корейских улицах они достаточно редко. В 1981 г. во всей Корее было 3.123 торговых автомата. Две трети из них продавали "кофе в стаканчиках", а остальные – всякую всячину. Количество автоматов с тех пор выросло неимоверно, но такая пропорция сохранилась и до наших дней: и сейчас примерно две трети торговых автоматов Кореи – кофейные.

Кстати, в начале 1980-х годов вступил в действие закон, который потребовал от операторов кофейных автоматов, чтобы в подведомственных им устройствах в обязательном порядке продавалось не только кофе, но и т.н. "корейские чаи" – всяческие травяные настои (я их, признаться, терпеть не могу). Этот закон был призван "поддержать отечественного производителя", и проводился он в жизнь с воистину генеральской суровостью – ведь в стране тогда правил военный режим. Предпринимателя, который не озаботился продажей "правильных" напитков, ждал {с.427 – с.428} штраф в полмиллиона вон. По тем временам это были немалые деньги – по покупательной способности они примерно соответствовали нынешним пяти миллионам вон. Если владелец автомата не мог или не хотел заплатить штраф, то его могли посадить в тюрьму на год.

По-настоящему бум автоматической торговли начался в середине восьмидесятых. К тому времени корейские фирмы наладили массовое производство автоматов, которые резко подешевели и, соответственно, стали быстро распространяться по стране. В Олимпийском 1988 году в Корее было уже 17 тысяч торговых машин, в том числе 12 тысяч кофейных автоматов. По нынешним меркам это – довольно скромная цифра, сейчас автоматов в стране в 30 раз больше. Однако именно с конца восьмидесятых кофейный автомат стал неотъемлимой частью корейского городского пейзажа.

Рост этой индустрии был вызван двумя причинами: во-первых, автоматы удобны потребителям; во-вторых – выгодны владельцам. Кофейный автомат стоит примерно 5 миллионов вон – и приносит 200-300 тысяч вон в месяц, полностью окупая себя года за полтора. Впрочем, очень многое в этом бизнесе зависит от удачного расположения автомата.

Конечно, инфляция сказывается и здесь. Я ещё хорошо помню времена, когда стаканчик кофе в метро стоил 200 вон, а в служебном автомате его можно было купить то за 100, то даже за 50 вон. Сейчас цены – совсем другие (впрочем, и зарплаты – тоже). На кофейных автоматах рядом с прорезями для монет появились и прорези для банкнот. Впрочем, жаловаться на дороговизну не приходится. В США или Австралии стаканчик "автоматного" кофе стоит 60-80 центов, то есть в два-три раза больше, а качество напитка, скажем прямо, не идёт ни в какое сравнение с корейским.

На конец 2001 года в Корее действовало 350 тысяч кофейных автоматов. Впрочем, специалисты считают, что резервы рынка далеко не исчерпаны. Рост продолжается – и я, как поклонник кофейных автоматов, этому обстоятельству только рад. {с.428 – с.429}

Фрукты-овощи”

Корейцы, как, кстати, и все их соседи по Восточной Азии, с незапамятных времён были мастерами-огородниками. Находясь в Корее, все время чувствуешь, что имеешь дело с народом горцев, народом рыбаков и, в первую очередь, с народом земледельцев. До самого недавнего времени подавляющее большинство корейцев было крестьянами, и из поколения в поколение передавали они земледельческие традиции и навыки. Поэтому нет ничего удивительного в том, насколько изобильны овощами и фруктами корейские рынки и магазины. Многие из того, что там можно увидеть, вполне знакомо россиянам, но есть там немало и экзотики.

Из овощей в Корее наибольшее распространение имеет, пожалуй, дальневосточная листовая капуста, которая отличается от привычной нам европейской тем, что не образует кочанов. Европейская белокочанная капуста тоже в последнее столетие получила в Корее определённое распространение, но всё-таки в целом остаётся некоей экзотической редкостью. Её так и называют – “заморская капуста”. В общем корейская листовая капуста по вкусу напоминает белокочанную, разница, пожалуй, лишь в том, что в ней содержится больше воды. Впрочем, корейцы считают, что настоящее кимчи из европейской капусты сделать никак нельзя. Широко применяется в корейской кулинарии и редька. Она, как и капуста, служит главным сырьём для приготовления кимчи – одного из важнейших блюд повседневной корейской кухни, которое в последние годы становится своего рода кулинарным символом нации. Кроме того, нарезанная кружочками маринованная редька часто подаётся на стол в качестве приправы. Корейская редька по своему виду не очень похожа на российскую – она большая длинная, цилиндрической или, скорее, сигарообразной формы. {с.429 – с.430}

Из других овощей следует назвать морковь, огурцы, помидоры (впрочем, последние по корейским представлениям относятся к...фруктам). Любопытно, кстати, что так называемая “корейская морковка”, блюдо из острой маринованной моркови, которое в России пользуется сейчас немалой популярностью, в самой Корее совершенно неизвестна. Острая маринованная морковь – это специфическое блюдо российских корейцев. Относится это, кстати, и ко всем иным “корейским салатам”, которые в последние годы получили такое распространение в России. Почти все эти салаты в самой Корее неизвестны, они представляют собой вольные вариации на темы корейской кухни, которые были созданы корейцами России-СССР-СНГ за полтора века их жизни в диаспоре. Надо признать, что российско-корейская кухня больше соответствует вкусовым пристрастиям россиян, чем собственно кухня корейская (сам я – большой поклонник “корейских салатов” по-московски). Однако, повторяю: к корейской кухне в точном смысле слова отношение они имеют весьма отдалённое.

Кроме того, корейцы едят и листья некоторых растений: корейской полыни, которая, в отличие от российской, не обладает горьким вкусом, пастушьей сумки, аралии. Их листья потребляют в пищу в сыром виде, заедая ими те или иные блюда. В состав корейских блюд в изрядных количествах входят лук и чеснок. Пристрастие корейцев к чесноку в своё время дало основание японцам называть их “чесночниками” – кличка, которую они и поныне воспринимают с немалой обидой. Возможно, именно поэтому корейцы почему-то уверены, что только они любят чеснок, и часто удивляются, когда видят с удовольствием поглощающего чеснок иностранца. Ещё одним специфическим продуктом, важным для корейской кулинарии, являются молодые побеги папоротника. Наконец, применяют в корейской кулинарии и грибы, хотя корейцы, как и жители многих других стран, с недоверием относятся к диким лесным грибам, и едят в основном грибы, выращиваемые на специальных плантациях.

Картофель не имеет в корейской кухне такого значения, как, скажем, в русской или немецкой, но, всё-таки, время от времени используется. В Корее известно два вида картофеля {с.430 – с.431}ля. Во-первых, это привычный нам “обычный” картофель, а, во-вторых, сладкий картофель батат, попавший в Корею из Юго-Восточной Азии.

Корейцы едят мало сладкого, так что роль десертов в корейской кулинарии выполняют фрукты и ягоды. В целом те фрукты, которые можно увидеть в Корее, достаточно хорошо знакомы и россиянам. Наибольшей популярностью, пожалуй, пользуются яблоки – огромные, сочные, сладкие. Я ещё не видел человека, которому бы корейские яблоки не понравились. Едят корейцы и груши, причём корейская груша отличается от российской и по вкусу, и, главное, по виду. Когда ко мне в Корею приезжали знакомые, я часто задавал им небольшую загадку: показывал фрукт, по форме напоминающий очень крупное яблоко коричневатого цвета, и спрашивал, что же это такое. Никому ещё не удалось угадать, что это – груша. Да, корейская груша не имеет “грушевидной” формы. По вкусу, впрочем, она довольно похожа на свою европейскую родственницу.

Едят корейцы и дыни, причём корейские дыни очень маленькие, чуть больше российского крупного яблока. В последнее время появились и зелёноватые западные дыни, семена которых недавно завезли из Америки (их даже и называют на американский лад – “мелон”). Немалой популярностью пользуются арбузы. Кроме того, едят корейцы персики, абрикосы, мандарины, хурму и, конечно, виноград.

С ягодами дела обстоят хуже. Традиционно корейцы ягод вообще почти не ели, но вот в последние пару десятилетий они пристрастились к клубнике. Многим русским, побывавшим в Корее, местная клубника не нравится: дескать, она и несладкая, и водянистая. Не знаю (“на вкус и цвет товарищей нет”) – меня лично корейская клубника вполне устраивает. Однако другие ягоды в Корее почти не встречаются. Временами (и очень ненадолго, на пару недель) появляется на рынках шелковичная ягода, временами попадает голубика (с ней делают вкусный йогурт), буквально пару-другую раз видел я на рынке и малину, но это, скорее, исключение. Хотя и заросли корейские горы малинником, корейцы малину едят мало, и не особенно-то любят, да и вообще ягодам предпочитают фрукты. {с.431 – с.432}

Любопытно, что клубника, которая ныне встречается в Корее очень часто, проникла туда совсем недавно, уже после войны. Её распространение стало возможным только после того, как в корейском сельском хозяйстве стали широко применять теплицы, а произошло это только в середине пятидесятых годов. В конце 1960-х гг. появились в Корее также голубика и садовая малина, которые, впрочем, и поныне остаются экзотикой.

Отсутствие в Корее достаточного количества промышленных холодильников и вообще мощностей по хранению собранных фруктов вызывает достаточно выраженную сезонность. В Корее, в отличие от, скажем, Америки, каждому овощу (точнее сказать, фрукту) воистину своё время. Март-май – это время тепличной клубники, потом появляются дыни, им на смену приходят персики и груши и, наконец, виноград. Пожалуй, одни только мандарины и яблоки, хорошо переносящие хранение, находятся на прилавках корейских магазинов круглый год.

В конце восьмидесятых были снижены таможенные пошлины, до этого препятствовавшие ввозу в Корею тропических фруктов – бананов, киви, ананасов. Впрочем, и ананасы, и бананы в Корее не только импортные, есть и свои, которые выращивают на острове Чечжудо, на самом юге страны. В результате все эти экзотические для Кореи фрукты в последнее время появились в продаже даже в самых захолустных посёлках. Однако большинство населения не очень-то привыкло к ним и берёт их не слишком охотно, тем более что и цены этих тропических фруктов, как говорится, “кусаются”. Исключением стали, наверное, бананы, которые превратились в часть повседневного питания и в Корее. Надо сказать, что пришельцам из России бросается в глаза полное отсутствие в Корее свежих апельсинов. Возможно, это связано с попытками защитить производителей мандаринов. В то же время, апельсиновый сок в последние десятилетия стал одним из самых популярных напитков. Любопытно, что большинство фруктов корейцы подают на стол, обязательно очистив и от косточек, и от кожуры, и разрезав на кусочки. Относится это и к дыням, и к яблокам, и к грушам. {с.432 – с.433}

Сладкоежки былых времён

Сладости никогда не были важной частью корейской кухни. Веками считалось, что сладости – это, скорее, для детей или подростков, а никак не для солидных, взрослых людей. Изощрённые традиции западных десертов оставались в Корее неизвестными до совсем недавнего времени. В старой Корее десерта после еды не полагалось – в лучшем случае, в конце трапезы подавали фрукты.

Тем не менее, коробейники, которые продавали традиционные сладости, были частью корейской городской жизни с давних времён. Их покупателями были почти исключительно дети и подростки, и именно на это была рассчитана их «маркетинговая стратегия». Они не могли позволить себе спокойно стоять на одном месте у рыночного прилавка – ведь ходившие на рынок серьёзные люди их товаром не слишком интересовались. Коробейники бродили по жилым кварталам, громкими выкриками оповещая жителей – детей, их мам и их сердобольных бабушек – о своём появлении.

Какие сладости продавали коробейники? Наибольшей популярностью пользовался «йот», сладкое коричневатое желе. Продавцы йота не расставались с большими ножницами, которыми это желе разрезали на тонкие ленты. На ходу коробейники непрерывно щёлкали этими ножницами, привлекая таким образом к себе внимание. Торговцы йотом использовали и другую маркетинговую уловку: они принимали оплату за свой товар не только наличными деньгами, но и старой домашней утварью. Деньги детям давали неохотно, а вот со старыми носками или с кастрюлей, которую можно было обменять на {с.433 – с.434} нескольких полосок йота, родители расстаться вполне могли.

Продавали коробейники и печенье из пшеничной или рисовой муки, смешанный с медом. В старые времена сахара в Корее почти не знали, а качестве источника сладости использовали мёд и сладкие красные бобы. Кстати, похожая ситуация существовала тогда и в России: до конца XIX века только богатые люди тогда варили варенье на сахаре, а семьи среднего достатка были вынуждены готовить его на меду.

Сахар вошёл в Корею в употребление только около 1900 г., когда его стали ввозить из-за границы во всё больших количествах. Появление сахара сделало возможным и новые сладости – например, леденцы, которые называли «ольсатхан» («круглый сахар»). Эти изделия ядовитого цвета пользовались огромной популярностью в колониальные времена.

Другим блюдом, которое завоевало корейский рынок в начале XX века, были китайские блинчики «хотток» – нечто вроде сладоватых лепёшек с начинкой из красных бобов (на наш вкус они напоминают оладьи, начинённые джемом). Хотток сначала изготавливались китайскими иммигрантами, которые стали прибывать в Корею после 1884 г. Вскоре эту нехитрую технологию переняли корейцы, так что такие блинчики пользуются немалым успехом и в наши дни.

Освобождение 1945 г. принесло с собой рост западного влияния, и корейская кухня не была тут исключением. Именно американские солдаты познакомили корейцев с печеньем привычного нам образца, до того времени в Корее неизвестным. В те голодные годы большинству корейцев приходилось есть всё, что только удавалось достать – даже если пища казалась странной и экзотической. Армейские пайки, которые попадали на чёрный рынок или доставались от американских знакомых, приучили корейцев ко многим новым видам пищевых продуктов, в том числе и к обычному для нас сладкому печенью.

Печенье нашло немало поклонников, в основном среди детей. В 1945 г. фирма «Хэтхэ» (и тогда, и сейчас – один {с.434 – с.435} из флагманов корейской пищевой промышленности) впервые наладила производство собственного печенья. Впрочем, довольно быстро выяснилось, что взрослые корейцы сладкому предпочитают солёное. Появились всяческие крекеры, среди которых долгожителем является «креветочный крекер» компани Нонсим. Его начали производить в 1971 г. и продолжают изготавливать по той же самой технологии до сих пор.

Мороженое тоже появилось в Корее уже после войны. В колониальные времена в Корее торговали вразнос примитивными видами холодных сладостей. Наибольшей популярностью пользовались «пинсу», замороженные сладкие смеси на основе сладких красных бобов. В этом нет ничего удивительного: до начала шестидесятых молоко было почти неизвестно в Корее, и большинство корейцев не слишком-то жаловали молочные продукты.

Пинсу продавали с маленьких тележек – отдалённых предшественников нынешних рефрижераторов. Впрочем, никаких компрессоров и прочей механики в этих тележках не было: прохладу обеспечивали блоки льда, который каждую зиму заготавливали на Хангане.

Только в 1958 г. фирма «Лоттэ» начала производство мороженого западного образца. Поначалу эта продукция не пользовалась особым успехом: корейцы тогда были ещё непривычны к молочным продуктам. Быстрый рост потребления молока начался в шестидесятые годы и во многом помог увеличению продаж мороженого. К концу семидесятых мороженое уже продавалось повсюду, но в восприятии большинства оно оставалось «детской пищей». Отношение к сладостям у взрослых стало меняться только пару десятилетий назад, когда в Корее появились настоящие десерты. {с.435 – с.436}

О том, чего в Корее нет

Сегодня я хотел бы рассказать о том, чего в Корее... нет, какие из привычных нам продуктов нельзя найти в сеульских магазинах. Действительно, на российский взгляд корейские магазины кажутся изобильными даже сейчас, когда и в России времена дефицита ушли в прошлое. И, тем не менее, корейские кулинарные традиции весьма отличаются от российских, так что нет ничего удивительного в том, что многие из тех продуктов, к которым привыкли россияне, в Корее либо вообще отсутствуют, либо встречаются очень редко.

Начнём, наверное, с хлеба, в первую очередь – с чёрного ржаного хлеба. До шестидесятых годов корейцы не ели хлеба вообще – ни белого, ни чёрного. С конца шестидесятых хлеб стал всё чаще появляться в продаже, и сейчас его можно купить в любом магазине, однако это, разумеется, белый хлеб, приготовленный по американским рецептам. Привычного нам чёрного ржаного хлеба в Корее нет. Одно время, в начале девяностых годов, в районе Итхэвона, где в основном живут иностранцы и где сосредоточены многочисленные посольства, действовала небольшая немецкая булочная, в которой изредка появлялся и чёрный хлеб. Стоил он очень дорого (почти 8 долларов буханка!), по вкусу во многом отличался от российского (так как делали его по немецким рецептам), но всё-таки это был чёрный хлеб. Однако популярностью он не пользовался, и с 1995 года его перестали выпекать. Только недавно в Пусане и Сеуле вновь появился чёрный хлеб, на этот раз выпеченный по русским рецептам. {с.436 – с.437}

Если говорить о молочных продуктах, то ситуация тут тоже довольно интересная. Корейцы стали в больших количествах пить молоко только после войны, и технология производства молочных продуктов была позаимствована из Америки. В результате, в Корее есть многие виды молочных продуктов, которые в России либо вовсе неизвестны, либо появились в самое недавнее время. С другой стороны, многих привычных нам вещей в Корее нет – например, сметаны и творога. Точнее говоря, они изредка появляются в специальном «дипломатическом» магазине, совершать покупки в котором – по крайней мере, теоретически – имеют право только дипломаты и члены их семей. Правда, корейцы, как и другие народы Дальнего Востока, едят так называемый «соевый творог» (в Корее его называют «тубу», в Китае – «доуфу»), однако по вкусу он имеет с молочным творогом мало общего. Не слишком хорошо обстоят дела и с сыром. В корейских магазинах можно увидеть плавленые сырки (честно говоря, не особенно вкусные), но вот настоящего, привычного нам сыра там почти не бывает. Его можно купить только в крупных интуристовских гостиницах, где стоит он очень даже немало. Нет в Корее и привычного нам кефира, который вообще за пределами России почти неизвестен. В то же время всяческие йогурты, которые только в послеперестроечные годы стали проникать в Россию, очень популярны в Корее.

Как уже говорилось, не очень хорошо обстоят в Корее дела и с чаем. Самым популярным напитком в современной Корее является кофе, кроме того, охотно пьют корейцы и разнообразные травяные настойки, соки, но не чай. Хотя в Корее и есть немногочисленные любители зелёного чая, привычный нам чёрный чай остаётся редкостью. Правда, в крупных магазинах обычно (но не всегда) пачку чая купить можно, но особого выбора там нет – максимум пара сортов, а чаще всего – просто стандартная коробка “Липтона” в пакетиках.

Наконец, нет в Корее и многих привычных нам мясных изделий, например, колбасы или ветчины. То, что корейцы называют заимствованным из английского словом {с.437 – с.438} “хэм” имеет к ветчине в нашем понимании очень отдалённое отношение, а если говорить о сырокопчёных и полукопчёных колбасах, то ничего подобного в Корее вы не увидите нигде, кроме, может быть, самых дорогих гостиниц, где покупателями являются в основном иностранцы. Правда, сосиски в последнее время широко распространились и в Корее, но на российский вкус качество их оставляет желать лучшего. Если говорить о деликатесах, то нет в Корее и икры, которую сами корейцы, кстати, не очень-то и любят, а также и иных привычных русским рыбных деликатесов. Исключением, возможно, является копчёная красная рыба, которая пользуется в Корее успехом у отдельных любителей, но стоит очень дорого и продаётся только в больших универсамах.

С другой стороны, в корейских магазинах есть великое множество блюд, о которых нормальный житель России никогда и слыхом не слыхивал, и для тех корейцев, которым приходится подолгу жить в России, отсутствие этих продуктов представляет немалую проблему. Конечно, в корейских магазинах нет чёрного хлеба и сметаны, но ведь и в русских не так-то легко купить кимчи из редьки или, скажем, тот же соевый творог тубу! Так что всё на свете относительно. {с.438 – с.439}

Корея и заграница {с.440 – с.441}

Россия – взгляд из Южной Кореи

Россия и Корея – две страны, которые формально, географически, являются соседями и даже (если иметь в виду Северную Корею) имеют короткую общую границу. Однако на протяжении многих десятилетий мы были далёкими соседями, и знали друг о друге, прямо сказать, не очень много.

Один из вопросов, с которым и мне, и многим другим российским корееведам приходится сталкиваться чаще всего, это вопрос о том, как же относятся к нам корейцы, как они воспринимают русскую культуру и русских, как меняется это отношение с течением времени. Сейчас я и попытаюсь рассказать об этом. Отношение к России вообще – вопрос слишком широкий, слишком сложный поэтому ограничимся, пожалуй, только одной его частью – отношением корейцев к русской культуре.

Начнём издалека, с тридцатых годов. До 1945 г., в те времена, когда Корея была японской колонией, её связи с Россией (то есть Советским Союзом) были не слишком-то тесными, что и понятно: японские власти рассматривали северного соседа как источник “коммунистической заразы”, и меньше всего хотели, чтобы его “подрывное влияние” ощущалось в Корее – самой стратегически важной из всех колоний Японской империи. С другой стороны, и Советский Союз воспринимал Японию как вероятного, и даже почти неизбежного противника (чтобы убедиться в этом, достаточно бегло просмотреть советские публикации тридцатых годов), так что Москва тоже не очень поощряла контакты советских граждан с японскими подданными. Корейцы же тогда, несмотря на все официальные антиколониальные декларации, воспринимались Москвой именно как японские подданные. Не случайно, что когда все корейцы в 1937 г. были насильственно выселены с советского Дальнего Востока, это официально объяснялось “необходимостью пресечь японский шпионаж”.

Тем не менее, уже в колониальную эпоху кое-какие сведения и представления о России проникали в Корею. Немалую роль в этом играли и японцы, точнее, японская интеллигенция. Дело в том, что в те времена в Японии, несмотря на весь официальный антикоммунизм, весьма ценили русскую классическую литературу. Именно по-японски корейские интеллигенты впервые прочли Толстого и Достоевского, Чехова и Горького. Вскоре появились и первые переводы русских классиков на корейский. Делались они не с оригинала (русский язык на должном уровне в Корее тогда мало кто знал), а с японских изданий.

В 1945 г. Корея была освобождена от колониального ига и вернула себе независимость. Советский Союз сыграл в этом решающую роль, и неудивительно, что последующие несколько лет были периодом короткого “советского бума”, особенно среди южнокорейских левых. Это были времена, когда отношение к России было резко политизировано, когда занятия русским языком в Южной Корее воспринимались почти как оппозиционный акт, вызов существующему строю, когда переводы советской и даже русской литературы (в основном, по-прежнему сделанные с японского или английского) часто изымались из продажи правительственными цензорами.

Однако бум этот продолжался недолго. Его прервала Корейская война. Многие из бывших поклонников России и тесно связанных с ней в те времена идей социализма ушли на Север вместе с отступающими коммунистическими дивизиями. Для тех, кто остался, Корейская война часто означала разочарование в коммунизме. Зачастую в этом были виноваты сами северяне, которые, заняв на несколько месяцев почти всю территорию страны, вели себя, скажем прямо, не лучшим образом. Отходу интеллигенции от коммунизма немало способствовала и активная антикоммунистическая пропаганда корейских правительств. Как {с.442 – с.443} бы не ссорились друг с другом корейские политики в 1948-1987 гг., решительный антикоммунизм был их общим знаменателем.

Однако разочарование в советской политике не всегда означало потерю интереса к русской культуре. Наоборот, шестидесятые годы были, пожалуй, тем временем, когда русская классика достигла пика своей популярности. В те годы вся корейская студенческая молодёжь читала наших классических писателей, когда немалой популярностью пользовалась и русская музыка, а традиции русского театра (“Система Станиславского”) тщательно изучались местными режиссёрами и актёрами.

В пятидесятые и шестидесятые годы первые русские отделения были открыты в нескольких корейских вузах. Популярность у них была довольно умеренная, что отчасти объяснялось отсутствием каких-либо перспектив трудоустройства для их выпускников. Никаких контактов с Россией у Южной Кореи тогда не было, её граждан до начала семидесятых ни под каким видом не пускали на территорию СССР, да и впоследствии, вплоть до 1987 г., разрешения на поездку в СССР выдавались и Москвой, и Сеулом только в самых исключительных случаях. Распространение любых советских изданий на территории Кореи было строжайше запрещено, причём исключения не делалось даже для совершенно безобидных вещей, вроде пластинок русской классической музыки, изготовленных фирмой “Мелодия” (уже тот факт, что они были произведены в СССР, превращал их в глазах тогдашних корейских цензоров в “подрывные коммунистические материалы”). Даже самостоятельные занятия русским языком считались крамолой и были официально запрещены. Разумеется, знание разговорного языка у тогдашних выпускников русских отделений оставляло желать лучшего, всё их образование строилось вокруг умения читать, а не говорить по-русски. Окончив русское отделение и получив диплом, выпускник практически не имел шансов получить работу по специальности, если ему только не удавалось попасть в аспирантуру (в те времена часто – за границу, в США или Германии) или же найти работу в армии или спецслужбах. {с.443 – с.444}

Если же говорить о большинстве населения, то его представления о СССР сводились, по большому счёту, к трём положениям: а) Россия – очень большая, очень холодная и очень агрессивная страна, опора мирового коммунизма; б) Россия – страна высокой культуры, страна Толстого и Достоевского, Чайковского и Станиславского; в) Россия – главный враг США и единственная страна мира, которая может при случае противостоять Америке.

Разумеется, попал в Корею и традиционный американский набор “российских образов”, который в те времена активно пропагандировался Голливудом: водка, снега, меховые шапки, медведи и злобные агенты КГБ.

Серьёзные перемены наступили только около 1988 г., когда СССР и Южная Корея установили между собой отношения (сначала – неформальные, а потом – и официальные, дипломатические). 1988-1992 гг. были эпохой второго, и куда более значительного, “советского бума” в Корее. Этот бум отчасти подогревали надежды корейских бизнесменов на гигантский потенциал российского рынка, отчасти – извечная тяга к запретному плоду, а отчасти – и вновь усилившиеся среди корейской молодёжи левые настроения. В те годы на полках книжных магазинов стала всё чаще появляться не только дореволюционная, классическая, но и советская литература. Спрос на неё был немалый. Раскупали молодые корейцы произведения не только (и даже не столько) Толстого и Чехова, сколько писателей социалистического реализма, популярность которых как раз в то время в самом СССР упала почти до нуля. Представляю, как поразились бы российские студенты в истово-перестроечном 1989 г., узнав, что их корейские сверстники зачитываются романом “Мать” (да, романом Горького)!

Следствием советского бума стало и стремительное увеличение численности российских отделений в корейских университетах. В 1988-1995 гг. они росли как грибы, и любой вуз, претендующий на респектабельность, в те годы стремился обзавестись русским отделением. В течение короткого времени русские отделения находились на пике популярности. Всем казалось, что тысячи корейских фирм {с.444 – с.445} вот-вот двинутся в Россию и сделают там многомиллионные состояния, и что этим фирмам будут нужны тысячи переводчиков и консультантов. Вдобавок, внезапное “открытие” России, до того времени совершенно недоступной и, следовательно, экзотически-таинственной и манящей страны, тоже воодушевляло многих. Результатом стал не только количественный рост корейской русистики, но и заметное улучшение “качества” студентов.

Однако ничто не бывает вечным, советский бум продолжался недолго. Окончился он около 1993 г., вскоре после распада СССР. К этому моменту стало ясно, что те розовые надежды, которые поначалу возлагал на Россию корейский бизнес, не оправдались. Находящаяся в состоянии хронического экономического и политического хаоса страна оказалась куда менее выгодным рынком, чем, скажем, стабильные и быстро растущие Китай или Вьетнам – государства, в которые в 1990-е гг. и двинулись основные корейские инвестиции. Разумеется, сравнительно скромный масштаб российско-корейской торговли означал и сравнительно малое количество рабочих мест с русским языком, и, соответственно, снижение популярности русских отделений среди абитуриентов. Корейские студенты девяностых годов в целом ведь куда прагматичнее своих предшественников, они хотят получать такие специальности, которые могут помочь им в поиске работы. Русский язык к таковому, скажем прямо, сейчас никак не относится. Впрочем, это не означает, что его в Корее больше не учат – сейчас русский преподаётся в трёх десятках университетов, хотя большинство студентов выбирают русское отделение не по причине особого интереса к России, а из стремления получить университетский диплом.

Снизилась и популярность русской литературы. Потеря интереса к таким книгам как “Мать” или “Как закалялась сталь” понятна: корейская молодёжь в последние годы несколько отошла от левых идей, да и вообще меньше интересуется политикой. Однако явно снизился в Корее и интерес к русской классике, столь популярной в шестидесятые и семидесятые годы. Причин на это немало. Отчасти это отражает и общий процесс, который затронул не {с.445 – с.446} только Корею, но и большинство стран мира: молодёжь, в том числе и образованная, сейчас читает куда меньше, чем несколько десятилетий назад. Нравится это кому-либо или нет, но в развитых странах книга в молодёжной среде во многом уступила позиции современной музыке и кинематографу, то есть областям, в которых достижения современной России, будем честными, не пользуются особым международным признанием. Вдобавок, неспешный стиль русских классиков сейчас многим кажется затянутым и скучноватым. Новые поколения, скорее, предпочитают более динамичную прозу американских авторов. Наконец, немалую роль играет и американизация культурной жизни Кореи. И школьные, и

университетские программы в основном строятся с оглядкой на американские образцы, так что не удивительно, что американская и, шире говоря, англоязычная литература занимает в корейской “картине мира” всё более и более заметное место, вытесняя на второй план все “неанглоязычные” литературы.

И тем не менее, Россия и Корея остаются соседями, так что можно быть уверенным в том, что в отношении корейцев к России произойдёт ещё немало перемен. {с.446 – с.447}

Российская эстрада в Корее

Один из вопросов, который очень часто приходится слышать мне в России, звучит просто: “А что они там, в Корее, думают о нас?” Пожалуй, самым честным ответом на этот вопрос было бы: “А ничего особо не думают!” Действительно, нравится нам это или нет, но Россия занимает довольно скромное место в корейском сознании. Конечно, есть в Сеуле многочисленные (и неплохие) специалисты по русскому языку, по русской культуре и экономике, некоторое количество корейцев учится или училось в вузах Москвы и Санкт-Петербурга, а корейские фирмы всё более активно проникают на российский рынок. Есть, наконец, и люди, просто интересующиеся Россией. Однако по большому счёту основная масса корейцев довольно безразлична к тому, что происходит за пределами их страны (чтобы убедиться в этом, достаточно пролистать корейскую газету, в которой из 30-40 страниц международным новостям обычно отведено не больше двух). Если какие государства и вызывают их интерес, то это, бесспорно, Америка, Япония и Китай. Место же России, как, скажем, и Германии или Индии, в корейской картине мира весьма скромное.

В то же самое время корейская интеллигенция питает немалое уважение к русской классической культуре. Имена Толстого, Чехова, и даже впавшего сейчас у нас в немилость Горького знакомы любому образованному корейцу. Хорошо известны в Корее российский балет и российская классическая музыка.

Однако есть у Кореи одна любопытная особенность. Как ни странно, но корейцы знают не только классическую, {с.447 – с.448} но и современную российскую массовую музыкальную культуру. Странно это потому, что в целом в мире Россия ассоциируется не с Алой Пугачевой или Борисом Гребенщиковым, а с Еленой Образцовой и Дмитрием Шостаковичем. Наш рок или наша поп-культура (не исключая и самых громких имён) за пределами России, в общем-то, мало кому известны и мало кому интересны. Когда тот или иной российский исполнитель возвращается с гастролей на Западе и начинает вдохновенно рассказывать о том громадном успехе, которым он там якобы пользовался, он, как правило, врёт – или, скажем осторожнее, выдаёт желаемое за действительное. Если успех у него и был, то наверняка только среди бывших советских эмигрантов, да и то, скорее всего, недавних. Коренные же американцы или австралийцы ни малейшего желания появляться на концертах российских эстрадных звёзд не испытывают, и трудно представить, чтобы на улицах американских городов звучали песни Высоцкого или Кобзона (разумеется, если в этих городах нет больших эмигрантских общин).

Однако Корея – это исключение, что становится ещё более удивительным, если вспомнить, что Южная Корея ни в социалистический лагерь никогда не входила (совсем наоборот – отличалась весьма истовым антикоммунизмом), ни под заметным русским влиянием не находилась.

Столкнулся в первый раз я с этим “распространением нашим по планете” осенью 1992 года, вскоре после того, как приехал в Корею. Помнится, шёл я по улице, и вдруг – слышу: из вполне обычной корейской лавчонки доносится русская песня. Вначале я даже ушам своим не поверил. Остановился, прислушался – действительно, русская музыка. Это звучала “Я склонюсь пред твоими коленями...” (слова Заболоцкого, в исполнении группы “Петербург”). Только потом узнал я, что в Корее эта песня была одним из шлягеров того лета.

Вообще в популяризацию русской эстрады немалый вклад вносит местное телевидение. Почему-то корейские телевизионщики часто используют в качестве заставок к сериалам русские песни. В частности, прошедший лет восемь назад и пользовавшийся огромной

популярностью {с.448 – с.449} сериал “Песочные часы” начинался с песни “Журавли” в исполнении Иосифа Кобзона. Сериал этот стал сенсацией (главным образом, из-за того, что затрагивал некоторые острые вопросы недавнего корейского прошлого), и как следствие кассеты и лазерные диски с песнями Кобзона появились во всех корейских магазинах. Не один десяток раз приходилось слышать мне в Корее и Владимира Высоцкого. Его песни также использовали на телевидении, да и кассеты Высоцкого в Корее часто появляются в продаже. Представить такое, кстати, в какой-либо западной стране невозможно. На Западе Высоцкого ведь воспринимают во многом так же, как в своё время Есенина: не как поэта, а как экзотического русского мужа западной знаменитости. Для европейца Высоцкий – это никто иной как “русский муж Марины Влади” (Есенин, кстати, в западных изданиях для массового читателя обычно упоминается всего лишь как “русский муж Айседоры Дункан”).

Популярен в Корее и Виктор Цой, что и понятно – тут сказались его корейское происхождение. Любопытно, кстати, что корейцы почему-то воспринимают его довольно странно: как политического певца, борца против коммунизма, чуть ли не автора политических песен протеста (короче говоря, как своего рода Галича от рок-музыки). Песни Цоя звучат в Корее не очень часто, но вот само имя его известно неплохо, а несколько лет назад вышел даже роман, в котором он является главным героем.

Впрочем, список этот далеко не полон, в Корее неплохо известны и некоторые другие наши эстрадные певцы и музыканты. Такая вот любопытная и, во многом, исключительная ситуация. {с.449 – с.450}

Корейцы и Япония

Как мне не раз приходилось убеждаться, для большинства русских и японцы, и корейцы – почти что одно и то же. Помнится, несколько лет назад попалась мне на глаза в одной российской газете заметка о Сеуле, где было что-то сказано о “самурайском упорстве” корейцев. А между тем для корейцев уже само слово “самурай” – тяжёлое оскорбление, да и вообще сравнения своей страны с Японией (типа “подобно японцам, корейцы...”) они воспринимают, как правило, с обидой.

Вообще говоря, во всем мире отношения двух соседних народов редко бывают добрососедскими. Наличие общей границы само по себе существенно увеличивает шансы на возникновение территориальных споров, равно как и иных столкновений экономических, военных и политических интересов. Так что непростые отношения двух соседних держав – это скорее правило, чем исключение, и подтверждением этому служит история постоянных войн и взаимной неприязни, омрачающей или до недавнего времени омрачавшей связи Франции и Германии, Австрии и Италии, Вьетнама и Китая, России и Польши. Однако даже на этом фоне историю отношений Кореи и Японии трудно назвать простой.

С одной стороны, в культурном отношении и японцы и корейцы имеют немало общего. Оба народа примерно полтора тысячелетия назад оказались в сфере культурного влияния Китая, но смогли сохранить политическую независимость, не стать частью Поднебесной Империи. Японский и корейский языки состоят в родстве, хотя и довольно отдалённом (примерно в таком, как русский и английский {с.450 – с. 451}ский), и, вдобавок, чрезвычайно насыщены китайскими заимствованиями. Культурный обмен и торговля между двумя странами на протяжении веков была весьма интенсивной, в отдельные периоды в Японии жило немало корейцев, а в Корее – японцев. Однако сходство и традиционные связи не сделало Корею и Японию друзьями. Скорее, наоборот: история отношений двух стран была омрачена постоянными вооружёнными конфликтами. В начале XX века Япония смогла, справившись со своим главным соперником – Россией, на целых 35 лет превратить Корею в свою колонию.

Колониальный период был временем преследований национального языка и культуры, насильственной японизации. Преподавание на корейском языке, издание корейских газет и журналов на протяжении этих 35 лет или вовсе запрещалось, или всячески ограничивалось. Сотни тысяч корейцев были угнаны в Японию работать на шахты и стройки, или же были

мобилизованы в японскую армию. Корейцы были неполноправными гражданами, как правило, они не могли учиться в высших учебных заведениях, занимать руководящие посты (во всём Сеульском Университете, например, в 1945 году было только два корейских профессора). Поэтому нет ничего удивительного в том, что и сейчас всё японское вызывает у корейцев по меньшей мере настороженность, во многом подпитываемую и националистической пропагандой, которая не устает напоминать о реальных или мнимых преступлениях японцев и разнообразных подвигах, совершённых отцами-основателями нынешнего южнокорейского государства в борьбе против колонизаторов.

В Корею существуют официальные и очень жёсткие запреты на распространение в стране продукции японской массовой культуры. Например, прокат японских фильмов в Корею до 1998 года был категорически запрещен, и являлся уголовно наказуемым действием. Даже американские фильмы, в которых участвовало слишком много японских актёров, пробивали себе дорогу на корейский экран с немалым трудом и после немалых дискуссий. Нельзя было в Корею и распространять записи японской популярной музыки {с.451 – с.452}языки. Наконец, в самом престижном корейском вузе – Сеульском Государственном университете до самого недавнего времени не было кафедры японского языка, причём её отсутствие объяснялось всё теми же “принципиальными” соображениями.

В то же время реальная картина не так уж и проста. С течением времени уходят из жизни те корейцы, которые ещё помнят колониальное время и старые обиды. Для молодёжи всё это – уже почти что древняя история. Конечно, традиция жива, и о преступлениях колонизаторов напоминают новым поколениям корейцев и в школах, и в музеях. Однако время берёт своё. В конце концов, Япония – ближайший сосед и один из крупнейших торговых партнёров Кореи, источник многих жизненно важных технологий, страна с большим и активным корейским меньшинством. Хотя настороженное отношение к Японии – это реальность современной Кореи, в целом, как мне не раз казалось, корейский “анти-японизм” носит достаточно поверхностный характер. Наряду с отрицанием всего японского существует и интерес к японской культуре, уважение и некоторая зависть к экономическим успехам соседей. Не случайно, например, что те же записи японской поп-музыки, ввоз которых формально запрещён, в действительности широко распространялись в пиратских копиях и оказали очевидное влияние на современную корейскую музыку. Относится это и к фильмам, и к комиксам, и вообще ко всем явлениям массовой культуры. Именно поэтому в своём большинстве корейцы в 1998-2000 гг. поддержали усилия президента Ким Дэ-чжунга, направленные на улучшение отношений с Японией и, в частности, снятие многих ограничений на распространение в Корею японской массовой культуры.

Так что картина непроста, как, наверное, и всегда бывает в отношениях двух соседних стран. {с.452 – с.453}

Антиамериканизм по-сеульски

В советские времена южнокорейское правительство часто называли «американскими марионетками» - и, надо признать, доля правды в этом утверждении была. Действительно, правительство Ли Сын Мана, которое пришло к власти в Сеуле в 1948 г., состояло из проамериканских деятелей. Многие из них провели немало лет в эмиграции в США, окончили американские университеты и свободно владели английским. При том, что они были в первую очередь националистами, к США эти люди относились с немалой симпатией (что, впрочем, не мешало им манипулировать своими покровителями, доводя порою Вашингтон до белого каления). Их противниками выступали местные левые, тон среди которых в 1945-1950 гг. задавали коммунисты ортодоксально-сталинистского толка (и, разумеется, просоветской ориентации). На чьей стороне были тогда симпатии большинства – сказать сложно, но уже тот факт, что коммунистам удалось развернуть в стране массовое партизанское движение, говорит о том, что поддержка у них была, и достаточно массовая.

Однако Корейская война 1950-1953 гг. радикально изменила ситуацию. В ходе войны сначала почти вся территория страны была занята северянами, потом контроль почти над всей Кореей установили американо-южнокорейские силы, а в конце концов война

закончилась примерно там же, где и началась. Почти все корейские города по несколько раз переходили из рук в руки, и недовольные могли просто уйти с толпами беженцев, которые сопровождали отступающие армии. Большинство левых активистов просто покинуло ту часть Корейского полуострова, {с.453 – с.454} на которой установилась власть Сеула, и, наоборот, немало правых националистов пришло на Юг с Севера.

Кроме того, за время недолгой оккупации Южной Кореи, сами северокорейцы немало сделали для того, чтобы отвратить от себя местное население. Новые власти стали мобилизовывать население в армию и отправлять на фронт, воевать с другими корейцами, одетыми в форму лисынмановской армии. По своей эффективности военкоматы коммунистов существенно превосходили соответствующие лисынмановские учреждения, но едва ли это обстоятельство нравилось большинству мобилизуемых (впрочем, часть южан искренне симпатизировала коммунистам и вступала в их армию добровольно). В ходе спешно проведённой земельной реформы крестьяне получили землю, но особой радости им это не принесло: они были задавлены огромными налогами, которые обычно превосходили выплачиваемую ими ранее арендную плату. Однако наибольшее озлобление вызывали жестокие расправы над "реакционными элементами", в число которых попадали все, кто так или иначе сотрудничал с правительством Ли Сын-мана, множество мелких и мельчайших предпринимателей, и просто обыватели, так или иначе прогневавшие новую власть (а власть эта, надо сказать, была весьма вспыльчива). Во время частых отступлений разгрузка тюрем обеими сторонами обычно проводилась с помощью пулемётов, так что мало кто из задержанных "реакционных элементов" вернулся домой.

В результате после 1953 г. левое движение в Южной Корее прекратило свое существование, а американцы, военное вмешательство которых спасло Южную Корею от краха, стали восприниматься как спасители и защитники (кстати, наиболее пылкими проамериканскими симпатиями отличались многочисленные перебежчики с Севера). В первые послевоенные десятилетия ужасы войны и террора были ещё живы в памяти большинства корейцев, так что присутствие американских войск воспринималось тогда как гарантия того, что подобное больше не повторится. Наконец, американская экономическая помощь, особенно заметная до начала 1960-х годов, также способство {с.454 – с.455}вала росту проамериканских симпатий. Оппозиция продолжала существовать, но даже самые радикальные её течения оставались решительно антикоммунистическими и, следовательно, проамериканскими. Фактически, до конца 1970-х гг. Южная Корея была едва ли не самой проамериканской страной мира – речь при этом идёт не только о позиции официальных властей, но и о «мнении народном».

Немалую роль в этом играла и политика властей, которые решительно преследовали малейшие намёки на коммунистические или марксистские симпатии. В стране велась активная антикоммунистическая пропаганда, порою приобретающая совершенно истерический характер. Попытки распространения марксистской литературы и проявление любых симпатий к Северу карались беспощадно. Подобные меры временами использовались военными диктатурами в качестве дымовой завесы, прикрывавшей их собственные безобразия. Однако в целом такая жёсткость встречала понимание у корейцев, которые в те времена ещё хорошо помнили войну и кимирсеновскую оккупацию.

Такая ситуация сохранялась примерно до 1980 г., который стал поворотным моментом в современной южнокорейской истории. Именно тогда произошло возрождение южнокорейского левого движения и, соответственно, южнокорейского антиамериканизма. К тому времени в жизнь уже вступило новое поколение корейцев, которые знали о Корейской войне только из рассказов родителей. Север не вызывал у них былого безусловного отторжения, а вот постоянная антикоммунистическая истерия привела, как и можно было ожидать, к обратной реакции. К 1980 г. южнокорейская образованная молодёжь стала воспринимать антикоммунистическую пропаганду с примерно таким же раздражением, с которым их советские сверстники в те же самые времена воспринимали пропаганду коммунистическую. Неизвестный Север стал казаться меньшим злом, чем существующая в стране диктатура, за спиной которой явно стояли США (при том, что диктатура эта была, по

меркам Третьего мира, весьма либеральной – {с.455 – с.456} и исключительно успешной в экономическом отношении).

Молодёжь, выросшая в условиях относительного достатка, была склонна игнорировать беспрецедентные успехи южнокорейской экономики. Когда они говорили об уровне экономического развития Южной Кореи, точкой отсчёта им служили не голодные пятидесятые, которых они просто не помнили, и не сталинистский Север, нищете которого они всё чаще считали злокозненной выдумкой официальной пропаганды. Они сравнивали свою страну с США, Японией, других высокоразвитыми экономиками Запада. Понятно, что на этом фоне Южная Корея в 1980-е годы смотрелась довольно бледно, и пылкие диссиденты воспринимали это обстоятельство как явное доказательство того, что их страна находится в угнетённом и подчинённом положении. О том, что «под гнётом военных диктатур» и «неоколониальным игом» Корея развивалась быстрее, чем любое другое государство мира, оппозиционная молодёжь не задумывалась.

После того, как в 1980 г. правительственные войска при молчаливом согласии американцев жестоко подавили восстание в Кванджу, многие молодые корейцы стали воспринимать США как оплот диктатуры, враждебную и репрессивную силу.

В это время среди университетской молодежи всё большей популярностью стал пользоваться комплекс идей, известный как "идеи минчжун" (термин "минчжун" имеет устойчивые марксистские коннотации и означает "народные массы", которые в данном случае противопоставляются привилегированным слоям и элитам). "Идеология минчжун" представляла из себя смесь национализма, классического марксизма и всяческих пост-марксистских левых теорий. Её сторонники крайне враждебно относились к существующему режиму, а вот Север вызывал у них, по меньшей мере, интерес – если не прямую симпатию. Всё, что исходило от сеульских властей, отвергалось ими с порога, в то время как даже самая беспардонная пхеньянская пропаганда воспринималось как нечто, требующее глубокого и вдумчивого изучения. {с.456 – с.457}

Левые националисты считали, что раскол страны на Север и Юг считался исходной причиной всех проблем Кореи – как вполне реальных, так и выдуманных минчжуновцами (только они, например, могли всерьёз считать Южную Корею "развивающейся страной, находящейся в неоколониальной зависимости"!)). При этом единственными виновниками раскола объявлялись США, которые, дескать, в 1945-1948 гг. установили на Юге "марионеточный режим". Доля истины в таких утверждениях имела, но при этом о роли Северной Кореи и, тем более, СССР в расколе страны речи просто не шло. Таким образом, возникало простое и убедительное (хотя и не имеющее особого отношения к действительности) уравнение: "проблемы Кореи – результат раскола, а раскол – результат действий США".

Разумеется, корейцев раздражало американское военное присутствие и всё, что с этим присутствием связано – в первую очередь проституция и дебоши американских солдат. В действительности количество таких инцидентов в 1980-е гг. было существенно меньше, чем в более ранние времена. Однако в 1960-е гг. не только власти, но и простые корейцы были готовы закрывать на эти проблемы глаза, считая их неизбежной и не очень большой платой за защиту от новой войны. Молодёжь 1980-х гг. в угрозу с Севера верила куда меньше (или не верила совсем), и относилась к американскому присутствию куда менее терпимо. Немалую роль в новом отношении к США сыграло и снижение реальной экономической зависимости Южной Кореи. Времена мешков с американской гуманитарной помощью ушли в прошлое и были благополучно забыты.

В 1980-е гг. "идеология минчжун" пользовалась популярностью почти исключительно среди студенческих активистов и радикальных профсоюзных лидеров. Эти группы были весьма малочисленными, и могли бы показаться маргинальными, если бы не два обстоятельства.

Во-первых, радикализм студенческих активистов сделал их важным элементом оппозиционного движения. Военные ушли от власти в 1987 г., после серии массовых демонстраций, вызванных попыткой генералов в очередной раз продлить своё правление. В отдельные дни в июне 1987 г. на улицы Сеула выходило более миллиона человек! Столь массовыми эти демонстрации сделало участие среднего класса, а общее руководство движением взяли на себя уже далеко не молодые и не слишком радикальные лидеры оппозиции. Однако студенческие активисты всегда играли роль катализатора, так что их реальное влияние на оппозиционное движение было куда большим, чем можно было бы подумать, исходя из их численности. Корейское диссидентство было по преимуществу левым, а марксизм и антиамериканизм стали в Корее важными компонентами демократического движения.

Во-вторых, 1980-е гг. были временем беспрецедентного расширения высшего образования в Корее. К тому времени университетский диплом стал пропуском в средний класс, и через вузы проходила примерно треть всей молодёжи. В то же время уровень политизации корейских университетов в 1985-1995 гг., пожалуй, не имел аналогов в мире. Участие во всякого рода демонстрациях, чтение запрещённой литературы, забастовки и потасовки с полицией (состоящей, кстати, в основном из тех же студентов, которые служили там срочную службу) – всё это стало восприниматься как неотъемлемая часть вольной студенческой жизни. При этом, в отличие от куда менее политизированных западных университетов, у южнокорейских студентов не было особого выбора: в университетских кампусах действовали *только* левые организации. Правые силы своих студенческих организаций в кампусах создать не смогли, да, кажется, и не пытались. Студенческая политика в Южной Корее по определению была левой, и, значит, тесно связанной с антиамериканскими идеями.

Формальное установление в стране гражданского правления в 1987-1988 гг. мало повлияло на ситуацию в университетах. Основная масса населения, добившись ухода генералов от власти, вернулась к нормальной жизни, но лево-националистические радикалы сохранили своё влияние в кампусах. {с.458 – с.459}

В своё время многим, включая и автора этих строк, казалось, что после 1987-1988 гг. студенческий радикализм превратился в некую игру, которая не будет оказывать серьёзного влияния на жизнь страны. Действительно, отдав пару лет «игре в политику», молодёжь обычно теряла к ней интерес незадолго до выпуска. Молодые люди приступали к поискам работы, а девушки – кандидата в мужья (впрочем, с течением времени рабочие места во всё большей степени стали интересовать и барышень). После окончания университета бывшие ниспровергатели всего и вся, почитатели Троцкого, (Николая) Островского и Грамши с Альтюссером немедленно становились обычными добропорядочными служащими и скромными домохозяйками, казалось бы, очень далёкими от всякого революционаризма.

Однако в последние годы стало ясно, что ситуация куда сложнее, чем казалось в 1990 или даже в 1995 г. Студенческая политическая активность и просто идейная обработка, через которую вот уже 15-20 лет проходит практически весь корейский средний класс, оставили-таки свой след. Идеи студенческих времён, пусть и в неявной форме, продолжали оказывать влияние на взгляды тех корейцев, которые когда-то участвовали в, казалось бы, игровой «политической борьбе». При этом антиамериканизм является, по-видимому, одним из самых стойких компонентов «левого комплекса» – возможно, из-за того, что он тесно связан с национализмом, столь влиятельным в Корее.

Кроме того, значительная часть бывших активистов движения «минчжун» и прочих университетских бунтарей отправилась в аспирантуру, защитила диссертации, занялась журналистикой и писательством. В результате корейский интеллектуальный мир стал стремительно леветь – и становиться всё более антиамериканским.

В результате событий последних двух десятилетий Южная Корея стала политически расколотым обществом. Правда, экономические успехи и продолжающийся стремительный рост уровня жизни не очень-то способствуют жёсткой политической конфронтации, однако

деление на два лагеря ощутимо. С одной стороны, в стране действуют {с.459 – с.460}ют левые, которые предпочитают именовать себя "прогрессивными силами". Для них характерно подозрительное отношение к крупным концернам ("чэболь"), требования ввести в Корею систему социальных гарантий западноевропейского образца, резкое неприятие наследия военных диктатур, которое парадоксальным образом сочетается с симпатиями к несравнимо более жестокой диктатуре Кимов в Северной Корее. Градус этих симпатий может быть довольно разным, хотя до полного обожания Великого Вождя и наивной веры в "социалистическое процветание" Севера в наше время дело доходит редко. Куда чаще левые замалчивают ту негативную информацию, что поступает из Пхеньяна. Показательно, что левая печать – в первую очередь "Хангере синмун", официоз левого движения – практически ничего не пишет о северокорейских концентрационных лагерях или о связанных с Пхеньяном политических скандалах. Если замолчать события невозможно, то левые журналисты ограничиваются короткими информационными заметками. Антиамериканизм является одной из самых заметных составляющих этого идеологического пакета. Даже проблемы КНДР южнокорейские левые объясняют происками американцев, в первую очередь – американским эмбарго, официальным запретом на торговлю с Северной Кореей (как будто бы Северной Корее было бы чем платить за американские товары, если бы никаких ограничений на торговлю не существовало!).

С другой стороны, в стране активны правые (или "консерваторы"), которые являются сторонниками свободного рынка и решительными противниками Севера. Именно правые издания сейчас печатают материалы о северокорейских лагерях, публичных расстрелах и прочих – вполне предсказуемых – ужасах пхеньянского режима. Традиционно правые относились к Америке с симпатией, но не были безусловными поклонниками США (для этого они слишком националистичны). Однако в последние годы, в пылу полемики с левыми, консерваторы занимают всё более активную проамериканскую позицию. Правые газеты порою печатают такие панегирики в честь аме {с.460 – с.461}риканских "солдат-освободителей", которые по своей стилистике весьма напоминают те публикации в честь Советской Армии, что появлялись в официальной печати Болгарии или ГДР где-нибудь в 1980 г.

При этом южнокорейские левые и южнокорейские правые не имеют каких-то стабильных партийных структур. Корейские партии редко умудряются просуществовать дольше одного президентского срока. Куда большую роль в структурировании обоих лагерей играет пресса, симпатии которой весьма стабильны (о чём уже писалось), а также личности нескольких наиболее известных и харизматических политиков, журналистов и профессоров (отношение к интеллигенции в конфуцианской Корее – самое трепетное).

Как в очередной раз продемонстрировали последние президентские выборы в декабре 2002 г., силы обоих лагерей примерно равны. Однако линия раздела между ними, в общем и целом, возрастная: левые – это в основном те, кто моложе 40-45. Похоже, университетская "игра в политику" оказалась не совсем игрой. Именно молодые избиратели привели к власти администрацию президента Но Му-хёна, самую левую – и самую антиамериканскую – в истории страны. Но Му-хён ещё в начале 1990-х гг. выступал за полный вывод американских войск из страны. Сейчас он, как считается официально, изменил свою позицию по данному вопросу, однако общий настрой его правительства очевиден.

В последние годы появились и дополнительные обстоятельства, которые способствуют росту антиамериканизма. Во многом они связаны с Северной Кореей. Жёсткий американский подход к Пхеньяну вызывает в Сеуле беспокойство. Во-первых, корейцы элементарно боятся вооружённого конфликта, резонно считая, что в любом случае от войны в первую очередь пострадают именно они. Во-вторых, в Сеуле на всех уровнях куда менее склонны считать Север источником угрозы. Немалую роль играет и выработавшаяся за полвека привычка к опасному соседству, но на левом, антиамериканском, фланге это спокойствие во многом питается тем же самым национализмом – наив {с.461 – с.462}ной уверенностью, что "корейцы не будут применять ядерное оружие против корейцев" (воистину, уроки кровавого лета 1950 г. забыты основательно!). Поэтому американский подход вызывает беспокойство и раздражение. Левым Вашингтон кажется более "чужим", чем Пхеньян (как говорят в

Сеуле: "американцы нам, возможно, и друзья, но северокорейцы нам братья!"). Позиция, конечно, наивная, чтобы не выразиться жёстче, однако весьма и весьма типичная. Некоторые из левых националистов идут дальше и считают, что ядерные проекты Пхеньяна, по сути, не такая уж плохая вещь: против своих корейских братьев северяне его всё равно применять не будут, а когда Корея рано или поздно объединится, она получит в своё распоряжение ядерное оружие!

Поскольку Север не воспринимается новым поколением корейцев как серьёзная угроза, то они не видят и особой нужды в военном союзе с США, который на левом фланге вообще часто считают оккупацией. Динамика настроений очевидна. В 1999 г. 89% опрошенных выступали за сохранение союза. В 2002 г. сторонниками союза с США назвали себя всего лишь 56% корейцев.

Никуда не делись и иные источники проблем: американское военное присутствие, внешнеторговые конфликты. Например, самый крупный за последние годы взрыв антиамериканских настроений был вызван гибелью двух корейских девочек, которые в июне 2002 г. попали под колеса американской бронемашины в окрестностях Сеула. Поскольку по действующим соглашениям американские военные неподсудны корейскому суду, они предстали перед судом американским, который их, конечно же, оправдал. Следствием стали беспрецедентные по своему размаху антиамериканские демонстрации, в которых участвовало до 100 тысяч человек. В ответ правые провели достаточно массовые проамериканские демонстрации, однако даже на первый взгляд было видно, что это были выступления "тех, кому за 40"...

Однако главные причины антиамериканизма не связаны с подобными инцидентами. Причины эти очевидны: рост уверенности в своих силах, усиливающийся национализм, а также исторически сложившаяся связь между антиамериканизмом и идеологией т.н. «прогрессивных сил», которым просто по демографическим причинам принадлежит будущее (по крайней мере, ближайшее).

Означает ли это, что американским войскам в обозримом будущем придётся укладывать чемоданы? Вполне возможно. Я даже подозреваю, что многие российские читатели не очень-то расстроены такой перспективой. В последнее десятилетие Россия тоже перешла от массового обожания американцев к массовому неприятию США (оба чувства, замечу, отражают не столько реальность, сколько мифы и эмоции россиян). Однако я бы не стал слишком бурно радоваться по поводу всё более реальных перспектив вывода американских войск и утраты американского влияния в Корее. Дело в том, что американское присутствие в последние 10-15 лет направлено не столько на предотвращение северокорейского нападения, сколько на сдерживание стремительно растущего Китая. Того самого Китая, который, в отличие от Америки, является соседом России, и у которого к Российской Федерации есть старые территориальные претензии.

Мало кто в опьянённой своими успехами Корее понимает, что в дальней перспективе стране придётся выбирать, в чьей сфере влияния ей лучше находится – в американской или в китайской. Выбор этот далеко не очевиден. По крайней мере, в последние годы Китай в Корее куда более популярен, чем Америка. По зрелом размышлении (и внимательном ознакомлении с политической картой мира) я бы не советовал россиянам злорадствовать по поводу антиамериканских настроений в Сеуле... {с.463 – с.464}

Два источника и две составные части корейского национализма.

Рождение идеологии

Одна из особенностей современной Южной (да, впрочем, и Северной) Кореи – это исключительное влияние разного рода националистических идей на политическую и культурную жизнь страны. Националистические элементы ощутимо присутствуют в любой из распространенных в современной Корее идеологий и во многом определяют мировоззрение рядового корейца.

Корейский национализм не един. Он существует в двух формах: национализм левый и национализм правый. История противостояния этих двух направлений уходит в давнее прошлое.

Еще в 1920-е годы корейское антиколониальное движение раскололось на два лагеря: на правых, которые ориентировались в основном на Америку и гоминьдановский Китай, и на левых, идеалом которых была Москва и, отчасти, Яньань, штаб-квартира китайских коммунистов. В 1919 г. в Шанхае было создано корейское правительство в изгнании. Поначалу оно было коалиционным, но со временем оказалось под полным контролем правых (а позднее – и под покровительством Вашингтона). Основой идеологии «шанхайцев» был национализм, корни которого отчасти уходили в конфуцианский традиционализм старой корейской элиты, а отчасти – в наспех усвоенные европейские идеи. Поскольку члены правительства в изгнании были не слишком-то загружены государственной деятельностью, они активно занимались деятельностью идеологической, и в результате к началу сороковых годов со {с.464 – с.465}здали законченную систему националистических мифов и стереотипов.

После 1945 г. именно шанхайское правительство в изгнании стало основой правительства Республики Корея, а его идеология естественным образом превратилась в государственную. Национализм остался ее важнейшим элементом, хотя в условиях соперничества двух Корей он был существенно разбавлен антикоммунизмом.

Левые же тем временем занялись государственным строительством на Севере, где они при советской поддержке пришли к власти в 1945-1948 гг. На Юге влияние левых после Корейской войны было небольшим. Сказывались тут и драконовские антикоммунистические законы, и иные факторы, о которых сейчас нет времени говорить. Фактически левое движение в Южной Корее прекратило свое существование в середине пятидесятых и возродилось только на рубеже восьмидесятых, когда хватка диктатуры стала слабеть. К середине восьмидесятых левые симпатии были для молодого сеульского интеллигента так же обязательны, как диссидентство того или иного градуса – для интеллигента московского.

В результате молодая профессура начала леветь, а доминирующей методологией стала смесь неомарксизма (Грамши-Альтюссер) с новейшей французской философией (Фуко, Бодрийяр и прочая деррида) и, конечно же, с новым, модифицированным вариантом корейского национализма.

Идеология возрожденных корейских левых изначально носила националистический характер. Идеологи движения «минчжун» («народные массы») были, во-первых, националистами, а уже во-вторых – марксистами или неомарксистами. Корейский левый национализм также унаследовал многие мифы национализма правого, хотя и переставив в них акценты. Не обошелся он, конечно, и без создания своих собственных мифов.

Для правых националистов характерна ориентация на элитарную конфуцианскую традицию. Это и не удивительно – их отцы-основатели когда-то (столетие назад) сами вышли из рядов конфуцианских ученых-чиновников. Дру {с.465 – с.466}гая особенность правого национализма – его государственничество, ориентация на сильную власть и всё, что с ней связано и её символизирует. Левые же, наоборот, считают, что «истинная» корейская традиция связана не с культурой китаизированных конфуцианских верхов, а с культурой и бытом крестьянских низов, тех самых «народных масс» (минчжун).

Условно говоря, для правых националистов символом «славного прошлого» является дворянин-янбан, который сидит на веранде своей усадьбы над философским трактатом, и размышляет при этом о чем-нибудь высоком – вроде соотношения начала «ли» и начала «ци». Для левых националистов «славное прошлое», скорее, воплощают мужики, неистово пляшущие на деревенской площади, или же шаманка, занятая своим камланием.

Однако эти расхождения носят, скажем так, стилистический характер. Разумеется, есть между двумя направлениями и расхождения политические. Правый истеблишмент стремится сохранить неплохие отношения с США. Это, впрочем, не мешает манипулировать заокеанским союзником, а время от времени – и заявлять о моральном и интеллектуальном превосходстве корейцев над «Западом» (под которым имеются в виду именно США). Левые же националисты с самого начала включили «американский империализм» в число главных своих врагов.

Однако в целом обе ветви корейского национализма, несмотря на их постоянную и ожесточенную полемику, на сторонний взгляд выглядят на удивление похоже. Различия касаются, скорее, стиля, деталей и некоторых вопросов политической тактики.

В результате в современной Южной Корее создалась ситуация, когда национализм является неизбежным составляющим любого «идеологического пакета». При всех разногласиях, и корейские левые, и корейские правые, и корейские центристы являются националистами, причем националистами, по европейским меркам, весьма и весьма радикальными. Это не означает, что в Корее совсем нет критиков националистического дискурса. Они есть, но представляют они только самих себя. {с.466 – с.467}

В то же время, есть и факторы, которые делают корейский национализм менее «токсичным», менее ощутимым для не-корейцев.

Во-первых, все «традиционные враги» корейских националистов находятся за пределами страны (и, по большому счету, за пределами досягаемости). Главными злодеями в корейском националистическом нарративе являются японцы. Для левых в роли «злодеев» выступают также американцы и «Запад» в широком понимании (Россия в этот «Запад», в общем, входит, но заметной роли в нем не играет). Понятно, что никакого существенного вреда ни японцам, ни американцам корейские националисты причинить не могут – они не в состоянии даже всерьез им досадить.

«Внутреннего врага» корейские националисты не имеют. Корея является однонациональной страной, в которой нет национальных меньшинств. Единственным исключением является небольшая китайская община. Ее члены в последние десятилетия подвергались серьезной дискриминации и были в конце концов «выдавлены» из Кореи (за последние 40 лет численность китайской общины за счет эмиграции сократилась в пять раз, со 100 до 20 тысяч человек). Однако при всем желании корейские националисты не могли объявить местных китайцев – малочисленных, бедных и малообразованных – серьезным «внутренним врагом».

Другим смягчающим фактором являются тесные связи между корейской элитой и США. В настоящее время за границей обучается около 150 тысяч южнокорейских студентов. Большинство из них находится в США и иных развитых странах Запада. Очень заметная часть южнокорейской деловой, интеллектуальной и политической верхушки училась или стажировалась на Западе. Эти люди не выступают против националистических мифов открыто – во-первых, это опасно для их собственной карьеры, а, во-вторых, сами эти мифы, глубоко укоренившиеся в массовом сознании, по большому счету, выгодны истеблишменту. Однако выпускник Гарварда или Принстона, как правило, не может искренне верить в те байки, которые рассказывают ко {с.467 – с.468} корейские националисты – даже если он считает за благо не обсуждать подобные вопросы публично.

Корея – родина слонов

Реинтерпретация и фальсификация истории – важная часть любого национализма. Корейский – не исключение. При это националистические концепции истории на удивление неоригинальны. Националисты повторяют друг друга, сами о том, как правило, не подозревая. Исторические мифы корейского национализма достаточно стандартны и во многом напоминают мифы национализма российского.

Миф об исключительной древности этноса. Все корейцы хорошо знакомы с формулой «пятитысячелетняя история Кореи». Формула эта давно уже стала стандартной, и воспроизводится совершенно автоматически. Любой кореец *знает*, что история его страны началась пять тысяч лет назад.

В действительности, первые протокорейские государства возникли лишь в III-IV вв. н.э., то есть чуть более полутора тысяч лет назад. Если считать протокорейским и государство Древний Чосон (предположение отчасти обоснованное, но всё-таки недоказанное, так как никаких этнолингвистических данных о Древнем Чосоне не сохранилось), то его историю корейской государственности можно удлинить ещё лет на 700. Однако «пять тысяч лет» не получается никак.

Откуда же взялась эта цифра? Из позднего и, по сути, апокрифического сочинения XII века, в котором содержится древнекорейский миф о Тангуне. В соответствии с этим мифом, Хванун, сын Небесного Владыки, спустился на землю, где женился на медведице, чудесным образом превращенной в женщину. Их сын, Тангун, и стал первым правителем государства Чосон. В результате довольно сомнительных расчётов, которые опирались на китайскую хронологию, было решено, что восшествие Тангуна на престол произошло в 2333 г. до н.э.

На рубеже XX века миф о Тангуне был взят на вооружение ранними националистами. Спуск Хвануна с неба, бра {с.468 – с.469}косочетание с медведицей и прочие чудесные превращения, конечно же, не принимались совсем всерьёз, но вот дата 2333 г. до н.э. стала аксиомой. Цифра «5000 лет» понравилась корейским националистам – в том числе и потому, что она ровно в два раза превосходила официально признанный (и тоже совершенно фантастический) возраст японской монархии, которой, по её собственному мнению, исполнилось две с половиной тысячи лет. Теперь корейские националисты могли отвечать супостатам: «Итак, у Вас, япошек, две с половиной тысячи лет истории? А у нас пять!!!»

После 1945 г. миф стал восприниматься как непреложный факт. Мне как-то попалось на глаза рекламное объявление: «Мы, жители страны с пятитысячелетней историей, должны знать Китай – страну с трехтысячелетней историей!» В учебнике корейского языка, предназначенном для российских корейцев, кроха-сын говорит отцу: «У России – тысячелетняя история». Папа (русский кореец) на это немедленно отвечает «А у Кореи – пятитысячелетняя». Ну-ну...

Автохтонность и империя. Большинство националистических «историков» стремятся доказать автохтонность своего этноса, его якобы «извечное» присутствие на нынешней территории. Правда, эти претензии часто вступают в противоречие не только с фактами (настоящий националистический историк о фактах не заботится по определению), сколько с другим инстинктивным импульсом националиста – желанием доказать, что его народ в давние времена управлял гигантскими территориями и был повелителем огромной империи. Читая националистические сочинения, удивляешься – насколько же больше все страны мира были в прошлом. И как они только на планете все умещались?

В отношении к автохтонности северокорейские и южнокорейские националисты пошли разными дорогами. В КНДР давно объявлено, что Корея – одна из колыбелей человечества, и что корейцы всегда жили там, где живут сейчас. Любые попытки изучать родственные связи корейского языка находятся в Северной Корее под строжайшим запретом. Родственников у

корейского языка быть не может по определению, и сомневаться в этом – тяжкое политическое преступление.

В Южной Корее, наоборот, националисты с восторгом восприняли выводы лингвистов, которым в последние десятилетия удалось окончательно доказать отдаленное родство корейского и алтайских языков. Причина этого энтузиазма понятна: широкие родственные связи дают основания для имперских притязаний такого масштаба, о котором в «доалтайскую» эпоху националисты и не мечтали.

Характерный (и типичный) пример таких построений – книга Кеннета Ли, недавно вышедшая в США. В ней автор именуется корейцами все алтайские народы Дальнего Востока – чжурчженей, тунгусов, киданей. В своей книге Ли именуется «корейским племенем» и маньчжур (подгруппа корейского племени тунгусов), так что Цинская империя у него становится, по сути, корейской (можно представить, как удивились бы такому открытию сами маньчжуры, отношения которых с Кореей были, скажем так, не идеальны). Такой подход – очень популярный среди националистов – позволяет объявить «корейскими» все кочевые империи Дальнего Востока.

Некоторые ультра-националисты идут дальше, утверждая, что в глубокой древности вся территория Восточной Азии находилась под властью корейских владык, и что именно корейцы принесли цивилизацию в Китай, изобрели иероглифическую письменность и т.д., и т.п. Однако подобные построения, всё-таки, носят экстремистский характер, а здесь мы стараемся ограничиваться только национализмом «респектабельным», не сбиваясь на корейские аналоги общества «Память».

Территориальные притязания. Трудно представить националиста, который бы не считал, что «по справедливости» его страна должна занимать несколько большую площадь. Корейский национализм – не исключение.

Основные территориальные претензии корейского национализма связаны с событиями I тыс. н.э., о которых следует вкратце рассказать. В IV-VII вв. на территории Корейского полуострова существовало три соперничающих княжества. Одно из них – Когурё – занимало и значительную {с.470 – с.471} часть нынешнего северо-восточного Китая, Манчжурии. В ходе неудачных войн с Китаем Когурё было оттеснено на юг, на территорию Корейского полуострова, а в конце VII в. княжество прекратило свое существование под ударами войск княжества Силла и армий китайской Империи Тан. Его территорию поделили между собой победители. Однако часть когурёсской элиты приняла активное участие в создании государства Бохай, которое существовало в Манчжурии (и, частично, на территории российского Дальнего Востока) в VIII-X веках. По-видимому, когурёсцами было большинство правящей элиты Бохая, включая и царствующую династию, хотя среди населения в целом они составляли меньшинство.

Дополнительную пикантность ситуации придает то, что корейские националисты не испытывают ни малейших сомнений по поводу «корейскости» княжества Когурё. В то же самое время, известные нам несколько сотен когурёсских слов не имеют отношения к корейскому языку. На основании этих слов когурёсский можно уверенно считать одним из родственников (или даже диалектов)... древнеяпонского. В этом нет ничего удивительного: во время своего продвижения на архипелаг протояпонцы двигались через Корейский полуостров, и на его территории неизбежно должны были существовать анклавные, этнически родственные протояпонцам. Одним из таких анклавов (то ли следствием протояпонского «броска на восток», то ли его базой) и было Когурё.

Легко догадаться, что для корейских националистов Манчжурия – некогда часть Когурё – является «утраченной» корейской землей. «Утраченными» считаются и земли Бохая. Первыми с такими заявлениями выступил известный националистический публицист Ан Чхон. Однако особый размах эти заявления приобрели в последние годы, после выхода в 1990 г. в свет его книги «Маньчжурия – наша земля». ¹ Этот пятисотстраничный том стал в Корее бестселлером и выдержал несколько переизданий. {с.471 – с.472}

Конечно, никто из корейских националистов не призывает к немедленной войне с Китаем за «возвращение» Манчжурии. Речь идет о другом – о необходимости копить силы. Один такой мечтатель написал в 1993 году: «Мы должны наращивать нашу мощь. Мы должны не снижать темпов экономического роста. И тогда мы все вместе вернем нашу землю, нашу Манчжурию».

Иногда возникают совершенно странные гибриды национализма левого и правого. В 2003 г. вышла книга, автор которой (по взглядам – левый националист) рассуждает на тему, какой должна быть милая его сердцу Корея будущего. В книге соседствуют две главы. В одной он сообщает, что будущая Корея должна представлять собой «нейтральное, безъядерное государство». Что же, в южнокорейских условиях это – слегка скрытое требование вывода американских войск, совершенно стандартное для левого идеологического пакета. Однако в следующей главе сей мыслитель рассуждает о том, что Корея не может смириться с потерей исконной Маньчжурской земли, и должна вернуть её себе. О том, что требование нейтральности и безъядерности как-то плохо сочетается с серьезнейшими территориальными претензиями к соседней великой державе, автор не задумывается (впрочем, с логикой у корейских левых проблемы старые и серьезные).

Замалчивание иностранных влияний. И в этом отношении корейский национализм не оригинален. Ирония ситуации заключается в том, что мало найдётся на планете стран, которые бы подвергались такому постоянному и мощному иностранному влиянию как Корея. Достаточно сказать, что в типичном газетно-журнальном тексте примерно 80% всех слов являются китайскими заимствованиями (в большинстве языков процент заимствований ниже во много раз). Источником влияния не протяжении большей части корейской истории был Китай, а в последнее столетие – Япония и США. Тем не менее, все упоминания об иностранном влиянии удаляются из националистической корейской истории. В националистическом дискурсе Корея неизменно предстает источником влияния на соседей. {с.472 – с.473}

Показательны изменения в трактовке истории китайских префектур, существовавших на территории Кореи на рубеже нашей эры. Продолжительная китайская оккупация стала поворотным моментом в корейской истории. Именно тогда Корея была окончательно включена в дальневосточную («конфуцианскую») цивилизацию, к которой она принадлежала последующие два тысячелетия, а во многом принадлежит и сейчас. Еще в 1960-е годы в учебниках истории этому периоду посвящалась целая глава. Потом этот раздел был сокращен до нескольких параграфов, а еще позднее – до пары абзацев. Впрочем, в Северной Корее не признают даже самого факта существования китайских префектур.

Корейские националистические историки подробнейшим образом описывают, как в середине I тыс. н.э. корейские ученые, миссионеры и ремесленники принесли цивилизацию в Японию. При этом они стараются не привлекать внимания к тому обстоятельству, что «цивилизация», о которой идет речь, являлась *китайской*: корейцы учили японцев *китайской* иероглифике, *китайской* философии, *китайским* технологиям, которые они сами усвоили несколькими веками ранее.

В то же самое время сказать что-либо позитивное о японском влиянии на Корею в колониальные времена сейчас равносильно академическому или политическому самоубийству – несмотря не то, что в общем и целом вся «технология» жизни корейского общества по-прежнему устроена по японскому образцу. Японскими остаются принципы менеджмента, организация транспорта, форменная одежда, стиль изложения материала в научных статьях, методика проведения археологических раскопок, стиль официальных бланков, архитектура универмагов и многое, многое другое. Однако эти связи – совершенно очевидные для иностранца – в самой Корее либо замалчиваются, либо с гневом отрицаются.

Корейский национализм интересен тем, что он достаточно четко направлен против одной страны – Японии, {с.473 – с.474} ближайшей соседки Кореи. Вызвано это тремя обстоятельствами.

Во-первых, японский колониальный режим был, скажем прямо, одним из самых жестоких во всей истории прошлого столетия. Хотя многие из рассказов о его преступлениях и являются пропагандистскими страшилками, японцы совершили немало вполне реальных преступлений. Вдобавок, они не скрывали своего презрения к корейцам, которых воспринимали как людей низшего сорта.

Во-вторых, корейский национализм формировался в кругах эмигрантской антиколониальной (то есть антияпонской) интеллигенции. Для деятелей шанхайского правительства в изгнании Япония была главным врагом, и поэтому разработанная ими идеология и мифология, весь националистический нарратив, был направлен на посрамление и разоблачение надменного восточного соседа.

Во-третьих, в послевоенной Корее выбор Японии на роль «врага №1» был, бесспорно, логичен и с точки зрения политической прагматики. «Врагом №1» не могли стать США – главный спонсор нового режима. На эту роль не годилась и Россия-СССР, отношений с которой у Кореи на протяжении большей части ее истории попросту не было. Не подходил и Китай, в котором у власти стоял (относительно) дружественный гоминьдан.

Сотни томов можно заполнить теми обвинениями, которые выдвигают корейские националисты против своих восточных соседей. Некоторые из этих обвинений вполне обоснованы, некоторые – фальсифицированы, некоторые – просто комичны. Ограничусь здесь лишь несколькими примерами – случайными, но, надеюсь, характерными.

Вот – неплохая научная статья об истории медицинского обслуживания в Корее. Автор начинает ее с традиционных антияпонских инвектив, без которых не обходится сейчас ни один корейский историк. Он утверждает, что «состояние здоровья корейцев в период японского колониального управления было очень плохим, средняя продолжительность жизни составляла 22,6 лет для мужчин и {с.474 – с.475} 24,6 лет для женщин». ⁱⁱ Человек, знакомый с корейской исторической демографией, не может не улыбнуться, прочтя этот пассаж. Дело в том, что эти цифры относятся к 1910 г., то есть году *установления* японского колониального режима. Понятно, что цифры эти в действительности отражают ситуацию, существовавшую в *независимой, доколониальной* Корее. Кстати, когда японцы покидали Корею, продолжительность жизни была другой – 43 года у мужчин, 44 года у женщин. За 35 лет колониального рабства средняя продолжительность жизни выросла почти в два раза (главным образом, за счет внедрения водопровода, канализации и проведения простейших гигиенических мероприятий).

Даже, казалось бы, политически нейтральные действия японской администрации неприменно интерпретируются как проявление зловещих планов. Так, в краеведческой книге по истории колониального Сеула, глава о Сеульском вокзале озаглавлена «Сеульский вокзал – точка отсчета для [японской] агрессии на континенте». В другой – весьма интересной – книге по истории сеульской архитектуры раздел, посвященный зданиям тридцатых годов, назван ещё красноречивее: «Банки и универмаги – плацдарм экономического ограбления!»

В последнее десятилетие в Корее идет кампания по уничтожению японского архитектурного наследия. Здания, которые были построены в 1910-1945 гг. (по определению, японскими архитекторами) сносятся во имя «чистоты облика *корейской* столицы». Этот процесс сопровождается бурным ликованием прессы и большинства населения. Так, в августе 1995 года, по случаю 50-летия освобождения страны, было торжественно снесено бывшее здание Генерал-губернаторства. Защитников национальной чистоты не остановило даже то, что именно в этом здании 15 августа 1948 года была официально провозглашена Республика Корея. Снос был обставлен как национальный {с.475 – с.476} праздник, как

очередной триумф над злобными колонизаторами. В целом национально-архитектурная чистка идет успешно: сейчас в Сеуле практически не осталось зданий, возведенных в 1910-1945 годах!

Автор этих строк является членом редколлегии «Сеульского вестника» - ежемесячного издания, которое выходит в Сеуле с 1997 г. (и, вопреки всем законам экономики, не разоряется).ⁱⁱⁱ Не так давно наше скромное издание вызвало неудовольствие южнокорейского МИДа, с сотрудниками которого пришлось объясняться довольно долго. Что обидело дипломатов? По недосмотру корректора на карте, помещенной в одном из номеров газеты, водная гладь к востоку от Корейского полуострова была названа так, как ее именуют на российских (и иных некорейских) картах – Японским морем. Однако корейское правительство уже давно ведет активную кампанию за возвращение морю исторически правильное название. Полагаю, что читатели уже догадались: таким названием должно стать «Восточно-корейское море». Южная Корея сейчас отказывается принимать участие в международных конференциях, если в их названии фигурирует «неправильное» наименование этого водоема. Южнокорейские газеты всех направлений уделяют огромное влияние перипетиям этой борьбы (комизма которой, кажется, не замечает никто)

Реальные и вымышленные недостатки японской и американской культур противопоставляются культуре корейской. Самых корейцев националисты считают – конечно же! – «мирными», «простыми», «наивными», «эмоциональными», «отзывчивыми». Именно в этом – сила корейцев, но в этом же и их слабость: ведь коварные и рассчетливые японцы, американцы, русские и прочие иностранцы так {с.476 – с.477} ловко пользуются врожденной корейской наивностью и добросердечием.

До недавнего времени в Корее действовали официальные запреты на распространение японской массовой культуры, которые были существенно ослаблены только в последние годы. Прокат японских фильмов в корейских кинотеатрах был официально запрещен. Нельзя было продавать в Корее японские комиксы, а корейским радиостанциям запрещалось транслировать японскую поп-музыку (впрочем, это не мешало корейским композиторам активно копировать японские мелодии). В самом престижном университете страны – Сеульском Государственном – не было кафедры японского языка, которую там не открывали по принципиальным соображениям.

Хотя главный враг левого национализма – это «американский империализм», левые тоже не забывают о японской (точнее, антияпонской) тематике. Отчасти это вызвано традициями, а отчасти – политическими расчётами. Дело в том, что в 1945-1950 гг. оба корейских режима столкнулись с острой нехваткой кадров. Количество образованных корейцев было тогда ничтожным – в 30-миллионной стране только 4-5 тысяч человек имели высшее образование. В Северной Корее проблему решили за счет «импорта» образованных корейцев из СССР и Китая. В Южной Корее такое решение было невозможным, ведь в США в те времена почти не было образованных корейцев. В этих условиях Ли Сын Ман стал активно брать на службу коллаборационистов, то есть тех корейцев, которые до этого работали в японских колониальных учреждениях (все это сопровождалось активной антияпонской риторикой). Бывшие японские капитаны и майоры становились корейскими генералами, а бывшие чиновники колониальных канцелярий переходили – с существенным повышением – в министерские канцелярии нового правительства. Речь, конечно, шла только об этнических корейцах. Никто, разумеется, не трогал и крупных капиталистов – при том, что все заметные состояния в колониальной Корее были сделаны под покровительством японской администрации. {с.477 – с.478}

Подобная политика привела к тому, что многие заметные фигуры в корейском истеблишменте 1950-1980 гг. были экс-коллаборационистами (или могли быть объявлены таковыми: «коллабрационизм» – явление расплывчатое). Это, конечно, не мешало им произносить положенные антияпонские инвективы, но левая оппозиция всегда могла напомнить, например, что президент Пак Чжон Хи начинал свою карьеру как младший офицер в японской императорской армии.

Однако основной мишенью корейских левых националистов стали американцы. Антиамериканские инвективы – явление новое. До начала восьмидесятых антиамериканизм в Корее практически отсутствовал: почти все политические группы и общественные слои были искренне благодарны за поддержку, которую США оказали Корее во время войны и в период послевоенного восстановления. Однако к началу восьмидесятых годов в жизнь вошло поколение, которое не помнило Корейской войны и не ело американской гуманиатрной тушёнки. С другой стороны, для него было очевидно, что в их стране существует диктатура, и что за спиной этой диктатуры стоят США (о вкладе диктатуры в экономическое развитие страны эти молодые интеллигенты либо не задумывались вовсе, либо его отрицали).

В своих антиамериканских публикациях левые националисты широко используют марксистскую и неомарксистскую терминологию. Америка критикуется не столько потому, что американцам свойственны какие-то врожденные пороки, сколько потому, что она является «империалистической» и «неоколониальной» державой.

Разумеется, достатется и американскому образу жизни со всеми его стандартными атрибутами. Вот, например, как описывает кока-колу Мин Пён-ран – один из ведущих лево-националистических литераторов и наиболее популярных современных поэтов:

Её имя застревает на кончике языка,

Её цвет отвратителен как цвет канализационных стоков.

Американская кока-кола в западной бутылке! {с.478 – с.479}

[...] Америка легко льётся в горло

И исчезает во тьме кишечника

Оставляя только горький привкус на языке

Оставляя только пену в желудке.

До недавнего времени левый национализм оставался идеологией кампусов, и его влияние на массы было не так уж и велико. Основная масса корейского среднего класса – клерки, чиновники, младшие менеджеры, квалифицированные рабочие – оставались глухи к тирадам левых идеологов. Однако сдвиги в отношении к внешнему миру – налицо. В 1995 г., например, 72,2% корейцев старше 50 лет сочли, что «дружественным государством» для Южной Кореи являются США.

Однако в последние годы ситуация существенно изменилась. Уже в 1995 году среди 20 и 30-летних корейцев такой Америку дружественным государством считали только 33,3%. Большинство молодых на вопрос о «дружественных государствах» дали тогда ответ, который мог бы порадовать любого националиста – «у Кореи нет дружественных государств» (такой ответ выбрало 45,8% двадцатилетних).

Во многом корни таких изменений понятны. Во-первых, взрыв элитарного национализма и антиамериканизма не прошел бесследно. Былым активистам студенческого движения сейчас около сорока. Многие из них стали профессорами и журналистами (в бизнесе их, само собой, поменьше) и активно воспитывают студенческую молодежь в своем духе. Во-вторых, экономический рост и созданное им процветание делает новые поколения куда более уверенными в своих силах. Им уже не нужно прятаться за спину Большого Брата, они считают, что вполне могут постоять за себя, а американское присутствие воспринимают как ненужное и раздражающее.

Впрочем, нынешнее богатство страны заметно смягчает остроту политических и национальных вопросов. Кроме того, корейцы все больше ездят по планете, все активнее

общаются с иностранцами. Относится это далеко не к одной элите – при нынешних южнокорейских зарплатах даже семья квалифицированного рабочего вполне может отправить сына поучиться за границу. Так что корейский {с.479 – с.480} национализм никогда не переходит в вульгарный мордобой в стиле европейских и российских скинхедов, готовых бить всех с нетипичной для данной местности формой носа. Весьма редко сталкивается иностранец и с прямыми оскорблениями – проживающим в России корейцам, в том числе и корейцам российским, приходится несравнимо хуже. В Южной Корее национализм остаётся, в первую очередь, интеллектуальным течением – пусть и весьма мощным. {с.481 – с.482}

Корейское зарубежье: страницы истории

Значительная часть корейцев, примерно 5 миллионов человек, живёт сейчас за пределами страны своих предков. Наряду с еврейской, армянской, китайской и польской диаспорами, корейцы – одна из самых экономически и политически активных национальных групп во многих странах мира. Корейцы есть сейчас почти везде, и кажется даже странным, что эмиграция из этой страны началась совсем недавно, всего сто с небольшим лет назад.

Старое корейское правительство относилось к эмиграции (да и к поездкам за границу вообще) примерно так же, как советские власти во времена товарища Сталина. На протяжении двух с половиной столетий, с середины XVII и до конца XIX века, границы Кореи были наглухо закрыты, и выезд из неё был категорически запрещён. В те времена корейцы, подобно жителям сталинского Советского Союза, могли бывать за границей только в официальных командировках. Разумеется, разрешение на такую поездку могли получить только высокопоставленные лица, да и для них это было не очень-то легко. Попытка покинуть пределы Кореи самовольно считалась тяжким преступлением, за которое могли и казнить. Вдобавок, и бежать было особенно некуда, в соседних с Кореей странах корейцев, скажем мягко, не ждали. Вплоть до 1872 г. китайское правительство строжайше запрещало поселение в граничащих с Кореей районах Манчжурии. Не были исключением из этого правила и сами китайцы: жить в Манчжурии разрешалось лишь кочевникам – маньчжурам, которые в те времена правили всем Китаем. Япония до 1856 г. {с.481 – с.482} была государством ещё более закрытым, чем Корея, въезд любых иностранцев туда был запрещён. О других же странах в Корее в те времена особо и не слыхали, да и попасть куда-нибудь в Америку у корейского крестьянина не было никакой возможности.

Ситуация резко изменилась 100 с небольшим лет назад, когда после 1876 г. ограничения на выезд из страны были существенно ослаблены, а потом – и вовсе отменены. Почти одновременно с этим Россия вынудила ослабевший Китай отказаться от прав на территорию нынешнего Приморского края, и, таким образом, стала соседкой Кореи. Китайские власти также сняли запреты на переселение в Маньчжурию. Всё это означало, что корейцам появилось куда переселяться, и они не замедлили этим воспользоваться.

Первая волна переселенцев, которая в 1870-1890-е гг. двинулась на русский Дальний Восток и в китайскую Манчжурию, состояла в первую очередь из крестьян северных провинций. Эмиграция эта носила, как бы сейчас сказали, “экономический характер”. Крестьяне, уставшие от нехватки земли и грабительских налогов, от неурожаев и всеобщей нищеты, уходили за кордон, в Китай и Россию, где земли хватало всем, и где чиновничество если и притесняло, то куда меньше, чем в родных местах.

После 1905 г. эмиграция из Кореи резко усилилась и приобрела отчасти и политический характер. Главной причиной тому стало японское вторжение. К 1905 г. Япония установила над Кореей полный контроль, а в 1910 г. формально превратила её в свою колонию. Японцы столкнулись с немалым сопротивлением, в том числе и с активным партизанским движением, но в конце концов военно-техническое и финансовое превосходство колонизаторов решило исход борьбы. Остатки разбитых партизанских отрядов часто отходили на русскую и китайскую территорию. Уезжали во Владивосток и Харбин, Шанхай и Хабаровск и оппозиционно настроенные интеллигенты. Наконец, и крестьяне, которым приход японцев поначалу не принёс ничего, кроме новых налогов, продолжали десятками тысяч покидать родные места. {с.482 – с.483}

Японские власти не возражали против эмиграции, и даже поощряли её. Во-первых, за границу уходили самые беспокойные и, следовательно, потенциально самые опасные. Во-вторых, уезжая из своей страны, корейцы как бы “освобождали места” для переселявшихся туда японцев – ведь колониальные власти старались заселить Корею выходцами из метрополии, японизировать её. В результате к 1920 г. российских корейцев было уже около 100 тысяч, а китайских – без малого полмиллиона (точнее, 490 тысяч).

Впрочем, к концу двадцатых годов эмиграция и в Китай, и в Россию замедлилась. Снижение эмиграции в Китай было вызвано в основном экономическими факторами. Свободных земель в Маньчжурии практически не осталось, и переселение туда более не означало резкого улучшения жизни. Наоборот, переселенца скорее всего ждала участь бесправного батрака. В случае с Россией причины снижения (а потом – и прекращения) эмиграции были в основном политическими: как известно, советское правительство чем дальше, тем с большим подозрением относилось к выходцам из-за рубежа, тем более к тем, кто формально считался подданными Японской империи. Около 1930 г. советская граница оказалась, как тогда говорили с гордостью, “на замке”, и корейская эмиграция на российский Дальний Восток практически прекратилась. В 1937 г. все советские корейцы, на тот момент проживавшие на Дальнем Востоке, были насильственно переселены в Среднюю Азию, став, таким образом, первым “репрессированным народом”.

Зато в двадцатые годы появились новые центры эмиграции, в первую очередь – США. Уже с конца XIX века за океан стали всё чаще уезжать первые корейские западники-интеллигенты. Некоторые из них (как, например, будущий первый президент Южной Кореи Ли Сын-ман), получали там образование, защищали диссертации и даже становились своими людьми в американских коридорах власти. Однако в те времена массовой иммиграции в континентальную часть США ещё не было, она началась много позже, уже после 1965 г. Другое дело – Гавайские ост [{с.483 – с.484}](#)рова, что лежат на полпути между США и Кореей. В начале XX века там стали активно выращивать сахарный тростник, и для работы на тростниковых плантациях на Гавайи во всё больших количествах стали отправляться контрактные рабочие. Немало среди них было и корейцев.

Поехали корейцы и в Японию. Многие ехали туда учиться, ведь получить образование, особенно высшее, было тогда в Корее очень трудно. Однако большинство отправлялось просто на заработки, ведь, как бы плохо к корейцам не относились в Японии, заработать деньги там было легче, чем на родине. В отличие от корейцев Китая и российского Дальнего Востока, которые были выходцами из северных провинций, большинство тех, кто отправлялся искать счастья в Японию, происходило с юга Корейского полуострова. Относились к корейцам в Японии действительно неважно. В 1923 г. Токио даже произошли корейские погромы, в ходе которых погибло несколько сотен человек. И, тем не менее, корейское население в Японии росло очень быстро: с 21 тысячи в 1919 г. до 690 тысяч в 1936 г. Особо стремительным стал рост корейского меньшинства в Японии в военные годы, когда туда по мобилизации вывозились в насильственном порядке десятки тысяч рабочих. Некоторые из них, кстати, были направлены на шахты южного Сахалина, и после 1945 г., когда эта часть острова отошла к СССР, они неожиданно для себя оказались на советской территории.

После изгнания колонизаторов в 1945 г. эмиграция из Кореи не прекратилась, но просто изменила своё направление. Основная эмиграция из Кореи в послевоенный период идёт в США, а также (в куда меньших масштабах) в иные англоязычные страны – Канаду, Новую Зеландию, Австралию.

По-настоящему иммиграция в США началась только в 1965 г., когда был принят новый американский закон об эмиграции. Этот закон отменил дискриминационные (по сути – расистские) квоты, которые до этого ограничивали “небелую” иммиграцию в страну. Рост корейской общины США после 1965 г. был стремителен, и сейчас там проживает более миллиона корейцев (по численности ко [{с.484 – с.485}](#)рейской общины Америка уступает только Китаю, где корейцев два миллиона). Уезжали в Америку в основном люди с неплохим образованием, квалифицированные специалисты. Пик эмиграции в США пришёлся на конец

семидесятих. В 1980 г. Корею покинуло 37 тысяч человек, причём более 90% уезжавших направлялись в США.

После 1980 г. эмиграция стала быстро сокращаться. “Экономическое чудо” принесло свои плоды, и корейцам всё реже хочется искать хорошую жизнь за морями – им и дома теперь живётся, в общем, неплохо. Однако эмиграция не прекратилась полностью. В 1998 г., например, из Кореи за границу на постоянное место жительства выехало 13.974 человека. Примерно 4/5 всех эмигрантов сейчас направляются в Америку, за ней с большим отрывом следуют Канада, Австралия и Новая Зеландия.

На протяжении полувековой истории Республики Корея эмиграция не осуждалась, а, наоборот, поощрялась и даже поддерживалась властями. Известно, что Корея и в наши дни остаётся одной из самых густонаселённых стран планеты, а уровень жизни в ней до начала 1980-х гг. был очень даже невысоким. Поэтому власти не возражали против того, чтобы “лишнее” население покинуло полуостров. Разумеется, не пытается Корея и следовать примеру Израиля. Она не проводит политики поощрения реэмиграции (или, как вежливо именует это израильская пропаганда, “репатриации”). Задача опять собрать всех корейцев планеты на полуострове Сеулом отнюдь не ставится, и немногочисленные “возвращенцы” могут рассчитывать только на свои силы. Впрочем, в то же самое время правительство проводит политику поддержки корейских общин за рубежом, тратит немалые деньги на преподавание зарубежным корейцам (“кёпхо”) корейского языка и культуры.

Судьбы корейских общин в разных странах складывались по-разному. Но это – уже тема последующих статей. {с.485 – с.486}

Корейское зарубежье: Китай

Корейская община в Китае – самая большая из всех корейских эмигрантских общин, она насчитывает без малого 2 миллиона человек (точнее, 1 миллион 960 тысяч по состоянию на 1997 год). Цифра эта велика, но надо помнить, что Китай – страна, как известно, немаленькая, так что многочисленные этнические корейцы составляют лишь около 0,17% всего его огромного населения.

Китай, вдобавок, – это единственная страна, в которой сейчас существует корейская территориальная автономия – Яньбяньский автономный округ. Автономные корейские районы имелись когда-то и в СССР, но были ликвидированы во время насильственного переселения советских корейцев в Среднюю Азию в 1937 г. Что же до двух других крупнейших центров корейской диаспоры – Японии и США, то там о каких-либо автономных образованиях и речи быть не может: отчасти потому, что корейцы там живут в основном распыленно и в крупных городах, а отчасти потому, что сама идея национально-территориальной автономии в этих странах, скажем мягко, не слишком популярна.

Корейцы стали переселяться в Китай чуть более столетия назад, в 1880-е гг. Пик эмиграции приходился на 1900-1925 гг., и к 1939 г. численность корейского населения Китая перевалила за миллион. Гнала иммигрантов в Китай в основном нужда, ведь земли в самой Корее хронически не хватало, а в граничащих с Кореей районах китайской Маньчжурии переселенцев поначалу привечали и давали им неплохие земельные наделы. {с.486 – с.487}

Подавляющее большинство отправлявшихся в Китай переселенцев состояло из бедных крестьян. Однако после захвата Кореи Японией в 1910 г. Китай стал и крупнейшим центром корейской политической эмиграции. Именно в Китае в 1919 г. было создано корейское правительство в изгнании, именно на его территории, в Маньчжурии, в основном базировались корейские партизанские отряды – как националистические, так и коммунистические. Как и в СССР, в Китае большинство иммигрантов составляли выходцы из провинций северной Кореи, в то время как в Японию и, позднее, в США переселялись преимущественно южане.

И в наши дни 95% всех китайских корейцев живёт на территории Маньчжурии, то есть в трёх провинциях Северо-Восточного Китая. Наибольшая концентрация корейского населения – в приграничном Яньбяньском автономном округе, в котором корейцы составляют около 40% всех жителей.

Яньбяньский округ (до этого – уезд) получил автономный статус вскоре после прихода коммунистов к власти в Китае, в 1952 г. Надо сказать, что в своей национальной политике китайское коммунистическое правительство в целом следовало советским образцам, так что внешние атрибуты корейской автономии хорошо знакомы всем, кто в советские времена жил или бывал в наших автономных республиках: двуязычные вывески на официальных учреждениях, несколько газет и журналов на “местном” (в данном случае – корейском) языке, собственный союз писателей, радиостанция, театральная труппа и университет. Впрочем, все эти атрибуты – отнюдь не просто символы. Корейцы живут в Маньчжурии весьма компактно, в основном – в отдельных корейских посёлках, где почти нет китайцев, и где люди между собой говорят в основном по-корейски. В Яньбяне в принципе можно неплохо существовать, вообще не зная китайского языка, и обходясь одним корейским. Этим обстоятельством, кстати, активно пользуются нелегальные эмигранты из Северной Кореи, которых сейчас немало скрывается в тех местах. Вдобавок, китайские власти обычно от {с.487 – с.488}носились к корейскому языку и культуре вполне благожелательно, и оказывали им всяческое содействие. Единственным исключением стал период злополучной “культурной революции”, когда корейская интеллигенция подвергалась преследованиям, а деятельность корейских учебных заведений была приостановлена.

В наши дни Яньбяньский университет, где учится 15 тысяч студентов (из них 5 тысяч – на дневном отделении, остальные – вечерники и заочники) и где значительная часть преподавания ведётся на корейском языке, во многом уникален. В мире есть ещё один “зарубежный” корейский университет, в Японии, но и по размерам, и по престижности он существенно уступает Яньбяньскому. В Яньбяньском округе выходит 7 корейских газет, действует не только корейское радио, но и корейское телевидение.

Для большинства корейцев КНР корейский язык остаётся родным. В этом они отличаются не только от советских корейцев, но и от корейской молодёжи Японии и США, которая обычно или с трудом изъясняется на языке своих дедов, или не знает его вовсе. Из всех крупных зарубежных корейских общин, китайская – наименее ассимилированная. Впрочем, есть у этого и оборотная сторона: низкая степень ассимиляции китайских корейцев вызвана в основном тем, что они по-прежнему живут в “местах компактного проживания”, то есть в деревнях. Это означает, что им легче сохранять родной язык и традиции. Однако это также означает, что китайские корейцы в своём большинстве остаются крестьянами, причём, зачастую, весьма бедными, и что их социальный статус в китайском обществе не слишком высок.

Подавляющее большинство корейцев Китая – граждане КНР, но некоторые ещё с пятидесятых годов имеют северокорейское гражданство. Большинство живущих в Китае обладателей северокорейских паспортов имеет неплохие связи в Пхеньяне. Остальные корейцы Маньчжурии (да и сами китайцы) часто и, похоже, не без оснований воспринимают обладателей пхеньянских паспортов как потенциальных или реальных агентов северокорейских спецслужб, и относятся к ним весьма настороженно. {с.488 – с.489} С другой стороны, в последнее десятилетие, когда экономическая ситуация в Северной Корее из просто тяжёлой превратилась в совсем уж катастрофическую, в Китай бежало немало жителей КНДР. По самым скромным оценкам, там сейчас скрывается многие десятки тысяч северокорейских перебежчиков. Северокорейские беженцы находятся в Маньчжурии нелегально, работают батраками в хозяйствах местных богатых крестьян, официантками и посудомойками в дешёвых ресторанах, выполняют иную малооплачиваемую работу. Время от времени китайские власти ловят этих нелегалов и высылают их в Северную Корею. До недавнего времени выданных пхеньянским властям перебежчиков ждала верная смерть, но сейчас к ним относятся гораздо мягче – слишком уж их теперь много. Впрочем, особого рвения в деле охоты за беглецами китайские полицейские не проявляют, так что подавляющее большинство нелегалов благополучно остаётся в Китае. Конечно, цель многих

из них – Южная Корея, однако Сеул не очень стремится приглашать к себе беглецов, которые, скорее всего, станут источником дополнительных проблем (как социальных – внутри страны, так и международных – в отношениях с Китаем).

В последние годы на национальную самооценку китайских корейцев немало влияет интенсивное развитие связей КНР с Южной Кореей. Эту страну в Китае сейчас часто воспринимают как пример для подражания, так что понятно, что китайские корейцы в последнее время стали гордиться своими кровными связями с ней. В том, что эти связи являются столь уж “кровными”, нельзя не усомниться, ведь у 9 /10 китайских корейцев их предки были выходцами из тех провинций, что после 1945 года вошли в состав Северной, а не Южной Кореи. Впрочем, такие историко-генеалогические тонкости сейчас мало кому известны и мало кого волнуют: быть связанным с Южной Кореей – это престижно. В 1992 г. Южная Корея и КНР установили между собой дипломатические отношения. Вслед за этим в Южной Корее начался “китайский бум”, который пришёл на смену “российскому буму” 1988-1992 гг. Из “российского бума” ничего толком не {с.489 – с.490} вышло, надежды корейских предпринимателей на стремительное развитие торговли с Россией оказались иллюзорными, а вот с Китаем им повезло куда больше. Сейчас в Китай направляется более 10% всего южнокорейского экспорта, и он является вторым по значению (после США) объектом корейских инвестиций. Дешёвая и дисциплинированная рабочая сила привлекает в Китай немало иностранных капиталов. Корейские бизнесмены, особенно средние и мелкие, часто устраивают свои заводы и мастерские в Маньчжурии, и охотно нанимают туда местных корейцев. С ними и языковых проблем нет, и сами они как-то понятнее своим единоплеменникам. С другой стороны, активная деятельность корейского бизнеса и корейской дипломатии в приграничных районах вызывает некоторую настороженность у китайских властей, которые, как можно предположить, боятся возникновения корейского сепаратизма в будущем.

С начала 1990-х годов многие этнические корейцы КНР стали приезжать (часто – нелегально) на заработки в Южную Корею. По данным южнокорейской иммиграционной службы, в 2000 г. в стране находилось 160 тысяч граждан КНР. Среди них примерно половину составляют именно этнические корейцы. Время от времени в южнокорейской печати появляются сообщения о том, что полиции удалось раскрыть очередную группу перевозчиков, которые промышляли тайной доставкой нелегалов в Корею. Однако всех не переловишь, слишком уж велик соблазн. Маньчжурия – это один из самых бедных регионов Китая, и те полторы-две тысячи долларов, которые удачливый и работающий нелегал может заработать на какой-нибудь сеульской стройке за месяц, для Маньчжурии – целое состояние, годовой доход неплохо оплачиваемого служащего.

В последние несколько лет развился даже такой экзотический промысел, как поставка в Корею невест из числа маньчжурских кореянок. Для этих женщин Южная Корея – это страна-сказка, и они готовы выйти за кого угодно, лишь бы только попасть в неё. Предприимчивые дельцы воспользовались этим и открыли агентства, в ко {с.490 – с.491} торых сватают девушек за тех, кто при других обстоятельствах едва ли бы смог найти себе приличную пару: инвалидов, пожилых вдовцов, бывших заключённых и т.д. В 1996 г., например, в Корею было ввезено почти 10 тысяч невест из Китая. Легко догадаться, что эти браки не всегда оказываются удачными. Порою жертвами выступают “импортированные” жены, а порою – и “экспортёры” мужья, которые становятся для иных предприимчивых девиц лишь трамплином в процветающую Южную Корею. {с.491 – с.492}

Корейское зарубежье: США

Американская корейская община – вторая в мире по своей численности (1 миллион 630 тысяч человек, по состоянию на 1995 г.), и при этом она во многом уникальна, не похожа на общины Японии, Китая или России.

Отличия эти связаны в основном с тем, что корейская община США – это результат совсем недавней эмиграции, которая не завершилась и до сих пор. Переселение корейцев в Россию закончилось около 1925 г. (с учётом бывшего японского Южного Сахалина – в 1945 г.),

в Японию – в 1945 г., в Китай – около 1950 г., поэтому большинство живущих там сейчас этнических корейцев – это эмигранты третьего, четвёртого, а временами – и шестого-седьмого поколения, которых с родиной их далёких предков обычно уже не связывают никакие личные узы. Среди американских корейцев только 28% родилось в США, а остальные – то есть подавляющее большинство – эмигрировали туда из Кореи.

Немногочисленные корейцы приезжали в Америку с конца XIX века. Некоторые из них были политическими изгнанниками, но большинство корейских иммигрантов составляли те, кто направлялся работать на Гавайские острова, где на плантациях сахарного тростника работало немало контрактных рабочих из стран Восточной Азии. Въезд же на территорию континентальных США был тогда для корейцев затруднён, ему препятствовало американское иммиграционное законодательство, которое в те времена было составлено таким образом, чтобы пресечь “небелую” иммиграцию в США.

Поэтому по-настоящему массовая эмиграция корейцев за океан началась совсем недавно, после 1965 г., когда в {с.492 – с.493} США были отменены существовавшие до этого расистские квоты, ограничивающие численность “жёлтой” иммиграции. Переселение корейцев в Америку продолжается и сейчас, хотя масштабы его в последние 10-15 лет заметно снизились. Кроме собственно эмигрантов, заметную часть корейской общины составляют бывшие студенты, которые, окончив в Америке университет или, чаще, аспирантуру, нашли там хорошую работу по специальности и решили отложить возвращение домой на неопределённый срок. Некоторые из них со временем всё-таки возвращаются в Корею, а иные остаются в Америке навсегда. Ещё одна специфическая группа – корейские жёны американских военных, которые встретились со своими будущими мужьями, когда те служили в Корее, а потом выехали с ними в США. Сейчас такие браки стали заключаться несколько реже, но в семидесятые годы они были обычным явлением.

Поскольку американские корейцы – иммигранты совсем недавние, то и неудивительно, что они сохраняют с родными местами куда более тесные связи, чем, скажем, корейцы Китая или СНГ. Слетать к родственникам через океан для них не так уж и дорого, да и, что немаловажно, им есть к кому летать: у редкой американо-корейской семьи не найдётся сестер, бабушек или тётушек где-нибудь в Сеуле или в провинции Чолла. Корейцы, особенно первого поколения, живо интересуются всем тем, что происходит у них на родине.

По сравнению с Россией или Китаем, иными были и причины эмиграции в Америку, иным был и состав эмигрантов. В Россию и Китай в своё время уходили спасавшиеся от нужды крестьяне, иногда – бойцы разбитых в сражениях с японцами корейских воинских частей и партизанских отрядов. Оказавшись на новой родине, эти люди обычно начинали заниматься тем, к чему они привыкли дома, то есть – сельским хозяйством. Со временем, правда, уважение к образованию, столь глубоко укоренившееся в корейской культуре, давало себя знать, и внуки былых крестьян становились врачами, профессорами и адвокатами, однако для этого требовалось немалое время. В Аме {с.493 – с.494}рику же ехали в основном люди с образованием, до определённой степени владевшие английским. Селились они почти исключительно в крупных городах. 96% корейцев США – горожане, да и среди оставшихся 4% практически нет тех, кто работал бы на земле. Иммигрантам далеко не всегда удавалось устроиться по специальности (сказывалось тут недостаточное знание языка и местных особенностей), поэтому лос-анжелосский лавочник с корейским университетским дипломом в кармане – явление не столь уж редкое. Однако в любом случае фермерами эти переселенцы не становились, и уже второе поколение эмигрантов в массовом порядке пошло в вузы, так что сейчас корейцы соперничают с китайцами и евреями в борьбе за звание самой образованной национальной группы в Америке. Очень популярна среди молодых корейцев медицина, которая в США относится к числу наиболее престижных и хорошо оплачиваемых специальностей (средней руки врач получает там столько же, сколько высокопоставленный банковский служащий).

Впрочем, основное занятие первого (и, отчасти, второго) поколения иммигрантов – это мелкий бизнес. Около 40% корейцев трудоспособного возраста имеет “своё дело”. По американским меркам это – очень высокий показатель. В основном корейцам принадлежат

бакалейные и овощные лавки, а также химчистки, заправочные станции, автомастерские. Часто именно корейцы держат магазины в негритянских районах, там, где мало кто ещё решается торговать из-за хронически высокого уровня преступности. Понятно, что нищее население чёрных гетто не очень-то жалуется преуспевающих торговцев, и время от времени пытается громить их лавки (обычно встречаясь с хорошо организованным и вооружённым сопротивлением). В то же время, среди корейцев крайне низка доля тех, кто живёт на пособия, на пресловутый “велфер”, столь, увы, популярный среди наших бывших соотечественников.

Живут корейцы США в основном на тихоокеанском побережье, хотя в последнее десятилетие быстро растут корейские общины во всех крупных городах страны. Примерно треть (в 1995 г. – 588 тысяч) всех американских корейцев живёт в Калифорнии. Крупнейший центр корейской иммиграции – Лос-Анжелос, где существует целый корейский район, “Кореа таун”. В последнее время стали появляться корейцы и на атлантическом побережье. В частности, очень большая (почти 200 тысяч человек!) корейская община есть в Нью-Йорке. В этих городах и в Калифорнии на корейском языке выходят газеты и журналы, вещает телевидение, и, конечно, работают сотни корейских церквей. Во многих больших американских городах есть районы, где можно прожить, совершенно не зная английского и благополучно обходясь одним корейским. Не случайно, что почти половина тех корейцев, кто работает по найму, трудятся в фирмах, которые принадлежат корейским бизнесменам. В таких фирмах, как правило, весь персонал составляют корейцы, часто – приехавшие совсем недавно и с грехом пополам говорящие по-английски.

Одна из особенностей корейской общины США – эта огромная роль протестантских церквей как главного организатора корейской диаспоры. Предки китайских или российских корейцев покинули полуостров ещё до того, как христианство стало в Корее господствующей религией. Американские же корейцы уже были выходцами из преимущественно христианской страны, и естественно, что именно церкви стали центрами организации их общин. Большинство верующих корейцев являются сторонниками тех же направлений протестантизма, что распространены в США. Однако, несмотря на это, корейцы редко становятся членами уже существующих “общеамериканских” приходов, а предпочитают создавать свои, чисто корейские. Именно эти церкви становятся для них главными центрами общения и взаимопомощи.

Однако за успех надо платить, и, как оказалось, ни связи с Кореей, ни краткость истории не спасают корейское сообщество в США от ассимиляции. Во всех других странах, где проживают корейцы – СССР/СНГ/России, Японии, Китае – местные власти проводили по отношению к ним некую “национальную политику”. Иногда она заключалась в поощрении ассимиляции (СССР и, временами, {с.495 – с.496} Китай), иногда – наоборот, в поддержке корейских культурных центров и изданий, которые бы просто не выжили без государственных субсидий (Китай и, временами, СССР), иногда – в отторжении корейцев, всемерной изоляции их от “основного” общества (Япония). В Америке же никакой “национальной политики” нет, корейцы сами вольны выбирать, на каком языке учиться и какие газеты читать. Однако нигде, пожалуй, ассимиляция корейцев не идёт так быстро, как в США. Только небольшая часть тех корейцев, что родились в США, в состоянии читать и писать по-корейски, хотя бытовым разговорным языком владеют очень многие.

Ассимиляция – это во многом плата за успех. Причина проста: в большей степени, чем иные этнические группы, американские корейцы ориентируют своих детей на получение высшего образования и профессиональную карьеру. Поэтому молодые корейцы изо всех сил стремятся овладеть не только специальными знаниями, без которых в университет не поступить, но и английским языком и американской культурой, ведь без свободного владения английским и понимания американского общества добиться серьёзного успеха очень трудно. Разумеется, не может быть и речи о чисто корейской школе, ведь корейцы, получившие даже самое лучшее образование на языке их родителей, всё равно бы испытывали огромные трудности и на университетских вступительных экзаменах, и в самих вузах. В лучшем случае родители отправляют детей на воскресные курсы корейского языка, которые существуют во многих церковных приходах. Понятно, что в результате у молодёжи не остаётся ни времени,

ни сил на изучение корейского языка, на чтение корейских книг. Вдобавок, многие из них не видят и особой необходимости в том, чтобы учить язык, на котором говорят их – в кавычках – “предки”, ведь это отнимает немало времени, но не даёт никаких житейских преимуществ (скорее наоборот). В результате уже второе поколение корейцев в США не очень хорошо говорит по-корейски, да и по отношению к жизни мало чем отличается от своих американских сверстников. {с.496 – с.497}

Корейское зарубежье: Япония

Характернейшие черты корейской диаспоры в Японии – это, во-первых, её давний и глубокий политический раскол, а, во-вторых, достаточно принижённое положение, в котором находятся корейцы в этой стране. Корейцы СНГ и Китая, которые до конца восьмидесятых жили в коммунистических государствах и в своём большинстве являлись выходцами из провинций Севера (точнее, потомками таких выходцев), до недавнего времени придерживались просеверокорейской ориентации, хотя сейчас ситуация и изменилась самым радикальным образом. В общем-то, до 1990 г. у них не было и особого выбора... Корейцы США – недавние переселенцы из Южной Кореи, также не колебались в своих политических симпатиях – они были бесповоротно отданы Югу. Впрочем, в своём подавляющем большинстве корейцы этих стран политикой родины своих предков особо не интересовались, а спокойно вживались в новое окружение, и делали это достаточно успешно. Свидетельством этого успеха является уровень доходов и образования, который и у американских, и у российских корейцев заметно выше среднеамериканского и среднероссийского (в Китае ситуация особая).

Япония же – другое дело. История корейской общины в Японии заполнена отчаянной борьбой между пропхеньянскими и просеульскими группировками. Остаться в стороне от этой борьбы там трудно и сейчас, раньше же это было практически невозможно.

К концу Второй мировой войны в стране Восходящего солнца находилось более 2 миллионов корейцев. Некоторые из них были вывезены туда насильно, в порядке мобилизации для работы на военных объектах, но большинство (примерно 80%) эмигрировало вполне добровольно. Это было понятно: уровень жизни в Японии был заметно выше, чем в Корее, хотя относились японцы к “лицам корейской национальности” с немалым подозрением и враждебностью, так что дело не раз доходило и до погромов.

В 1945-1949 гг. большинство находившихся в Японии корейцев вернулось домой. Однако и тех, кто по разным причинам решил остаться в Японии, набралось немало – около 600 тысяч. Именно они и составили основу нынешней корейской общины. Пополнялась новыми иммигрантами община лишь в очень небольших количествах, после 1945 г. корейцы в Японию почти не переселялись (главным образом потому, что сами японцы такой эмиграции решительно противились). В настоящее время в Японии живёт около 650 тысяч корейцев. 650 тысяч – это примерно 0,6% всего населения Японии. Цифра сама по себе не очень велика, но Япония – страна однонациональная, так что сравнительно немногочисленные корейцы всё равно являются крупнейшим нацменьшинством Японии.

После окончания войны официальный Токио не пошёл на то, чтобы дать оставшимся в стране корейцам японское гражданство. Наоборот, переход в японское гражданство для корейцев был максимально затруднён. Вдобавок, и формальное принятие гражданства обычно не спасало их от дискриминации. С японским паспортом или без него, но для всех окружающих они всё равно оставались корейцами, то есть людьми второго сорта. Корейская же община также не принимала в свою среду тех, кто согласился перейти в японское подданство, считала их “перебежчиками”, “предателями”. В результате на смену гражданства решались немногие.

И в настоящее время корейцы, у многих из которых в Японии жили уже прадеды, и которые часто даже не владеют корейским языком, всё равно официально считаются “иностранцами”. Подобной ситуации нет ни в одной другой стране с корейской общиной, везде корейцы в своём подавляющем большинстве являются гражданами той {с.498 – с.499}

страны, в которой они живут. Уникальное положение корейцев в Японии создаёт, конечно, множество юридических проблем. Особенно суровы были правила поначалу. Например, по закону 1947 г. любого корейца, при котором при полицейской проверке не оказалось удостоверения личности, можно было посадить в тюрьму на срок до одного года. Этот закон был смягчён в 1961 г., однако обязательная регулярная перерегистрация корейцев осуществляется и поныне. То, что корейцы официально считаются иностранцами, делает недоступными для них многие области деятельности. В частности, они не могут служить в полиции, армии, занимать посты в большинстве правительственных организаций. К этой формальной дискриминации добавляется и неформальная. До недавнего времени (сейчас ситуация несколько улучшилась) корейцам было практически невозможно поступить на работу в крупную компанию и уж тем более сделать там сколь либо удачную карьеру. До середины 1980-х годов практически не было и смешанных браков, к которым плохо относились родители с обеих сторон.

Изначально подавляющее большинство корейцев составляли неквалифицированные рабочие, а в наши дни многие из них заняты в мелком и мельчайшем бизнесе. Они работают разносчиками, уличными торговцами, докерами, сапожниками и ремонтниками. Их доходы, как правило, невелики, и Япония – одно из немногих государств, в которых уровень жизни местных корейцев заметно ниже среднего по стране. Относится это и к уровню образования.

Основным занятием корейцев в Японии стал мелкий бизнес, который в этой стране традиционно не пользуется особым уважением и не приносит больших доходов. Многие местные корейцы содержат салоны для своеобразной азартной игры пачинко, японского варианта американского «пинбола». В 1997 г. в Японии насчитывалось 18 тысяч таких салонов. Этот бизнес приносит немалые доходы, по большей части в виде того, что на жаргоне современного российского бизнеса именуется «чёрным налом». {с.499 – с.500}

Не менее популярны среди мелких корейских предпринимателей и рестораны, в которых подают так называемое якинику. Блюдо это представляет собой слегка японизированный вариант корейского шашлыка-пульткоги, а сами рестораны, первоначально предназначенные только для корейских клиентов, стали популярны среди японской публики только в семидесятые годы. По данным опросов, якинику в последние годы стало самым популярным в Японии мясным блюдом. Будет лишь небольшим преувеличением сказать, что именно корейцы приохотили японцев к мясу: ведь до массового появления корейских шашлычных японцы мяса практически не ели (в 1962 г. среднестатистический японец потреблял всего лишь 1,2 кг говядины в год!).

Поскольку корейцы не могли (или не хотели) принимать японское гражданство, и поскольку японское общество решительно отторгало их, перед ними неизбежно встал вопрос о том, гражданами какого из двух соперничающих корейских государств становиться. В первые послевоенные годы примерно 98% всех корейцев Японии составляли выходцы из провинций Южной Кореи, и, казалось бы, следовало ожидать, что большинство сделает выбор в пользу Сеула. Однако этого не произошло. Корейская община оказалась расколотой. В 1945-46 гг. Японии возникли две организации, объединявшие местных корейцев – находившийся на право-националистических позициях Союз корейцев Японии (известный под корейской аббревиатурой Миндан) и тесно связанная с коммунистами Лига Корейцев. При этом Лига по своей популярности существенно опережала Миндан. Рассекреченные в последние годы документы японской полиции и американских спецслужб показывают, что, по их мнению, в конце сороковых годов примерно 75% японских корейцев были сторонниками прокоммунистической Лиги. После провозглашения КНДР Лига немедленно признала пхеньянское правительство единственной законной властью на Корейском полуострове.

Такие симпатии к Северу отражали социальный состав корейской общины. Среди корейцев были и преуспевающие {с.500 – с.501} бизнесмены, и высококвалифицированные специалисты, но основную их массу составляли люди бедные, зарабатывавшие на жизнь тяжёлым трудом, и испытывавшие вполне понятные симпатии к левым.

В 1949 г. японские власти запретили Лигу, но её активисты влились в состав находившейся тогда в подполье Компартии Японии, где они играли заметную роль в создаваемых для борьбы с "реакционным проамериканским режимом" группах боевиков. Однако в это время внутри корейских левых произошёл раскол. Так называемые "интернационалисты" считали, что интересы корейского национального движения должны быть подчинены интересам движения коммунистического. "Патриоты" же считали, что корейские левые должны держать дистанцию в отношениях с японцами, в том числе и с японскими коммунистами. Их настоящей родиной является Северная Корея, и её интересы следовало в первую очередь защищать.

В итоге "патриоты" одержали полную победу. В мае 1955 года они создали Всеобщую Ассоциацию корейцев Японии (известна под сокращёнными названиями Чхонрён или Чэчхонхрён). В её состав вступило примерно 75% японских корейцев. Формально этот шаг означал автоматическое принятие северокорейского гражданства.

Следствием северокорейских симпатий стали трагические события т.н. "репатриации" – выезд примерно 110 тысяч японских корейцев на "историческую родину" в КНДР. Произошло это в начале шестидесятых годов. Большинство "возвращенцев", оказавшись в стране Ким Ир Сена, быстро пожалели о своём опрометчивом решении, но пути назад уже не было: обратно из КНДР не выпускали никого и ни под каким предлогом. Даже японским жёнам, уехавшим в КНДР со своими корейскими мужьями, не позволялось ездить домой для встречи с родственниками. Впервые небольшой группе этих женщин разрешили побывать на родине совсем недавно, да и то после тяжёлых переговоров на правительственном уровне. Оставшиеся в Японии родственники излишне доверчивых репатриантов вскоре стали получать от уехавших письма, в которых те вежливо просили оказать небольшую материальную по {с.501 – с.502}мощь. Со временем стало известно, что от щедрости оставшихся в Японии родных во многом зависит положение уехавших. На полученные из Японии иены они могли покупать дефицитные товары в северокорейских валютных магазинах (где цены в несколько раз превосходили мировые), а в некоторых случаях передача крупной суммы в пользу государства означала, что "патриоту" можно получить пхеньянскую прописку или квартиру в хорошем районе столицы. Большая часть денег, конечно, оседала в северокорейской казне.

По мере того, как японские корейцы узнавали всё больше о реальной жизни КНДР, просеверокорейские симпатии естественным образом угасали. Около 1970 г. количество южнокорейских граждан в корейской общине Японии впервые превысило количество подданных страны Чучхе и Великого Вождя. Однако процесс переориентации шёл на удивление медленно. И поныне в Японии активно действует Чхонрён. Ему, в частности, принадлежит целая сеть корейских национальных школ, где детей обучают на корейском языке по специальным программам, разработанным совместно с северокорейскими специалистами. Учебники этих школ и поныне заполнены славословиями в честь Ким Ир Сена и Ким Чжон Ира, чьи портреты в обязательном порядке висят во всех классных комнатах и аудиториях. В этих школах даже действуют пионерские дружины!

Имеется в Японии и корейский университет, также контролируемый Чхонрёном (то есть, по сути, Пхеньяном). В университете сейчас около 1500 студентов, преподавание идёт на корейском языке, а такие волнующие предметы как "История партии", "Революционная история Великого Вождя" и "Философия чучхе" занимают в его программе немалое место. Впрочем, японские власти официально не признают дипломов Корейского университета, так что возможности трудоустройства у его выпускников не очень велики: в японское учреждение на работу их с этим дипломом всё равно не возьмут. Большинство выпускников становится учителями корейских школ или работает в принадлежащих Чхонрёну организациях. {с.502 – с.503}

Противостоит пхеньянской пропаганде другая ассоциация – основанный ещё в 1946 г. Миндан, который объединяет тех корейцев, что выбрали южнокорейское гражданство. Соперничество этих двух ассоциаций, за каждой из которых, понятное дело, стоят не только правительства и организации, но и "органы" враждующих корейских государств, тянется уже

более полувека. Порою борьба носит весьма жёсткий и даже кровавый характер, и тогда на японской земле разворачиваются сюжеты, вполне достойные пера Юлиана Семёнова.

Помимо сбора разведывательной информации северокорейские спецслужбы активно занимаются выкачиванием из Японии денег. Для этого используются самые разнообразные полузаконные и незаконные способы. В частности, особую роль в выкачивании денег из Японии играют упомянутые уже салоны пачинко. Чхонрён, как выразились бы в пост-перестроечной России, активно "крышует" этот бизнес, в котором задействовано большое количество неподотчётной наличности. В качестве платы за "помощь" и "защиту" владельцы салонов делают "взносы" в фонд организации, которая потом переправляет эти деньги в Пхеньян. По примерным оценкам, в восьмидесятые годы по каналам Чхонрёна в Северную Корею поступало 500-800 миллионов долларов в год. Сейчас поток пожертвований сократился во много раз. Впрочем, японские власти на все эти тайные переводы обычно смотрят сквозь пальцы. Для КНДР 500 или даже 100 миллионов долларов – огромная сумма, но для японской экономики это – капля в море.

Несмотря на заметное улучшение ситуации в последние годы, пожалуй, ни в одной стране мира этнические корейцы не подвергаются столь серьёзной и систематической дискриминации как в, казалось бы, культурно и лингвистически близкой Японии. Однако ни это обстоятельство, ни наличие исключительно развитой системы образования на корейском языке не смогло остановить ассимиляцию, которая с особой силой идёт после 1980 г. Связано это с рядом причин. Во-первых, дискриминация корейцев с течением времени ослабевает. Показательно, что бы {с.503 – с.504}лое подозрительное отношение к смешанным бракам сейчас ослабело, и более половины всех браков в корейской общине заключается с японцами или японками. Сейчас у молодого корейца уже есть реальные шансы преуспеть в японском обществе (хотя, конечно, таких шансов у него по-прежнему меньше, чем у его японского сверстника). Однако в Японии, как и в Южной Корее, успех неотделим от образования. Чтобы стать кем-то, надо пройти тяжёлый экзаменационный марафон, и излишне говорить, что делать это приходится на японском языке. Именно владение этим языком и, шире, всей японской культурой и становится ключом к успеху. Корейский же язык и корейская традиция превращаются скорее в груз, в препятствие, ведь никаких прямых выгод владение корейским не даёт, а на изучение его надо тратить немало времени и сил. Наконец, сказывается и то обстоятельство, что нынешняя корейская молодёжь – это внуки и даже правнуки переселенцев, так что у них Корея (в которой многие не бывали вообще или, в лучшем случае, бывали только как туристы) всё реже и реже вызывает какие-то особые эмоции. Даже с корейским паспортом в кармане, они всё больше осознают себя японцами... {с.504 – с.505}

Корейцы СНГ: Страницы истории

Начало переселения

В 1860 году российские дипломаты решили воспользоваться сокрушительным поражением, которое англо-французские войска нанесли Китаю в Третьей Опиумной войне, и вынудили китайское правительство подписать Пекинский трактат. В соответствии с этим соглашением, Китай уступал России обширные и малонаселённые территории на правом берегу Амура – земли, которые сейчас мы знаем как Приморье. Одним из последствий этого решения стало и то, что у России появилась короткая, около 14 километров, граница с Кореей. А всего лишь через 4 года, в 1864 г., на этих новых территориях появился первый корейский посёлок, в котором жили 14 корейских семейств. С этих 14 семей началась история не только посёлка Тизинхе, но и всей полумиллионной корейской общины СНГ.

Чем была вызвана корейская эмиграция в Россию? Тем же, чем и большинство эмиграций – нуждой. Люди вообще-то не очень охотно расстаются с родными местами. Особенно это относится к крестьянам, у которых во все времена и во всех странах существовала репутация неторопливых и прижимистых домоседов – а именно крестьяне на первых порах составили подавляющее большинство корейских эмигрантов. Однако жизнь на родной стороне была не слишком сладкой. Земли не хватало, а чиновники драли с крестьян

огромные налоги, временами доходившие до 50% урожая. Официальная ставка налога была куда ниже, но значительная часть собранного в итоге оказывалась в бездонных чиновничьих карманах, и по {с.505 – с.506}делать с этим крестьяне ничего не могли. А рядом лежали владения России – огромные просторы, тысячи гектаров необработанных плодородных земель, которыми управляли относительно честные чиновники (впрочем, обычно чиновники поначалу попросту не добивались до посёлков нелегальных иммигрантов). И уходили за кордон, через почти неохраняемую в те времена границу крестьянские семьи, и росло число корейских посёлков на землях российского Дальнего Востока. К 1880 г. на территории Приморья существовал 21 корейский посёлок, а численность корейского населения края достигла 6700 человек (русских крестьян в Приморье тогда было всего лишь 8300). К 1901 г. на территории края проживало уже около 30 тысяч корейцев.

Как встречали корейских иммигрантов в России? По-разному. С одной стороны, российское чиновничество приветствовало иммиграцию – ведь переселенцы-корейцы поднимали целину и собирали немалые урожаи, помогая таким образом решать продовольственную проблему и осваивать огромный безлюдный край. Особенно важным это было до 1900 г., когда ещё не была построена Транссибирская магистраль, и переселенцев из России было на Дальнем Востоке очень мало. Чиновники с восторгом писали в своих отчётах о трудолюбии корейских крестьян, об огромной урожайности на осваиваемых ими землях, о честности и законопослушности новых переселенцев.

Однако была и другая сторона – “жёлтые” переселенцы воспринимались властями на Дальнем Востоке как потенциальная угроза, как некая “пятая колонна”. В администрации края боялись, что заселение земель “азиатами” со временем станет основой для территориальных претензий к России со стороны её азиатских соседей. Короче говоря, к корейским иммигрантам относились примерно так же, как сейчас – к иммигрантам китайским. Именно поэтому я не мог не улыбнуться, когда не так давно в одной газете, издаваемой корейцами СНГ, прочёл репортаж с Сахалина, полный жалоб на “засилье китайцев”, которые “наводнили Дальний Восток” и “вознамерились там обосноваться” {с.506 – с.507}. Столетие назад точно в таком же тоне (и почти в тех же выражениях!) в газетах писали о предках авторов этой статьи...

В результате политика по отношению к переселенцам была весьма непоследовательной. Очень многое зависело от личных взглядов генерал-губернатора. Противником корейцев был Н.А.Корф, бывший генерал-губернатором Приморья в 1880-е годы. С другой стороны, генерал-губернаторы С.М.Духовский (занимал эту должность в 1893-1898) и Н.И.Гродеков (1898-1902) поощряли корейскую иммиграцию и бесплатно давали корейским крестьянам большие земельные наделы. Сменивший их в 1905 г. П.Ф.Унтербергер был противником корейцев и вернулся к дискриминационной политике Корфа (как-то так получалось, что корейцев не любили генерал-губернаторы из российских немцев). Пытались препятствовать переселению в Россию и корейские власти, которые были недовольны тем, что за кордон уходили потенциальные налогоплательщики. Время от времени российские и корейские чиновники даже пытались совместно бороться с корейской иммиграцией в Россию.

Однако корейская община на Дальнем Востоке быстро росла. Притяжение России с её земельным изобилием и относительно честной администрацией было слишком сильным, а закрыть границу наглухо при тогдашней технике было практически невозможно (никто, впрочем, и не пытался). К рубежному 1917 г. в России проживало уже более 90 тысяч корейцев, причём в Приморском крае они составляли почти треть всего населения. Главным центром расселения иммигрантов стал Посъетский район, находящийся близ Владивостока, на самой границе с Кореей. Корейские переселенцы составили там до 90% всего населения. К началу XX века на Дальнем Востоке действовали многочисленные корейские школы, выходили газеты, работали издательства. Вдобавок, Россия стала и центром политической эмиграции. После 1905 г., когда японские колонизаторы фактически взяли Корею под свой контроль, на территорию России стали уходить противники японцев. Укрывались на русской территории и разбитые {с.507 – с.508} японцами партизанские отряды. Уходили в Россию даже целые подразделения корейской регулярной армии, которые отказались подчиниться

отданному японцами приказу о разоружении корейских национальных вооружённых сил и до последнего сопротивлялись японским войскам.

В новых условиях Россия стала не только главным центром сопротивления колонизаторам, но и важным центром корейской культуры. После 1910 г. в самой Корее колониальные власти практически запретили книгоиздание и образование на корейском языке, а в других странах тогда корейских общин практически не существовало (переселение в Китай только начиналось, а в Японии и США корейцев тогда не было вообще). Российский Дальний Восток был одним из немногих мест, где корейцы могли относительно свободно издавать литературу на родном языке, вести просветительскую деятельность, и даже заниматься политикой. Впрочем, с политикой следовало проявлять осторожность, так как российские власти после 1907 г. взяли курс на установление дружественных отношений с Японией, и пресекали слишком энергичную антияпонскую деятельность на своей территории. Эти относительные свободы привлекли в Россию многих руководителей антияпонского сопротивления. Однако большинство среди иммигрантов по-прежнему составляли крестьяне нищих провинций северо-восточной Кореи, которых гнали в Россию не столько японские репрессии, сколько обыкновенная нужда.

Переселенцы говорили в основном на северо-восточном (хамгёнском) диалекте, который сильно отличается от литературного сеульского языка – примерно так же, как русский от украинского. Поэтому весьма распространённое среди корейцев СНГ убеждение, что их язык, дескать, был “испорчен” от долгой жизни в России, не имеет под собой никаких оснований. Корейцы СНГ не “испортили” язык, а, наоборот, сохранили говор своих предков, которые отродясь по-сеульски не изъяснялись. Исключением являются корейцы Сахалина, потомки выходцев из южных провинций Кореи, но они оказались на террито {с.508 – с.509}рии СССР много позже – только в 1945 г. В начале XX века возникло и самоназвание российских корейцев – “корё сарам” (явно под влиянием русского названия Кореи, которое в самой Корее не используется уже несколько столетий).

Большинство корейцев переселялось в Россию всерьёз и надолго. Чаще всего в Россию уезжали с семьями (или вызывали семьи при первой возможности). Переселенцы стремились получить русское подданство, что было непросто. Чтобы облегчить получение российского паспорта, иммигранты охотно крестились, принимая православную веру – отсюда столь обычные среди корейцев старшего поколения старинные церковные имена, вроде Мефодия, Ювеналия, Агриппины. Стремление к русскому подданству имело вполне материальные объяснения – тем, кто его принимал, было легче получить землю, в то время как иностранные подданные были вынуждены батрачить на кулаков или арендовать у них землю. Корейцы побогаче старались выучить русский язык, а по возможности – и отправить детей в русскую гимназию. К 1917 г. среди переселенцев встречались уже и выпускники российских университетов. Однако эти образованные по-русски корейцы составляли лишь небольшую часть корейской общины, которая в целом продолжала жить очень замкнуто. Большинство корейцев русским языком не владело, что и понятно: в Приморье рядовой крестьянин в начале XX века вполне мог обойтись одним корейским языком. Можно было покупать товары только в корейских магазинах, учить детей в корейских школах, общаться с корейскими старостами, читать корейские книги. Крайней редкостью в те годы были смешанные браки.

К 1917 г. корейская община была уже важным элементом всей жизни российского Приморья. Однако революция 1917 г. стала для российских корейцев (как и для всех жителей нашей страны) началом серьёзных перемен.

Гражданская война и депортация

В годы Гражданской войны корейцы в своём подавляющем большинстве активно поддерживали большеви {с.509 – с.510}ков – факт бесспорный, хотя и ставший в последнее десятилетие неудобным для официальных историков нового призыва. Однако было бы очень странным, если бы корейская община в тех условиях заняла иную позицию (или осталась нейтральной). Большевики обещали покончить с любой дискриминацией нацменьшинств –

корейцы были нацменьшинством, к которому власти относились довольно настороженно. Большевики хотели разделить землю поровну – среди корейцев преобладали малоземельные крестьяне. Большевики обещали устроить мировой пожар и покончить с империализмом – Корея была японской колонией. Наконец, на Дальнем Востоке главными союзниками и спонсорами белых были японцы, что делало красных “врагом врага” и, значит, другом даже для многих богатых корейцев, которые при других условиях, пожалуй, и не стали бы поддерживать большевиков.

Среди немногочисленной корейской интеллигенции были и убеждённые сторонники большевиков – например, Александра Ким (Станкевич), которая в 1918 г. стала секретарём Хабаровского горкома. Александра Ким была расстреляна белыми, но к концу Гражданской войны в партии большевиков уже состояли многие сотни корейцев. В Приморье действовали десятки корейских партизанских отрядов, общая численность которых к началу 1920 г. достигла 3700 человек. Кроме этого, несколько тысяч корейцев вступили в Красную Армию или воевали в обычных (т.е. некорейских) отрядах партизан. Если учесть, что среди корейцев было всего 30-40 тысяч взрослых мужчин, способных носить оружие, то получается, что примерно каждый пятый кореец ушёл воевать за большевиков (причём сделал это совершенно добровольно). За оружие против японцев и их русских союзников – белых взялись и многие партизанские командиры, жившие в России после подавления партизанского сопротивления в самой Корее. В этой связи можно вспомнить, например, легендарного Хон Бом До, который ещё в 1907-1910 гг. прославился своими дерзкими операциями против японцев, а в годы Гражданской войны стал крупным красным командиром. {с.510 – с.511}

Гражданская война на Дальнем Востоке закончилась в 1922 г., и поначалу новая власть постаралась сдержать свои обещания. Корейские крестьяне получили землю, в крае стали открываться новые корейские школы (к началу 1930-х гг. их было более 300), в Уссурийске начал работать корейский педтехникум, был основан корейский театр и корейская газета “Сонбон” (“Авангард”), которая и сейчас продолжает выходить в Алма-Ате под названием “Корё ильбо”. В середине тридцатых годов во Владивостоке был создан корейский педагогический институт, который тогда был вообще единственным корейским высшим учебным заведением в мире. В те времена в самой Корее был только один вуз, и преподавание в нём шло исключительно на японском языке. Партийные органы, следуя официальной линии на поддержку “нацменьшинств”, активно продвигали по службе “национальные кадры” из числа советских корейцев. Неславянское происхождение не только не препятствовало их карьерному продвижению, но, наоборот, помогало ему: власть стремилась продемонстрировать свой интернационализм, который поначалу был вполне искренним. В двадцатые годы появились корейцы-партизаны, корейцы-офицеры (или, как тогда выражались, “красные командиры”), корейцы-администраторы. Были созданы национальные корейские сельсоветы, а военнообязанные корейцы проходили службу в корейском полку (26-й стрелковый полк 76-й дивизии). Многие образованные корейцы-коммунисты были направлены на работу в Коминтерн и разведывательные службы.

Тем не менее, не следует идеализировать положение корейцев даже в те благополучные годы. Несмотря на всю интернационалистическую риторику, центральные власти продолжали относиться к ним с подозрением, причём особое беспокойство вызывала продолжавшаяся и в двадцатые годы иммиграция корейцев. Ещё в 1925 г. Наркоминдел (так тогда назывался МИД) распорядился “принять все доступные меры для прекращения притока корейцев и китайцев на советскую территорию”. Около 1930 г. была реализована давняя мечта приморской администрации – {с.511 – с.512} границу с Кореей и Китаем удалось полностью закрыть. С начала тридцатых годов нелегальное движение через границу и, следовательно, нелегальная иммиграция стали невозможны. Именно тогда, по сути, и закончилось начавшееся 70 годами ранее переселение корейцев в Россию. С этого времени корейская община извне уже не пополнялась, а её связи с Кореей оборвались (исключением являются корейцы Сахалина).

Вдобавок, Корея была японской колонией, и корейцев воспринимали как “почти японцев” и, следовательно, как потенциальных агентов главного противника Советской России на

Дальнем Востоке. Компактно проживающие в приграничных районах корейцы вызвали нервозность и в Москве, и у местных властей. В этих условиях и произошла катастрофа 1937 г. – насильственное переселение корейцев, которые таким образом стали первым из “репрессированных народов”.

Решение о выселении всех корейцев из приграничных районов и об их отправке в Среднюю Азию было принято ЦК ВКП(б) и Совнаркомом 21 августа 1937 г. (директива №1428-326бсс). Впервые в советской истории принадлежность к определённой этнической группе сама по себе стала достаточным основанием для наказания. Вдобавок, выселению предшествовал террор, свирепый даже по меркам 1937 г. В ходе репрессий были почти поголовно уничтожены выдвинувшиеся в послереволюционные годы партийные руководители, погибли в тюрьмах практически все корейцы-офицеры, была уничтожена вся корейская секция Коминтерна и большинство корейцев, имевших высшее образование. Само переселение прошло осенью 1937 г. Корейцам давали минимальный срок на сбор вещей, а потом грузили в подготовленные эшелоны, по 5-6 семей в товарный вагон. В этих вагонах для перевозки скота и двинулись 170 тысяч корейцев Дальнего Востока на новое место жительства, в Среднюю Азию. Эшелоны прибыли туда в начале зимы 1937-38 гг. Первую зиму пришлось провести в наспех построенных землянках, в которых умерло много детей и стариков (треть всех грудных младенцев не пережила той страшной зимы). {с.512 – с.513}

До самой смерти Сталина в 1953 г. корейцы подвергались вполне официальной дискриминации, хотя их положение было куда лучше, чем у других “репрессированных народов” (немцев, калмыков, крымских татар). В отличие от них, корейцы не должны были еженедельно лично являться в “спецкомендатуры” для регистрации, могли передвигаться по территории Средней Азии, а по получении специального разрешения – и за её пределами. Наконец, корейцы, в отличие от немцев или татар, и в сталинские времена могли учиться в высших учебных заведениях и занимать ответственные посты. Калмык или немец в 1941-1953 гг. не мог стать ни секретарём райкома, ни директором завода, ни офицером НКВД, а вот корейцы на этих должностях время от времени попадались. Тем не менее, дискриминация была реальной и весьма ощутимой. В армию корейцев не брали, выезжать за пределы Средней Азии по собственному желанию они не могли. Во время войны корейцев направляли на принудительные работы, в т.н. “Трудармию”, где потери от болезней немногим уступали фронтовым. Правда, запрет на службу в армии не распространялся на тех немногочисленных корейцев, которые в 1937 г. проживали за пределами Дальнего Востока и избежали депортации. Многие из них приняли участие в войне, а один – капитан А.П.Мин – стал Героем Советского Союза.

После переселения основная масса корейцев оказалась в Узбекистане и Казахстане. По данным переписи 1959 г., в Узбекистане проживало 44,1% всех советских корейцев, в Казахстане – 23,6%. Расселяли корейцев деревнями, так что в Средней Азии образовывались корейские колхозы, которые в основном специализировались на выращивании риса и овощей. Однако расселение проводилось с таким расчётом, что больших “чисто корейских” районов не возникало, корейские посёлки были разбросаны на огромной территории, довольно далеко друг от друга, среди посёлков узбекских, казахских, русских. Вдобавок, в 1937-1938 гг. были ликвидированы многие корейские культурные учреждения, прекратил своё существование корейский пединститут и корейское книжное издательство {с.513 – с.514} (хотя газета продолжала выходить, сменив название на “Ленин кичи” – “Ленинское знамя”).

В новых условиях владение русским языком стало жизненной необходимостью. Жить, пользуясь одним только корейским, не могли уже и простые крестьяне. После переселения началось быстрое обрусение корейцев. Большинство корейцев, родившихся до 1920 гг. и получивших среднее образование на Дальнем Востоке, испытывало трудности с русским языком, а вот среди корейцев, рождённых в Средней Азии, уже практически не было тех, для кого корейский язык был родным. Характерной чертой новых времён стало обилие смешанных браков, которые до переселения были крайней редкостью.

В 1945 г. количество советских корейцев резко выросло – за счёт присоединения к СССР Южного Сахалина. На его территории находились многочисленные шахты, где работали корейцы, направленные туда в порядке мобилизации японскими властями. К 1945 г. их число достигло 50 тысяч. Среди советских корейцев они образовали весьма своеобразную группу. В своём большинстве сахалинские корейцы были выходцами из южных провинций страны. После присоединения острова они оказались в странном положении: автоматически утратив японское подданство, они не приобрели подданства советского. Часть из них стала гражданами КНДР (в которой они, кстати, никогда не бывали), а большинство долгое время оставалось “лицами без гражданства”, которым требовалось специальное разрешение на выезд с острова. В советское гражданство корейцев Сахалина стали принимать лишь после 1970 г.

В таком положении и встретили корейцы СССР свою официальную реабилитацию.

От смерти Сталина и до наших дней

Реабилитация корейцев прошла в несколько этапов в 1953-1957 годах. Именно тогда были официально отменены ограничения на передвижение и службу в армии, разрешено было и поселение за пределами Средней Азии. Впрочем, попытки восстановить корейскую автономию, {с.514 – с.515} предпринятые некоторыми корейскими интеллигентами старшего поколения, были немедленно и жёстко пресечены. Кроме того, некоторые негласные запреты продолжали существовать вплоть до распада СССР. Например, кореец, отправившийся служить в армию, рано или поздно обнаруживал, что не может продвигаться выше подполковника, в то время как иные из его русских, татарских или осетинских друзей по училищу уже сверлят дырочки для генеральских звёздочек. Партийная карьера у корейца тоже обычно останавливалась на уровне секретаря райкома.

Это недоверие было вызвано тем, что корейцы, наряду с немцами, евреями, поляками относились к тем “нацменьшинствам”, у которых существовали свои государства за пределами СССР. Особисты и чиновники опасались, что такие меньшинства при некоторых обстоятельствах будут действовать во благо своей “исторической родины”, но против интересов Советского Союза. Насколько были обоснованы эти опасения в случае с евреями или немцами – говорить не будем, но корейский парадокс заключался в том, что вплоть до конца восьмидесятых годов большинство советских корейцев не ассоциировало себя ни с одним из корейских государств, и не питало никаких патриотических чувств ни к Сеулу, ни к Пхеньяну. О Южной Корее знали лишь, что она представляет из себя “кровавую диктатуру”, а доходившие из КНДР слухи о культе личности, терроре и нищете также не вызывали желания гордиться такой страной.

Впрочем, несмотря на некоторую дискриминацию, уже в семидесятые годы корейцы занимали должности республиканских министров и союзных зам. министров. Без особых проблем шла у корейцев и карьера в системе МВД. Не существовало серьёзной дискриминации и в науке, торговле, промышленности, за исключением, возможно, военно-промышленного комплекса.

Продолжался численный рост корейской общины. В 1959 г. в СССР проживало 313 тысяч корейцев, а к 1989 г. – 439 тысяч. Впрочем, к концу советского периода темпы роста замедлились – отчасти из-за перехода к малодет {с.515 – с.516}ности, а отчасти – из-за распространения смешанных браков, доля которых к концу советского периода достигла 40%.

К концу 1950-х годов русский стал родным языком всей корейской молодёжи Средней Азии. Школы с преподаванием на корейском языке были закрыты ещё в 1940-е годы, причём это решение, вопреки ставшему модным в последние годы мифу, было принято по требованию самих родителей. Причина понятна: корейцы во все большей степени вовлекались в “большую жизнь”, успех в которой напрямую зависел от качества образования. Дорога к преуспеванию в новых условиях лежала не через упорный труд на своём поле, а через вузовский диплом. Очевидно, что поступить в вуз выпускнику русской школы было куда проще. Оставить ребёнка в корейской национальной школе означало обречь его на тяжёлый

и всё менее престижный крестьянский труд, и мало кто из родителей желал своему отпрыску подобной судьбы.

Корейский язык преподавался во многих школах корейских посёлков в качестве иностранного, но в небольших объёмах и без особого эффекта – школьники учили язык из-под палки и, в итоге, так его и не осваивали. Продолжала выходить корейская газета, весьма скучная по содержанию, но распространяемая райкомами партии в обязательном порядке. Действовал и активно гастролировал по всей Средней Азии корейский театр, который в хрущёвские и брежневские времена, пожалуй, и был главным центром "советско-корейской" культуры.

После реабилитации корейцы стали активно уходить из сельского хозяйства. С середины пятидесятых корейская молодёжь в массовом порядке пошла учиться в вузы, в том числе и в университеты Москвы и Ленинграда (что, кстати, стало возможным именно в результате перехода на русский язык в школах). К семидесятым годам корейцы были обильно представлены среди учёных, инженеров, врачей и юристов как в Средней Азии, так и за её пределами. Появились корейцы – академики АН СССР. В 1989 г. доля лиц с высшим образованием среди корейцев была в два раза (!) выше чем в среднем по СССР. {с.516 – с.517}

Впрочем, уход из сельского хозяйства не было полным. Продолжали процветать корейские рисоводческие колхозы, появились и новые корейские посёлки за пределами Средней Азии – главным образом, в южной России. Вдобавок, где-то с пятидесятых годов стала распространяться система подряда (кор. кобонджи или кобонджиль, на диалекте советских корейцев – "кобонди"), в соответствии с которой корейские бригады стали заключать краткосрочные арендные соглашения с колхозами Средней Азии, южной России и Украины. Арендаторы выращивали овощи или бахчевые, причём особой популярностью пользовался лук. Осенью арендаторы должны были сдать колхозу или совхозу установленный объём продукции, а все остальное поступало в их полное распоряжение и могло быть реализовано на рынке. Корейцы были великолепными огородниками, так что урожайность на снятых ими в аренду полях потрясала даже тёртых председателей и директоров. Арендаторов часто обманывали, но в большинстве случаев они возвращались домой с огромной по тем временам прибылью.

Похожие процессы шли и на Сахалине, хотя там у них было немало специфических черт. До 1966 г. там действовали корейские школы, так что сахалинские корейцы сохранили язык, а главным их занятием, помимо сельского хозяйства, оставалось рыболовство и работа на шахтах.

Положение в корейской общине решительно изменилось с началом перестройки. Около 1988 г. начался короткий период "корейского национального возрождения", когда во всех республиках СССР как грибы стали возникать корейские национальные ассоциации и группы. С самого начала это движение характеризовалось старой и, кажется, совершенно неизлечимой болезнью всех корейских общественных движений – фракционностью, следствием которой были постоянные расколы, скандалы и ожесточённое соперничество лидеров. Осложнялась ситуация и соперничеством двух Корей (как ни странно, но нашлись среди советских корейцев и поклонники Пхеньяна – зачастую, правда, небескорыстные). {с.517 – с.518}

Поначалу, в 1988-1992 гг., национальное движение пользовалось огромной популярностью: десятки тысяч корейцев двинулись учить "родной язык", вновь пошли разговоры о воссоздании корейской автономии на Дальнем Востоке. Способствовало этой популярности и совпавшее с ней по времени "открытие" Южной Кореи. Впервые у корейцев появился стимул гордиться родиной предков и ассоциировать себя с ней. Очень быстро южнокорейская культура стала восприниматься как "правильная", "истинно-корейская", хотя она во многом отличается от культуры северных провинций, из которых происходили предки большинства корейцев СНГ. Корейцы СССР-СНГ стали осваивать "родной" сеульский диалект, на котором их предки отродясь не говорили, и разучивать "традиционные" обряды,

которые совсем иначе проводились в провинциях, откуда когда-то пришли в Россию их прадеды и прапрадеды. Усилия корейских пасторов (и почти демонстративная пассивность православной церкви) привели к тому, что протестантизм южнокорейского образца начал превращаться в национальную религию корейцев СНГ, предки которых были либо православными, либо сторонниками традиционных культов.

Однако весна перестройки длилась недолго, она стала прологом к куда более грозным событиям – распаду СССР. После печально известных посиделок в Беловежской Пуще, “советские корейцы” неожиданно стали “корейцами СНГ”, гражданами многочисленных государств, возникших на руинах Советского Союза. Наибольшее количество корейцев оказалось на территории Узбекистана (примерно 200 тысяч), Казахстана (100 тысяч), Киргизии (20 тысяч) и, конечно, России (130 тысяч).

Новые времена принесли новые проблемы. Часть из них была вполне наднациональной, ведь экономический кризис ударил по всем жителям экс-советских республик. Вдобавок, корейцы Средней Азии столкнулись с резким усилением дискриминации по национальному признаку. В этом отношении они оказались в одинаковом положении со всем “русскоязычным населением” региона. Новые режимы зарезервировали места в государственном аппарате и армии за представителями “титულიной” нации. Даже в относительно благополучном Казахстане в 1994 г. казахи, составляя около 45% населения, занимали 74% должностей в президентской администрации. Дискриминация и обнищание региона привели к массовому выезду корейцев из Средней Азии. Некоторым удалось выбраться на Запад, но большинство направилось в Россию. Несмотря на усилившийся в последние годы бытовой расизм, корейцы чувствуют себя в России комфортнее, чем в Средней Азии. В результате корейское население Москвы, которое в советские времена измерялось несколькими сотнями, к концу 1990-х годов составило 15 тысяч человек. Следует отметить, что в Корею корейцы СНГ практически не едут: быстро выяснилось, что в Сеуле их никто не ждёт. Вернуться в Южную Корею смогли только некоторые корейцы Сахалина, которые сохранили там старые родственные связи и хорошо владеют сеульским диалектом.

С другой стороны, перестройка и победа капитализма принесли корейцам немало возможностей. В Средней Азии они были и остаются самым образованным меньшинством, в распоряжении которого, вдобавок, есть немалый капитал, а порою – и полезные связи с богатыми сеульскими компаниями. Значительная часть корейцев преуспела в бизнесе и заняла заметное положение в деловой элите стран СНГ.

В то же время, тот энтузиазм, с которым корейцы встретили “эпоху национального возрождения”, оказался недолговечным. Корейская молодёжь быстро выяснила, что корейский язык очень сложен, и что владение им не даёт видимых житейских преимуществ. Начался отток от культурных центров, которые постепенно превратились то ли в деловые клубы корейской элиты, то ли в фольклорные кружки.

Что же ждёт корейцев СНГ? *Ассимиляция?* Навряд ли. В Средней Азии этому мешает русскоязычие и отношение к исламу, в России – расовый тип и, отчасти, фамилии, там и там – резко усилившееся в последние годы чувство национальной гордости. *Массовое возвращение на “родину предков” (так сказать, еврейско-немецкий вариант)?* Тоже {с.519 – с.520} едва ли: опыт последних лет показал, что “репатрианты” плохо приживаются в Сеуле, да и сама Южная Корея – не Израиль и не Германия, политики собирания всех корейцев на полуострове она не проводит и едва ли будет проводить в будущем. *Культурное возрождение и возвращение к национальным традициям и корейскому языку?* В это верится с трудом, слишком уж сложен корейский язык и слишком мало реальных преимуществ даёт владение им рядовому российскому или казахскому корейцу. *Возрождение в качестве новой особой этнической группы?* Фактически “корейцы СНГ” давно являются такой группой, но едва ли они сами согласятся открыто признать этот факт, слишком уж велико культурное давление Южной Кореи.

Скорее всего, и дальше будут жить в России и иных странах СНГ Кимы и Цои с русскими именами, пристрастием к огородничеству, точным наукам и торговле, русскоязычные (а попросту – русские) корейцы. {с.520 – с.521}

Россияне в колониальном Сеуле

Русские в Сеуле... Вот уже около 120 лет живут в корейской столице наши соотечественники всех национальностей. На протяжении большей части этого времени “наших в городе” было немного, несколько десятков или, самое большее, несколько сотен человек. Пожалуй, никогда за всю свою историю российская колония в Сеуле не была так многочисленна и так заметна, как сейчас.

История русского присутствия в Сеуле началась в 1880-х годах, когда в корейской столице появилась первая российская миссия. 1890-1910 гг. были временем расцвета русской колонии. Россия пользовалась тогда огромным политическим влиянием в Корее, её дипломаты играли немалую роль в дворцовых интригах, российские советники обучали части корейской армии, да и российское культурное влияние было в Сеуле весьма ощутимым. Это было очень интересное время, но сейчас речь пойдёт о куда менее известном периоде 1910-1945 гг., то есть о российской общине в колониальной Корее. Жизнь этой общины хорошо описана профессором Дональдом Кларком, на данные которого я и опираюсь.

В 1910 г. Корея потеряла независимость и стала японской колонией. Установление колониального режима не означало для немногочисленных сеульских россиян ничего хорошего. Японцы воспринимали русских как своих недавних противников, так что отношение властей к русским сеульцам было не слишком доброжелательным (хотя, в целом, и довольно корректным – времена были ещё вполне джентльменские, кровавый XX век толком не начался). Большинство тех русских бизнесменов, которые вели {с.521 – с.522} с Кореей дела до 1910 г., после установления колониального режима предпочли покинуть Корею, где у предпринимателей-неяпонцев больше не оставалось никаких серьёзных перспектив. Поэтому в 1910-1917 гг. русская община в Сеуле была очень невелика. Состояла она в основном из консульских чиновников, православных миссионеров, да десятка-другого предпринимателей.

Октябрьская революция многое изменила в положении сеульских русских. Многие знают о русской белой эмиграции в Маньчжурии, в Харбине. Меньше известно о том, что и в Сеуле в первые послереволюционные годы также оказалось немало россиян. Японские колониальные власти в целом относились к их присутствию терпимо, ведь “белые русские”, во-первых, воспринимались как полезные потенциальные союзники в борьбе с Красной Москвой, а, во-вторых, просто вызвали человеческое сочувствие. В течение нескольких недель после занятия Владивостока Красной Армией в Вонсан, наиболее близкий к Владивостоку корейский порт, прибыло 15 тысяч русских беженцев. Примерно половина из них тут же отправилась дальше, в Китай (главным образом, в Шанхай и Харбин), но около семи тысяч остались в Корее на несколько месяцев или лет. Японские и корейские благотворительные организации собрали пожертвования, которых хватило на то, чтобы как-то прокормить беженцев, и помочь им с билетами. К середине двадцатых годов русское население Кореи сократилось, но всё равно составляло две-три тысячи человек. В большинстве своём корейские русские бедствовали, многим приходилось заниматься контрабандой, мелкой торговлей, работать прислугой, а в тогдашнем квартале красных фонарей Нандаймон появились и российские красотки.

Однако постепенно дела как-то устроивались, и большинство эмигрантов покинуло Корею. Однако уехали не все, и в Сеуле образовалась новая русская община, которая в конце двадцатых годов насчитывала около 100-200 человек. Наиболее заметную роль в “русском Сеуле” в те времена играли молодой Сергей Чиркин и его жена Наташа, дочь ташкентского генерал-губернатора. Сам Сергей Чиркин, дипломат-арабист, в своё время недолго служил в россий {с.522 – с.523}ском консульстве в Сеуле. После революции молодая пара бежала в Индию, где с помощью британских друзей они нашли временное убежище. Оттуда они отправляли телеграммы своим многочисленным знакомым буквально во все концы света. Просили об одном – о работе, и работа в конце концов нашлась: знакомый по

Сеулу немецкий коммерсант вызвал Сергея в Корею и помог ему устроиться на хорошую должность в банк. Наташа продала свои драгоценности, на вырученные деньги съездила в Харбин, и научилась там парикмахерскому делу. Дочь генерал-губернатора оказалась неплохой парикмахершей, и вскоре салон госпожи Чиркиной стал одним из самых модных в Сеуле. Сергей впоследствии стал преподавать иностранные языки в Сеульском Императорском Университете, который был основан японцами и для японцев (корейцев туда принимали только в исключительных случаях). Заметную роль играли в русской общине и священники – архимандрит Феодосий (умер в 1932 году) и отец Сергей, а также последний царский консул Максимилиан Хеффтлер.

Некоторые из русских оказались неплохими коммерсантами. В середине двадцатых появилась в Сеуле и русская кондитерская, открытая семьёй Сызранских, и конфетный магазин “Флора”, который принадлежал Гончаровым. Делали там и мороженое, а также лучшее в городе крем-брюлле. Немало было в тогдашнем Сеуле и русских портных. Наконец, весь Сеул (тогда – сравнительно небольшой город, всего лишь 300-400 тысяч жителей) знал Ивана Тихонова, которому принадлежала небольшая мастерская по производству косметики. Он обычно сам и продавал свою продукцию. Высокий, с белой бородой, Тихонов бродил по улицам Сеула, распевая рекламные песенки на странной и приводившей слушателей в восторг смеси русского, корейского и английского языков.

В начале двадцатых годов изредка появлялись в Сеуле и русские артистические труппы. Известно, например, что именно заезжие русские балерины впервые познакомили корейцев с европейскими традициями хореографии. С большим успехом прошли тогда и выступления фольклорной танцевальной группы российских казаков, которые {с.523 – с.524} лихо отплясывали гопак и трепак. Упоминания об этих экзотических, по корейским меркам, танцорах часто можно встретить в мемуарах корейцев старшего поколения. Впечатление они произвели немалое, и помнят их до сих пор.

В феврале 1925 г. Япония установила дипломатические отношения с Советским Союзом, и в Сеул прибыл первый “красный консул” Борис Шарманов. Вслед за ним стали появляться и “красные русские” – сотрудники консульских учреждений и, временами, внешнеторговых организаций. Их было очень мало: по состоянию на 1945 г. в Сеуле находилось только 36 советских граждан. Однако вплоть до 1945 г. “гражданская война” среди сеульских русских не прекращалась ни на один день. Немногочисленная “белая” и совсем крохотная “красная” общины друг с другом принципиально не общались. Ситуацию усугубило то обстоятельство, что в 1925 г. здание бывшего русского консульства было передано СССР, а соседствующая с ним православная миссия оставалась главным центром “белых русских”. Таким образом, “враждебные штабы” оказались в самом непосредственном соседстве. На практике взрослые обитатели консульства и миссии обычно демонстративно игнорировали друг друга, а вот “красные” и “белые” дети часто и жестоко дрались между собой.

Существовал в тридцатые годы в Корее и небольшой русский курорт Новина. Располагался он на северо-восточном побережье страны, у порта Чхонджин, что ныне находится в Северной Корее. Санаторий принадлежал семье Янковских, основатель которой – Михаил – поселился на Дальнем Востоке ещё в семидесятых годах XIX века. Польский шляхтич Михаил Янковский был сослан в Сибирь, остался там на всю жизнь и со временем стал знаменитым охотником и биологом. Янковский открыл несколько новых видов растений и животных, разгромил не одну разбойничью банду, и стал самым удачливым тигроловом Дальнего Востока. Когда в 1912 г. Янковский-старший умер, его дети унаследовали его обширное дальневосточное имение, но вскоре началась Гражданская война, и в октябре 1922 г. его сын Георгий вывез в Корею всё своё имущество (сделать это было довольно просто, так как у Янковских был даже свой {с.524 – с.525} пароход), свою большую семью (трое сыновей, две дочери), и многих своих работников. Семейство Янковских обосновалось на северо-восточном побережье полуострова, вблизи порта Чхонджин. Тогда это были дикие места, обильные зверем и рыбой, так что поначалу Янковские продолжали заниматься охотничьим промыслом (не столько охотились сами, сколько организовывали, обучали и

снабжали местных охотников). Виктория, одна из дочерей Янковского, тоже в молодости была профессиональным охотником, что не мешало ей писать неплохие стихи.

В 1926 г. Янковские основали под Чхонджином курорт (как бы мы сейчас сказали, “дом отдыха”), который они назвали Новина. На протяжении почти двух десятилетий Новина, и открывшийся по соседству второй курорт Янковских – Лукоморье были главным местом отдыха для состоятельных “белых русских” из Кореи, Харбина, Пекина и Шанхая. Изредка появлялись там и другие “корейские иностранцы”, но в целом курорт был российским и по составу отдыхающих, и по языку, и по укладу жизни.

Война на Тихом Океане 1937-1945 гг. не очень повлияла на жизнь не только “белой”, но и “красной” русской колонии. Даже после того, как 8 августа 1945 г. Советский Союз официально объявил войну Японии, сотрудники консульства не были арестованы. Японские власти ограничились тем, что запретили им покидать территорию консульства. Эти ограничения действовали лишь неделю, так как 15 августа война в Корее завершилась. Вот тогда и начались настоящие перемены...

Советские войска вступили в Маньчжурию и Северную Корею. Курорт Новина был закрыт, но многочисленные дети, внуки и невестки Сергея Янковского на некоторое время остались там, работая в качестве переводчиков в частях Советской Армии. Впоследствии Валерий и Юрий оказались в сталинских лагерях, остальным же удалось бежать на Юг. Арсений предложил свои незаурядные знания России и Дальнего Востока американской разведке и впоследствии сделал там заметную карьеру. Непатриотично? Может быть, но сам Арсений, как и многие его современники (и враги, и единомышленники), наверняка руководство {с.525 – с.526}вался другой логикой – логикой глобальной гражданской войны и считал, что в рядах “защитников демократии” борется против ненавистных “красных”, которые для него были врагом No.1. Со временем большая часть семьи Янковских оказалась в США.

После 1945 г. русские семьи одна за другой стали покидать беспокойный, бурлящий Сеул. В Корее постепенно разгоралась гражданская война, в горах постреливали партизаны, а впереди всё явственнее ощущались ещё более серьёзные потрясения. Да и с обывательской точки зрения жить в городе становилось всё сложнее: цены росли, привычные связи разрушались, новые власти относились к русским с подозрением. Почти все “белые русские” покинули Сеул к 1950 г., а немногие оставшиеся выехали уже во время Корейской войны или сразу после неё. В большинстве своём бывшие русские сеульцы со временем оказались в США и Австралии, хотя бывали и исключения – например, Виктория Янковская довольно долго жила в Чили. “Красные” уехали ещё раньше, и не по своей воле: в 1946 г. американцы закрыли советское консульство, и выдворили его персонал, обвинив его (между нами говоря, совершенно справедливо) в поддержке нелегальной левой оппозиции.

После Корейской войны русская община в Сеуле практически прекратила своё существование, из “довоенных русских” остались в городе считанные единицы. Православная церковь и корейская православная община перешла под покровительство единоверцев-греков (что её, по сути, и спасло от полной гибели), советских дипломатических представительств в Корее не было, так что в Сеуле осталось только несколько русских семей. Обладателей советского паспорта в Южную Корею пускали только в исключительных случаях, и не надолго. Временами, правда, судьба заносила сюда какого-нибудь русского эмигранта, порою – человека весьма интересного и с экзотической биографией, однако этих людей было мало, и в Сеуле они обычно надолго не задерживались. Только в конце восьмидесятых годов ситуация стала опять меняться, и в Сеуле опять появилась русская община. Однако это уже – совсем другая история... {с.526 – с.527}

Единственное нацменьшинство

Наверное, многие считают, что Корея – это страна без национальных меньшинств. Отчасти это утверждение верно, но оно нуждается в одном уточнении: хотя национальных меньшинств в Корее и нет, на её территории постоянно проживает около 24 тысяч этнических китайцев. Строго говоря, корейские “хуацяо” (так принято именовать китайских эмигрантов),

национальным меньшинством не являются, так как они остаются гражданами Китайской Республики – иначе говоря, Тайваня, правительство которого формально считает себя единственным законным правительством всего Китая (КНР, с точки зрения Тайваня – лишь самопровозглашённое псевдогосударство мятежных коммунистов). Однако в отличие от большинства иностранцев, которые приезжают в Корею лишь временно, на несколько лет, корейские китайцы живут в стране из поколения в поколение, и пользуются в связи с этим некоторыми правами, которых лишены остальные иностранцы.

Китайские общины существуют сейчас практически повсеместно. Эмиграция из Китая в страны Юго-Восточной Азии началась несколько столетий назад, а вот в Корею первые китайские иммигранты появились сравнительно недавно, в самом конце XIX века. В те времена сотни тысяч корейцев выезжали за границу, в том числе и в Китай. Однако существовал и встречный поток, пусть и довольно скромный. Большинство приехавших в Корею китайцев составляли сезонные неквалифицированные рабочие. Они прибывали без семей и, заработав (или, если им не везло, не заработав) денег, вскоре отправлялись обратно домой. При {с.527 – с.528}езжали китайцы обычно морем, и оседали они в основном в Сеуле, а также в Инчхоне – морских воротах корейской столицы. Именно в Инчхоне в конце 1880-х годов возник первый в Корею китайский квартал (“чайна-таун”).

Впрочем, далеко не все китайцы были бедны. Некоторые из них разбогатели в Корею и со временем создали там свои компании – чаще всего, рестораны и магазины. Именно эти переселенцы познакомили корейцев с китайской кухней, которая в более ранние времена была в Корею, как ни странно, практически неизвестна. Именно в двадцатые годы в Корею появились первые китайские рестораны. Первоначально они представляли собой довольно неприятные заведения, в которых китайских грузчик или батрак мог поесть, возвращаясь с работы. Однако вскоре возникли и более дорогие заведения, среди клиентов которых появились и корейцы.

Поскольку главным – после Японии – внешнеторговым партнёром колониальной Кореи также был Китай, то этнические китайцы с 1910-х годов играли огромную роль в корейской внешней торговле. Не случайно, что самым крупным индивидуальным налогоплательщиком в колониальной Корею в 1922 г. был шаньдуский предприниматель Тань Цзя-шэн (по-корейски его имя читалось как “Там Коль-сань”). Своё состояние Тань Цзя-шэн сделал на внешней торговле, но он активно вкладывался и в иные проекты. В частности, ему принадлежал крупнейший на тот момент таксопарк Кореи. В 1948 г. примерно 52% всего корейского экспорта и импорта было осуществлено фирмами, которые принадлежали местным этническим китайцам.

Однако основная масса китайцев оказалась в Корею позже, в 1945-1950 гг. Тогда в Китае бушевала гражданская война, которая породила немалые потоки беженцев. Многие китайцы, в основном сторонники терпевших поражение за поражением “белых” (то есть Гоминьдана), бежали за границу, в том числе и в Корею. В своём большинстве эти беженцы были выходцами из провинции Шаньдун, которая находится на западном берегу Жёлтого моря, “напротив” Кореи. {с.528 – с.529}

Отношение корейских властей к беженцам было неоднозначным. С одной стороны, гоминьдановское правительство Китая было близким союзником правительства Южной Кореи, да и большинство прибывающих в Корею китайцев спасалось от коммунистов – смертельных врагов тогдашнего официального Сеула. Поэтому беженцев принимали, оказывали им минимальную помощь и давали разрешение на проживание в стране. С другой стороны, известно, что корейское правительство до недавнего времени с подозрением относилось к любым попыткам любых иностранцев закрепиться в стране и пустить там корни, тем более что Китай, даже просто в силу его размера, в Корею всегда воспринимали с почтительной опаской. Националистический режим президента Ли Сын-мана, который правил Кореей в пятидесятые годы, не мог не относиться к иммигрантам настороженно, а в правление Пак Чжён-хи ситуация осложнилась ещё больше.

Политику, которую корейские власти в 1945-1980 гг. проводили по отношению к иммигрантам из Китая, сейчас в Корее вполне официально называют “репрессивно-ограничительной”. Принятие корейского гражданства для “хуацяо” было всячески затруднено, и это сделало корейских китайцев “постоянными иностранцами”. Большинство из них было спасавшимися от коммунистов беженцами, или, по крайней мере, выдавало себя за таковых, чтобы лучше устроиться в Корее. Понятно, что они официально остались гражданами гоминьдановского правительства Китая, которое, потерпев окончательное поражение в гражданской войне с коммунистами, закрепилось на острове Тайвань. Будучи формально “иностранцами”, корейские китайцы не могли служить в государственных учреждениях и в армии. Закон 1961 г. ограничил права иностранцев на владение землёй, что вынудило многих китайских крестьян срочно продать свои участки или же в экстренном порядке переписать их на имя своих корейских жён или корейских друзей. В некоторых случаях жёны и друзья воспользовались ситуацией, присвоив собственность себе. Сталкивались китайцы и с немалыми проблемами при трудоустройстве в частные корейские фирмы, {с.529 – с.530} особенно крупные, так что основным занятием для них оставался независимый мелкий бизнес. Однако ограничительные законы устанавливали максимальную площадь, которую мог занимать магазин формально “иностранного предпринимателя”. Это было сделано намерено, чтобы воспрепятствовать росту принадлежавших китайцам заведений.

Поначалу едва ли не большинство китайцев содержало рестораны и прачечные (традиционные для китайских эмигрантов сферы деятельности), но потом всё большее их количество стало заниматься внешней торговлей, в основном – с Тайванем. Это и понятно: Тайвань, несмотря на свой маленький размер, быстро превращался в экономического гиганта мирового масштаба, да и Корея не стояла на месте. В то же самое время, несмотря на все ограничения, китайцам была предоставлена корейскими властями одна немаловажная привилегия – право находиться в стране на постоянной основе. В этом отношении они отличаются от всех иных иностранцев, которые легально находятся в Корее только постольку, поскольку они имеют официальную работу, и для которых потеря рабочего места означает немедленный выезд из страны. Впрочем, и китайцы должны были возобновлять свой вид на жительство раз в два года, оформляя соответствующие бумаги в корейском Иммиграционном управлении (весьма неприятном учреждении, надо отметить).

Золотым веком китайской общины было начало семидесятых годов, когда в Корее проживало около 50 тысяч китайцев-хуацяо. Большинство китайских детей Сеула учились в действующей там Сеульской китайской средней школе, и лишь немногие посещали обычные корейские школы. В стране действовали магазины китайской книги, весьма активно вёл себя китайский культурный центр. В Корее работали китайские кондитерские, продовольственные и промтоварные магазины, аптеки, где можно было купить традиционные медицинские препараты (иногда, увы, поддельные).

Во многом всё это сохранилось и до наших дней, однако с конца семидесятых численность китайского насе {с.530 – с.531}ления и активность китайской общины стала быстро снижаться. Примерно в то время отношение к китайскому меньшинству со стороны властей существенно улучшилось, но, как ни парадоксально, несмотря на явные улучшения и в своём формальном статусе и в реальном положении, китайцы стали во всё больших количествах покидать страну и “возвращаться” на Тайвань. Впрочем, слово “возвращаться” в данном случае не совсем точно: хотя практически все постоянно проживающие в Южной Корее китайцы и являются гражданами Тайваня, число выходцев с этого острова среди них измеряется буквально единицами.

Одной из причин начавшегося “возвращения” стало то, что китайская молодёжь, будучи выпускниками китайских школ, испытывает большие проблемы при поступлении в корейские вузы. Речь идёт не столько о дискриминации в точном смысле слова, сколько о специфике самой школьной программы, которая ориентирована на китайские традиции. Подобно корейцам и японцам, китайцы чрезвычайно высоко ценят образование. Вдобавок, в корейском обществе человек без диплома – это просто никто, у него почти нет шансов ни на карьеру, ни на достижение материального благополучия. Поэтому всё больше семей стало перебираться на Тайвань, где их дети имеют куда больше возможностей поступить в

хороший университет и, соответственно, найти приличную работу после его окончания. Многие уезжали на Запад, особенно – в США. Те же китайцы, что всё же решали связать свою судьбу с Кореей, стали всё чаще переходить в корейское гражданство (благо, условия его принятия были для них несколько облегчены).

В результате сейчас в Корее находится 21 тысяча китайских (тайваньских) граждан – в четыре раза меньше, чем четверть века назад. Тем не менее, китайская община остаётся достаточно заметной силой в жизни страны. Хотя китайцы составляют менее 5% всех находящихся в Корее иностранцев, они – едва ли не единственные, кто находится в этой стране постоянно. Другие члены иностранной общины – американские военные, русские торговцы-челноки, рабочие из стран Южной Азии, разнообразные пре {с.531 – с.532}подаватели английского и прочих языков, дипломаты и представители транснациональных концернов – по большому счёту, люди в Корее временные, никто из них не собирается провести здесь больше чем несколько лет. Китайцы – это исключение.

Вдобавок, в последние годы в Корее в больших количествах стали опять появляться китайские рабочие. Подобно своим предшественникам в двадцатые и тридцатые годы, они тоже приезжают без семей, стремясь заработать побольше денег и вернуться домой. Однако некоторые из них – опять же, подобно своим предшественникам – по разным причинам остаются в стране. Результатом стало появление “новой” китайской общины. Она пока куда менее заметна, чем старая, что и понятно: большинство её членов находятся в Корее нелегально или полулегально. Однако кто знает: может быть, мы сейчас являемся свидетелями вторичного возникновения китайского меньшинства в Корее? {с.532 – с.533}

Корейские иностранцы

Корея относится к тем немногим государствам нашей планеты, на территории которых практически нет никаких национальных меньшинств (единственное исключение, о котором уже шла речь – корейские китайцы). Те, довольно немногочисленные, иностранцы, которые находятся в Корее в течение долгого времени, не имеют ни корейского гражданства, ни, как правило, надежды его получить.

Отсутствие “аборигенных” национальных меньшинств не означает, однако, что Корея населена исключительно корейцами. На территории Кореи постоянно находится заметное количество граждан других государств – как сопредельных, так и тех, с которыми Корея поддерживает традиционные связи. В октябре 2000 г. в Корее находилось ровно полмиллиона иностранцев (точнее, 502.591). В это число включаются и нелегальные иммигранты, которых насчитывается 180 тысяч. Следует, однако, помнить, что американские военнослужащие, которых насчитывается примерно 36 тысяч человек, вольнонаёмные сотрудники американских военных учреждений (их около 4 тысяч человек), а также члены их семей (это ещё 12-13 тысяч человек) не учитываются в корейской иммиграционной статистике. Их статус определяется специальными межправительственными соглашениями, при въезде в страну они не проходят стандартной процедуры регистрации. Если включить в число иностранцев американских военнослужащих и членов их семей, то получится, что в Корее находится около 550 тысяч иностранцев. Это составляет примерно 1,2% от всего населения {с.533 – с.534} страны. Надо сказать, что в течение последних лет количество иностранцев стремительно растёт, за 1995-2000 гг. оно удвоилось. Это хорошо заметно даже “на глаз”: если лет 7-8 назад иностранец даже на окраинах Сеула вызывал немалое удивление, то сейчас некорейские лица стали обычным явлением даже в маленьких городках.

Корейское правительство старается осуществлять тщательный контроль над проживающими в стране иностранными гражданами. Это, в общем, не очень сложно: Корея – страна однонациональная, иностранцы хорошо заметны, тем более что они, как правило, не знают корейского языка. В соответствии с законодательством, иностранцы (за исключением некоторых особых случаев) не имеют права находиться на территории страны, если они не имеют постоянной работы, причём нанимать иностранцев на постоянную работу могут только немногие корейские организации. Исключением из этого правила являются иностранные

супруги корейских граждан (таковых сейчас около 22 тысяч), а также местные китайцы-хуацяо, которые имеют тайваньское гражданство.

Ничего подобного американской Green card – разрешению на постоянное проживание – для остальных иностранцев не существует, так что даже при простом переходе с одной работы на другую иностранец обязан выехать из страны и заново оформлять долгосрочную визу за пределами Кореи. Иностранец не может основать на территории Кореи собственную фирму. Регистрация совместного предприятия или даже просто представительства иностранной компании в принципе возможна, но требует таких сил, денег и времени, что практически доступна только для крупных корпораций. Все эти строгости отчасти объясняются тем, что страна по-прежнему находится в состоянии войны. Отчасти это действительно так, но, как представляется, немалую роль тут играют и другие факторы – в первую очередь, стремление властей не допустить образования в Корее этнических меньшинств и предотвратить появление проблем, неизбежно связанных с такими меньшинствами. Корея – страна однонациональная и хочет оставаться таковой и впредь. {с.534 – с.535}

По состоянию на 28 октября 2000 г. наибольшую иностранную колонию на южнокорейской территории составляли китайцы-граждане КНР, которых насчитывалось 153.930 человек (в это число включены и нелегалы). Примерно половина этих китайцев – этнические корейцы, которые сейчас в больших количествах приезжают на родину предков. Американцам, которых было 86.607 человек, статистика отводит второе место, но надо помнить, что в действительности их раза в полтора больше, ведь официальная отчетность не учитывает военных и вольнонаёмных служащих американской армии, а также и членов их семей (их около 50 тысяч человек). На третьем месте находятся японцы (40.498), а на четвертом – тайваньцы (24.951). Последние представляют из себя весьма своеобразную группу.

Огромный интерес корейцев к английскому языку привёл к тому, что в Корее создалась также и заметная колония преподавателей английского, которые работают в университетах, центрах повышения квалификации различных фирм, средних школах и, главным образом, на бесчисленных курсах английского языка. Есть в Корее и преподаватели иных языков – китайского, японского, вьетнамского, русского, но их, даже вместе взятых, гораздо меньше, чем выходцев из англоговорящих стран: не надо забывать, что для корейцев слова “иностранный язык” и “английский язык” сейчас практически стали синонимами. В своём большинстве преподаватели английского – это молодые парни и, реже, девушки, которые приехали в Корею на несколько лет – подзаработать денег и заодно набраться экзотических впечатлений. Основная масса этих ребят – довольно жизнерадостных, безалаберных, по-американски слегка наивных – трудится на всяческих частных курсах английского языка, причём часто работают там они нелегально. Есть, конечно, иностранные преподаватели и в корейских вузах. В корейских университетах действует мудрый принцип: разговорный язык должен преподаваться так называемым “носителем”, то есть человеком, для которого этот язык является родным с детства. Обычно занятия по грамматике, письменному переводу, культуре и литературе ведут корейские профессора, а иностранцы занимаются со студентами {с.535 – с.536} разговорным языком. На крупных кафедрах может быть несколько иностранных преподавателей (я знаю университет, где на кафедре английского работает шесть американцев), хотя куда более типичной является ситуация, когда на кафедре есть только один преподаватель-иностранец. В некоторых случаях иностранцы могут преподавать не свой родной язык, а иные предметы – например, в последние годы в Корее появились многочисленные российские преподаватели музыки, балета и живописи. Однако таких преподавателей-специалистов среди иностранцев мало, подавляющее их большинство учит студентов своему родному языку.

Работают в Корее и иностранные технические специалисты, число которых измеряется многими сотнями (вот среди них россиян немало). Они трудятся в корейских концернах, играют немалую роль в разработке новейших технологий – в первую очередь, в области электроники.

Специфическая группа иностранцев – это американские военнослужащие. В настоящее время в состав “американских сил в Корее” входят 35.700 военнослужащих (данные на начало 1999 года). Кроме них, на американских базах работает около 4000 человек вольнонаёмного персонала. Если учесть и членов семей, то общая численность американского военного персонала в Корее составит примерно 50-55 тысяч человек. Это – весьма текучая группа. Большинство американских военнослужащих не задерживается в Корее надолго, и, пробыв там лишь несколько месяцев или, самое большее, год-другой, отправляется к новому месту службы.

Разумеется, присутствие в стране иностранного военного контингента порождает проблемы. Чтобы избежать ненужных осложнений с местным населением, американское командование делает всё, чтобы его подопечные без особой нужды не покидали пределов баз. Действительно, американские военные на удивление малозаметны в Корее. Почти всё время они проводят на базах, некоторые из которых занимают территорию в десятки квадратных километров (всего же под американские базы отведено более 120 квадратных километров). Всё, что им нужно для жизни, солдаты могут найти на территории этих огромных комплексов, которые внутри представляют из себя “маленькую Америку”. Кроме собственно военных объектов, на территории базы есть жилые кварталы, школы, магазины, рестораны, организованные по привычному американскому образцу, с американскими ценами и амери {с.536 – с.537}канским ассортиментом. Действует там даже филиал Мэрилендского университета, в котором американцы могут продолжить или получить высшее образование. Если же солдаты выходят за пределы баз, то обычно для того, чтобы попить в многочисленных кабаках, развлечься с доступными девицами, да отовариться сувенирами. Для этого, опять-таки, удаляться от базы на слишком большое расстояние совсем не надо – и кабаки, и бордели, и сувенирные лавки находятся в нескольких сотнях метров от ворот базы. Американская военная полиция в подобных местах присутствует постоянно, и быстро пресекает любое неподобающее поведение. Однако за всеми не уследишь, тем более что американская армия – наёмная, так что в ней очень много выходцев из семей, которые у нас назвали бы “неблагополучными”.

В целом отношение печати и, шире, общественного мнения, к американскому присутствию в стране – достаточно двойственное. С одной стороны, призывы “Янки, гоу хоум” часто раздаются на студенческих демонстрациях, и большинство молодых корейцев не скрывает своего недовольства американским присутствием. С другой стороны, практически вся корейская верхушка – за сохранение американского военного присутствия в стране. Оно успокаивает, особенно если учесть усилия Северной Кореи по созданию современных ракет, ядерного и химического оружия. Тем не менее, с течением времени отношение корейского общественного мнения к американскому присутствию становится всё более критическим, и не исключено, что со временем вопрос о выводе американских войск танет всерьёз.

Однако сейчас типичный “корейский иностранец” – это не дипломат, не профессор, и даже не бравый вояка с американской базы. Типичный иностранец – это непалец, филиппинец или, всё чаще, кореец из Северо-Восточного Китая, по 12 часов в сутки вкалывающий на каком-нибудь заводике. Самая многочисленная группа корейских иностранцев в наши дни – это иностранные рабочие, которые стали приезжать в Корею после 1990 г. Вызвано это было двумя обстоятельствами. Во-первых, {с.537 – с.538} в 1985-2000 гг. заработки в Корее росли рекордными темпами, и к 1990 г. средняя зарплата приблизилась к 1000 долларов (сейчас она составляет 1700\$). По меркам Филиппин или Пакистана – это целое состояние, ведь большинству тамошних жителей такие деньги невозможно заработать и за год. Во-вторых, сами корейцы, избалованные быстрым ростом доходов и почти полным отсутствием безработицы, стали избегать той работы, которую они называют “3D” (по первой букве трёх английских слов “Difficult, Dirty, Dangerous” – “трудная, опасная, грязная”).

Поэтому для корейских предпринимателей настоящим даром небесным стали рабочие-иностранцы, которые приезжают из бедных стран Восточной и Юго-Восточной Азии: Филиппин, Непала, Пакистана, Шри-Ланки, Монголии, Китая. В последние годы к ним добавилось и несколько десятков тысяч выходцев из стран СНГ. Эти люди готовы класть кирпичи и ворочать тяжеленные болванки по 12 часов в день, они не организывают

забастовок и не создают профсоюзов, и, наконец, им можно платить раза в полтора меньше, чем корейцам (зарплата иностранных рабочих составляет в среднем 74% от зарплаты выполняющих примерно такую же работу корейцев). Не исключено, что всё это можно назвать эксплуатацией – так и называют эту систему корейские левые, которые, надо признать, в последние годы много сделали для улучшения положения иностранных рабочих. Однако будем честными: в своём подавляющем большинстве “эксплуатируемые” вполне довольны своим положением, и изо всех сил стараются оставаться “жертвами эксплуатации” как можно дольше. Самая страшная угроза для большинства иностранных рабочих – это угроза депортации. Люди эти готовы работать за деньги, которые кажутся скромными корейцам, но для них самих представляют целое состояние.

Впрочем, тот же самый материальный фактор определяет присутствие в Корее и большинства иных иностранцев – преподавателей и специалистов в том числе. Деньги, которые может заработать в Корее молодой выпускник американского вуза, несравнимы с теми, на которые он мог бы рассчитывать у себя дома, трудясь каким-нибудь мелким клерком или даже школьным учителем. Зарплаты иностранных специалистов (особенно если учесть отсутствие налогов и, как правило, бесплатное жильё) тоже куда выше тех, на которые они бы могли рассчитывать в исследовательских центрах у себя дома. Это, конечно, не значит, что среди иностранцев нет людей, которые живут в Корее потому, что им просто нравится эта страна – однако таких людей не очень много.

Однако вернёмся к иностранным рабочим. Сколько сейчас в Корее “гастарбайтеров”? Примерная оценка – 300-350 тысяч, но точного ответа на этот вопрос не знает никто. Часть “гастарбайтеров” находится на территории страны вполне легально, ведь корейское правительство выдаёт некоторое количество виз для иностранных рабочих. Любопытно, что официально считается, что они въезжают в страну в качестве “практикантов”, чтобы, дескать, поднабраться тут производственного опыта (не нам осуждать корейские власти за эту маленькую хитрость: примерно так же в своё время был официально оформлен импорт в СССР дешёвой рабочей силы из Вьетнама). Однако большинство иностранных рабочих въехало в Корею нелегально, по краткосрочным туристским визам. Конечно, при желании корейские власти могли бы легко выявить и депортировать всех нелегалов, но в целом они понимают, что их присутствие необходимо корейской экономике, и смотрят на него сквозь пальцы.

Такова иностранная община в Корее – весьма разнообразная и достаточно разобщённая. Однако есть у неё и общие черты. Одна из них – это то, что подавляющее большинство всех этих людей не без основания ощущает себя в Корее лишь временными пришельцами, держится весьма обособленно, общается в своём кругу, почти не поддерживает контактов с окружающим их корейским обществом и не владеет корейским языком даже на самом элементарном уровне. Как правило, они проводят в Корее лишь пару-другую лет и затем покидают эту страну навсегда. {с.539 – с.540}

Содержание:

Очень короткое предисловие

Корея официальная

Сеул – город немаленький

“Всё устроить из ничего”: корейское экономическое чудо 1961-1987 гг.

Hyundai: величие и крах “Современности”

История с демографией

“Отважный тигр” и “могучий слон” (корейские ордена)

Есть ли у Вас сеульская прописка?

Непобедимая и легендарная...

Самолётом – лучше

Корейцы и железная дорога

Как устроен корейский университет?

Всё выше, и выше, и выше... (Небоскрёбы Сеула)

От трамвая до метро

Говорит Сеул

Корейские монеты

Корейские марки

Корейские банкноты

У меня зазвонил телефон...

Мобильные рекорды

Говорит и показывает Сеул

Символы государственности

Истории сеульских мостов

Новый старый Ханган

Ночные улицы (никто не подошёл из-за угла)

Стой, кто идёт? (Коммendanтский час в Корее) {с.540 – с.541}

Корейцы дома и на работе

В поисках своей половины...

Свадьбы

Мальчик или девочка?

140 тысяч приёмных детей

Корейцы и образование

О приличиях

И ещё о приличиях

СПИД в Корее

Киоски

Сколько живут корейцы

Корейская рассеянность

Электрификация всей страны

Какая работа – “хорошая”?

Офис по-корейски

Автомобили, автомобили...

Кухня корейского дома

Где же “следы времён минувших”?

От сессии до сессии (корейское студенчество)

Конкурсы красоты: кризис жанра?

«А не съездить ли нам на Гуам?»

Как стать миллионером?

Храмы торговли

Конец эпохи домохозяек?

Медицина по-корейски

Спорт в Корее

Культура иерархии

Монахи

Сочиненье снова

Странники по потустороннему миру

Корейцы и книги

Мыло душистое и полотенце пушистое...

Рынки старые и новые

Страна однофамильцев

Дела давно минувших дней

А вокруг – одни дворяне...

Кисэн – куртизанки старой Кореи

Корейский буддизм: страницы истории {с.541 – с.542}

Корейское христианство: страницы истории

Ислам в Корее

Король и его женщины

Китайские иероглифы и корейская письменность

Школы старой Кореи

Рождение корейского кино

Почему Корея называется “Кореей”?

Тяжёлая королевская доля

Семья в старой Корее

Корея мужицкая

Бюрократы былых времён

Старые стены

Внешняя политика старой Кореи

Преступление и наказание при династии Ли

Корейская монархия: “мандат Неба с местной спецификой”

Ким Ын-сэн или Унг Саинг Ким? О русской транскрипции корейских имён и названий (или, скорее, об её отсутствии).

Корея за обедом

Вилка, палочки (и нож!)

Что едят корейцы?

Корейские кафе

Дары моря

Корейский рис

Сеул ресторанный

Шведский стол по-сеульски

Корейцы и табак

А где чай?

Кофейный глобализм

Вездесущие автоматы

Фрукты-овощи”

Сладкоежки былых времён

О том, чего в Корее нет

Корея и заграница

Россия – взгляд из Южной Кореи

Российская эстрада в Корее {с.542 – с.543}

Корейцы и Япония

Антиамериканизм по-сеульски

Корейское зарубежье: страницы истории

Корейское зарубежье: Китай

Корейское зарубежье: США

Корейское зарубежье: Япония

Корейцы СНГ: Страницы истории

Россияне в колониальном Сеуле

Единственное нацменьшинство

Корейские иностранцы

ⁱ Ан Чхон. Манчжу-нын ури ттанъ (Манчжурия – наша земля). Сеул, «Инган саранъ», 1990.

ⁱⁱ Gil Soo Han. The Rise of Western Medicine and Revival of Traditional Medicine in Korea. – “Korean Studies”, Vol.21. Honolulu, “University of Hawaii Press”, 1997. P.99.

ⁱⁱⁱ Выживание “Сеульского Вестника» можно действительно считать чудом, опровергающим суровые законы экономики. В отличие от прочих «русскоязычных» газет, он печатает оригинальные материалы (а не перепечатки из «Мегаолис-Экспресса» или «АиФ»), пишет только о Корее, а не, скажем, сексуальной жизни Филиппа Киркорова или новостях российского налогового законодательства, и не получает никаких субсидий. И живет!